

Стивен
ПРЕССФИЛД

ИСТОРИЧЕСКИЙ РОМАН

СОЛДАТЫ
АЛЕКСАНДРА
ДОРОГА СРАЖЕНИЙ

STEVEN PRESSFIELD

THE AFGHAN
CAMPAIGN

Doubleday

2006

СТИВЕН ПРЕССФИЛД

СОЛДАТЫ
АЛЕКСАНДРА
ДОРОГА СРАЖЕНИЙ

Москва

ЭКСМО

Санкт-Петербург

2009

УДК 82(1-87)
ББК 84(7США)
П 73

Copyright © 2006 by Steven Pressfield
This translation published by arrangement
with the Doubleday Broadway Publishing group, a division of Random
House, Inc.

Составитель серии *Александр Жикаренцев*

Оформление серии *Сергея Шикина*

Карты выполнены *Юлией Каташинской и Ириной Жмайловой*

Перевод с английского *Виталия Волковского*

Прессфилд С.

П 73 Солдаты Александра. Дорога сражений : роман / Стивен Прессфилд ; пер. с англ. В. Волковского. — М. : Эксмо ; СПб. : Домино, 2009. — 416 с. — (Исторический роман).

ISBN 978-5-699-37610-0

Солдаты Александра Великого не знали поражений. Великая империя персов пала, покоряясь их могуществу и полководческому гению Александра. Но потом на пути в Индию они встретили племена, не признающие своего поражения и вступающие в схватку снова и снова. Народ, чья ненависть к захватчикам была сравнима только с их спокойствием и способностью терпеть лишения. В «Солдатах Александра» не повествуется о столкновениях полководцев, это рассказ о противостоянии солдат и народа, не желающего покоряться.

УДК 82(1-87)
ББК 84(7США)

ISBN 978-5-699-37610-0

© В. Волковский. Перевод с английского, 2009
© ООО «Издательство «Эксмо».

Издание на русском языке, оформление. 2009

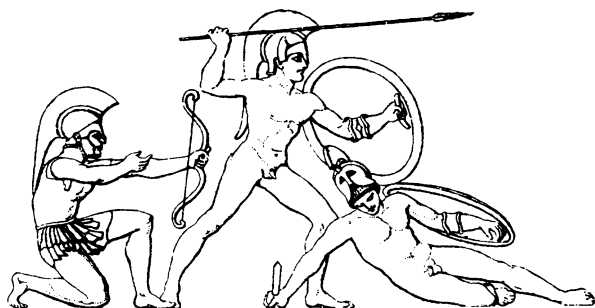
Посвящается Руте

ЗАВОЕВАНИЯ АЛЕКСАНДРА (334-323 ДО Р. Х.)

ИСТОРИЧЕСКОЕ ПРИМЕЧАНИЕ

Афганская кампания Александра началась летом 330 года до Р. Х., когда македонская армия вторглась в Артакоану (ныне Герат), и продолжалась до весны 327 года, когда он оставил Бактру (город, находившийся в окрестностях современного Мазари-Шарифа) и перевалил через Гиндукуш, направляясь в Индию.

Эта война оказалась самой долгой и самой трудной в боевой биографии Александра, ибо ему противостояли не некие централизованные военные силы, но ополчения свободных племен, населявших весьма обширные территории, ныне входящие в состав сразу четырех стран современной Азии (Афганистана, Туркменистана, Узбекистана и Таджикистана). В этом противоборстве обе стороны действовали беспрецедентно жестоко, попирая все тогдашние представления о цивилизованном ведении войн. Несмотря на ряд одержанных побед, Александр не мог усмирить строптивый край до тех пор, пока на третьем году войны не вступил в союз с одним из могущественнейших военных вождей Оксиртом, взяв в жены его дочь Роксану.

Ярким свидетельством тому, сколь упорным было сопротивление афганцев захватчикам, может служить тот факт, что, отправившись в 327 году в Индию, Александр счел необходимым оставить в Афганистане для поддержания порядка и профилактики мятежей десять тысяч пеших солдат и три с половиной тысячи конных, то есть пятую часть всех имевшихся в его распоряжении войск.

«Верите ли вы, что столь многие народы, привыкшие к иному имени и правлению, не имеющие с нами ни общей религии, ни схожих обычаев, ни близкого языка, подчинятся нам после единственной проигранной битвы? Если что-то и удерживает этих людей в покорности, то отнюдь не их расположение к нам, а единственно сила вашего оружия, и те, что боятся нас, когда мы с ними, в наше отсутствие превратятся в наших врагов. Мы имеем дело с дикими зверьми, поддающимися укрощению лишь со временем, в течение которого их следует, изловив, держать в клетках, поскольку приручение чуждо самой их природе... Поэтому очевидно, что мы должны или отказаться от всего, что уже завоевали, или же подчинить себе все то, чем пока еще не владеем».

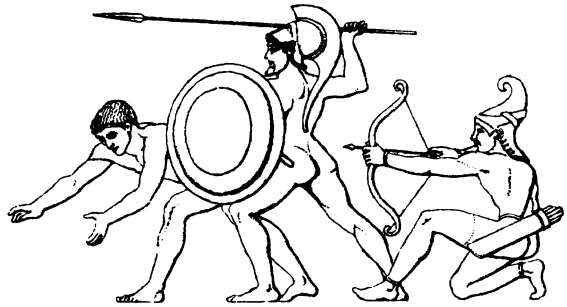
Из обращения Александра к армии
перед вступлением в Афганистан.

Квинт Руф Курций.
История Александра

Пролог
АЗИАТСКАЯ
СВАДЬБА

Война закончилась. Или, верней, закончится после захода солнца, когда афганская царевна Роксана станет женой Александра.

По всей Долине Скорби, столь мрачно поименованной из-за великого множества захоронений, раскинулись многолюдные македонские лагеря, на всем своем протяжении соседствующие бок о бок с вражескими становищами. Их где-то около полутысячи, этих афганских тафيران, или кругов. Разные по размеру, они вмещают от полусотни до пяти сотен воинов. Вожди всех племен и всех туземных кланов от Артаканы и до Яксарта сочли необходимым притащиться на празднество наряду с тьмой-тьмущей шлюх, торгашей, портняжек, швей, акробатов, музыкантов, гадателей и прочего им подобного сброда. И уж само собой, походные войска маков (так тут принято называть нас, македонцев) представлены в полном составе, включая наемные подразделения: конные, пешие — какие угодно. Все, от высших армейских чинов и до низших, принарядились соответственно рангу, все настроились хорошенько гульнуть. Все, кроме меня и моих трех друзей — Флага, Кулака и Рыжего Малыша. У нас с ними есть еще дельце.

Надо отдать Александру должное, в политике он столь же ловок, как в битвах. Беря в жены эту афганку, наш царь одним махом превращает самого грозного местного вождя Оксиарта из врага в своего тестя, а стало быть, в родственника и союзника. Ничто другое не привело бы нас к победе в этой войне — или, по крайней мере, к хоть как-то с ней схожему выходу из сложившегося положения, который устраивает сейчас всех.

Во всяком случае, мы получим мир, а я сильно сомневаюсь, что завершения какой-либо военной кампании где-либо и когда-либо ждали с большим нетерпением, чем этой. Поход, изначально затеянный на три месяца, затянулся чуть ли не на три года небывало ожесточенной резни. Те из нас, что покинули дом свой юнцами, успели превратиться в мужчин, а после и в нечто среднее между зверями и демонами, ибо нахлебались тут всякого. Туземцам тоже досталось. Когда болтают о двухстах тысячах погибших с их стороны, для меня это не досужая трепотня. Цифра дикая, но я склонен ей верить. Мне порой даже кажется, что во всей этой стране уже не найдется селения, которое мы не сровняли бы с землей, или крепости, от которой мы не оставили бы камня на камне.

Так что эта свадьба — большой шаг вперед. Суть сделки между Александром и Оксиартом такова: вождь отдает Александру свою дочь и признает его власть над собой, Александр же провозглашает новоиспеченного тестя своим первым родичем и «другом», что обеспечит тому главенство среди царьков Бактрии и вообще сделает его самой большой шишкой к востоку от Евфрата. После чего македонцы собирают манатки и перестают тут маячить. Кто придет в большой восторг — местные жители, видя, как мы отсюда уходим, или мы сами, унося свои задницы с их негостеприимной земли, — сразу и не сказать.

Я тоже женюсь сегодняшним вечером, как и еще четырнадцать сотен маков, которых один общий обряд должен связать брачными узами с такой же прорвой афганских девиц.

Мою невесту зовут Шинар. Это долгая история, но по ходу дела я, может, успею ее вам поведать.

Я уже полностью вооружен и маюсь от нетерпения, когда возле палатки спешивается мой товарищ Флаг. Ему около сорока, и он круче всех, с кем мне доводилось встречаться. Именно он обучил меня всякой воинской всячине, следом за ним я готов пойти в ад.

Флаг появляется при полном параде, что вроде бы соответствует значимости события, но я указываю на его плащ:

— В этом, пожалуй, недолго зажариться.

В ответ он отгибает полу.

Слева под мышкой у него подвешен ксифос, короткий меч, бедро отягощает длинный афганский кинжал, и еще пара метательных ножей прячется за голенищами. И это не считая церемониального оружия, оставленного на виду: меча на перьях и копьё в пять с половиной локтей длиной. Сей арсенал не для боя, а для показухи — чтобы базам (так мы зовем меж собой всех афганцев) было на что поглазеть.

Кулак с Рыжим Малышом дожидаются рядом, придерживая коней. Еще миг-другой, и мы с ними поскачем к лагерю пактианов, где у меня назначена встреча с братом моей невесты. С тем самым малым, который вроде бы дал согласие за хороший куш напрочь забыть о своей «поруганной чести». Его отказ от намерения убить нас с Шинар стоит недешево. Я должен отдать ему четыре годовых жалованья и лучшую из лошадей.

Таков Афганистан. Только здесь приходится давать взятку брату, чтобы тот не уколошил собственную сестрицу, все преступление которой лишь в том, что она сошлась с кем-то, в данном раскладе — со мной.

Конечно, я подозреваю подвох. Вот для чего нужно оружие. В каком-то смысле я даже надеюсь столкнуться с коварством. Ибо, если этого не случится, лишение жизни кого-либо из семьи, с которой я хочу породниться по браку, будет противоречить македонским нормам филуксении (кодекса, на ка-

ком у нас строятся отношения с чужаками). Наверное, я идиот, раз даже тут, в этой стране, пытаюсь придерживаться каких-то правил, но что есть, то есть.

Со стен цитадели доносится голос глашатая. Два часа пополудни. У персов сутки начинаются на закате. Тогда-то все и завертится. Мелкие ритуальные действия, впрочем, уже вершатся, но ближе к вечеру намечен общий парад. Все македонские подразделения и все афганские кланы гордо продефилируют перед Александром, Роксаной и расфуфыренными сановниками. Большой обряд, царский, состоится в верхнем дворце крепости Бал Тегриб (Каменная гора). Массовая церемония, та, которая свяжет незримыми узами и нас с Шинар, будет происходить под открытым небом, на новом стадионе у подошвы холма. По окончании ее предполагается повальное ликование.

— Ладно, — говорит Флаг, — давайте-ка сызнова все повторим, чтобы потом не пенять друг на друга.

Флаг у нас старший и по годам, и по опыту, и по званию. Правда, армейский чин его невелик, но все-таки он командир отряда, имеющего свой вымпел, — отсюда и кличка. Имя у него, как и у всякого, разумеется, есть, но я ни разу еще не слышал, чтобы кто-то называл Флага как-нибудь по-другому.

Он напоминает, где каждому из нас следует находиться, чтобы ни родной брат Шинар, ни оба ее двоюродных братца не ускользнули. Очень важно ударить наверняка, ни один из них выжить не должен. Эти трое — последние близкие родители Шинар мужского пола, то есть в ее семье только на них, согласно нангвали, афганскому кодексу чести, лежит прямая обязанность «восстановить справедливость» путем кровной мести. Конечно, не то чтобы их гибель мигом бы устранила любые претензии к нам, но все прочие вероятные затруднения можно уладить с помощью денег. А этих троих необходимо убрать.

Я благодарен моим товарищам, идущим ради меня на серьезный риск, но они знают, что и я ради них сделал бы то

же, а потому тут не о чем говорить. Ни к чему попусту сотрясать воздух. Если все пройдет гладко и мы останемся живы, я подарю каждому женщину или коня.

— Одно я скажу, — произносит задумчиво Рыжий Малыш, — это тот еще способ разогреться перед брачной ночью.

Наконец все оговорено, и тут появляется моя невеста. Вскоре ей под присмотром подружек предстоит совершить омовение и пактианский обряд очищения карухал, ни в коей мере не предназначенный для мужских глаз.

— Когда отправляешься, Матфей? — спрашивает она, встретившись со мной взглядом.

— Прямо сейчас.

Конюх подводит коня. Мои товарищи уже в седлах.

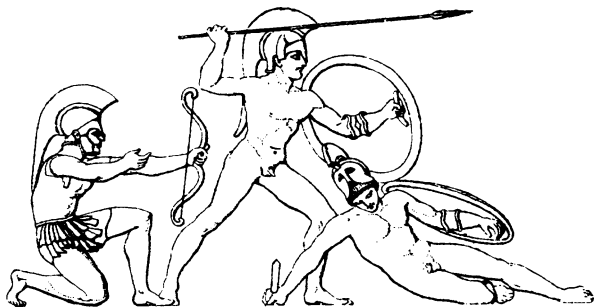
Есть у афганцев прощальный жест — тел бадир, что означает «с богом». Шинар подает мне этот знак. Я отвечаю ей тем же. Флаг каблуками бьет в бока своей лошади.

— Теперь или никогда.

Мы отъезжаем. Чтобы, если получится, совершить свое последнее убийство на этой земле, а потом поскорей с ней расстаться.

Книга первая
ОБЫКНОВЕННЫЙ
СОЛДАТ

Я, будучи третьим и последним отпрыском в своей семье, отправился в Афганистан по примеру моих старших братьев. Правда, те, покинув дом, стали кавалеристами. Я попал в пехоту.

Впрочем, довольно скоро выяснилось, что где-где, а в Афганистане различие между конницей и пехотой далеко не столь велико в сравнении с тем, каким оно было во времена прежних кампаний, что велись Александром в Малой Азии, Месопотамии, а также Персии. Здесь, на Востоке, каждый из пехотинцев должен всегда быть готов вспрыгнуть на спину любого животного, способного выдержать его вес, — коня, мула, осла, низкорослой ябу (афганской лошадки) — и скакать сломя голову к месту сражения, а уже там, спешившись, биться с врагом. Или не спешившись, это по обстоятельствам. Точно так же и конные воины, даже из пресловутых царских «друзей», может быть, и покряхтывают, но не ропщут, когда им приходится вместе с простой пехтурой месить сапогами дорожную грязь.

Мой отец тоже сражался в Афганистане, где и погиб, точнее сказать, умер от заражения крови в военном госпитале города Сусия (провин-

ция Арейя, самый запад страны). В отличие от меня и моих братьев он не был конником или пехотинцем, а служил сапером в осадной команде, то есть принадлежал к тем парням, которых в армии кличут корзинщиками, ибо при рытье траншей и возведении укреплений землю переносят в плетеных корзинах. Звали его, как и меня, Матфеем.

Отец дрался на реке Граника, под стенами Тира, в Газе и при Иссе. Всюду он вел себя героически. Мои братья тоже. Однажды, когда мне только-только исполнилось шестнадцать лет, домой пришло армейское обязательство на четверть таланта золотом. Его прислал нам отец. На эти деньги мы купили вторую усадьбу с двумя амбарами и круглый год бьющим ключом — хватило даже на то, чтобы обнести наши владения камнем.

Самым горячим желанием моего родителя было, чтобы я, младший в семье, не ходил на войну. Более того, моя мать решительно восставала против любого шага, который увел бы меня от земли.

— Ты волен считать это своим невезением, Матфей, но раз в нашем выводке ты последыш, то лелеять мою старость и управлять всем поместьем придется тебе, — говаривала она. — Отец твой сгинул, да и братьев к хозяйству теперь не прима니шь. Жажда славы погубит их: после себя они оставят лишь громкие имена, но ничего больше.

Мать очень боялась, что в заморских краях меня тут же обольстит какая-нибудь иноземная шлюха и я, женившись на ней, уже никогда не вернусь в Македонию.

Однако дни шли, мне стукнуло восемнадцать, и слава манила меня не меньше, чем любого другого восторженного юнца в стране, чей двадцатипятилетний государь Александр, сын Филиппа, всего за каких-то четыре года сумел разгромить самую могущественную империю в мире, заставив всю нашу родину бредить завоеваниями, боевыми свершениями и сокровищами.

В македонской армии время воинской выслуги принято измерять не годами, а циклами, или толчками. Один такой

толчок составляет восемнадцать месяцев, а минимальный полный срок службы состоит из двух толчков, подготовительного и непосредственно строевого, но предполагается, что по их истечении солдат, особенно если он хочет побывать за морем, продлит вербовку и на третий цикл. На практике это выглядит так: первоначально новобранец направляется в домашние войска, оставленные Александром в Греции и Северной Македонии для поддержания порядка. Люди тянут армейскую лямку неподалеку от родных мест, дожидаясь, когда Александру в Азии потребуются пополнение. Иногда он вызывает к себе целые формирования, конные или пешие, а иногда у него возникает необходимость в определенных категориях воинов, обладающих теми или иными навыками: в разведчиках, механиках, стрелках, а то и в простых рядовых. Этих счастливчиков посылают к нему либо по старшинству, либо в порядке очередности, то есть по длительности томления в ожидании.

Правда, по первости для нас в Аполлонии все это не имело особенного значения: наши края издавна поставляли царям Македонии верховых, и самый блестящий, самый прославленный эскадрон царских «друзей» — ила, или гиппархия, Сократа Сафона — был набран именно здесь. В этом конном подразделении, первым ринувшемся в атаку при Гранике и ставшем правой рукой Александра при Иссе и Гавгамелах, служили и оба моих брата. Ни один другой кавалерийский отряд, включая и личный царский, не дал отечеству столько героев, достойных того, чтобы их статуи украсили Диум.

Потому не удивительно, что я и мой лучший друг Лука, как и все помешанные на войне юнцы нашей округи, чуть ли не с колыбели тянувшиеся к мечам, страстно мечтали о наступлении дня, когда и мы, подобно нашим доблестным землякам, тоже удостоимся чести занять свое место в рядах царских «друзей».

Увы, мы с Лукой опоздали. К тому времени, когда подошел наш черед, армия Александра вторглась в Азию столь

глубоко и вобрала в себя такое количество побежденного люда, что у нашего государя отпала нужда в расширении легендарного подразделения, и он лишь изредка стал заменять в нем убитых, раненых или вышедших в отставку кавалеристов, а вся остальная подвластная ему конница уже состояла главным образом из персов, сирийцев, мидийцев, лидийцев, каппадокийцев и прочих разноплеменных наездников, которых нанимали прямо на месте, в завоеванных восточных царствах. Ясное дело, что в эти варварские отряды ни один македонец, даже появившись у него такое желание, вступить не мог.

Но вот пехоту по-прежнему предпочитали набирать в Греции и Македонии, что для нас с Лукой теперь оставалось единственным шансом повидать чужие края.

В те дни десятки частных вербовщиков, из-за приметных войлочных шапок прозываемых пилофорами, колесили по городам Греции и Малой Азии, записывая желающих поступить на военную службу. Занятие являлось весьма доходным, ибо от охотников не было отбоя и каждый из них вручал своему пилофору «жеребчика» — куш, именовавшийся так потому, что был равен стоимости хорошего жеребенка.

Как только нам с Лукой стукнуло по восемнадцать годков, мы тут же отправились в находившийся в трех днях пути порт Мефону, служивший центром набора наемников, и с разочарованием убедились, что все тамошние таверны битком набиты выдавшими виды ветеранами с Крита, Родоса, из Аркадии, Сиракуз, были там даже малые из Ахейи и Спарты. Все они знали друг друга по предыдущим вербовкам, все имели приятелей среди командиров, могущих или уже обещавших прихватить их с собой, и, безусловно, обладали явными преимуществами перед двумя никому не известными сопляками. Как мы ни хорохорились, как ни пытались набить себе цену, «войлочным шапкам» не было дела до молокососов без боевого опыта и хоть каких-то, пусть бы и мало-мальских, заслуг.

Дней через десять нашего пребывания в порту, уже изрядно поиздержавшись и ничего не добившись, мы решили обра-

титься напрямую к стратегу, ведавшему всем набором солдат. Мысль, конечно, дурацкая, к такой важной шишке нас и близко не подпустили, но, на наше счастье, командир оцепления, погнавший нас прочь, оказался родом из Пеллы. Он, услышав, как мы огрызаемся, крикнул:

— Постойте, ребята. Вы никак из Аполлонии, а? Верхом небось ездить умеете?

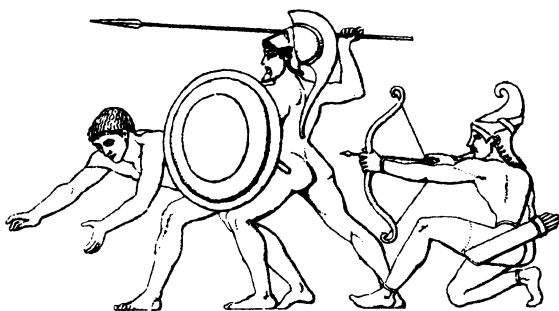
— Мы? Да мы сущие кентавры.

Вот так и вышло, что этот командир, даже не взяв с нас денег (мы совали, но он наотрез отказался), записал меня и Луку в ездovou пехоту, тот самый род войск, в каком Александр тогда остро нуждался.

Еще не веря в свою удачу, мы с Лукой все же воспрянули духом и не преминули спросить, где нам следует получить обмундирование и коней, но тут наш пыл остудили. Соотечественник, посуровев, пояснил, что получить мы пока ничего не получим, да и в списки он нас занес только потому, что вокруг него крутятся в основном одни греки, как же ему, македонцу, не порадеть землякам?

Мы опять принялись пылко благодарить его, но старый служака остановил нас.

— Главное, — сказал он, — попасть за море, а там жизнь наладится. Как только вы потребуетесь царю, у него сыщется для вас все, что нужно.

Наше войско высадилось на берег близ Триполи шестнадцатого десяя шестого года правления Александра и четвертого с той поры, как армия вторжения, покинув Европу, переправилась в Азию.

Стоит раннее лето. Сам царь со всей своей армией находится примерно в тысяче миль от нас, двигаясь от Персеполя, столицы Персии, к мидийской Экбатане, летней резиденции властителей великой Персидской державы. Но теперь эта грозная империя пала, и Александр преследует ее бежавшего государя. Поговаривают, что в обозе нашего повелителя плетутся семь тысяч верблюдов, груженных одним только золотом, и десять тысяч пар обремененных такой же поклажей ослов.

Пополнение численностью в шестьдесят одну сотню душ доставлено к побережью Сирии на сорока семи кораблях. Однако гавань Триполи разом такую флотилию принять не может, свободных мест у причалов не наблюдается, как не имеется у вновь прибывших и запасов провизии, достаточных, чтобы спокойно дожидаться своей очереди на выгрузку. Поэтому капитаны праздно болтающихся возле порта су-

дов (причем не военных судов, а торговых, нанятых только для этой вот разовой перевозки), посоветовавшись, решают отогнать с десятков лоханей на мелководе, где нам велят собирать пожитки, отправляться за борт и чесать к берегу вплавь или вброд. Мы так и делаем, а что нам еще остается? Звучит забавно, но мне это приключение стоит пары добротных сапог. Они исчезают в соленой водичке, ибо я, добираясь до суши, слишком устаю, чтобы держать их над головой. Короче, суть в том, что на берег Азии я вылезая босой и промокший до нитки.

Должен заметить, что пополнение — это еще далеко не армия. Наша мокрая и взъерошенная толпа даже не поделена, как положено, на десятки там или на сотни, а сама собой разбивается на корабельные гурты, то есть на произвольные и не равные по численности скопления волонтеров. В каждом гурте насчитывается столько солдат, сколько их соскочило с палубы того или иного транспортного корыта. Мы безоружными высаживаемся на сушу, а конники хуже того — безлошадными. Животных везут отдельно и в много лучших условиях, чем людей.

Правда, на берегу нас дожидается палаточный городок и весьма внушительная охрана. Шесть сотен сирийских наемников и четырнадцать сотен ликийских, возглавляемых командирами-македонцами, имеют задание доставить нас сначала в Мараф, затем оттуда через Лариссу в Тапсак и, после переправы через Евфрат, в Месопотамскую Сирию к Курдистану. Месяца в три мы сумеем нагнать Александра, утверждают конвойные. Ну от силы — в четыре. Если, конечно, чего-нибудь не стрясется в дороге.

Как это всегда бывает среди большого количества собранных вместе незнакомых людей, новобранцы осматриваются, притираются, заводят приятелей. Не обходится и без ссор, тем паче что любители поживиться за чужой счет вокруг так и кишат. Чуть зазеваешься, корку хлеба выдернут из-под носа, не говоря уж о чем-либо поценней. День-другой, и даже

пентюхи и раззявы приучаются подвешивать кошельки между ног, а после каждого разговора с чужими ощупывать и мощну, и мошонку.

В действующей армии Александра каждому воину доподлинно ясно, что ему делать в любой момент суток, но здесь, в тысяче миль от строгого государева ока, вдали от свиста стрел и лязга мечей, о каком-либо порядке нет и речи. Мы пристраиваемся на ночлег, где получится, кормимся, когда повара вспоминают о нас, а чтобы не попасть впросак, держимся настороже и только за тех, в ком твердо уверены. Мою компанию кроме Луки составляют Терр, прозванный Тряпичником за тягу к яркой одежде, и коротышка Пейтон по кличке Блоха. Все мы ровесники, все родились и росли в Аполлонии, каждый знает каждого, как себя самого.

Верховодит у нас Лука, благо он слывет самым практичным и лучше других умеет справляться с трудностями, каких тут хватает. Начать с того, что, хотя первое жалованье нам обещали выплатить сразу по высадке в Триполи, я и за месяц пребывания в Азии не смог почему-то приметить блеска ни единой монетки, готовой упасть в наши тощие кошельки. Монетки посверкивают, лишь укатываясь от нас и прилипая к жирным ручищам живоглотов из кухонного шатра, взамен швыряющих нам нечто не очень-то схожее с человеческой пищей.

Лука первым смекнул, что нам не худо бы обрести покровителя, человека тертого и в чинах, и такой малый нашелся в лице знаменного полусотника Толмида, или попросту Толло. Этот коренастый крепыш с пребольшими усами и в диковинной шапке, с которой свисают кабаньи клыки, когда-то приятельствовал с отцом Луки, а теперь является младшим командиром отряда ликийской пехоты. Лука углядел его в очереди к отхожему месту и заорал:

— Эй, Толло! А что, тут поблизости и дерьма навалить больше нигде?

Толло загоготал и подошел к нам.

— Ого, да никак это мои сопляки-земляки? Еще недавно в яйцах пищали, а нынче вон как вымахали, каждый торчит, что твой хрен над лужком.

Но если кто и торчит тут повыше других, так это сам Толло. Первым делом он забирает нас из вонючего лагеря новобранцев, отводит на прекрасно спланированную стоянку к своим ликийцам и там просвещает сопляков-земляков, отвечая на все их вопросы. Правда, не всегда так, как им хотелось бы.

— Толло, есть вероятность, что нам заплатят?

— Ага. Примерно такая, с какой из ваших задниц может посыпаться слоновая кость.

— А когда нас возьмут в строевые отряды?

— Когда рассчитаетесь с командирами, которые вас доставят на место.

— А как насчет снаряжения?

Оказывается, ни снаряжения, ни оружия нам не видать до Тапсака, а может, и дольше, а когда что-нибудь выдадут, то придется за все раскошелиться, как и после за каждую мелочь. Лица у нас, похоже, вытягиваются, ибо Толло ржет, что твой конь.

— Не гоношиться, сразу никто вас платить не заставит. Запишут за вами должок и будут вычитать из жалованья по ходу службы.

— Нас об этом не предупреждали, — угрюмо бормочет Лука.

— Ясное дело, иначе куда бы вы стронулись от домашних харчей, — втолковывает нам Толло. И опять ржет.

Теперь мы держимся за него. Как выясняется, он со своими товарищами, другими младшими командирами македонских разведывательных отрядов, глубоко проникавших в Арейю и Афганистан, получил что-то вроде отпуска в виде приятной командировки. Чем не отдых прогулка по Сирии с толпой новобранных недотеп? А двойное жалованье за их доставку на передовую и за преподанные в дороге уроки — чем не награда?

— Ну что, ребяташки, небось обделались от расстрой-ства, — похохатывает порой он. — Раньше времени носы не ве-шайте, потому как там, — Толло указывает в ночь, на восток, — наши парни или дохнут как мухи от зноя да хворей, или, — он выразительно стучит себя по макушке, — умишком трога-ются. Так что за вашим продвижением дело не станет, глав-ное, не скопытиться с непривычки, а дальше все утрясется. Вперед не лезьте, но повинуйтесь приказам — и служба пой-дет.

Дружбу с Толло водят еще шестеро македонцев, среди них и Стефан Эгийский — человек очень скромный, но тем не ме-нее знаменитый. И как герой, не раз удостоенный многих наград, и как известный всей Македонии лирик. При такой славе он к своим тридцати пяти давно мог бы получить при-личное звание и иметь под началом добрую сотню, а то и пять сотен солдат, но Стефан не рвется к чинам и вполне доволен рангом линейного младшего командира. Говорит, что это оставляет ему больше времени для стихов.

Вот одна из им сложенных походных песен, снискавших ему любовь не только товарищей по оружию, но и женщин.

СОЛДАТСКАЯ КОТОМКА

Солдат в походе должен знать, как уложить суму,
Чтоб не на дно ее совать то, что нужней ему.
Без лука и без чеснока в дороге пропадешь.
Их наверху наверняка в котомке ты найдешь
Завернутыми поплотней, чтоб не пропах в пути
Твой скатанный армейский плащ — как без него идти?
А что внизу, на самом дне, запрятано глубоко?
Что так ревниво бережешь ты как зеницу ока?
Хранишь от пыли и дождя, держа в оленьей коже?
Конечно, письма от жены — они всего дороже.

Самому младшему из этих служивых за тридцать, кое-кому перевалило за пятьдесят, но и те выглядят пугающе грозно, полностью отвечая всем нашим представлениям о свирепых рубаках. Боимся мы их до смерти, да и то сказать, любой та-

кой ветеран может запросто одной левой передуть нас хоть поочередно, хоть скопом. Как-то само собой выходит, что мы начинаем бегать по поручениям своих земляков и таскать их поклажу, хотя никто ни к чему такому нас вроде бы не принуждает. И вот однажды под вечер, когда мы с Лукой, собрав по охапке валежника для костра, плетемся обратно в лагерь, нам встречается один из этих малых. Все зовут его Флагом, по воинской должности, а выведать у него настоящее имя ни у кого из нас нет духу.

— Эй, ребята, дуйте сюда, — велит Флаг. — Хочу вас кое-чему научить.

Мы, ясное дело, бросаем хворост и припускаем к нему, как мальчишки. Флаг подзывает идущего мимо ликийца, командует ему «кругом» и, всунув мне в руку древко своей полупики (укороченный вариант сариссы, широко применяемой тогда в Азии), приказывает:

— Убей его.

Я краснею, как слива. Неужели он это серьезно?

— Как прикончить человека, который бежит от тебя?

Я не знаю.

Флаг разворачивает ликийца.

— А что надо делать, если он повернется и кинется на тебя?

Я не знаю.

— Займи его место.

— Что?

Неожиданно я оказываюсь на месте ликийца.

— Беги, — командует Флаг.

Но далеко я не убегаю — шагу не успеваю сделать, как прикладываюсь рожей к земле, получив древком короткой пики тычок, выбивший из меня весь воздух. Я даже не понимаю, куда Флаг меня ткнул. Зато следующий тычок, это я уже понимаю, приходится по черепушке. Я лежу как труп: ни вдохнуть, ни пошевелиться.

— Вот так, — доносятся до меня слова наставника, обращенные к моему другу, — следует бить, чтобы острие не застряло меж ребер.

Оно и не застревает, но новый удар заставляет меня взвыть от боли.

Флаг рывком поднимает меня на ноги. Лицо у Луки совсем белое.

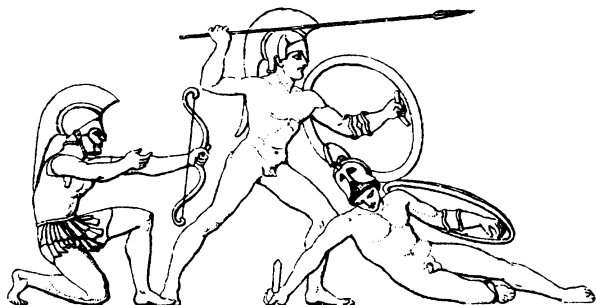
— Лучше всего разить врага вот сюда — засадил и сразу выдернул, чтобы острие не зажало. Дошло?

Потом он обращается ко мне:

— Когда бьешь человека, сколько силы ты в это вкладываешь?

Прежде чем я успеваю ответить, Флаг древком полупики тычет в грудь Луку. Я никогда и не слыхивал о таком приеме. Мой товарищ падает словно подкошенный.

— Вот как надо обходиться с афганцами, — заявляет Флаг. — И не зевай, иначе так обойдутся с тобой.

Основой македонской пехотной фаланги является ряд из шестнадцати человек, стоящих в затылок один другому. Два таких ряда составляют колонну или линию, которая подчиняется линейному командиру. Две линии составляют эномотию, возглавляемую помимо кого-то из старших чинов еще и младшим флаг-командиром, а две эномотии — пентекостис, насчитывающий сто двадцать восемь бойцов. Два пентекостиса образуют локх, или квадрат, — в нем двести пятьдесят шесть солдат. Их командира именуют локхагом. Шесть квадратов составляют мору, внушительную боевую силу численностью приблизительно в полторы тысячи воинов. Ядро армии Александра — это шесть таких мор. Они-то при общем построении и формируют фалангу с фронтом в тысячу двести локтей и глубиной, как вы уже поняли, в шестнадцать шеренг.

Флаг-командир называется так потому, что вверенному ему подразделению присваивается особый вымпел, который закрепляется на конце командирской сариссы. Место этого малого в первой шеренге, он заводила, или передок, по-солдатски, а ниже его в эномотии стоят подпиралы (задки) — замыкающие командиры. Из

чего следует, что при боевом построении их место в последней шеренге, в тылу. Однако роль подпирал в бою, может быть, даже важнее, чем роль заводил, ибо, находясь сзади всех, они побуждают строй идти вперед и пресекают попытки к задержкам или отступлению. Самыми младшими в низовой воинской иерархии считаются дополнительные, девятые командиры, хотя по рангу их чаще всего причисляют к линейным. Почему девятые? Потому что, когда по сигналу «расширить фронт» каждый ряд из шестнадцати человек делится на две половинные так называемые щепы, или восьмерки, эти парни берут на себя командование задними неполными отделениями, и те, маршируя вдоль тыла передних шеренг, пристраиваются к ним с флангов. Такой нехитрый в общем маневр позволяет растянуть фронт весьма широко, разумеется, за счет соответствующего уменьшения глубины строя. Но смотрится это потрясающе, особенно если разворачивается вся фаланга. Число бойцов в передней шеренге удваивается на глазах, как удваивается и ее протяженность, доходя в считанные минуты до двух с половиной тысяч локтей.

Во всяком случае, таково классическое македонское построение, которое с неизменным успехом используется в домашней армии и которое в первые три года Персидской войны принесло Александру три великие победы при Гранике, Иссе и Гавгамелах. Это все были грандиозные, но, главное, правильные сражения.

Однако, как тут поговаривают, в Афганистане такой порядок никуда не годится. Перво-наперво, там сплошь горы, каменистые пустоши, плато да ущелья, где фалангу не выстроишь, а если и выстроишь, то она не пройдет, а хоть и пройдет, то драться ей уже будет не с кем — противник ее ждать не станет. На кой ему надо, чтобы его смяли и раздавили? Сражаться, как принято, строй против строя дикари не хотят.

Дома, прежде чем приняться обучать новонабранную пехоту навыкам обращения с длиннущей, в одиннадцать локтей, сариссой, молодых бойцов поначалу муштруют, приви-

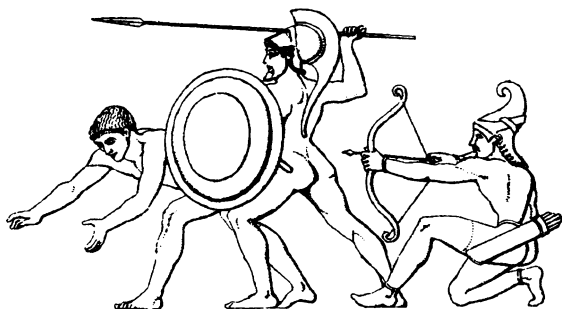

вая им умение держать строй. Гоняют увальной до тех пор, пока они, глядя в затылок друг другу, не зашагают как один человек. Это называется наступлением по оси. Истинная добродетель солдата — всегда быть на оси, то есть знать и удерживать свое место в фаланге, не сбиваться с ноги и точно выполнять все приказы. Настоящий солдат всегда на оси, что бы он ни делал.

Но чем дальше к востоку, тем меньшее все это имеет значение. Ни о какой оси здесь, где даже сариссу вдвое укоротили, а полной фаланге никуда не протиснуться, уже не идет и речи. В ходу лишь два принципа: «жертвуй малым для большего» и «маки своих не бросают».

— Все общепринятое и правильное осталось на Западе, — наставляет нас наш командир-лирик Стефан. — Боевые действия в Восточной Азии бывают трех типов. На равнине это конные рейды и стычки. В горах — вылазки легкой пехоты. Вот разве что против крепостей применяется правильная осада.

Но, как впоследствии выясняется, наши враги обитают по большей части не в крепостях, а в деревнях. А о том, как берутся такие селения, наши наставники нам пока что не говорят.

Вообще-то нашему пополнению полагалось выступить из Триполи через три дня после высадки, но на деле нам пришлось проторчать там двадцать два дня в ожидании прибытия коней и оружия. И радости в этой задержке было мало, поскольку обещанного жалования мы так и не увидели, деньги у многих подошли к концу, и каждый выкручивался, как мог.

Доводилось и приворовывать, как это принято у спартанцев. Не нам одним — тут все воровали. Поскольку конвой не пускал новобранцев в город, то и красть, и попрошайничать, и рыться в отбросах, и менять барахло, и брать на горло приходилось на месте — прямо в палаточных городках и на подступах к ним. Как ни странно, но мы приспособились. Мне, например, удалось обновить одежку и даже разжиться парой сапог взамен утопленных в море. Кроме того, нам с Лукой посчастливилось повстречать пару возвращающихся домой верховых, а они оказались кавалеристами из того же отряда «друзей», где служат и мои братья, и я узнаю самые свежие новости. Илия был ранен, но сейчас поправляется, хотя все еще валяется под приглядом лека-

рей во Фраде на юге Афганистана. Филипп (Илия старше меня на девять лет, Филипп на четырнадцать) получил повышение и уже в новом чине отправлен к дальним афганским границам с дипломатической миссией — договариваться с тамошними вождями о пропуске армии Александра через Гиндукуш в Пенджаб.

Гиндукуш! Пенджаб! Что за удивительные, волнующие кровь названия! А каковы мои братья! Вот на кого надо равняться. Другое дело, что мне до них как до неба. Такой мелкой пташке, как я, высоко не взлететь. Узнаю ли я их вообще, когда увижу?

«Друзья», или гетайры, — это сливки македонской армии, отборная конница, вступив в которую человек, можно сказать, уже обеспечивает себе положение. Воин и впрямь становится подлинным другом царя — он может делить трапезу с государем, пировать с ним и даже звать его просто по имени — Александром (хотя, честно говоря, мало кто себе это позволяет). Правда, существуют еще фаланговые подразделения «друзей», только пеших, они — петгетайры. Но с истинными гетайрами, безусловно, равнять их нельзя, поскольку сам царь не слезает с седла и все его ближайшее окружение тоже.

Теоретически каждый отряд «друзей» должен бы состоять из одних земляков, уроженцев определенных областей Македонии: Аполлонии, Боттии, Тороны, Мефоны, Олинфа, Амфиполя и Антема. Ибо именно там были набраны конники, отправившиеся с Александром в великий поход. (Кавалерию снарядили еще восемь областей, но этих всадников царь оставил дома для поддержания спокойствия в городах Греции, а также в строптивых северных селах.) На практике, однако, любой выросший около лошадей македонец, где бы он ни был рожден, всеми правдами и неправдами старается отвоевать себе место в одном из элитных отрядов. Я знал людей, которые подыскивали себе в Аполлонии жен или подговаривали глав почтенных семейств усыновить их только

ради того, чтобы получить право участвовать в конкурсных испытаниях.

А испытания эти никак нельзя назвать легкими. Они проводятся на протяжении четырех дней. Первые два дня посвящены обязательным упражнениям, третий — преодолению разных преград, на четвертый проверяются боевые навыки претендента, который прежде всего обязан предъявить семь коней, причем четырех — отменно подготовленных к воинской службе. Именно из этой четверки выбирается тот скакун, которого ожидают и гонки с препятствиями, и учебная, но очень схожая с подлинной схватка. Мало того что каждый такой конь должен быть хороших кровей, но его еще и обучают лет десять, поэтому он один стоит примерно как небольшой хуторок. Понятно, что при подобном подходе путь в «друзья» открыт только сынкам богачей да персон, либо особо выделенных царем, либо весьма родовитых. Впрочем, случается, как это вышло с моими братьями, когда способных юношей из семей попроще берет под крыло и снаряжает какой-нибудь состоятельный человек.

Оба мои брата возились с лошадьми чуть не с рождения, оба успели поработать в конюшнях, а в седлах держались не хуже профессиональных наездников с ипподрома. Сколько при этом было набито шишек да синяков, невозможно сказать.

И вот в Аполлонии во время очередных состязаний Илия, в ту пору десятилетний малец, проскользнул в конский загон и вскочил на двух неоседланных скакунов сразу — правой ногой на круп одного, левой на круп другого. Дернув поводья, зажатые в каждой руке, он погнал свою пару галопом, перемахнул через барьер и таким гоголем описал полный круг — сначала в одну сторону, а потом и в другую, держась так, словно его ступни приколочены к конским спинам гвоздями. О том, какую порку задали ему после этого трюка, лучше не вспоминать, но парнишка сделал-таки себе имя. И не только себе, но и брату, даром что был по сравнению с ним ме-

люзгой. Пять лет в детском возрасте — разница, и довольно большая, однако и он, и Филипп ни в чем не уступали друг другу и, например, могли мчаться во весь опор, стоя на мерно покачивающихся под ними седлах, затем на полном скаку проныривать под лошадиным брюхом, подхватывать с земли любые предметы, спрыгивать и бежать рядом с вихрем несущимся скакуном, ухватившись за гриву, чтобы потом, вскочив обратно, лихо пронзить длинным кавалерийским копьём висящую на ветке грушу. При этом оба слыли легкими на руку в части выхаживания больных или поранившихся лошадей. Вот я и думаю: сколько же в Македонии превосходных наездников, раз даже такие кентавры прошли отбор только с четвертой попытки? Однако они прошли и на второй год заморской кампании в составе четырехтысячного пополнения под началом Аминты Андромена переправились в палестинскую Газу, чтобы чуть позже, уже в Египте, присоединиться к царским войскам.

На двадцать третий день с изрядным опозданием наше становище зашевелилось. Выступаем из Триполи. Лето в разгаре, а потому металлическую поверхность доспехов приходится покрывать плетеной рогожей, иначе жгучие солнечные лучи мигом превратят ее в жаровню. Дома нас обучали с полной выкладкой и дневным пайком совершать марш-броски в тридцать миль, и мы как-то к этому попривыкли, но здесь, в Сирии, и пятнадцать пройденных миль наливают все тело тяжестью, словно сорок домашних, а двадцать просто расплющивают тебя, как все сто. Солнце уселось нам на закорки, вместо воздуха мы глотаем лишь пыль, и языки наши вывалены, как у собак.

Я пристраиваюсь рядом с Флагом, и он, видя мои мучения, бурчит что-то, по его разумению, ободряющее:

— Там, куда ты в конце концов попадешь, тебя ждут не дождутся афганцы. Любой из них шутя пропылит за день миль пятьдесят. Это пешком, а верхом так и вдвое больше. Запомни, афганец не пьет и не ест. А если отрубить ему голо-

ву, он, прежде чем упадет, успеет нанести тебе пару крепких ударов.

Нас будят за три часа до рассвета, чтобы хотя бы часть времени мы шли не по самому солнцепеку. Голова походной колонны завершает движение во второй половине дня и растекается по территории, где намечено разбить лагерь. Хвост и обоз подползают туда уже к сумеркам, отставшие тянутся до заката. За час до полудня объявляют привал: можно бы отдохнуть, но приходится разгружать ослов и мулов. Эти животные очень выносливы и в самый зной могут спокойно шагать по шесть-восемь часов, но им нужна передышка — хорошая, двухчасовая, причем без поклажи, иначе они сил не накопят. Нам бы вот так — мы отдыхаем всего минут двадцать. Только сняли мешки, давай снова навьючивать. Помнится, как-то дня через три на подобном привале Лука отошел в сторонку отлить — так Флаг посмотрел на него осуждающе и сказал, что в поспешающем на подмогу своим сражающимся собратьям солдате не должно оставаться ни капельки лишней влаги. А кому есть чем мочиться, тот, значит, по-настоящему не выкладывается, а только делает такой вид.

Ну да ладно, зато мы теперь при оружии, и раз уж у нас есть силенки, то в ходе марша не худо бы нам пройти дополнительную подготовку. Ту самую, за которую ветеранам обещано двойное вознаграждение. И нас стали гонять почему зря. Обучать всему такому, о чем мы отроду не слыхивали. А теперь вот услышали. И все слышим и слышим.

При переброске армии на большие дистанции дневной переход планируется таким образом, чтобы он начинался у какого-то более-менее крупного поселения, а заканчивался у другого. На эти городки возлагается обязанность поставлять проходящим войскам провиант и фураж. Правда, это вовсе не означает, что мы там же и квартируем: ночевать нам приходится в чистом поле. Командиры заявляют, что это хорошая возможность потренироваться в разбивке временных ла-

герей. Иными словами, помахать на жарнице лопатами да топорами с кувалдами, обнося свой бивак рвом, валом и частоколом. Соответственно, и кормежка у нас «полевая». О пшеничных лепешках и не мечтай. Перебиваемся тем, «что с нами и под ногами». Каждый тащит с собой десятидневный запас ячменя. Вот ячменный кулеш нам и варят. Ну а уж травки, приправы там всякие — это как разживешься. Бывает, и курочку у дороги подхватишь, если та зазеваается, а ты нет.

На завтрак дают вино, оливковое масло и так называемые скоропальные хлебцы — из ночью вымоченной и кое-как запеченной поутру на камнях (или на металлических деталях от катапульта) овсяной крупы. Правда, и они сходят за лакомство в сравнении со «скрипучей» просяной кашей, хуже которой лишь «ужин цикады», то есть отсутствие всяких харчей. Толло со Стефаном приноровились устраивать нам раз в неделю голодные дни, объясняя это, во-первых, заботой о наших желудках, а во-вторых, необходимостью дать нам хоть малое представление о том, что нас ждет.

Флаг вроде как взял меня под покровительство, или, точнее сказать, я сам прицепился к нему как репей, ну и он меня пока не гонит. А в Марафе кое-что приключается. Получаем мы — вот уж чудо-то чудное — долгожданное жалованье и на радостях топаем к местному брадобрею — постричься-побриться, навести, в общем, лоск. А когда возвращаемся, оказывается, что кошель, куда мы ссыпали все наши деньжата, пропал, хотя он был, как всегда, у Луки. А теперь его нет, будто не было вовсе. Беда нешуточная, ведь до следующей выплаты еще месяц трубить, а от прежних, прихваченных из дому монет не осталось и духу. Тащусь я, стало быть, к Флагу, пускаю слезу, сетую на нашу несчастную долю, а он выспрашивает, где мы ошивались, и, узнавши, что у цирюльника, велит отвести его туда. А за компанию прихватывает с собой Толло и еще одного македонца по прозвищу Рыжий Малыш.

Цирюльник живет там же, где бреет-стрижет, в глинобитной хижине с большущим навесом и кухонной пристроечкой сбоку. Мы заявляемся во время ужина, и хозяйка, супружница брадобрея, ни за что не желает впускать нас. И даже — вот сука! — выплескивает за калитку помои — я еле успел увернуться. Но Флагу все это нипочем: пнул сапогом и вышиб калитку.

Стоит упомянуть, что все лавки и мастерские Марафа жмутся к одному рыночному пятаку, образуя нечто вроде крысятника, который, впрочем, зовется здесь Териком, или Голубятней. Миг-другой, и к лачуге цирюльника со всех концов сбегается местный люд, поднимая на своем тарабарском наречии невысказанный гвалт. Но смысл этой тарабарщины понятен без перевода — нам велят проваливать подобру-поздорову. Помимо детишек, стариков, старух да визгливых баб на помощь хозяину прибывают мужчины, все возбужденные, вооруженные, злые.

Мы, правда, тоже не с пустыми руками. Флаг прихватил с собой крюк, срывающий конников с седел (грубое, надо заметить, оружие), у Толло с Рыжим клинки на боку, как и у нас с Лукой, между прочим, хотя уж нам-то, все боги свидетели, ничуть не хочется пускать их в ход. А Флаг топает напрямиком к цирюльнику и наполовину жестами, наполовину на дикой смеси греческого языка с невесть какими еще втолковывает ему, что мы хотим получить свои деньги.

— Убирайтесь! — кричит нам в ответ этот малый. — Прочь из моего дома! Я ничего не брал!

Флаг хватает его за грудки и припечатывает к стене. Толло с Малышом поступают по-своему: начинают переворачивать все, что переворачивается, и старательно бить то, что бьется. Вареву, ясное дело, выливается, недопеченные лепешки, поддетые сапогами, летят на улицу. А все сбежавшиеся соседи скопом насаждают на нас и ором орут, что никаких таких денег в глаза не видали. Убедительно так орут, мы с Лукой и впрямь начинаем думать, что потеряли кошель в каком-

нибудь другом месте. А раз так, этих бедолаг надо оставить в покое!

Брадобрей, весь красный, того и гляди, удар хватит, призывает всех местных старейшин в свидетели своей невиновности. Свидетелей у него таким образом набирается куча.

— Флаг! Они ни при чем! Давай уйдем!

Не обращая внимания на наши призывы, Флаг, отвесив брадобрею пинка, отпускает его и отрывает от штанов какого-то старика маленького мальчонку.

— Чей это паценок?

Цирюльник не отвечает. Другие тоже молчат. Становится ясно: это его ребенок.

Флаг поворачивается к Толло:

— Отруби ему ступню.

Толло и Рыжий Малыш растягивают мальчонку. Тот визжит, как поросенок. Толло достает из ножен свой клинок. Толпа начинает размахивать собственными кинжалами. Мы с Лукой просим Флага прекратить этот жуткий спектакль. Флаг смотрит на брадобрея:

— Где деньги?

Никакого ответа. Тот же вопрос — к матери. Тишина. Он делает знак Толло. Меч поднимается.

И тут в последний, можно сказать, момент одна перепуганная девчушка с плачем тычет куда-то пальчиком. За что получает от матери полновесную оплеуху. Гвалт разрастается пуще прежнего, но Флаг уже ворошит сапогом хлам в углу. Где — вот неожиданность! — обнаруживает наш кошелек.

На том все кончается, мы уже на улице, мы уходим. Нас с Лукой трясет, никак дрожь не уйдем.

— Врали и ворье, — бормочет Толло. — Все до единого.

Мы пытаемся всучить Флагу в знак благодарности часть спасенных монет, но получаем отказ.

— Помяните мое слово, — говорит он, указывая назад, на дом брадобрея, — не подними эта кроха писк, не видать бы

вам денег. Мать с отцом скорее дали бы сыну расстаться с ногой, чем сами расстались бы с вашей кубышкой.

Он прав.

— А ты бы отсек ее?

Флаг не отвечает.

— Они теперь душу вытрясут из этой малышки. Будут колотить до конца жизни.

Три дня спустя мы плетемся по долине Регеш. На спине у меня вьюк весом в шестьдесят фунтов, на груди другой, фунтов в тридцать. Веревочные лямки впиваются в плечи. Бреду, пошатываясь, и тут рядом со мной возникает, как из воздуха, Флаг.

— Задумался, да?

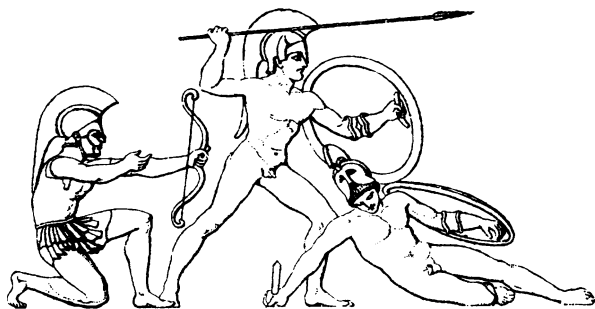
Он ухмыляется и чешет дальше. Так чешет, я вам скажу, что любо-дорого посмотреть. Словно вода течет. Идет без шапки — макушка у него будто пергаментом крыта, а на солнце ему плевать — с таким же успехом оно могло бы припекать камень.

— Небось размышляешь, кто такие солдаты, а? — говорит он, поймав мой взгляд.

Я киваю. Флаг, как всегда, попал в точку.

И тогда он указывает на карабкающуюся по тропе перед нами вьючную скотинку.

— Мулы, парень, вот кто мы такие. Мулы, которые убивают.

Лишь через сто двадцать семь дней после выступления из Триполи нашей колонне удастся таки догнать тыловые подразделения Александра. За это время, если верить армейским землемерам, которые, как известно, даром свой хлеб не едят, мы проделали путь в тысячу шестьсот девяносто шесть миль, пройдя всю Сирию, большую часть Месопотамии, Мидию, Мардию, Гирканию и даже окраины Парфии и Арейи. Я сносил начисто три пары дорожных сапог, вся моя одежда латана-перелатана, амуниция тоже истерта. Другим в этом смысле досталось не меньше, так что на передовую (если, конечно, таковой может считаться территория шириной в тысячу миль и глубиной в девять сотен) мы прибываем, погрязши в долгах.

Долгие переходы вырабатывают в человеке привычку следить за течением времени по каким-то ориентирам на местности. Топаешь, например, все вверх да вверх через пустынную долину к холмам, смотришь, как они приближаются, а доберешься, глядишь, и денек с плеч долой. Ну а чтобы не заскучать, выбираешь промежуточные вехи — маленькие горюшки, старые или пересохшие речные русла (на местном наречии — вадис или нуллах).

Бескрайние просторы Мидии и Гиркании позволяют видеть за много миль, какая тебя ждет погода. Впрочем, она все время меняется. Налетает вихрь, а спустя миг воцаряется полное безветрие. Голову колонны поливает дождем, а хвост поджаривается на солнце. Бывает, что собравшиеся над нами тучи разрешаются ливнем, который так и не долетает до нас: воздух пустыни столь сух и горяч, что капли попросту испаряются. Плывущие по небу облака влекут за собой быстро бегущие по земле тени, иногда очень резко очерченные — здесь темно, там светло. Над дальними горами клубится грозовой фронт, значит, под вечер колонна промокнет до нитки.

Впрочем, мы давно уже не колонна. Командиры теперь нас не строят попарно, не позволяют ползти длинной цепью, ибо это делает войско чересчур уязвимым. Мы подобрались, уплотнились и, когда позволяет рельеф, маршируем бок о бок человек по десять — пятнадцать. Соответственно, и ждать на стоянках, когда все подтянется, приходится не так долго, примерно час, вместо четырех. Встаем до рассвета, поклажу пакуем еще в темноте, чтобы выступить с первыми солнечными лучами. Кавалерия, чтобы побережь животных, тоже топает на своих двоих, как и пехота, — лошадей, и боевых и запасных, ведут в поводу. И никогда не отпускают попасться на приволье, даже у водопоя. Иначе лошади сбиваются в табуны, а строевых скакунов это портит.

Пространства за пределами Мидии кишат зверьем, стада поднимающих на бегу пыль газелей или диких ослов видны издалека. Никто, разумеется, не хочет упустить шанс разнообразить свой рацион, и охотничьи вылазки организуются с истинно военным размахом. Конные цепи широкой дугой, иногда доходящей до двадцати миль по фронту, гонят добычу в расставленные сети или на какие-то заграждения, а порой просто пока та не упадет. Так или иначе, всадники всегда возвращаются со свежим мясом для армейских котлов. Все, у кого есть возможность, с великой радостью предаются охоте, чтобы отвлечься от удручающей монотонности марша.

Проходящая через какую-то территорию армия — это прежде всего скопище людей, а люди падки на развлечения, и по пути своего следования мы так и притягиваем к себе желающих эти развлечения нам предложить. Нас сопровождают актеры из Эфеса и Смирны, а также танцоры, акробаты, арфисты, чтецы, поэты, певцы, декламаторы и даже софисты, чьи занудные рассуждения, к моему удивлению, тоже кого-то интересуют. Что там греха таить, я как-то и сам, раскрыв рот, слушал лекцию по геометрии (а дело было на Армянском нагорье и в редкостную грозу). Торговцы прибывают к нам целыми караванами, да и местные жители так и снуют меж рядов на своих нагруженных всякой всячиной ишаках. Торгуют всем, что можно продать: финиками, фисташковым пивом, яйцами, мясом, сыром. А знаете, что охотнее всего берут парни? Свежий лук. Дома им приправляют похлебку. Здесь луковицы едят сырыми. На вкус они сладкие, словно яблоки, но самое главное — в них есть целебная сила, предохраняющая, например, зубы от выпадения. Неудивительно, что за хорошую луковицу могут спросить и добрую половину дневного жалованья такого вояки, как я. Как ни крути, а дороговато.

Дома у меня есть невеста. Ее зовут Данаая. Шагая, я мысленно составляю ей письма. В них речь, конечно, идет не о деньгах и дороговизне, а о любви. Но деньги и в любви не последнее дело. Я тут прикинул: чтобы мы с Данаей могли, поженившись, купить небольшое поместье, а не висеть жерновами на шеях у своей родни, мне нужна сумма, равная моему шестилетнему жалованью. А поскольку даже в армии не проживешь, не тратя на себя ничего, таких денег мне не скопить и лет в десять. Вывод прост — проситься в разведывательные рейды. Там и платят вдвойне, и можно рассчитывать на трофеи. Но поделиться своими соображениями с Данаей я не могу, она будет за меня беспокоиться.

Да и вообще есть много такого, о чем парень своей милашке поведать не может. Скажем, женщины. Из сопровождающих

армию шлюх можно составить второе войско, и это не говоря о более-менее постоянных походных женах. Даже на «волчьей земле», то есть на территории, населенной недружественными племенами, всегда находятся цыпочки, готовые скрасить солдатские будни. Вы все, конечно, слышали о том, что в Азии женщин содержат в строгости и взаперти. В мирное время так оно, может, и есть, но когда мимо громыкает целая армия, нагруженная награбленным повсеместно добром, то и самый суровый и зоркий родитель за своими дочурками не уследит — не в его это силах.

Девушки прибывают к проходящим колоннам в поисках новизны, свободы, романтики, так что обзавестись пылкой и заботливой спутницей не составляет труда. Нарасхват идут даже никчемные пентюхи, в чью сторону дома девчонки и не глядят. А тут их облизывают, обштопывают, обстирывают, и пентюхи задирают носы. Правда, половина здешних красоток подпорчена, то есть у них имеются дети, каких им заделали такие же, как мы, парни, прошедшие этим путем раньше нас, но подобные мелочи, конечно же, ничему не мешают. Все наши уже успели сыскать себе подружек и всюю крутят с ними. Но разумеется, не мы с Лукой. Мы храним верность нашим невестам, оставшимся дома, пусть другие над нами и потешаются, нам это по барабану.

А Толло, например, завел обыкновение спать с двумя девицами сразу, «по грелке на ляжку». Так, говорит, теплей. И то сказать, его командирское жалованье с учетом дополнительных выплат составляет четыре драхмы в день (вчетверо больше моего), и по здешним меркам он сущий богач. На эти деньги тут можно купить дом или нанять полдеревни для каких хочешь работ.

У солдат есть особый язык. Он порой очень груб. Женщина на нем, например, перво-наперво — «грелка». А еще «дырка», «фига», «шкура» и «тарабарка». Это словцо относительно новое, оно, возможно, возникло по созвучию с местным

«таллаберт», что значит «мать». Но и туземцы горазды на прозвища. Мы, македонцы, в их понятии маки — «хромцы», не умеющие ходить ни по пустыне, ни по горам, а также буллахи — «тупицы». Последнее задевает. А против первого мы ничего не имеем. Коротко, звучно — хромцы так хромцы. У нас же повелось называть всех здешних мужчин базами, но в этом как раз ничего обидного нет. Баз — это самое распространенное тут мужское имя. Ну и еще кое-что мы у них переняли и, когда речь заходит о плотских утехах, чаще теперь говорим не привычные грубости, а «гум-гум».

Вообще в Арейе и Афганистане все женщины делятся на два типа. Одни относятся к тир базал, «драгоценным», находящимся под неусыпной защитой отцов или братьев, которые за один брошенный на такую особу нескромный взгляд могут перерезать вам глотку. Другие, и вот с ними-то наши и имеют, как правило, дело, лишены чьего-либо покровительства. Иногда за какую-нибудь провинность, но чаще в силу того, что все их близкие родичи мужского пола либо погибли на одной из обычных для здешних краев непрерывных войн, либо убиты в ходе столь же обычной тут кровной вражды. Это не шлюхи, о тех речи нет, а нормальные, порядочные девчонки, на которых требуется жениться, прежде чем склонять их к гум-гум.

Правда, походные браки заключаются не совсем так, как на родине. Один из моих сослуживцев, Филота, в деревушке под Сузами познакомился с девушкой. К ночи они поженились. Никакой церемонии, просто объявили, что стали супругами. Не знаю, пусть приятели и вышучивают меня за излишне серьезное отношение к тем вещам, на какие все в армии смотрят сквозь пальцы, но, по мне, свадьба без положенного обряда — не свадьба, и нечего тут прикидываться. Неправильно это, и все тут.

Зато почтовая служба на марше прекрасно налажена. Письма из дома догоняют нас каждые десять дней.

Дорогой, не стоит писать мне попусту о походной жизни и о продвижении вашего войска — мне важно лишь знать, что ты жив и здоров. Береги себя, дитя мое, и возвращайся домой невредимым.

Получаем мы весточки и с востока. Меня, например, находит письмо моего брата Илии, который вместе с основными силами Александра находится впереди нас, в Афганистане. На облатке нет таможенной метки. Почту из действующей армии доставляют бесплатно.

Во всех таких письмах главная новость — одна: царь Дарий мертв.

Властелин Персии, бежавший от победоносных войск Александра, пал, убитый одним из собственных военачальников. Нас, новобранцев, это повергает в уныние. Получается, войне скоро конец. Того и гляди, не успев добраться до места, повернем восвояси.

Однако послание Илии исполнено бодрости.

Привет, Матфей, пес ты этакий! Как ты? Здоров ли? Успел небось огулять свою первую азиатскую шлюху? Добро пожаловать на передовую!

Брат сообщает, что с ним все в порядке, а ранение у него пустяковое. Сейчас он полеживает себе в лазарете городка Фрада (о чем я уже знаю) близ Великой Соленой пустыни. Скука, конечно, зато есть время черкнуть родне пару строк.

Персидская война гложет, братишка. Все мало-мальски важные вражеские персоны взапуски норовят замориться с нашим царем. Видел бы ты этот цирк! Сперва они шлют к нам под флагами перемирия своих порученцев, чаще всего собственных сыновей с целыми караванами мулов, груженых «дарами для Искандера» — так персы зовут Александра. Ну а мы принимаем всех этих хитрецов, как отбив-

шихся от родного порога котят, с превеликим восторгом. А поскольку весть о том уже облетела Восток, к царской ставке теперь и не протолкнешься.

Почти все военачальники и наместники властителя Персии, храбро отражавшие по всей Азии натиск заморских завоевателей, склонились перед Александром и были приняты им милосердно. Он обласкал и Артабаза, и Фратаферна, и Набарзана, и Автофрада, и убийц Дария — Сатибарзана и Барсаента. Эти люди нужны ему, чтобы управлять от его имени огромной державой. Даже греческие наемники Главк и Патрон, командовавшие у персов тяжелой пехотой, явились к Александру, договорились с ним и со своими отрядами вошли в наше войско.

Из крупных персидских воителей смириться не пожелал только Бесс, имеющий под рукой восемь тысяч неистовых афганских всадников и возможность призвать из-за Яксарта еще тридцать тысяч конных скифов. Он объявил себя преемником Дария и принялся собирать армию, чтобы продолжить борьбу.

Но насчет этого малого, братишка, тоже можно не беспокоиться. Азиаты умеют держать нос по ветру, и я уверен, что, если он не перестанет упрячиться, его же собственные приспешники не замедлят прислать «в дар Искандеру» шапку строптивного храбреца. Вместе с его головой, разумеется, как ты сам понимаешь.

В Арейе, уже приближаясь к Афганистану, мы получаем первую возможность испытать, чего стоит вся наша подготовка, и обнажить боевое оружие. Толло и Флагу, частью с ликийцами, частью с зелеными новобранцами, велено обеспечить охрану продовольственного обоза, направленного в отдаленную деревушку. До нее два дня ходу. Меня, Блоху,

Тряпичника и Луку берут в этот отряд. На полпути к месту назначения, в гористой, изрезанной ущельями местности на гребне одного из холмов, появляются какие-то всадники.

Толло и Флаг со своими ликийцами устремляются вверх по склону, чтобы отогнать наблюдателей, а нам, новобранцам, вкупе с несколькими проводниками и погонщиками мулов поручают охрану обоза. Ну и конечно, как только brave опытные вояки исчезают из виду, откуда-то высыпает еще одна разбойничья шайка. При обозе топчется всего дюжина человек, из которых вооружены только четверо, а разбойников три десятка, и все это головорезы самого зверского вида, которые, по всему судя, вообще нас не принимают в расчет. Во всяком случае, направляются они прямо к телегам и начинают растаскивать наш припас, угощаясь по ходу дела. Мы пытаемся отпугнуть их, выкрикивая угрозы и размахивая оружием, они отвечают нам тем же, и у них, нельзя не признать, это получается убедительнее. Погонщики и проводники, нанятые в придорожных селениях, не теряя времени, отбегают подальше и следят за происходящим с расстояния выстрела из хорошего лука, и мы, малость помешкав, присоединяемся к ним. Правда, Лука бормочет что-то о необходимости вступить в схватку, дескать, иначе нас ждет военный суд, но Тряпичник ему возражает. Ты, видать, спятил, говорит он. Только мы сунемся, и нас мигом прирежут.

Короче, разбойники забирают все, что можно забрать, а мы чувствуем себя полнейшими дураками. Толло и Флаг возвращаются, не говоря ни слова садятся на коней и пускаются за грабителями. И что же — те, углядев погоню, бросают награбленное и улепетывают. В результате все возвращено, потерь с нашей стороны нет, и Толло даже пытается нам втолковать, что мы вели себя правильно, нечего тут и переживать.

— Я сам виноват, не надо было оставлять вас одних.

Спасибо ему, конечно, на добром слове, да только мы сами-то знаем, что с перепугу чуть не обделались — вот был бы позор.

Через каждые пять дней марша устраивается большой привал. Всем предоставляется словно бы выходной, какие дома проводят в праздности или мелких хлопотах по хозяйству. Но мы направляемся на восток, и нам, новобранцам, отдыхать некогда. Кому свободное время, кому сплошная муштра.

Мы учимся обороне от конных наскоков. Отрабатываем способы быстрых перегруппировок как на месте, так и на ходу, постигаем тактику притворного бегства и мгновенного восстановления защитного строя. Доводится нам даже малость поездить верхом. На каждого боевого коня в кавалерии должно приходиться по два запасных. Вообще-то в обычных условиях кавалеристы к своим лошадям простых солдат даже близко не подпускают, но здесь все по-другому. Недаром мы называемся ездовой пехотой. Это, например, значит, что, если по каким-то причинам всю регулярную конницу куда-нибудь отзовут, мы сядем на запасных коней, чтобы обеспечивать кавалерийское прикрытие войск и позиций.

А еще нас теперь обучают захватывать небольшие селения. Сначала эта тактика отрабатывалась тренировочно в Армении и Месопотамской Сирии — там для того строились специальные городки, — потом, уже реально, ее опробовали в курдских горах близ Тигра. Взять деревушку в кольцо необходимо бесшумно, в темноте, так, чтобы никто в ней не всполошился и не улизнул. Захват осуществляется на рассвете.

И не сплошным строем, а в следующем боевом порядке.

Таким образом, семь атакующих подразделений формируют три накатывающие друг за другом волны. Схожий принцип используется при преследовании отступающего

противника. Подвижные передовые отряды обгоняют врага, крылья обрушиваются на него с флангов, тыловые шеренги не дают ему вырваться из ловушки, а острия, развернувшись, завершают разгром.

Правда, задача не дать никому улизнуть отнюдь не диктует необходимости обносить деревеньку сплошным непреодолимым кордоном. Нет, в таких случаях принято оставлять брешь, через которую якобы можно скрыться. Беглецы устремляются туда и попадают в засаду, устроенную конницей и стрелками. Суть в том, что захватывать таким образом пленных гораздо проще, чем отлавливать их поодиночке в неразберихе штурма.

Много времени занимает отработка смертельных ударов. На чучелах у нас все получается здорово, но что будет, когда потребуется заколоть человека.

Не заледенеет ли кровь в наших жилах, не дрогнем ли мы, не оплошаем ли в самый последний момент?

Дома нам всем казалось, что мы прямо ужас какие отчаянные смельчаки, ловкачи и рубаки. Теперь каждому из нас ясно, что он пока сущий сопляк и что до настоящих солдат, таких как Толло или там Флаг, ему как до солнца. Мы ничего еще не умеем делать так, как они. Они ходят иначе, говорят иначе, даже мочатся и то, кажется, по-другому. Это высшие существа, полубоги, которыми мы можем лишь любоваться. Нам дано только присматриваться к ним и пытаться им подражать, как дети подражают родителям.

Колонна прошла через Сусию. Кости моего отца покоятся на военном кладбище, но задержаться там я не смог — теперь мы не делаем длительных остановок. До Афганистана осталось лишь несколько переходов, и вот уже четвертый день нас неотступно сопровождают «облака», или «духи», — так на армейском жаргоне называют скачущих на своих малорослых ябу туземцев, порой сбивающихся в разрозненные отряды. Нам втолковывают, что это не афганцы, а арейцы или парфяне, то есть спокойные, миролюбивые малые из племен, нами

вроде бы покоренных. Лука, однако, воспринимает это с сомнением: у наблюдателей больно уж диковатый видок. Не очень похоже, что они склонны кому-нибудь покоряться.

Так или иначе, расхолаживаться теперь не приходится. Солдаты маршируют с оружием, под прикрытием кавалерии. Однако, по правде сказать, все эти меры предосторожности сводит на нет неумемное пьянство. Записываясь на службу, я и помыслить не мог, что вино в армии хлещут как воду. Все видавшие виды служаки каждый вечер надираются вдрызг, так что по утрам их приходится будить пинками, да и это не всегда помогает. А уж какие звуки и запахи витают утром над строящейся колонной, я просто не берусь описать. Первые пять миль солдаты еле плетутся, ничего не соображают, и вздумай противник атаковать нас, он изрубил бы всех в фарш.

При этом Флаг уверяет, что после первых боев все пойдет еще хлеще, и советует нам с Лукой помаленьку прикладываться ко всякого рода напиткам, чтобы приучить к ним наши желудки, потому что «на войне, пареньки, без отравы нельзя». Более всего здесь в ходу дешевое, но крепкое, шибящее по мозгам пойло, которое еще называют бузой или бурдой — это вам не разбавленное водой, хорошо выдержанное винцо, какое благородные господа потягивают за столом для оживления разговора. Любопытно, что по мере продвижения нашей колонны вперед даже среди новобранцев обнаруживаются умельцы, способные выжать хмельное из всего, что имеется под рукой. Из риса, ячменя, ржи, свеклы, фисташек и фиников. Особо ценится бурда из кунжута и проса, вонючая и прогорклая, но такая забористая, что ребята выстраиваются за ней в очередь, кудесники, ее варящие, освобождаются от всех нарядов, а верховые повсюду рыщут в поисках сырья для столь замечательного напитка, без которого, как Флаг считает, воину просто не обойтись. Этот вопрос, кстати, очень серьезный — недаром на привалах выкатывают бочки с ржаным или пшеничным пивом, которые моментально пустеют. Даже жирный осадок со дна выбирается через тростинки. Как-

то в Арейе на опохмелку не нашлось ничего, что тут же вылилось в поножовщину — дикую, беспричинную, просто от раздражения, причем силой дерущихся разнять не удалось. Командирам пришлось срочно посылать за хмельным, чтобы их подчиненные не поубивали друг друга.

Зачем солдаты пьют? Чтобы не думать, говорит Флаг. Если задумываешься, то начинаешь бояться.

Помимо пошла в Афганистане в ходу дурманящая смолистая жвачка, изготавливаемая из опиумного мака. Это так называемый здесь насвар, или назз.

Скатанный из смолки шарик засовывают под губу, отчего десны любителей такой дури со временем постепенно темнеют. Назз бывает двух типов — коричневый и совсем черный. Коричневый дешевле, он хуже обработан, в нем даже маковые зернышки попадают, отчего его прозывают еще птичьим харчем, каким больше пробавляются рядовые солдаты. «Видно птицу по харчу» — так иногда у нас шутят. Сам-то я эту гадость ни за что в рот не возьму, но многие наши без нее уже и в строй встать не могут.

Существуют и другие виды дурмана — гашиш, канна и панк (это опиум). Гашиш и панк поджигают, вдыхая обволакивающий сознание дым, канну просто грызут. Все это здесь не дороже репы, и разжиться чем-нибудь таким не составляет никакого труда. Правда, Александр запрещает солдатам мутить себя чем-либо, кроме вина, но, видно, есть вещи, неподвластные даже ему, завоевателю мира.

Каждую ночь мы теряем одного-двух парней, и младшим командирам приходится отправлять похоронные письма. А составляет их наш поэт Стефан и, кстати, получает прибавку за то, что сочиняет истории о «геройской» гибели этих хвавших лишнего или обкурившихся бедолаг. И то сказать, что начнут думать дома о нашей армии, коли солдатские жены и матери станут получать скорбные извещения о своих мужьях и сыновьях, захлебнувшихся в собственной блевоти-

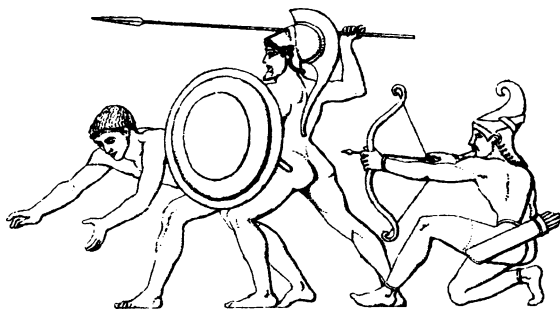

не или утонувших в сточной канаве, вконец задузив мозги черным наззом?

«Духи» все продолжают сопровождать нас, хотя наш темп возрастает. Мы уже близки к цели, из царской ставки к нам прибывают гонцы, пустившиеся в дорогу всего шесть дней назад.

Когда же мы наконец сойдемся грудь в грудь с противником?

— Когда меньше всего будем этого ожидать, — со знанием дела отвечает Флаг.

Итак, на сто двадцать седьмой день после выхода из Триполи мы подходим к Артакоане, столице Арейи. Ужаснее нижнего города, теснящегося у обмелевшей реки, может быть только царство Аида, однако верхние, обнесенные мощной стеной крепостные кварталы смотрятся на удивление пристойно и даже цивилизованно. Женщинам здесь разрешено появляться на улицах — правда, закутанным с головы и до пят, но из-под вуалей то и дело доносится их лукавый смех. Повсюду сады. Заросли тамариска дарят прохожим благодатную тень, ветви деревьев гнутся от сахаристых плодов, которые местные жители называют амасса. Изумительный фрукт — сочный, сладкий, ешь такие хоть целый день напролет, а все равно не наешься.

К вечеру на Артакоану обрушиваются свирепые ливни, но вода мигом впитывается в обожженную солнцем почву, и вскоре та опять выглядит и сухой, и бесплодной, как будто и не было никакого дождя. Управляют городом персы, назначенные Александром, сам же он во главе армии отправился на северо-восток, преследуя претендующего на трон Персии Бесса. Нам

шепнули, что Александр намерен вторгнуться в Афганистан до того, как зима закроет горные перевалы.

Артакоана знаменита своими шорными и сапожными мастерскими. Весь город воняет как одна большая кожная дубильня, но зато превосходные сапоги, переметные сумы и все такое здесь можно приобрести чуть ли не даром. В первый же день мы с Лукой заглянули в одну лавчонку. Сапожник снял с каждого из нас мерку, пообещал стачать обувь к новому утру и, к нашей радости, не надул.

Мы как раз примеряем обнову, когда поднимается какая-то суматоха. Слышны крики, мимо пробегают встревоженные дети и женщины, следом появляются два скачущих в верхний город гонца. Уловив уже появившимся у нас солдатским чутьем, что происходит что-то неладное, мы с Лукой выбираемся на улицу и видим возвращающуюся из пустыни потрепанную колонну македонской пехоты. Слыханное ли дело — без мало-мальского конного сопровождения! Похоже, что-то стряслось.

По пути в лагерь мы нагоняем Флага, Толло и Стефана, и они нам сообщают, что два дня назад к югу от города произошла страшная бойня. Мятежники под предводительством изменника Сатибарзана и командира его конницы Спитамена, прозванного за коварство Волком Пустыни, напав из засады на отряд из девяноста македонских солдат, шестидесяти конных «друзей» и ста двадцати пеших наемников, перебили всех, кроме тех немногих, что прямо сейчас на наших глазах еле доковыляли до Артакоаны.

Командование формирует две группы преследования. Мы с Лукой попадаем во вторую.

Первый отряд выступает незамедлительно, его задача — найти врага по горячим следам и не упустить из виду. Естественно, эти бойцы отправляются налегке, а тащить за них все тяжелое снаряжение выпадает нам, второму отряду. Но глянули бы вы на наших ветеранов! На того же Флага, на Толло и особенно на враз помолодевшего и посуровевшего Сте-

фана! Как они вооружаются, как прилаживают амуницию. Да сжалются боги над теми предателями, до которых они доберутся!

В целом в погоню посылается четверть моры, это примерно четыре сотни солдат. Половина из них македонцы, остальные ахейцы. Всеми командует Аминта Аэропа по прозвищу Вол. Подразделение получается сборное, люди вместе не только не бились, но и не обучались, однако теперь уже некогда что-то менять. Толло, который у ветеранов за старшего, делит нашу команду из шестидесяти четырех человек на две группы, одну он поручает Флагу, другую Стефану. Каждый солдат, едущий на коне, ведет за собой еще мула с поклажей. Мы с Лукой, восседая на двух ослах, попадаем в распоряжение лирика и до самых сумерек тащимся следом за далеко убежавшим вперед авангардом. Когда тьма сгущается, нас встречают вернувшиеся к нам всадники. Их задача — не дать никому из нас сбиться с пути, сами же они, похоже, из тех, кто хорошо видит и ночью. Подогнать новые сапоги сапожник так и не успел, а старые, сношенные, я снимаю, засовываю во вьючный короб и еду себе босиком.

Перед рассветом мы наконец догоняем своих, после чего получаем возможность подкрепиться и передохнуть — на это отводится пара часов. К югу от Артакоаны раскинулись пустынные доли, перемежающиеся грядами холмов, между которыми мы день-деньской и мотаемся. К новой ночи откуда-то появляются скачущие галопом разведчики. Срочно собирается командирский совет. Колонну делят на три отряда. Один — блокирующий — должен занять позицию на юго-востоке, второй (это мы) — атакующий — берет на себя юго-запад, третий отряд — прикрывающий — остается в резерве. Этим счастливицам велено разбить лагерь и ждать.

Мы с Лукой пешком и почти на ощупь движемся в жуткой тьме. Никто ничего не объясняет, приказов мы не получаем, а спросить, что нам делать, стесняемся. Приходится натянуть старые сапоги — новые жутко трут ноги.

Последний лазутчик прибегает за час до рассвета. Толло собирает две наши группы под базальтовым кряжем. В свете заходящей луны мы оглядываем пустынную реку, которая мирно поблескивает, уходя за отрог. Ширины в ней локтей шестьдесят, а глубины, кажется, нет вообще. Преграда, в общем-то, пустяковая, но за отрогом таится деревня, где укрылся противник. Отсюда его, конечно, не видно, но и он нас не видит, а наши разведчики углядели вражеских лошадей.

Толло чертит на земле план деревни, показывает, где кому находится, и говорит, что с первыми проблесками рассвета мы пойдем в атаку.

Ну вот я и дождался этого часа. Знать бы только, справлюсь ли. Не спасую ли перед врагами, когда они в ярости кинутся на меня?

— Пленных-то будем брать? — спрашивает один незнакомый мне старослужащий.

Толло смотрит на него:

— А ты как считаешь?

На том вопросы исчерпаны. Нам с Лукой слова никто не давал. Стефан подводит нас к Бочонку, плотному одноглазому малому, чьи ручищи походят на две отлитые из железа клешни, и велит держаться его.

— Вы ловите женщин.

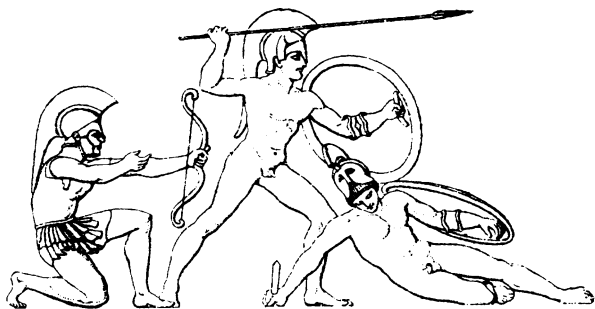
Четверо македонцев и двое ахейцев ловко вяжут веревочные петли. На нас с Лукой по-прежнему никто не обращает внимания, но поскольку некоторые бывалые воины проверяют, легко ли выходят из ножен мечи, мы делаем то же.

Наконец, когда все уже построились, Лука решается потихоньку спросить:

— А женщины-то нам зачем?

Бочонок замирает как вкопанный. Потом поворачивается:

— А то ты не знаешь? Но постарайся обойтись без брачного предложения, паренек.

И вот наш отряд быстро, но совершенно бесшумно, под стать лунным отсветам на реке, скользит вниз по склону холма. Трудно поверить, что люди могут передвигаться столь тихо и столь проворно.

Афганские деревни строятся как форты, круговую, их обегает сплошная ограда из необожженного кирпича. Наши солдаты десятками через нее перемахивают, неудержимо и безостановочно, словно переливающаяся через плотину вода. Мы с Лукой уныло мотаемся где-то в хвосте этой темной волны, стараясь не потерять из виду Бочонка. Нам не поручено никого убивать, мы слишком зелены для столь серьезного дела и годимся только на то, чтобы собирать в одну кучу и удерживать под охраной женщин с детьми. И тех и других продадут потом в рабство. Перекинувшись через стену, мы натываемся на двух собак с перерезанными глотками: видимо, кто-то ловкий и опытный успел позаботиться, чтобы эти сверхчуткие стражи не подняли шума.

Оказывается, наружная стена не единственная, деревня за ней — со всеми своими лачугами, хлевами, курятниками, амбарами и сараями, лепящимися вокруг прихотливо разбросанных

огородов и загонов для коз и овец, — напоминает пчелиные соты.

Но вот послышались крики. И наши, и вражеские. Подняли лай собаки. Таиться больше не надо.

Афганские хижины — это в основном мазанки, крытые тростником и соломой, входят в них со двора. Наши люди, прорываясь вперед, поджигают крыши, чтобы во всех этих норах и логовах никому не вздумалось отсидеться, и спешат дальше. Бочонок указывает нам с Лукой на ряд хибар и орет:

— Хватайте всех, кто оттуда полезет!

Ну да, мамыши с детишками со всех щелей так и прут. И конечно же, попадают прямо к нам в руки. Мы их тут же заталкиваем в ближайший козий загон. В один миг, кажется, нагребли целую дюжину, и это ведь только начало.

Между тем схватка разворачивается прямо на улочках. Застигнутые врасплох враги повыскакивали из лачуг босыми и полуодетыми, но с оружием — и многие уже сидят на своих лошаденках. Наши парни сбивают их наземь копьями или сдергивают баграми. Ох и сноровисто же орудуют македонцы — и страх берет, и нельзя не залюбоваться. Всех мужчин без разбору укладывают на месте, жены и чада убитых даже пикнуть не успевают. Это настоящая бойня, вроде той, что устраивают, прорвавшись на скотный двор, волки или там лвы, но в отличие от зверей солдаты действуют хладнокровно. Для них это просто работа.

Наша группа караулит захваченных женщин и ребятишек. У наших ног блеют козы с козлятами. Животных много, они смертельно напуганы и жмутся к плетеным стенам загона. Их напор столь силен, что хилый забор накреняется и может вот-вот опрокинуться или прорваться. Плохо понимая, что же нам делать, если это произойдет, я ищу глазами Бочонка и вижу, как одна из пленниц, выхватив что-то из складок своего широкого платья, бьет его этой штукой в живот.

Бочонок не двигается, просто смотрит вниз с выражением тупого удивления на лице, потом поднимает глаза и внима-

тельно изучает афганку, которая неподвижно стоит перед ним в таком же немом изумлении.

В правой руке у Бочонка меч. Не торопясь, он хватается женщину за платок и одним коротким движением впечатывает ей в лоб железную рукоятку клинка. Треск расколовшегося черепа, кажется, слышен повсюду.

В тот же миг македонцы с ахейцами принимаются резать пленниц как скот — миг-другой, и весь загон залит кровью, словно тут опрокинули бочку с красным вином. На земле валяется десятка два трупов.

Сопровождаемым и не пахнет, солдаты действуют так быстро и так умело, что их жертвы умирают мгновенно. Никто не корчится в муках и не вопит. Убийцы явно не распалены жаждой крови и не испытывают никакого удовлетворения. Напротив, они досадливо хмурятся: погибло столько крепких рабынь. Их можно было бы сбить за хорошие деньги.

Я парализован ужасом. Одно дело — повествовать о подобной резне, неохотно копаясь в напластованиях воспоминаний, и совсем другое — участвовать во всем этом. Совсем еще молодая афганская женщина в мольбе цепляется за мои колени, выкрикивая что-то невнятное. Двое детей зарываются лицами в ее платье.

— Кончай ее! — орет кто-то.

Оборачиваюсь на голос. Мне подает какие-то знаки тощий и жилистый македонец. Знакомства с ним я не вожу, но знаю, что все его кличут Костяшкой.

— Давай, Матфей, — говорит мне Лука.

Я, как во сне, оборачиваюсь к нему. Что же мне делать? Не могу же я в самом деле вот так вот прикончить несчастную, потерявшую голову мать.

Сильный толчок разворачивает меня. Это снова Костяшка.

— Ты что, хочешь, чтобы убили меня? — орет он.

Я никак не возьму в толк, о чем это он. Костяшка бьет меня локтем в челюсть, отбрасывает и рубит мечом мать. Детишки оглушительно визжат от ужаса.

Лука выволакивает меня из загона. Снаружи повсюду — македонская кавалерия, просто повсюду. Афганцы десятками на лошадях уходят через холмы. Наши всадники гонятся следом.

Ноги сами несут меня по кривым улочкам. Я один, я шагаю вдоль стен глинобитных лачуг. Оружие мое куда-то девалось. Македонцы по двое, по трое рыщут везде, загоняя всех местных мужчин в тупики и безжалостно убивая. Скорый суд, но не очень-то праведный, ибо наши подлинные враги, те самые, что перебили в пустыне множество наших ребят, по большей части успели ускакать в горы. Гибнут простые селяне, виновные только в том, что предоставили кров своим соплеменникам.

Я бреду наугад, пробираясь между обвалившимися изгородями и перевернутыми повозками. Только сейчас до меня доходит, что, растерявшись там, в козьем загоне, я совершил воинское преступление, поставив под угрозу жизни своих товарищей. Мы на войне, и если одна местная девка запаслась ножом, то точно так же могли поступить и другие. А солдат, на которого сослуживцам нельзя положиться, опасней врага. С ужасом осознав это, я тащусь дальше.

В одном из открывшихся сбоку проулков я вижу Аминту, нацелившего копьё в спину убегающего афганца. Он метит между лопаток, но беглец вспрыгивает на что-то приставленное к забору, подтягивается, надеясь перевалиться через преграду, и наконечник входит между ягодиц. Копьё брошено с такой силой, что пронзает беднягу насквозь. С истошным криком афганец падает на землю, древко копья при этом ломается, а вывороченные из образовавшейся раны кишки цепляются за торчащие во все стороны сучки небрежно обработанного бревна, возможно успевшего послужить лестницей более удачливым базам. Несчастный орет не умолкая, он пытается запихнуть внутренности обратно, я же поворачиваюсь и бегу.

Правда, бежать мне особенно некуда — невообразимые зверства творятся за каждым углом. От каждой из этих кошмарных сцен можно спятить, однако что скажут мои товари-

щи, увидев, как я несусь сломя голову неизвестно куда? Остается одно — перейти на шаг и чесать, ни на что не глядя, с озабоченным видом, словно по делу.

Но рано или поздно все выйдет наружу. То, что я отбилсь от своего подразделения, — невеликое нарушение, оно чревато лишь поркой. Однако потеря оружия может стоить мне жизни, тем более что я чистенький, как огурчик! Резня еще продолжается, а на мне нет ни пятнышка крови. Это и вовсе никуда не годится. Это усугубит мое положение. Все остальные прошли сквозь кровавую баню.

Доходит до того, что я начинаю лихорадочно озираться, высматривая свежий труп, чтобы вымазаться в крови.

И получаю мощную затрещину — ее отвешивает мне Толло. Не говоря ни слова, он тащит меня с улицы в какой-то грязный внутренний двор, где толпится с полдюжины македонцев, проволакивает через эту компанию и вталкивает, приложив о дверную балку башкой, в хижину — в низкую, темную комнатку.

Тычок в спину. Толло пропихивает меня туда, где стоит на коленях избитый, окровавленный афганец лет пятидесяти. Его крепко держат двое ребят, мне незнакомых. Толло хватает мою правую руку и втискивает в нее рукоятку короткого спартанского меча. Не всякий меч имеет прозвание. Но этот имеет. Это так называемый «потрошитель».

Нужды в дополнительных указаниях нет. Что следует сделать — предельно понятно. Но я не могу.

— Прикончи его! — рявкает Толло.

Как? Я даже не представляю, какой тут нужен удар. Афганец буравит меня ненавидящим взглядом. Он что-то шепчет на своем языке, я пробую вникнуть, но не разбираю ни слова. Зато чувствую, как лезвие клинка Толло касается моей шеи. Старик повторяет свое проклятие, теперь он кричит.

Я тыкаю клинком в его живот — но удар мой нетверд и неточен. Афганец орет и валится в сторону, мой меч отскакивает от его ребер — и только чудом остается в руке. Похоже, я и кровь-то ему не пустил. Толло, исторгая поток грязной

брани, хватает меня за запястье, остальные наши солдаты заходятся от хохота. Я беру рукоять в обе руки и еще раз — уже с замахом — посылаю меч в живот старика. На этот раз удар слишком силен — острое, пройдя насквозь, застревает в хребтине, мне его никак не вытащить. Я напрягаюсь, но все без толку. Солдаты бьются в истерике. Толло награждает меня еще одной затрепачкой. Я ставлю пятку на грудь старика и выдергиваю меч. Живот пленника вспорот, но сам он остается в сознании — продолжает плевать и проклинать меня.

Я наношу новый удар, целя в бедренную артерию своей жертвы, но почему-то попадаю по собственной ноге. Кровища хлещет ручьем. Я в ужасе и растерянности, а все остальные — теперь включая и Толло — только что не катаются по полу, хватаясь за животы. В комнату со двора забегает собака — ее, видно, привлек запах крови. Афганец изрыгает ругательства, шавка лает, солдаты ржут. Потом кто-то хватает пленника за волосы: один рубящий удар, второй, третий — голова отделилась. Костный мозг брызжет из разрубленного позвонка на сапоги убийцы.

Это Флаг. Он разжимает пальцы, голова падает. Слышен хрусткий шлепок. Македонцы выпускают из рук безголовое тело. Оно валится вперед, на меня, обрубок шеи заливает мою грудь кровью. Я блюю — выbleвываю все, что проглотил за последние трое суток.

Лишь во дворе до меня доходит, сколь постыдно и жалко я выгляжу со стороны. В отличие от товарищей, храбро и беспощадно разивших этим утром противника, я сумел поразить лишь себя и весь провонял мочой и блевотиной. Лука перевязывает мою рану. Кто-то подходит ко мне, останавливается. Это Вол, наш старший командир. Он таращится на меня с удивлением и презрением.

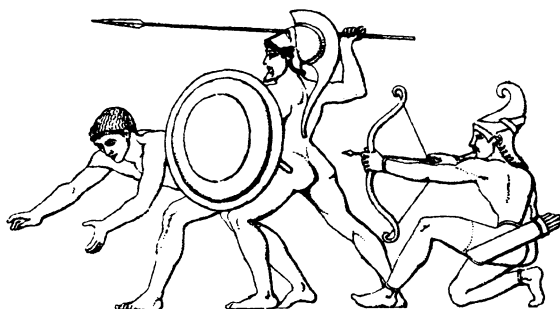
— Это еще что за чучело? — спрашивает Вол.

Из хижины появляется Толло.

— Новобранец, командир.

Вол качает головой:

— Ну и пополненьце, да сжалются над нами боги.

В тот вечер мне от стыда кусок в рот не лезет, однако Толло приказывает есть через силу. Провонявшую одежду я снял, но стирать не могу. Флаг советует сжечь эти тряпки.

За два часа до рассвета опять дают сигнал к выступлению. Мы с Лукой теперь садимся на предоставленных нам лошадей, припасы навьючивают на ослов, и наш отряд движется по следам головных конных дозоров, всю ночь не упускавших из виду вырвавшихся из ловушки афганцев. Беглецов человек пятьдесят — половина верхом, половина пешие. Теперь мы наверняка их догоним. Нас две сотни, все в седлах. И это не весь наш ресурс. Помимо раненых позади оставлена и пехота, чтобы удерживать захваченную деревню и разорить еще три, находящиеся по соседству.

Четыре дня мы тащимся через местность, называемую на здешнем наречии тора балан («черные камни»). И то сказать, вокруг сплошь базальт, образующий бесконечное скалистое плоскогорье, сильно изрезанное ущельями и теснинами. Среди этих каменных нагромождений мы и плутаем с ощущением, что углубляемся в трущобы незнакомого города, чьи улоч-

ки, как это обычно бывает, частенько заводят тех, кто впервые бредет по ним, в тупики, из каких после приходится с немалым трудом выбираться. Что мы и делаем — с руганью, с раздражением и раз по десять на день.

Разумеется, у нас есть афганские проводники, но толку от них очень мало. Они годятся только на то, чтобы находить воду и чахлые пастбища, да и это, подозреваю, скорей делают для себя, чем для нас. Лошади выбиваются из сил, мы после каждого перехода валимся, словно мертвые, наземь. Я начинаю опасаться, что эта погоня сулит больше неприятностей нам, а не нашим врагам.

Хуже всего, что за все это время мне так и не удастся заснуть: стоит закрыть глаза, и я слышу крик бедной женщины, вижу валящегося мне на грудь безголового старика.

Я принял решение не убивать ни в чем не повинных людей, но обсудить это мне не с кем, даже Лука не желает меня понимать.

— Ты убил кого-нибудь в той деревне? — спрашиваю я его в конце первого дня блужданий по каменному лабиринту, когда мы, готовясь к ночлегу, укладываемся на раскатанные плащи.

Выясняется, что нет.

Я спрашиваю, что он собирается делать.

— Что ты имеешь в виду?

— В следующий раз. Что ты будешь делать?

Мой приятель в сердцах пинает ногой свое ложе.

— Что я буду делать? Я скажу тебе, что я буду делать. Именно то, что будешь делать и ты. Я буду делать то, что мне прикажут. Я буду делать то, что прикажут мне Флаг и Толло!

Понимая, что слишком раскипятился, Лука пристыженно прятет глаза.

— И все, Матфей, больше ни слова. Не хочу даже слышать об этом. Думай что хочешь, но свои мысли держи при себе.

Он укрывается полой плаща и поворачивается спиной.

Я думаю, что мы схожи с разбойниками. Говорят, принимая кого-нибудь в шайку, главари первым делом принуж-

дают новичка совершить преступление под стать тем, какие уже совершали все ее члены, повязывая таким образом его с ними общей виной. После чего пути назад у него уже нет. Он становится точно таким же, как прочие.

Я говорю это Флагу.

— Вижу, ты все еще напрягаешь мозги, — ворчит он.

Наконец на четвертый день к полудню с очередной высотки мы видим их — оборванных, босых беглецов. Около двух дюжин базов еле тянутся вдоль подножия черной каменистой гряды.

Манерой сражаться афганцы совсем не походят на македонцев. Наш строй щетинится копьями, всегда готовыми отразить нападение. Туземцы предпочитают действовать на расстоянии. Их излюбленное оружие — луки или пращи. Кроме того, на поясе каждого из них вместе с прочим диковинным снаряжением висят три ножа — малый, средний и совсем длинный.

Боя они не принимают, а пускаются в бегство, карабкаясь на скалы, как козы, отстреливаясь и сбрасывая с откосов валуны в надежде накрыть нас лавиной. Пущенный из пращи булыжник размером с армейский котелок со свистом пролетает мимо моего уха.

Наши лошади лазать по скалам не могут. Мы гонимся за афганцами пешими, но сблизиться с ними нам так и не удастся. Локтях в шестидесяти от нас они ускользают за гребень холма и пропадают из виду.

Преследование продолжается еще два дня все в том же пешем порядке. Своих изрядно отощавших лошадок мы ведем в поводу. Наши проводники испарились, и теперь мы ищем не столько врага, сколько воду. А как найдем какой-нибудь хилый источник, уже не решаемся отходить от него далеко, когда же уходим, то стараемся хорошенько запомнить дорогу, чтобы в случае надобности суметь к нему возвратиться. Очередным вечером перед обустройством стоянки Флаг посылает меня, как и других новобранцев, на поиски столь необходимой всем воды. Мы расползаемся в разные стороны.

Я без каких-либо задних мыслей бреду себе в одиночку по сухому каньону и, спокойно сворачивая за скальный выступ, едва не наталкиваюсь на афганца.

До него локтей шесть. Он сидит на корточках и облегчается.

Мой первый порыв — извиниться и удалиться. Потом до меня доходит, что это враг — вот ведь какая нелепость! Застигнутый врасплох малый тоже разинул рот: он поражен не меньше меня. Я хочу крикнуть, позвать ребят — не тут-то было! Ужас сковал немотой мой язык.

А мой афганец уже на ногах. Ему около тридцати лет, черные глаза, лицо спрятано в бороде, густой и пышной, как заросли карри. При всей своей растерянности я решаю попробовать припугнуть его и шагаю вперед, выставив перед собой копьё. Страх наполняет глаза туземца. Он сглатывает слюну и вместо того, чтобы отступить, неожиданно прыгает в мою сторону. Я не успеваю даже подумать о какой-либо защите, как он, увернувшись от наконечника пики, хватается обеими руками за древко и дергает его на себя. Я тяну на себя. Выглядит все это как перетягивание шеста, только сейчас в этом обычно шуточном состязании проигравшему грозит смерть.

Мой противник кричит. Мне приходит в голову, что он, скорее всего, караульный. Значит, афганский лагерь находится совсем рядом, за другим каменным выступом, например.

Теперь кричу я:

— Флаг! Толло!

Афганец отпускает древко моей пики и кидается на меня, причем о своем оружии он, похоже, не помнит. Крепкие зубы впиваются в мое плечо, жесткие пальцы норовят выдавить мне глаза. Сцепившись, мы падаем и катимся по горячему пыльному щебню. Мой страх уступает место странному чувству. Мне кажется дикой, чудовищной несправедливостью погибнуть вот так — ни с того ни с сего!

Это придает мне сил. Я вырываюсь, ярьсь не столько на афганца, сколько на собственную глупость. Мы опять на ногах. Руки мои свободны. Враг вспоминает о своем кинжале и

тянется к нему, а я подбираю с земли осколок базальта. Афганец снова бросается на меня и клинком дырявит мой плащ, я же изо всех сил бью шельму камнем. Попадаю в лицо. Камень большой, с солдатский сапог, слышно, как дробятся зубы. Противник отшатывается и падает. Я наваливаюсь на него и все тем же куском базальта выбиваю ему мозги. Времени на это требуется немного — его череп раскалывается, мои пальцы тонут в горячей жижке.

Звучат голоса. Трое афганцев появляются впереди, но сзади ко мне спешат Флаг, Толло, Тряпичник и еще двое парней из наемников, их имен я не знаю.

Говорят, нет ощущения сильнее страха. Это не так, стыд гораздо сильнее. И потому, глядя на ястребом налетающего на врагов Толло, я испытываю невероятное облегчение от сознания, что вот сейчас, может быть, мне удалось хоть в какой-то мере искупить вину за свое непростительное, недостойное поведение в деревушке.

Наши парни, среди них Флаг с Лукой, проскочив мимо меня, гонятся за афганцами. Я вскакиваю и бегу следом, окрыленный не столько своей первой победой, сколько тем, что мне удалось уцелеть.

За скалой и впрямь обнаруживается хорошо освещенный вечерним солнцем афганский бивак. Наши ребята обрушиваются на туземцев, что твоя волчья стая, и я бросаюсь в самое месиво бойни. Теперь мной овладевает жажда убийства — мне хочется опять вышибить из кого-нибудь дух, причем отнюдь не из кровожадности, нет, просто я ощущаю, как во мне снова вздымается волна ужаса. Пока она не захлестнула меня, мне крайне необходимо совершить что-то ужасное самому. Не отыскав себе противника, я устремляюсь туда, где двое наших прижали к скале одного из афганцев. Втроем мы насаживаем его на свои копыя, и он трепыхается на них, как загарпуненная рыба.

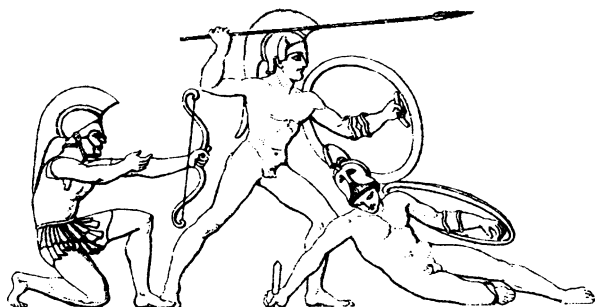
— Умри, умри, умри! — орем мы в три глотки, как три дурака, налегая на древки. Острия наших пик, пронзив жертву насквозь, скребут камень.

А ведь этот афганец не зверь, у него человеческие глаза. Вид его мук терзает мне душу. Наконец удар одного из наемников вершит дело — враг падает, и двое моих товарищей исполняют над переставшим дергаться телом дикий танец, побуждаемые к тому не столько упоением, обычно сопутствующим победе в бою, сколько радостью избавления от собственных страхов. Я кричу что-то, увлекая их в погоню за невесть кем. К моему изумлению, они внемлют призыву и бегут следом.

Все заканчивается конным преследованием, в котором Стефан и шестеро наемников настигают последних беглецов. Они приводят обратно четырех пленников. Мы убили семнадцать человек, потеряв одного (малого, что несли впереди всех рядом с Толло). Трое наших ранены, в том числе мой приятель Кулак, сломавший, неловко грохнувшись оземь, лодыжку. Наступает ночь. Наши парни забирают оружие мертвецов, с жадностью поедают провизию, вытряхнутую из их котомок, и греют спины у костров, в которых жарко трещит собранный ими хворост.

В тот день два афганца пали от моей руки. Позднее их лица будут мне сниться. Позднее меня начнет мучить раскаяние. Но это придет потом, а сейчас... Сейчас я доволен. Я несказанно горжусь собой, оттирая с предплечий афганским песком засохшую кровь тех людей, которые, если бы могли, прикончили бы и меня, и всех нас не моргнув глазом. Наконец-то можно заснуть, не терзаясь стыдом. Я счастлив так, как, пожалуй, не был счастлив никогда в жизни.

Мы поворачиваем обратно. Путь, на который ушло шесть дневных переходов, отнимает теперь у нас вдвое больше времени, поскольку и люди, и животные смертельно устали. Да и идти приходится не по прямой: мы собираем наши же патрули и петляем от деревни к деревне, чтобы желудки еле переставляющих ноги солдат совсем уж не пустовали.

Каждое утро нам с Лукой приходится ломать голову, где раздобыть хоть немного еды, ибо именно мы с ним отвечаем в нашем подразделении за кормежку. Обязанность хлопотная, что говорить, но провизия нужна позарез, и мы применяем на практике затверженные раньше уроки. Учимся нагонять страху на местных жителей, не поддаваться на их слезные уговоры, пропускать мимо ушей заверения, что в доме не осталось ни крошки, не обращать внимания на мольбы и рыдания женщин, стариков и детей. Все это вранье. Раз они до сих пор еще не сдохли, значит, в селении есть что пожрать.

На девятый день обратной дороги к нам прибывает самый блистательный штабной посыльный, какого я когда-либо видел: царский «друг» в командирском чине и с государевой почтой.

Его сопровождают трое афганских проводников. Их приземистые ябу рядом с могучим жеребцом гонца кажутся замухрышками. Правда, тот, кто знает, как быстро передвигаются эти лошадки по горам и пустыне, никогда так не скажет, а тот, кто впервые с этим столкнется, сделает, скорей всего, вывод, что они могут летать. Пока прибывший командир совещается с Толло и Стефаном, мы по-быстрому жарим и уминаем все, что нам удалось отобрать у окрестных селян.

Потом нас всех собирают и сообщают, что Александр уже здесь, в Артакоане. Получив через гонцов сообщение о предательстве Сатибарзана и Спитамена, наш царь, прервав наступление на восток, оставил тяжелые войска под началом стратега Кратера, а сам во главе кавалерии и легкой пехоты повернул назад, преодолев за три дня сто восемьдесят миль пути. При его появлении мятежная конница пустилась наутек, а тринадцать тысяч неприятельских пехотинцев он загнал в горы и осадил в естественно укрепленной твердыне под названием Материнская Грудь. Александр пообещал отпустить их всех с миром, если они опять признают его власть над собой. В ответ ему прислали выпотрошенную собаку. Что значило «убирайся в ад».

Приказы, доставленные «другом», предписывают нам не возвращаться в Артакоану, а со всем возможным проворством поспешать к месту первоначально учиненной мятежниками резни, дабы защитить тела наших соотечественников от вполне вероятного нового осквернения. Нам велено оставаться там, пока Александр не покончит с вконец зарвавшимися бунтовщиками и не придет к нам лично, чтобы оказать подобающую честь павшим. Двое афганцев на ябу будут указывать нам дорогу.

Через три дня мы прибываем туда, куда должно, — к узкой горловине между гранитными скалами. Там уже мается кое-какая охрана — недоукомплектованный отряд наемников из Аркадии. Караульные очень нам рады, ибо их слишком мало, чтобы и долее удерживать на расстоянии орды по-

терявшего голову мародерствующего воря, состоящего главным образом из местных женщин, болтающихся поодаль в надежде утянуть щит или наконечник копья. Бронза и железо сами по себе очень дороги в этом диком краю, не говоря уж о ценности оружия как такового.

Нам рассказывают, что произошло с нашими соотечественниками. Хуже всего пришлось тем, кто не погиб сразу. Пленников раздели донага, распяли на земле, вогнав им длинные ножи в бедра и развалив мясо до кости, потом выпотрошили несчастных, выкололи им глаза и отрубили гениталии, которые, натерев терпентиновым маслом, сожгли. Все это проделывали, пока в жертвах еще теплилась жизнь.

Проводники-афганцы добавили, что занимались этим не воины, а женщины и детишки. Уж таков здешний обычай — отдавать пленных на бабью потеху. Так поступают не только с чужеземцами, но и с соседями из недружественных племен.

Добросовестные уроженцы Аркадии сложили тела наших земляков в центре лагеря, чтобы надежнее оградить их от каких-либо поползновений. Трупы завернуты, и мы, новички, даже и не пытаемся заглянуть под покровы.

Едва спускается тьма, осаждающие лагерь женщины поднимают по обе стороны ущелья дикий вой. Вскоре вокруг гремит неопишуемая первобытная какофония.

— Это шакалы или люди? — спрашивает Блоха.

Лука ежится.

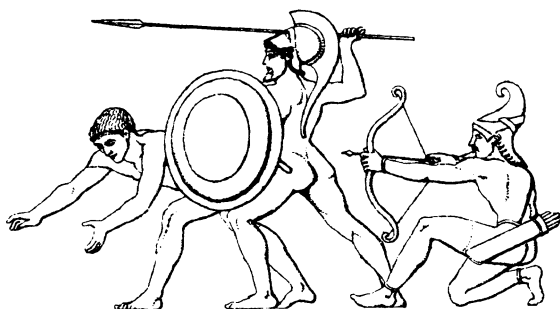
— Шакалы, те воют почти по-людски.

Вечер теплый, но мы все дрожим. В лагерях принято ставить на часы одних только новобранцев, но в такую ночь на дежурство заступают и ветераны.

Где-то к третьей смене двое конюхов Вола убивают афганскую сучку, ухитрившуюся, миновав часовых, прокрасться к самой коновязи и чуть было не подрезавшую одному из этих малых поджилки буквально в трех шагах от командирской

палатки. На следующее утро мне и кое-кому еще поручают перенести тела наших соотечественников в специально приготовленное укрытие. Мы беремся за первую завернутую фигуру, чтобы поднять ее, но она разваливается у нас в руках. Части выкатываются из свертка, и мы с ужасом видим, что ноги человека обрублены по колени, голова отсечена.

Когда наша колонна возвращается в Артакоану, мы находим нижний город опустошенным, а верхний — разрушенным, обращенным в развалины. Оказывается, в наше отсутствие тут разгорелось восстание, которое было решительно и беспощадно подавлено. На востоке в горах закончилась осада Материнской Груды. Александр со своими отборными подразделениями уже находится в Дрангиане и спешит на юг, преследуя мятежников-барсаентов и командира бунтующей конницы Спитамена.

Как выясняется, след именно этого хитреца наш отряд и разыскивал по всему базальтовому нагорью. Ведь, собственно, лично Спитамен, а не кто-то, устроил резню, положившую начало всей цепи несчастий. Это он предательски заманил наших в ловушку, а захваченных пленных отдал потом на расправу.

Однако этот негодяй не только жесток, но и умен. Пока мы напрасно гонялись за ним по пустыне, он со своими основными силами окружным путем подобрался к Артакоане, подбил горожан на мятеж, а когда тот провалился, сумел снова скрыться.

Ищи теперь ветра в поле.

До сих пор мне еще не случилось видеть разрушенных городов. Зрелище удручающее. На месте знакомых лавок и мастерских чернеют пожарища, уже обжитые коршунами и стаями диких собак.

Правда, городские сады уцелели, теперь в них разбиты солдатские городки. Девушки резво снуют между палатками и рекой, принося в кувшинах воду.

К сожалению, нашему пополнению так и не удастся соединиться с армией Александра. Вместо этого мы примыкаем к вернувшимся в Артакоану тяжеловооруженным подразделениям Кратера. Им сопутствует та самая артиллерия, чьи боевые машины разрушили Верхний город и сломили дух незадачливых бунтовщиков. Обоз сейчас доукомплектовывается перед отправкой на юг.

Результаты деятельности метательных механизмов воистину грандиозны. Половина городских стен снесена начисто. Но и мятежники не посиживали сложа руки: внизу дыбятся обгоревшие остовы примерно дюжины камнеметов, уничтоженных в ходе смелой вылазки сверху. Сейчас нашим корзинщикам приходится спешно очищать рвы от завалов и возводить временные, деревянные оборонительные сооружения. Лес, некогда покрывавший подступы к Материнской Грудь, сведен под корень, а местами сожжен до золы.

Нашему отряду дается десять дней на отдых и переформирование. Допуск в верхнюю крепость для солдат открыт, и мы наведываемся туда. Там еще сохранились остатки перегородивавших улицы баррикад, но большая часть того, что могло гореть, обратилась в пепел, а почти все сложенное из кирпича-сырца развалилось. Лишь некоторые каменные здания устояли, и когда мы заходим в черные, обугленные изнутри помещения, под нашими сапогами хрустят кости.

Любопытство также влечет нас к другому прибежищу и оплоту повстанцев. Так называемая Материнская Грудь и без какого-либо человеческого вмешательства укреплена понадежней любой цитадели. С флангов ее защищают поросшие

сосняком кручи, с запада — зубья отвесных утесов. Восточные склоны, правда, довольно пологие, но их отсекает от внешнего мира глубокое русло давно обмелевшей реки, через которое перекинута всего два мосточка.

Александр и не подумал штурмовать эту природную крепость. Разместив свои основные силы на восточном берегу высохшей речки, он дождался сильного западного ветра, приказал поджечь сухие смолистые сосны и, когда огонь выгнал врагов в каменную теснину, велел забросать их копьями. Завершила разгром македонская кавалерия, получившая приказ пленных не брать.

Когда на следующий день пал и город, всех спустившихся вниз мужчин перебили, а женщин и детей продали в рабство.

На этом, однако, карательные меры не исчерпываются. Кратеру вменено наказать за поддержку, оказанную мятежникам, весь здешний край, и наше подразделение подверстано к выполнению этой задачи в качестве вспомогательного. Подвергнуть экзекуции намечено одиннадцать деревушек. Нам велено ни во что не соваться, а просто перехватывать всех, кто пытается скрыться, самими же поселениями займутся без нас. Есть кому ими заняться.

И вправду есть. Вот, доложу вам, вояки! Старого, правильного закала — других таких нет. Жуть берет. До них далеко даже Флагу, Стефану или там Толло. И при этом никакой рисовки, никаких лишних движений. Каменное спокойствие и непробиваемая невозмутимость. Отвага для них в порядке вещей, часть повседневной работы. Некоторые из этих продубленных ветрами и покрытых шрамами ветеранов воевали еще в Греции при царе Филиппе, когда Александр был ребенком. Это они усмиряли Афины, громили Фивы, приводили к покорности могущественную и кичливую Спарту. Да что там Спарта, даже великая Персия зашаталась и пала ниц под их сокрушительными ударами при Гранике, Иссе и Гавгамелах. Именно они первыми врываются в Тир и Газу, захватывали Вавилон, Сузы, Персеполь.

Эти афганские деревушки плевка их не стоят, подобные операции отработаны до мелочей. Поселения блокируются и сжигаются, все жители мужского пола выискиваются и на месте уничтожаются. Никто не смотрит, сопротивляются они или нет. Местные старейшины на своем языке осыпают убийц проклятиями, но те ни слова не понимают и просто режут их, как свиней, испытывая не больше чувств, чем селяне, забивающие скотину.

Обычная работенка.

А нас с Лукой ощутимо потряхивает, когда мы смотрим на все эти ужасы. Мы стоим в оцеплении и вроде бы ни при чем, но нет способа отстраниться от терзающих слух отчаянных женских воплей и клубов едкого черного дыма, застилающего небеса. В конце концов и нам приходится гнать полонянок перед собой, как овец, а убитых и недобитых мужчин бросать на поживу волкам и воронам.

Эта экспедиция занимает одиннадцать дней. Когда мы возвращаемся в Артакоану, там уже кипит жизнь. Закладывается новый город, Александрия Арейская, чтобы уже одним фактом своего возведения еще раз возвестить всему свету, сколь проницателен наш молодой государь, всегда умеющий обратить в свою пользу не только промахи и ошибки противника, но также алчность его, неуживчивость, твердолобость и прочие тому подобные, в общем-то, свойственные всем людям пороки.

Нам из солдатского строя все афганцы кажутся одинаковыми, а уж о том, чтобы как-то распознавать их принадлежность к каким-либо племенам, не заходит и речи, но Александр прозорливее нас, и смотрит он куда глубже. Он знает, что эти края испокон веку раздирала межплеменная вражда и что народы южной Арейи издревле недолго любили северных своих соседей, веками живших под сильным влиянием персов. Ну а теперь, когда Персии нет, почему бы не использовать застарелую неприязнь? Зачем македонцам проливать свою кровь, гибнуть в стычках, если можно уничтожать одних афганцев руками других?

И Александр затевает строительство, к которому за баснословно щедрое жалование привлекает каменщиков, плотников, землекопов и возчиков. Не удовлетворившись одним лишь этим, он манит на свежие пепелища переселенцев, обещая им не только землю и право жить по своим обычаям, но также массу податных льгот, что очень важно для ремесленников и торговцев. Южане, окрыленные возможностью восторжествовать наконец над заносчивыми соседями, устремляются нескончаемым потоком на север. В считанные дни после оглашения царского указа к месту великой стройки собирается чуть ли не весь работоспособный люд юга Арейи. За мужчинами тянутся женщины. Добропорядочные туземки готовы служить поварихами и портнихами, прачками и сиделками, лоточницами и швеями. Последние идут нарасхват. Пошив палаток становится весьма прибыльным делом наряду с плетением коробов и корзин. А представительницы слабого пола, принадлежащие к категории пешнарван, или, говоря проще, к «охвостью», охотно оказывают услуги, в каких обычно отказывают нанимателям их более рукодельные и искусные сестры.

План нашего государя работает. На месте мрачных развалин стремительно вырастает столица, в которой ничто не связано с памятью о кровавой резне. Страшного прошлого как не бывало, а среди населения окрестных долин начинают преобладать люди, всем обязанные Александру. Они вытесняют старожилы, да и те уже, кажется, склонны к примирению с новым порядком, ведь никогда еще в этом краю не было такой нужды в рабочих руках, таких высоких заработков и надежд на лучшее будущее. Александр покоряет захваченную страну своей мудростью в не меньшей степени, чем военной мощью.

Однако до мира еще далеко. Район строительства следует обезопасить, и мы (вместе с армией Кратера, разумеется) выступаем в поход вслед за силами Александра, давя по дороге остатки сопротивления.

Путь наш лежит через деревни, уже подвергавшиеся опустошению. Казалось, там все должно быть мертво, но это не так. Как ни свирепствовали убийцы, кое-кому из местных жителей удалось-таки ускользнуть. Кто-то так и остался в горах, а кто-то вернулся к родным пепелищам — зализывать раны.

Мы врываемся в хлипкие, наспех отстроенные хибары и вытаскиваем, кого найдем, в ночь. Теперь наша тактика изменилась — стариков, женщин и детей мы не трогаем и не убиваем боеспособных мужчин у них на глазах. Мы делаем это позже, отведя пленных в пустыню, чтобы близкие могли только гадать, какова их судьба. Такие действия наводят еще больший ужас, поскольку суеверные дикари боятся населяющих пустыню джиннов и демонов больше, чем наших мечей. Не знаю, как насчет джиннов, но вот волки начинают следовать за нами целыми стаями и дерутся за каждый оставленный им окровавленный труп. В темноте всегда видны желтые огоньки их глаз. Отпугивать этих хищников факелами или камнями там бесполезно: они лишь отбегают и возвращаются снова.

Луку эта работа просто изводит. Он помрачнел, осунулся и как-то на привале вдруг заявляет, что мы, собственно говоря, ничем не отличаемся от туземцев, которых считаем тупыми варварами и зверьем.

Не всем его речь по вкусу.

Кулак ворчит, что такие мысли лучше держать при себе, чтобы отцы-командиры, не ровен час, не вообразили, будто ты снюхался с афганской мразью.

— Да плевал я на этих афганцев! — горячится Лука. — Мне до них дела нет, они все разбойники и воруги. Я говорю сейчас о нас. О тебе и обо мне, Кулак. О Матфее, Тряпичнике и о каждом молодом олухе, брошенном в этот ад. Что происходит с нами?

Вообще-то все ясно, хотя отвечать Луке ни у кого нет охоты. Война с ее ужасами нас меняет. Исподволь, постепенно, но перемены уже начались, а чем они закончатся, страшно

даже подумать. В кого мы тогда превратимся? Мне самому эти раздумья не дают спать по ночам.

— Что-то во мне умирает, — признается Лука. — Да ладно бы только это, но вместо отмирающего растет что-то новое. Сам пока не пойму что, но боюсь этой штуки. Ненавижу ее. А по сути, боюсь и ненавижу себя.

По существу, Лука лишь облекает в слова то, что и так чувствуют многие. Все это непрерывное кровопролитие не проходит бесследно ни для кого, хотя каждый переживает по своему. Кто-то теряет покой, кто-то уходит в себя.

— Мы все думаем об одном и том же, — талдычит Лука. — Спрашиваем себя: во что мы ввязались? Сможем ли выдержать? Не сойдем ли с ума? Знаете, что написано на лице у любого из вас? «Как мне выпутаться из всего этого?» «Что нужно сделать, чтобы меня отослали домой?»

— Ну, тут ты малость перегнул, — возражает Кулак. — Все не каждый готов бросить все и вернуться.

— А ты что помалкиваешь, Матфей? Сможешь ты с этим справиться?

— Мой отец и мои братья, — отвечаю я твердо, хотя еще миг назад не знал, что сказать, — воины и герои. Я скорее умру, чем брошу тень на их честь.

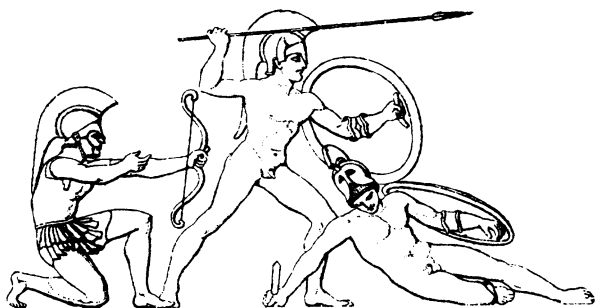
Тот стыд, что жег меня после первого испытания кровью, опять мучительно ворохнулся во мне. Нет, больше этому не бывать. Я должен относиться к себе гораздо требовательнее и строже. В частности, не поддаваться сомнениям, грызущим сейчас моего земляка.

— Мы солдаты, и нам не положено распускать слюни. Это война, Лука!

— Да, конечно, — отвечает мне друг. — Но что это за война?

Книга вторая
ВОЙНА
НОВОГО ТИПА

Александр появляется откуда-то сбоку и одним движением, без какого-то видимого усилия вспрыгивает на помост.

У солдат вырывается вздох.

Да, это он! Вот он!

Двадцатishестидневный путь привел наше воинство в Южный Афганистан, во Фраду. Справа от нас расстилается Дашти-Марго, Пустыня Смерти, слева вдали вздымается Паропамис («Куда не взмыть и орлу») с отрогами Гиндукуша. Высокие, заснеженные пики видны за сто миль, но мы не очень-то склонны ими сейчас любоваться. Мы тащились сюда по в кровь сбивающим ноги камням, а спали в соседстве с гадюками и скорпионами.

Стоит осень. Знаменитый (стодвадцатидневный!) суховец начинает пробовать свои силы. А мы, пополнение, которому предстоит влиться в состав регулярной армии, каждое утро выстраиваемся на обжигающе горячем ветру, чтобы выслушать Александра, и каждый раз (четыре дня кряду) нас после томительного ожидания распускают. Царя нет как нет.

Что не в последнюю очередь делает Афганистан неуютным местечком, так это отсутствие

природных укрытий. Ветры с гор дуют сильнейшие, а на равнине ни кустика, ни деревца. Негде спрятаться. Местность, конечно, потрясающе впечатляющая, но ее красота, если можно так выразиться, безжалостна к человеку. Если зарядят дожди, то вода хлещет немислимыми потоками, если разведется, то каждая неприкрытая металлическая хреновина вмиг превращается в раскаленную сковородку, а тебе совсем некуда деться ни от солнца, ни от воды. А сейчас вот идет сухой. Мы в пути уже мерились с ним силенкой.

Тугой воздух тебя чуть ли не опрокидывает. Двигаешься как по подземному ходу. По сторонам ничего не видать, мир сжимается, он весь помещается между щелчками твоих глаз и котомкой ковыляющего впереди парня.

Где мы? Никто, как водится, нам об этом не сообщает. Сведения набираем по крохам. В низине, где-то восточней озера Сейстан, нашу колонну догоняет малый в крытом возке, запряженном двумя довольно бодрими мулами. На дороге затор, а этот хлыщ орет, чтобы мы расступились, надеясь с ходу проскочить узкое место. Мы бранимся, толкаемся, но сторонимся, и ему удается проехать.

Это «чернильная душа», один из множества борзописцев, прибившихся к армии Александра с тем, чтобы вести хронику ее славных побед. У солдат отношение к этим недоделанным гомерам двойное: с одной стороны, в них видят хлюстов, безопасно глазающих на то, как другие льют кровь, но с другой — кому, спрашивается, не будет лестно, если его имя возьмут да увековечат на страницах какого-нибудь исторического труда? Кроме того, эти писаки, в конце концов, живут одной с нами жизнью: глотают ту же пыль, вытряхивают из сапог тех же змей. И уж кто-кто, а они всегда в курсе последних событий.

— Эй, стило навощенное! — окликает малого Толло. — Какие новости?

Хроникер, узнав говор, расплывается в улыбке.

— Э, да вы, кажется, македонцы! Как это вы сюда затесались?

Колонна наша по большей части состоит из ахейцев с ликийцами.

— Как-как? Тебе, пачкуну, лучше знать.

— Ладно вам лаяться. Сами-то вы откуда?

Вот вопрос, на какой солдаты всегда покупаются, словно малые дети. Мы начинаем выкрикивать названия родных городов, как будто действительно верим, что наш новый приятель тут же запишет их в свой дневник.

Этого пачкуна зовут Коста, с виду он больше похож на актера или на музыканта — явный ловкач и свой в доску парень, правда, уж будьте уверены, в жизни своей не прошедший одной борозды. Зато одет как заправский служака — и плащ у него потерт там, где надо, и поля шляпы чуть загнуты на военный манер.

— Почему бы тебе не написать книгу о нас? — кричит ему Тряпичник. — Мы и есть настоящая армия.

— Я бы написал, — со смехом отвечает хроникер. — Да только кто будет ее читать?

Мы продолжаем тащиться на юг и прибываем-таки на место, где нас распускают на отдых, но продолжают мучить ежедневными построениями.

Наконец на рассвете пятого дня вдали мелькает царский штандарт. Это уже кое-что. Штабные в очередной раз выгоняют нас строиться. На сей раз мы, позевывая, заполняем площадку возле конского рынка, где обычно выгуливают застоявшихся лошадей. Она вроде бы обнесена какими-то там заборчиками, да только ветру те не помеха.

Тут будто из воздуха возникает сам Александр.

И перед нами словно бы зажигается еще одно солнце. Сурак рассеивается, день, до этого тусклый и серый, становится ярким, свет — золотистым. Я и не думал, что наш царь столь хорош — и это при явном отсутствии всяческого стремления как-то подать себя, приукрасить. Он в простом кавалерийском плаще, без каких-либо знаков отличия или царских регалий, но вовсе не так мал ростом, как утверждают досу-

жие болтуны. Я в полном шоке, я, кажется, не был бы более потрясен, даже если бы вдруг увидел перед собой кого-либо из легендарных героев — Персея, Беллерофонта или самого Ахилла. Солдаты раздражаются восторженными воплями, которые не стихают, хотя царь поднимает руки, призывая нас к тишине.

Александр улыбается. Стройный, подтянутый, гладко выбритый, он выглядит ошеломляюще молодым.

— Друзья! — читаем мы по его губам, поскольку звуки слов, разумеется, тонут в шуме всеобщего ликования. — Друзья, ну, пожалуйста, успокойтесь...

Когда рев стихает, Александр приветствует нас и сообщает, что мы уже не новобранцы, а полноправные солдаты действующей в сложных условиях армии. С момента прибытия в Артакоану нам будет начисляться боевая надбавка, все наши путевые расходы незамедлительно возместят.

Дальше мне, как и остальным, представляется случай воочию убедиться в правдивости людской молвы. Тут уже многие говорили, но я не очень-то верил, что Александр знает в лицо всех солдат. Всех до единого. Так оно и выходит. Ну, новички в этом деле, конечно, не в счет, но ветеранов из первой шеренги царь и впрямь безошибочно окликает по именам, а знакомясь с молодыми ребятами, тут же припоминает, кто из их родичей служит или служил у него, и, широко улыбаясь, призывает всех нас всегда и во всем равняться на своих уже овеянных воинской славой отцов и старших братьев.

— Поверьте мне, шансов проявить свою доблесть впереди еще много. Жарких сражений хватит на каждого... и добычи тоже!

Дав улечься новой вспышке восторга, Александр кратко обрисовывает ход нынешней кампании и очерчивает план предстоящих боевых операций. По его словам, масштабные действия как таковые близятся к завершению и все, что нам останется после них, — это преследовать уже разбитого, отступающего врага и охотиться за отдельными пытающимися

скрыться вождями. Он обещает, что уже к осени мы покинем эту страну и двинемся в Индию, где нас ждут такие сказочные богатства, что перед ними померкнут даже сокровища завоеванной Персии.

— Однако, — добавляет Александр, — хотя все в основном уже сделано, пока противник, даже столь дикий и малоразвитый, не прекратил сопротивления, недооценивать его нельзя. Это было бы непростительной глупостью.

Тут лицо его суровеет. Он шагает к краю помоста, с которого, надо думать, в базарное время продувные распорядители с большой выгодой для себя ведут куплю-продажу пригоняемых со всех концов Азии лошадей, и, подавшись вперед, чтобы нам было получше слышно, принимается пояснять свою мысль.

— Друзья, хотя ваше пребывание на афганской земле пока еще нельзя назвать долгим, вы, конечно же, не могли не заметить, что мы ведем здесь войну, весьма отличающуюся от тех войн, о каких вы слышали дома. Может быть, некоторые из вас даже несколько разочарованы этим. Уж больно все вокруг не походит на триумфальный путь к воинской славе, по которому, никуда не сворачивая, мечтает твердой поступью двигаться любой солдат. Я отношусь к этому с пониманием, но и вы со своей стороны должны раз и навсегда уяснить для себя одну вещь. То, что здесь происходит, — это тоже война, и действия, предпринимаемые нами, оправданы стратегической необходимостью, а потому они так же законны, как и любые другие военные меры. Да, они сильно отличаются от привычных, но и сам этот край не похож на другие края, он населен племенами с особенным нравом, и склонять их к покорности мы должны отнюдь не теми способами, которые нам с вами по душе, а только теми, которые приведут нас к успеху.

Здесьние воины, в отличие от всех тех, с какими нам приходилось сражаться раньше, никогда не сойдутся с нами грудь в грудь в решающих битвах. Честный бой не для них. Зави-

дев наш развернутый строй, они трусливо бегут, зато при каждом удобном случае норовят завлечь нас в ловушки, разят, кого могут достать, из засад, налетают, как вихрь, из ночной темноты и, нанеся нам урон, исчезают.

Слову местных вождей верить нельзя, клятвам тоже. Чуть зазеваешься или расслабишься, тут же получишь коварный удар. Они бьют в спину, без колебаний нарушая даже самые выгодные для них соглашения. Таких примеров не счесть. Неспособные одолеть нас в открытом бою, эти люди тем не менее не признают себя побежденными, а удирают и вновь возвращаются, чтобы язвить нас опять и опять.

Надо признать, ими движет похвальное чувство — ненависть к хлынувшим в их страну чужакам. Они ненавидят нас с той же упрямой стойкостью, с какой еще издревле привыкли переносить любые лишения и невзгоды.

Но действия этих людей отнюдь не похвальны. Все они жаждут нещадно уничтожить нас — даже старики, женщины и мальчишки. Но не открыто, как это подобает солдатам. Нет, они нападают исподтишка, стараются усыпить нашу бдительность показным миролюбием, иногда даже просят помощи, а когда мы оказываем ее, убивают. И это еще в лучшем случае. Думаю, все вы знаете, как тут обходятся с теми, кого захватывают живьем.

При всем при том никто не может обвинить меня, что я пришел сюда с намерением ограбить и разорить этот край. Нет, я все еще как-то пытаюсь договориться с главарями разбойничьих шаек, в какие сейчас превратились все местные племена. Я делаю им самые великодушные предложения, приемлемые для обеих сторон. Жестокое нескончаемое кровопролитие нравится мне не больше, чем вам, и я был бы рад, если бы мне удалось превратить здешних туземцев в надежных и верных союзников македонцев. Будь у меня к тому хоть малейшие шансы, я бы с радостью ухватился за них, но, увы, мне в этом смысле вообще не на что опереться. Противник не оставляет мне выбора, он не ищет союза, он хочет нам

навязать и навязывает ни на что не похожую, изматывающую, изнурительную войну. Тактика его всем предельно понятна. Что ж, раз у нас нет иного выхода, мы приспособимся к ней.

Далее Александр заговаривает о великом значении армейской сплоченности, зиждящейся на глубокой внутренней убежденности каждого из солдат в правоте своих действий. Победить нас противнику невозможно: наше военное превосходство бесспорно. Однако своим коварством, свирепостью и упорством наш сегодняшний враг вполне способен смутить нас, поколебать наш дух и тем самым не дать нам сломить себя окончательно. Так что всемерное укрепление воли к победе становится сейчас чуть ли не главной из наших задач.

— Помните, друзья мои, все, с чем вы уже успели соприкоснуться: затяжные погони, нескончаемые прочесывания труднодоступных и мрачных районов, захват сел, возня с толпами пленных, выколачивание нужных сведений из так называемого мирного населения, — все это меры вынужденные и нам не свойственные, но без них нельзя выиграть эту войну. А уж коли нельзя, то вы, как солдаты, обязаны беспрекословно участвовать в таких рейдах, выполняя свой воинский долг. Боги свидетели, я хорошо понимаю, что все вы стремились гордо и храбро шагать по стопам своих братьев и своих отцов в надежде, так же как и они, покрыть себя неувядаемой славой, а потому вас, конечно, обескуражило реальное положение дел. Трудностей, жестокостей, крови — хоть отбавляй, а вот блеска, торжественности и возможностей проявить свою доблесть не так уж много. Повторяю — я это понимаю, а потому не хочу никого принуждать следовать за мной дальше. Более того, я не хочу, чтобы вы принимали решение прямо сейчас, в строю, в моем присутствии и перед лицом своих товарищей. Ибо ваш выбор не будет свободным. Всеобщее во-

одушевление — прекрасное состояние, однако оно, подобно стремительному течению какой-либо горной афганской реки, способно увлечь некоторых из вас совсем не туда, куда их манят разум и сердце.

На этом я заканчиваю. Сейчас вы разойдетесь, получив на размышления как сегодняшний вечер, так и весь завтрашний день. Пусть каждый из вас не спеша пораскинет умом, спросит свое сердце, посоветуется с друзьями и примет взвешенное, продуманное решение. После чего я вам рекомендую с глазу на глаз переговорить с вашими младшими командирами. Ибо даже если человек вдруг поймет, что нынешний способ ведения боевых действий не для него, это еще не значит, что ему не найдется места в армейском хозяйстве. Есть тыловые службы, гарнизонные — да мало ли там какие. Ну а кто не найдет в себе сил остаться, тот сможет невозбранно вернуться домой с одним из обозов отставников. Эти люди получают расчет за все время, проведенное ими на службе, им даже оплатят обратный путь. Ну а награды, трофеи и слава — это уже для тех, кто останется.

Тут собрание снова взрывается. Александр опять призывает солдат к тишине.

— Но помните, друзья, тех, кто решит остаться, ждут не одни только почести и сплошной ливень наград. Это, конечно же, никуда не уйдет, но поначалу я потребую от них мужества, стойкости и упорства. Все должны отдавать себе отчет в том, что соглашаются на трудное и опасное дело, и в дальнейшем никакого недовольства или брюзжания я уже не потерплю. Пути назад тоже не будет. Вы пойдете только вперед. С боями, бок о бок, ведомые командирами, след в след за вашим царем!

Знайте, я вознамерился покорить все земли, когда-либо склонявшиеся перед Персией, а Индия тоже принадлежит к

их числу. Но перво-наперво необходимо утихомирить Афганистан. Да, страна эта бесплодна и не богата, но ошибается тот, кто считает ее не заслуживающей внимания. Это ворота в Пенджаб, путь, связующий Запад с Востоком, и мы не можем двигаться дальше, не обеспечив себе надежный тыл.

Веками через Бактрийскую равнину в эту страну вторгались с севера полчища скифов. Они опустошали ее и исчезали в своих бескрайних степях. Двести лет назад Кир Великий возвел здесь для сдерживания этих дикарей цепь крепостей, однако сам пал в сражении с кочевниками, которых мы зовем массагетами.

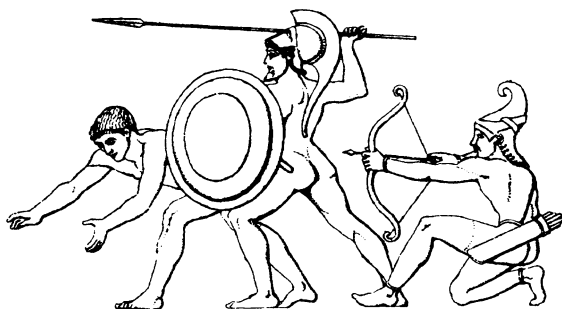
Кир не сумел совладать с разбойниками, но мы спуску им не дадим. Мы не просто прогоним варваров восвояси, мы будем неотступно преследовать их повсюду, пока они не взмолятся о пощаде. Мы сделаем эти края безопасными, иначе зачем же мы здесь? Верьте, мы этого непременно добьемся. Ну а добившись, переберемся через Гиндукуш и вступим в Индию, где, я надеюсь, помимо несметных богатств обнаружится и достойно оберегающая их армия, привычная к более благородной войне.

Итак, впереди Индия. Но прежде — Афганистан!

А сейчас, друзья мои, ступайте. Насыщайтесь, отдыхайте и думайте. К сожалению, вы нашли здесь не то, на что рассчитывали, однако гордым сынам прославленного народа вряд ли стоит чересчур этим удручаться. Ваших отцов и ваших братьев никогда не страшили ни стихии, ни люди. Почему-то мне кажется, что всего этого не утратите и вы.

На сегодня все свободны. Завтра вас распишут по подразделениям.

Разойдись!

Нас — меня, Луку, Тряпичника с Блохой и еще кое-кого из наших знакомцев — приписывают к пешим «друзьям», возглавляемым македонцем Койном и персидским вельможей Артабазом, точнее, к летучей колонне этого формирования. На другой день мы прибываем в часть, где нас берут на довольствие и ставят в строй.

Александр тем временем уже в пути, он идет на юг, к долине Гелманд и будущему Кандагару. Войска Койна поспешают за ним, они считаются одними из лучших в армии, уступая первенство только отборным отрядам самого государя. В больших сражениях Койну всегда отводится почетное место на правом крыле пешей фаланги, непосредственно возле конных «друзей» и личной царской охраны. Однако в этой новой войне масштабных битв не предвидится, а чем выше статус подразделения, тем чаще ему поручаются ответственные и, стало быть, рискованные задания.

Ничего хорошего в этом, конечно, нет. Особенно для нас, новичков. Нам вообще приходится несладко. День напролет мы с Лукой месим грязь в хвосте своего отделения, спим тоже на самых худших местах. У кухонного костра мы

последние, зато первые на работах — хоть фураж добывать, хоть таскать хворост. Каждый с мало-мальски значительной выслугой лет гоняет нас туда-сюда, заставляет чинить свое снаряжение и стоять за него на часах.

Вдобавок теперь к нам цепляются хвори. Луку изводят прыщи на задуге и понос, а меня глисты, не говоря уж о вконец стертых ступнях.

Заступить за нас уже некому, потому как наши прежние командиры Флаг, Толло и Стефан, выполнив свою задачу и «наконец-то избавившись от обузы», отбыли в свои отряды.

Когда становится совсем невмочь, мы с Лукой тащимся к Чубу, получившему свою кличку за непокорную сивую прядь волос на башке, и, заявив, что мы оба из Аполлонии, просим перевести нас в подразделение конной разведки.

— О, так вы, стало быть, отменнейшие наездники? — уточняет наш новый командир.

— Кентавры! — заверяем мы хором.

— То, что надо, — удовлетворенно говорит Чуб и назначает нас погонщиками мулов.

Вот уж, что называется, влипли так влипли.

В своем новом положении мы теперь поднимаемся за три часа до рассвета, чтобы задать животным корму, а потом их навьючить; на привалах опять же приходится заботиться не о себе, а о них; та же песня заводится и в конце переходов. Все ужинают или дрыхнут, мы возимся с мулами и ослами. Падаем затемно. Ну и вдобавок проклятому стодвадцатидневному суховею остается, по нашим прикидкам, дуть еще месяца три. Мы в полном отчаянии. Оно, наверное, доконало бы нас, если бы не чудо, поджидавшее нас в местечке Грам Тал.

Этим чудом оказался мой брат.

Илия сам находит меня. Точней, поначалу Стефан находит его, а уж потом они вместе идут на базар, где отыскивают меня и Луку.

Как я рад его видеть!

Илия сияет.

— Неужели это наш мелкий всезнайка?

Он чуть отталкивает меня, чтобы как следует рассмотреть (в последний раз мы виделись, когда мне было пятнадцать), потом сжимает в объятиях, от которых трещат кости. Глаза наши увлажняются.

— Я уж не чаял увидеть тебя!

Это мы говорим в один голос.

Брат у меня настоящий герой. Его алый плащ «друга» украшают два Серебряных Льва и один Золотой, а на поясе змеиной кожи столько заклепок (с их помощью лихие рубаки ведут счет убитым врагам), что тот кажется сплошь металлическим. Лошадь под ним — уже седьмая из тех, на каких ему, по его словам, приходилось сражаться, — просто великолепна. Это высокая гнедая кобыла по кличке Мели (Милая) с белой звездочкой в центре лба и четырьмя белыми чулками над бабками. Также у него имеются два прекрасных скаковых мерина и любовница-афганка в придачу. Я увижу ее сегодня вечером, когда загляну к нему посидеть-поболтать. Время военное, но ведь надо отпраздновать встречу. Как знать, когда выпадет другой такой случай. Илия пробудет в городе от силы только еще один день, а после, как младший командир авангарда, поведет свой отряд на север, в верховья горной реки Аргандаб, с тем чтобы склонить тамошних вождей (маликов) к союзу и добиться от них согласия поставлять нам провиант.

— Значит, армия повернет в ту сторону? — спрашивает Лука, ища подтверждения давно носящимся в воздухе слухам.

Илия говорит, что Александр торопится перебраться через Гиндукуш, опасаясь, как бы снег прежде времени не замел перевалы, и потому дорожит каждым днем. Наверняка он вторгнется в Афганистан с юга, а не с севера, как планировал раньше, чтобы атаковать Бесса и Спитамена на Бактрийской равнине.

— Так что, ребятки, запасайтесь-ка шерстяными плащами и крепкими зимними сапогами. Перевалы тут труднодоступные, до самого нижнего мили две по отвесной прямой.

Договорившись о встрече, Илия отъезжает, а мы остаемся на рынке. Чуб дал нам задание купить шестнадцать мулов, и надо бы пошевелиться, чтобы не оплошать.

— Раздобудьте животных, способных хоть что-то тащить на себе, — вот все, что нам было сказано.

— Есть, командир.

— И еще, парни...

Мы оборачиваемся.

— Выбирайте тех, что поаппетитнее с виду. Вдруг мы заголодаем в пути.

Сейчас обоз нашей колонны насчитывает тридцать тысяч вьючных животных, однако по большей части они взяты внаем и в самой Фраде, и в ее предместьях, а также во всех придорожных селениях. Владельцы этих выносливых четвероногих ни за какие коврижки не соглашаются отпустить своих кормильцев за горы, вполне резонно боясь их лишиться. Холод, разбойники, камнепады — чем только не чреват дальний путь! Сами они тоже не рвутся сопровождать нас. Кому охота мыкаться по чужбине, когда и дома денежки сами запрыгивают в кошель. В результате хозяйственники во всеуслышание объявляют о скупке или долгосрочном найме больших партий вьючной скотины, а поскольку многие уже знают, что платит наша армия хорошо, округа охотно откликается на призыв. Шатры, палатки и шалаши желающих погреть на этом руки торговцев как по мановению волшебной палочки обступают Грам Тал — и кольцо это с каждым днем делается все шире. Начинает казаться, будто на сто верст окрест не осталось ни одного осла, мула или верблюда, не говоря уж о ябу.

В чем, спросите вы, разница между лошастью и мулом? Мула легче поймать. А это не мелочь, когда тебя затемно гонят в дорогу. У мулов более покладистый нрав и сильнее развито стадное чувство. Можно привязать одного вожака, а остальных просто бросить: они никуда не уйдут. Передние ноги у мула длинней, чем у лошади, они не артачатся перед спусками, и кости у них покрепче, не ломаются почем зря. И потом, мул никогда понапрасну не паникует. Лошадь, застрявшая в снеж-

ном заносе, разорвет сердце, пытаюсь освободиться. А у мула хватает ума стоять спокойно и ждать, когда кто-нибудь подойдет. Правда, мулы более твердолобы, дружелюбными или там преданными назвать их нельзя. Если ты упадешь и повредишь ногу, хороший конь тебя не оставит. Мул же бросит на тебя взгляд типа «прости, приятель» — и порысит себе дальше.

Если вам вдруг захочется уяснить, почему армия Александра превосходит другие, то среди всего прочего советую обратить особенное внимание на одну вещь. Любой боец в македонских понятиях — фигура самостоятельная и сам себе голова. У нас нет строгого разделения обязанностей по рангам, не существует мелочной командирской опеки. Сами посудите, в какой еще армии мира доверили бы что-нибудь маломальски серьезное таким зеленым и необтертым оболтусам, как я и Лука. А у Александра самостоятельность поощряется. И рядовым нисколько не возбраняется подменять младших своих командиров, а уж любого младшего командира назначай хоть в стратеги.

Все строится, так сказать, на доверии. Мол, оно накладывает на человека ответственность, а та выковывает боевой дух.

Другое дело, что жизни подчас такое доверие вовсе не облегчает. Даже наоборот. Ответственность-то на нас — и немалую — возложили, но никакой поддержки не предоставили. Бросили, словно слепых кутят в воду, как хочешь, так и выплывай. А как тут выплывешь, когда тебя то и дело норовят притопить псы постарше, поразворотливей и позубастей. Все в чинах, все с заслугами, а задание у них ровно такое же, что и у нас.

Хуже того, как раз на днях наше формирование нагнала двенадцатитысячная колонна отдохавших под Экбатаной солдат, и им тоже позарез нужны мулы. В результате на торжище столпотворение, равнодушных ко всему на свете тварей рвут прямо из рук, и если каким-то чудом к вечеру нам удастся приобрести восемь, наверное, самых задрипанных в Афганистане животных, то где раздобыть еще столько же, мы не имеем ни малейшего представления. Все выбрано подчис-

тую. В добавление к этой проблеме наш благодетель, афганский торговец по имени Ашнагур (чтобы язык не ломать, мы зовем его Ашем) содрал с нас двойную цену за свой еле представляющий ноги товар, и монет у нас с Лукой остается еще лишь на пару голов. Это, если вы понимаете, вчетверо меньше, чем необходимо.

Аш, видать, проникнувшись сочувствием к нашему затруднительному положению, приглашает нас в свой бичи — сараюху из козьих шкур, куда вместе с нами набивается десятка два его родичей, и угощает обедом. Рисом с курятиной, творогом и лепешками нас потчует то ли жена его, то ли дочь. Разобрать невозможно, видны только руки. Трапезничаем, сидя на коврах, брошенных прямо на голую землю.

— Мулы стоят дорого, — замечает Аш.

Мы говорим ему, что знаем это.

— Женщины дешевле.

Мы не понимаем.

Наш хозяин указывает на вьючный тюк и поясняет:

— Три женщины могут нести такой же груз, как один мул, но едят вдвое меньше. Кроме того, в отличие от мулов, — он усмехается, — их можно использовать и по-другому. Особенно по ночам.

Часа за два до полуночи мы, кое-как разобравшись со своими делами, находим дом, где мой брат сумел снять «довольно приличную комнатенку». С ним, как я понял, еще квартируют два его сослуживца.

Дом этот обретается в самом центре поселка Грам Тал, он набит битком, ярко освещен, слышны кимвалы, кифары. Народу там столько, что не протолкнешься, но моего брата нигде не видать. Обстановка походная, можно не опасаться, что ненароком сунешь нос в женские помещения, их здесь попросту не имеется. Зато самих женщин много, они угощаются вместе с мужчинами. Шлюхи, наверное, а может, не шлюхи, впрочем, до их положения на общественной лестнице нам дела нет. Мы ищем Илию, но безрезультатно, у нас опускаются

руки. К счастью, во всей этой сутолоке вдруг мелькает знакомая физиономия. Это Коста, бравый историограф, с которым мы виделись по дороге из Фрады. Он охотно соглашается помочь нашей беде. Однако, как выясняется, в доме разом идут четыре пирушки, а все гости перепились и жаждут общения, так что до задней комнаты, где расположился мой брат, мы добираемся только через полчаса.

Комната невысокая, но просторная, убранная в афганском стиле: никаких лож или табуретов, всюду одни лишь ковры, на которых, правда, возлежат отнюдь не афганцы, а основательно нагружившиеся македонцы. Некоторые уже похрапывают в углах, другие еще сонно вскидываются и таращат глаза, опираясь на стенки, но основное ядро еще держится, и за низеньким столиком продолжается оживленная болтовня.

Илия радостно приветствует нас. Мы протискиваемся к нему и пристраиваемся по соседству с его афганкой. Коста под аплодисменты льет в кратер вино из прихваченного где-то кувшина. Ему рукоплещут бойцы авангарда, разведчики, носящие в знак отличия черно-коричневые шарфы. Мой брат шумно знакомит нас с ними. За его спиной неподвижно, как статуя, стоит афганский шикари. «Горный волк» в переводе. Так называют местных проводников, сопровождающих передовые кавалерийские патрули. Вид у таких горцев самый свирепый и дикий, что, как правило, не расходится с нравом.

Этому малому за пятьдесят, он жилист, тощ, его огромные черные усы густо напوماжены, а мешковатые штаны хурган заправлены в мягкие кожаные сапожки. Наряд дополняют облегающая торс безрукавка, свободная куртка и шерстяное петту — что-то вроде накидки, служащей также подстилкой и одеялом. Картину вершат три неизменных афганских ножа, заткнутых за обернутый вокруг талии малиновый кушак, и два кизилых дротика с железными остриями.

Афганца брат нам не представляет: это, наверное, против каких-то там правил. Из его писем домой мне известно, что он хорошо изучил обычаи целого ряда местных племен, даже

вроде бы сделался подлинным знатоком в этом смысле. В этой стране у него много приятелей, особенно среди северных дикарей. Он храбро бился с бактрийскими и согдийскими конниками под Вавилоном и по всей Персии, а после победы стал царским курьером, дорос до посланника и, мотаясь по Азии, привлек на сторону Александра немало туземной знати. Знаком Илия и с такими могущественными вельможами, как Оксиарт и Спитамен, но те теперь держат сторону претендента на престол Персии Бесса и кочуют с ним по Бактрийской равнине. Впрочем, ни о них, ни вообще о своих служебных делах Илия говорить, похоже, не склонен. Не заговаривает он и с афганцем, тот просто стоит столбом за его плечом и молчит.

Я прошу брата принять нас с Лукой в свой отряд. Хотя бы конюхами, если нельзя по-другому. Илия смеется, обращает все в шутку, как видно, не хочет подвергать меня риску. Служба в авангарде опасна.

— Поговорим потом, — отмахивается он. — Давай лучше выпьем.

Я поражен тем, сколько он пьет. Льет и льет в себя чашу за чашей. В Македонии Илия очень редко прикладывался к хмельному, а тут его как подменили. Впрочем, и все собравшиеся тоже не дураки в этом смысле: пойло из ржи и ячменя они хлещут как воду. Я пытаюсь не отставать, но вскоре комната начинает вращаться перед моими глазами. От брата это не укрывается, и он смеется опять. По праву — сам-то он головы не теряет. И даже когда подбавляет кому-то вина, не проливает ни капли.

Я все присматриваюсь к нему, отмечая серебро седины в медных густых волосах. Они не подстрижены, а свободной волной ниспадают на плечи, прикрывая тянущийся от уха (половина которого начисто срезана) до подбородка шрам, нанесенный, похоже, кривым восточным мечом. На левой руке брата не хватает двух пальцев, а правая рука его полностью не разгибается. По этой причине Илия не может взять чашу, не подавшись всем телом вперед, а когда он, извинившись,

покидает компанию, чтобы опорожнить мочевой пузырь, встать из-за стола ему помогает сожительница. Дело тут во все не в опьянении, просто спина его тоже повреждена.

Заметив мой взгляд, он смеется:

— Что, братишка, не одобряешь мои возлияния? Но учти, завтра на рассвете, когда ты и глаз-то еще не разлепишь, я уже буду в седле, готовый на все.

Я верю ему. И потерятая амуниция, и выдубленная ветрами и солнцем кожа, и чисто выбритое («друзья», как и сам Александр, не носят бород) лицо подтверждают его слова. Он настоящий воин.

Подруга Илии, в отличие от своего все еще продолжающего стоять соплеменника, сидит на ковре рядом со мной, но представлять ее мне брат не спешит, тоже, по-видимому, из-за каких-нибудь заморочек. Она очень хороша собой и происходит (как мне становится позже известно) из пактианов, обитающих под Газни. Вообще-то как здесь, на Востоке, так и в Македонии женщинам на мужских попойках не место. У нас это верх неприличия, а по местным понятиям — небывалая дерзость, чреватая для преступницы многими неприятностями, вплоть до самой суровой из кар, но в этой компании такие мелочи никого не волнуют. Сама красавица держится вполне непринужденно и даже, когда гомон временами стихает, пытается научить меня выговаривать пару фраз на дари. Ее греческий довольно правилен, но, видимо, перенят у солдат, ибо изобилует вульгаризмами, которые произносятся с очаровательным простодушием. Я расслабляюсь, меня охватывает приятная теплота. Уговорить мило щебечущую прелестницу рассказать, как она сошлась с Илией, мне не удастся, зато я узнаю от нее кое-что о нашем третьем брате, Филиппе. Он благополучно вернулся из Индии, а сейчас во главе внушительного отряда опять отправился за Гиндукуш, в Северный Афганистан, где в тылу врага ищет для Александра новых союзников. Ясное дело, не с пустыми руками: вьюки его «аж трещат от деньжищ».

Уже где-то за полночь наш бравый историограф Коста умудрился повздорить сразу с обоими компаньонами Или и по квартире. Камнем преткновения в их раздоре стал недавний заговор против царя. Вернее, то, как царь с ним разобрался. Ход делу был дан под Фрадой. Там Александр перед всей армией обвинил в измене Филоту — сына Прамениона и командира отряда «друзей». Военный суд признал Филоту виновным и приговорил к смертной казни. Кроме того, убит был и сам семидесятилетний Праменион, старейший наш полководец, покрывший себя славой еще при Филиппе, хотя никаких доказательств его причастности к заговору не нашли. В войсках это породило волну недовольства, тем паче что пострадали еще десятка два заслуженных командиров, всю вину которых составляло родство или дружба с казненными. Некоторые из них тоже были преданы смерти, других отправили в заточение или изгнали из армии, лишив наград и каких-либо прав.

Товарищи брата считают, что эти действия правомерны.

— Так поступают все цари со времен Агамемнона, — пытается втолковать Косте Деметрий, очень молодо выглядящий, но уже побывавший во многих боях командир, о чем свидетельствуют его шрамы. — Человек, уличенный в попытке совершить государственный переворот, должен быть уничтожен. Любой монарх просто обязан незамедлительно казнить заговорщика, а также истребить всех мужчин его семьи. Всех поголовно, включая младенцев. Иначе те, кого пощадили, начнут ему мстить. Если не сразу, то позже, когда войдут в силу. Измену следует безжалостно искоренять даже в мирное время, а сейчас нам и вовсе заказана мягкость. Мы на вражеской территории, идет война.

Коста снисходительно улыбается:

— Да, друг мой, тут ты попал в самую точку. Только какую войну ты имеешь в виду? Если афганскую, то она катится своим чередом, о ней можно не беспокоиться. Александр сейчас ведет другие, более важные для себя битвы. Они идут внутри армии. Старый порядок борется с новым. Догадайтесь: чью сторону держит наш царь?

Оппоненты мрачнеют. Александр непогрешим. Никому не дозволено проходиться на этот счет даже в шутку.

— Как ты смеешь, — грозно вопрошает «друг» постарше, — сомневаться в беспристрастности нашего государя?

— Я лишь сказал, что все эти казни кое-кому пришлось очень кстати, — ничуть не робея, гнет свое летописец. — Или ты ослеп и не видишь, что войска наши переполнены чужаками. В начале кампании наша армия почти целиком состояла из македонцев — а что теперь? Она сделалась по преимуществу наемной и, можно даже сказать, иноземной. Персидской, мидийской, сирийской, армянской, лидийской, каппадокийской — какой угодно, но уже не македонской и даже не греческой. Братья, оглянитесь по сторонам. Еще год назад две трети наших нынешних кавалеристов дрались против нас. Кому они теперь хранят верность? Только одному человеку, тому, чья снисходительность подарила им жизнь и от чьей милости теперь зависит их будущее.

— К чему ты клонишь, брат?

— А к тому, мои отважные командиры, что эта афганская операция, которая, как все мы считали, должна была завершиться полгода назад, вот-вот сменится новой, а та еще одной — и так далее, без конца и без края. Вы полагаете, что наши войска выметут дочиста Афганистан и вернуться домой к зимним празднествам? Не дождетесь! Александр создает новую армию для непрерывных боев. Чтобы сражаться, и только сражаться. Здесь, на Востоке — везде! Ниспровержение царя Дария — наименьшая из его побед. Он одолел вас! Уже одолел, а вы этого даже не замечаете! Верней, не желаете замечать.

— Не стоит, пожалуй, так уж принижать нас, — звучит голос моего брата, и все оборачиваются к нему. — Ты предложил нам оглядеться по сторонам? Оглянись сам. — Илия обводит рукой комнату. — Кого ты видишь? Воинов, каждый из которых не раз смотрел в лицо смерти и готов в любой день опять встретиться с ней. Какое нам дело, куда бросит нас Александр? Или против кого? Он наш командующий!

При этом комната просто взрывается. Все рукоплещут словам Илии.

— Или это не его гений ведет нас от победы к победе, от неизвестности к славе? Или это не он сделал нашим весь мир? Что мы без него? Где, кем бы мы были, служа кому-то другому? И снова восторженные восклицания.

— Помнишь, как сказано в «Киропедии» у Ксенофонта? — спрашивает Илия летописца.

С тобой нам не страшно даже во вражеских землях.
Без тебя нас страшит даже дорога домой.

Расстаемся мы с братом уже под звездами. Зная, что завтрашний день уведет его в горы, он крепко обнимает меня на прощание.

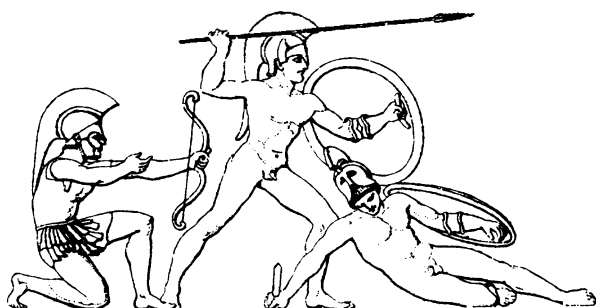
— Неужели ты так и не поинтересуешься, как там наша матушка и сестренка Елена? — спрашиваю опечаленно я, поскольку о доме мы с ним не сказали ни слова.

— Да-да, конечно.

Но я вижу, что его все это не занимает. Шикари подсаживает афганку в седло, она ждет, когда брат освободится, и я прерываю рассказ.

Илия ловит мой взгляд и говорит ласково и одновременно сурово:

— Не думай о доме, Матфей. Не трать зря время. Это ничего не дает, кроме боли.

Ясным погожим утром мы снимаемся с места и берем курс на Гиндукуш. Аш, недавний наш благодетель, а ныне наемный погонщик мулов, действительно сумел найти для нас партию женщин-носильщиц. Клянется, что они очень крепкие, но не упрямые и совсем мало едят. Чем они хуже недостающих животных?

Я пробыл в Афганистане достаточно долго, чтобы счесть эту замену приемлемой.

Хорошая сделка.

Города Кандагар, откуда выступает армия, до нашего прихода сюда не существовало. Мы сами воздвигли его по велению Александра. В двадцать дней возвели стены с внушительными палисадами, проложили улицы и выкопали оборонительный ров. Правда, пока за фортификациями прячутся в основном лишь палатки, но это не важно. Когда поселенцы отстроятся, тут закипит полнокровная жизнь. В цитадели оставлен гарнизон греков-наемников и старослужащих македонцев, по большей части из тех, кому годы не позволяют двигаться дальше, а амбиции — к дому. У этих малых всего две задачи: во-первых, приглядывать за рекой, а во-вторых, за дорогами нижней долины. Иными словами,

они должны заступать путь врагам и беспрепятственно пропускать всех, кто идет с миром. В особенности торговцев, гонцов и армейских снабженцев.

Официально новый город нарекли было Александрией-в-Аракозии, однако персы, а с ними и все остальные тут же стали звать его Искандагаром (Александровым градом), переименовав название на местный лад.

Весть о надежном оплоте спокойствия, вдруг появившемся в многострадальном краю, разлетелась мгновенно, и к Искандагару, или (что привычнее) Кандагару, потянулся обездоленный люд. Мужчин, правда, в этом потоке пока маловато, зато полным-полно женщин, по большей части молодых и голодных. Это пешнарван — отверженные, которых война лишила всего.

Армию, движущуюся по зеленому поясу Южного Афганистана, непрерывно донимают полчища слепней, оводов, шершней, комаров, вшей и блох. Тропа вьется вдоль оросительных каналов, тянущих воду из топей, порождающих целые облака мерзкого мелкого гнуса, который забивается в рот, в ноздри, в глаза, даже в зад. Худо приходится не только людям, но и животным. Спрятаться нет ни малейшей возможности: кисея и защитные сетки не помогают. Как ни кутайся, как ни мажь себя грязью — все это ни к чему не ведет. Кровососы бесчинствуют, хотя у реки Аргандаб начинается очень пологий подъем — миль этак на пятьдесят марша. Затем тропа резко забирает вверх, уходя к горным вершинам. За деревушкой Омир Задт (Нос Наставника) она уже так крута, что колонна растягивается на мили. Наши биваки лепятся к горным склонам, как ласточкины гнезда.

Погода тоже не балует — дождь сменяется градом, град снегом, а снег тем же дождем. Мулы ночами ревут, они чувствуют близкую зиму, им хочется встретить ее в теплых стойлах, а не в горах, где так холодно и так трудно дышать.

Как я уже говорил, за нашим подразделением помимо восьми мулов следуют одиннадцать женщин, подгоняемых расторопным афганцем. Надо признаться, не только мы такие смекалистые: многие тоже используют для переброски груза

носильщиц, в крупных обозах число их доходит до сотни, а то и до двух. Одеваются эти туземки очень однообразно. Все как одна облачены в шаровары и безрукавки, также для них обязательны петту и пашин. Петту, если вы помните, это накидка, а пашин — мягкая и довольно удобная обувь.

Дешевизна — вот главное преимущество женщин перед любым видом вьючной скотины. Тяжелые переходы, особенно по горам, чреватые опасностями. И люди, и животные порой оступаются, срываются с круч, они могут покалечиться или погибнуть, но мул стоит дорого, а потеря какой-то афганки больших убытков не повлечет. Однако, даже и пребывая в столь незавидном (хуже скота) положении, некоторые из этих худощавых и темноглазых девиц притягивают к себе взгляд. Я, например, временами посматриваю на одну очень юную (ей лет семнадцать) дикарочку, чем-то схожую с моей сестренкой, да, честно говоря, и с невестой, хотя мне, конечно, и в голову не приходит как-то сравнивать их. Эту девчонку наши оболтусы прозвали меж собой Гологузкой за обыкновение, присаживаясь, как это принято у афганцев, на корточки, высоко задирая свое петту. Ясно ведь, что она не видит в том ничего неприличного, а дурачью только бы зубоскалить. Настоящее имя дикарки Шинар, и отличает ее от товарок блеск глаз. В них светятся живой ум и достоинство, чего не скажешь о прочих афганках. К тому же эта тонкая как тростинка малышка удивительно сильна: несет вверх по склону мешок с кунжутом в добрую половину своего веса и даже не гнется. Ей под стать разве что долговязая деваха по имени Гилла, глаза у той, кстати, тоже блестят.

Правда, моя малышка все время молчит, а поскольку меня начинает грызть любопытство, я на четвертый вечер подхожу к Ашу. Хочу, чтобы тот порасспрашивал, как ее угораздило вляпаться во все это дерьмо. Афганец, однако, одергивает меня. Такие вопросы не задают, что ты, что ты.

Впрочем, он дает мне понять, что случай тут исключительный. А все остальные женщины — обыкновенные беженки

из сгоревших селений. Отцы их и братья либо мертвы, либо где-то скрываются, либо проданы в рабство.

— Македонцами?

— Нарик та? Какая разница?

Послушать старика, так этим женщинам еще повезло, что они попали к нему. Аш вполне искренне считает себя их благодетелем. Ведь это он нашел им работу, пусть за скудную пищу, зато голодная смерть ни одной из них не грозит. Как бы еще они выжили, если и предки, и небесные покровители за преступления, совершенные ими то ли в прошлой, то ли в нынешней жизни, бросили их на произвол судьбы.

Я спрашиваю Аша, откуда ему это известно, он же в ответ поднимает ладони к небу:

— Не будь на то Божья воля, ничего страшного с ними не случилось бы.

Аш обращается с носильщицами как с животными, кричит на них, хлещет их плетью. Подгоняет пинками, останавливает ударами, они для него только скот.

Тот, кто не видел мула, навьюченного афганцем, понятия не имеет, как выглядит перегруженное животное. Бедные четвероногие еле плетутся, прогибаясь под ношей, но женщинам приходится еще хуже. Мулам хотя бы берегут спины, на то существуют подкладки, попоны, вьючные седла и все такое. С женщинами иначе — им просто вручают мешок или короб и молча указывают, куда идти. Если они спотыкаются, их бьют, если они падают и не могут встать, их ношу делят между остальными, а самих оставляют ждать смерти.

Девушка, прозванная Гологузкой, первой пытается выразить недовольство. Я становлюсь случайным свидетелем этого у переправы через небольшой горный ручей и готов поклясться, что старый негодяй не изумился бы больше, если бы с ним вдруг заговорил какой-нибудь мул. Ну а отклик его предельно прост: он хватается за чата — веревочную узловатую плеть — и задает строптивнице порку, причем хлещет свирепо, наот-

машь. Жилистая рука его так и ходит вверх-вниз. Я рвусь прекратить избиение, но Чуб перехватывает меня:

— Куда лезешь, малый? Эта девчонка принадлежит старику, сунешься — оскорбишь его честь.

— Да плевал бы я на него! И на честь его тоже!

Но этим моим ворчанием все и кончается: командир не дает мне вмешаться, а старик, заметив мой порыв, обрушивает на лишившуюся сознания жертву град новых ударов. Они уже вроде бы ни к чему, но ему явно хочется показать, кто тут хозяин.

Наконец избиение прекращается, и девушка остается лежать на дороге. Ни одна из товарок даже и не пытается прийти ей на помощь, чтобы не разделить ее участь. Не позволяют помочь ей и мне.

Когда полчаса спустя колонна отправляется дальше, никто не оглядывается на недвижимое тело — что толку глазеть на брошенный труп? Но, пройдя несколько миль вверх по тропе, я опять вижу эту девушку среди носильщиц. Ее ношу, распределенную между другими афганками, снова взваливают ей на плечи. Она бредет с трудом, молча, как бессловесная тварь.

Теперь вокруг нас одни только горы. Ночью женщины спят вповалку, завернувшись в свои дырявые разлохматившиеся петту. Однажды ближе к полуночи наш чубатый командир, заявив, что у него уже яйца вспухли и что он готов сейчас вставить хоть бабе, хоть тому же ослу, смотря кого встретит, отправляется попытать счастья, но тут же прибегает назад, зажавши нос и причитая, что так отвратительно не воняет и в самом засранном нужнике. Приходится бедняге, что называется, вершить дело «всухую».

Мы поднимаемся все выше и выше. В других армиях у солдат есть прислуга. В армии Александра солдат весь свой скарб несет сам, а вьючные животные влекут следом палатки, веревки, шанцевый инструмент, запасное оружие и доспехи, а также собственный корм. Каждый третий мул нагружен одним фуражом.

Ветер в горах пронизывает человека насквозь. Мало того, он еще дико завывает в расщелинах и теснинах. Внизу, в долинах, переносить непогоду легче, а тут один этот вой может свести с ума. Порой тропа ныряет под низко нависающие над ней козырьки, словно ее кто-то продолбил в каменной толще. Приходится пригибаться и тащиться на полусогнутых, иначе твоей черепушке несдобровать. Здешние ветры, как правило, с утра дуют в гору, а к ночи под гору. Правда, в бурю, а они тут нередки, вихри треплют тебя, как хотят.

И вот что еще я скажу: прав был Аш, хренов старикашка, насчет своих женщин. Они у него очень крепкие. Честно говоря, даже покрепче иных солдат. Обувка у них тряпичная, одна видимость, а не обувка, а они чешут в ней как ни в чем не бывало по самым острым камням. Чапают и по льду, и по осыпям, что твои мулы. Впрочем, это сравнение уже не для Луки. Друг мой и земляк, поглядывая на наших спутниц, начинает задумываться и вздыхать.

— То ли я просто слишком долго топаю по этой тропе, то ли еще что, Матфей, — говорит он, — но, по мне, некоторые из них прямо милашки.

Создается впечатление, что главным занятием подавляющего большинства жителей Афганистана является откровенный разбой. В каждой горной щели прячется шайка, взимающая с путников пошлину. Александр хочет отучить дикарей от столь малоприятных повадок, но это из области долгосрочной политики, а пока к узким проходам и перевалам приходится высылать патрули, чтобы очистить от всякой швали господствующие позиции и тем самым обезопасить маршрут. На такие задания посылаются добровольцы, и мы с Лукой приохотились раз за разом подходить к Чубу, выкрикивая свои имена. Все, что угодно, лишь бы нарушить монотонность нескончаемого перехода.

Скоро мы привыкаем к патрульным вылазкам, как коты к сметане. Ежедневные стычки вливают в нас бодрость. Местная рвань, с какой мы имеем дело, неплохо вооружена. Прав-

да, не луками (на такой высоте стрелы сносит ветром), а пращами, но камни, пущенные из «ручных катапульт» вниз по склону, запросто могут пролететь четверть мили, а ведь каждый из них размером с детский кулак. Поцелуешься с подобным «подарочком» и, уж будь уверен, забудешь и думать, начислят тебе боевые, как полагается, или нет. Так вот мы и гоняемся за этими оглоедами от завала к завалу, а те, не принимая боя, осыпают нас издали бульжниками и бранью и тут же прячутся в скалах. Их мальчишки, ловкие и пронырливые, крадутся за нами, они не спускают с нас глаз.

Зато теперь мы ночуем в заоблачных высях. Кругом горные луга, раakitники, вереск; выше одни лишь нетающие снега. Днем тут очень жарко, солнце, до которого, кажется, рукой подать, припекает всюю, но по ночам царит жуткая холодина. Зуб на зуб не попадает, да и вдобавок утром горяченького в себя не вольешь. Воздух такой разреженный, что похлебку толком не разогреть, сварить яйцо невозможно, дышать тяжело. Рванешь трусцой в камни справиться нужду и уже задыхаешься.

Но вот поганая мошкара, как ни странно, не отстает.

Как-то на пятый день очередной нашей вылазки мы натываемся на Флага, Толло и Стефана. А порядок такой, что каждому патрульному отряду положено после пятидневного рейда возвращаться на отдых к колонне, но нам не хочется разлучаться. Ну их подальше, все эти правила. Здесь, наверху, вольная воля, никто не нудит, не стоит над душой. А что делать, мы знаем и сами. Главное — не дать разбойникам вышибить нам мозги снарядами из своих «ручных катапульт». А вероятность того, что они изрубят нас в фарш в честной схватке, практически равна нулю.

На высоте даже Аш кажется неплохим малым. Двигаясь все вместе дальше, в одной из ложбин мы набредаем на несколько брошенных вражеских лагерей. Для нас они все одинаковы в своем убожестве. Однако Аш видит различия и говорит, что в прежние времена такое соседство было бы невозможным. Каждое племя сидело на своей территории и ревниво ее охраняло. Но нашествие маков объединяет народы.

Я расспрашиваю афганца о Спитамене. Оказывается, Аш знает его, точнее, он знал его отца. Тот был героем и пал со славой, заступая Александру дорогу к Персидским Вратам. А вот самого Спитамена, нынешнего нашего недруга, в войны не готовили. Мальчик рос болезненным, всем видам упражнений предпочитал книги и вырос отменным звездочетом и знатоком учения Зороастра.

— Что-то он очень быстро спустился со своих звезд на землю, — ворчит Флаг, явно намекая на то, что творят с пленными македонцами приспешники Волка Пустыни.

Он рассказывает обо всех этих зверствах Ашу.

Аш пожимает плечами.

— Ты бы тоже небось с удовольствием пил нашу кровь, ты, старый овечий вор?

— О да, — усмехается Аш.

Его послушать, так Спитамен станет самым упорным врагом из всех, с какими только приходилось сталкиваться Александру.

— Этот молодой человек даже дерзостней, чем ваш царь, ибо его воинский дар не от выучки или опыта, но от Бога. Сами смотрите: преследуя его, вы пересекли половину нашей страны, но при этом сейчас ничуть не ближе к нему, чем в начале пути.

Спитамен убежал так далеко, заявляет нам Аш, что раньше весны мы ни за что его не нагоним. А когда нагоним, он будет подстерегать нас и драться с нами, как волк в темноте.

— Вы повернетесь — его уже нет, он давно в другом месте. А как только расслабитесь, он опять ударит.

Аш предрекает, что Спитамен измотает нас, сделав своей союзницей нашу же собственную воинственность, ибо мы от природы нетерпеливы.

— В конце концов вы сами потребуете увести вас отсюда. И ваш царь согласится на любой мир, какой только ему будет предложен. Верней, до какого тут снизойдут.

Солнечный свет в горных высях, особенно там, где лежит снег, слишком ярок, он ранит глаза, и мы, чтобы не ослепнуть,

по совету наших шикари обзаводимся повязками с множеством крохотных дырочек в них. Эти повязки должны защитить наше зрение. Они и защищают, но плоховато. Свет проникает сквозь все. Сквозь кожаные стены палаток, сквозь вдвое сложенные шерстяные накидки и дополнительные накладки из конского волоса.

Смотреть можно только прищурившись, зато виды здесь завораживающие.

— Как думаешь, на какой мы сейчас высоте? — спрашиваю я Флага, когда мы переваливаем через очередной кряж.

— Мне кажется, — отвечает он, указывая на нижний заснеженный пик, — вон та горюшка будет повыше Олимпа.

Что ж, вполне вероятно.

Как ни странно, с Ашем очень сблизился Стефан. Поэт и погонщик мулов часами ведут пространные разговоры, находя в этом, похоже, огромное удовольствие.

Как-то раз, когда мы снимаемся с лагеря, Стефан обрызгивает водой наши спины. У пактиан это означает «Бог в помощь».

Старик заважничал, он постоянно что-нибудь изрекает.

Бог робок, как мышь в норе под стеной.

Это значит, поясняет Аш, что к Богу надобно подступаться молча и со смирением. Стефан находит сей образ весьма поэтичным, я — нет.

— А что говорит Бог, — спрашиваю я старого негодяя, — о тех, кто избивает женщин до полусмерти?

— Почему бы тебе не спросить у Него? — отвечает Аш.

— Прежде хотелось бы знать твое мнение.

— Матфей, — встречает Стефан, — мне кажется, в чужом краю лучше не торопиться с суждениями.

Бог хоть и слеп, да видит.

Он хоть и глух, да слышит.

Опять головоломка. Как это все прикажете понимать?

Молитву Богу твори натошак.

Тошнит меня от всей этой зауми. Религия, которой следуют эти мерзавцы, поощряет зверские пытки и жестокие расправы, а что дает им взамен? Почему, спрашивается, они прозябают в нищете и невежестве?

Но у старикашки есть ответ и на это.

— Во многом знании много печали, — заявляет мне он.

Аш убежден, что вера, которой он придерживается, не имеет названия и зародилась прямо здесь, вместе с горами, но Стефан человек умудренный. Сопоставив разглагольствования старого хрыча со сведениями, хранящимися в его собственной памяти, поэт добирается-таки до истоков.

Получается, что и религией, и самим именем своим здешний край обязан некоему Афгану, сыну Саула и внуку Иеремии, который был военачальником царя Соломона Израильского, строителя Иерусалимского храма. Этот Афган вместе с великим множеством соплеменников оказался при Навуходносоре в вавилонском плену, где, впрочем, иудеи особенно не тужили и всюю роднились с пленившими их вавилонянами и ассирийцами, а впоследствии с персами и мидийцам.

Со временем часть этого смешанного народа вернулась в Палестину, часть же осела в пустыне Гор близ Артакоаны. Эти поселенцы называли себя бани-афган и бани-исраэль. Они веровали в единого Бога, творца вселенной, что, кстати, замечательно согласуется с учением персидского пророка Зороастра, который сам родом из Бактрии и чей Бог Света, Ахурамазда, весьма походит на иудейского Иегову.

Так или иначе, поясняет Стефан, здешние туземцы представляют собой весьма пестрый народ, в жилах которого течет кровь мидийцев, тапуриан, даанов, скифов, гандар и еще невесть чья, но все они считают себя потомками Афгана и исповедуют веру, уходящую корнями в религию Соломонова храма.

Стефан, конечно, малый начитанный и неглупый, но, боюсь, в данном случае он перемудрил. На мой взгляд, вера Аша всего лишь набор диких нелепиц и суеверий. В Македонии

тоже имеются горцы, поклоняющиеся удаче, могилам и предкам.

Зато есть повод спросить у Стефана, во что верит он сам.

— Я? — Он смеется. — Поэзия — вот моя вера!

Любопытное заявление. Я, кажется, месячного жалованья не пожалел бы за хотя бы не очень развернутый комментарий к нему, но поэт уклоняется от расспросов, делая вид, что полностью занят едой. Правда, мне удастся выяснить, что Стефан вовсе не настоящее его имя. Просто оно значит «лавр» и напоминает ему о венке, возложенном некогда на его голову в Дельфах. Это приятное воспоминание, так почему бы не назвать себя так?

— И как же тебя зовут на самом деле?

— Я уж забыл.

— Но ведь в вербовочные бумаги должны были что-то вписать. Что же?

— Не помню.

Мне он советует поступить так же: взять себе прозвище на время службы. Со временем, мол, оно заменит мне настоящее имя. Его послушать, так эта уловка снимает уйму проблем.

Пищей для костров наверху служат вереск и дрок. Ломать их и выдирать из земли очень трудно, а жару они дают очень мало. Огонь едва теплится. Это не радует, однако никакого другого топлива здесь не сыскать.

Я опять цепляюсь к Стефану с давно не дающим мне покоя вопросом. Как это можно одновременно быть и поэтом, и воином? Разве эти занятия не противоречат друг другу?

И снова он уклоняется от ответа, но приводит пример:

— Вот у нас с тобой есть общий друг Флаг. А знаешь ли ты, что он до службы был математиком?

Учителем музыки и геометрии? Вот это да!

— Имей в виду, если ты его спросишь, он этого не подтвердит, — смеется Стефан. — Но я сам был свидетелем, как он извлекал из ручной арфы мелодии, нежные, словно летний утренний ветерок, напоенный сладостным ароматом нектара.

— Эй, Флаг, — окликаю я. — Откуда ты родом?

— Не помню.

— Брось, не заливай.

— Да вылетело из памяти. Была охота забивать голову ерундой.

— Нарик та? — бормочет устроившийся близ меня на овечьей шкуре Аш.

Какая разница? Буквально: и что же?

Стефан издает одобрительный смешок.

— Матфей, ты улавливаешь всю глубину и тонкость афганского вероучения?

— Ни хрена не улавливаю.

— Наш друг Аш произносит свое «нарик та» отнюдь без оттенка отчаяния или безнадежности, с каким оно обязательно прозвучало бы в наших устах — твоих, моих или того же Флага. Скорее, он задается чисто философским вопросом. А именно — в чем тут разница и есть ли она вообще в чем-нибудь?

— Разница как раз есть, и немалая, — возражаю я. — А то, о чем ты говоришь, никакое не вероучение. Что это за вероучение, если оно лишает человека надежды, отрицает волю и не побуждает к добрым деяниям, походя, кстати, обесценивая все то, за что сражается наша армия? Ибо чем же являются все достижения Александра, если не ярким свидетельством торжества человеческой воли?

— И что же это за достижения?

— Оглянись вокруг себя!

Он демонстративно озирается по сторонам и разводит руками:

— Вижу только горы и солдатню, забредшую невесть куда. Или ты считаешь, что религия должна поощрять завоевания?

— Она должна поощрять распространение добродетели. Той самой, какую несешь в себе ты, и вот Флаг, и наш царь.

— Ну, насчет нас с Флагом ты загнул.

Ветераны гогочут.

Спор так ничем и не кончается. Становится холодно, всем пора утепляться.

— А знаешь, Матфей, — меняет тему Стефан, — ты ничего себе малый. Я тебя с самого начала заметил. Сказать почему?

— Потому что он никогда не затыкается, — хмыкает Флаг.

— Потому что он задается вопросами.

— Это его проблема.

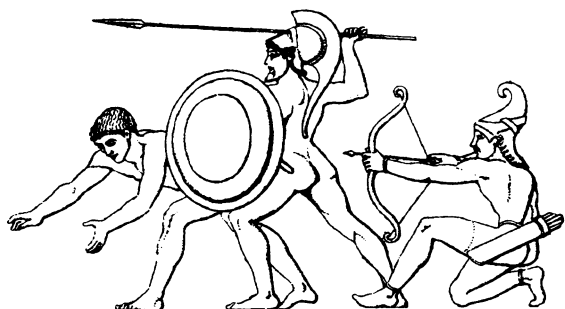
— Но однажды, возможно, он сыщет ответы.

На этом, однако, беседа завершается. У всех уже лязгают зубы. Стефан поднимается, чтобы сделать обход постов.

— Ты спрашиваешь, приятель, как это можно быть и солдатом, и поэтом одновременно? Я спрошу тебя в свою очередь: возможно ли вообще быть солдатом, если ты не поэт?

В ту ночь мы спим возле заполнившего скальную впадину озера, а пробудившись, видим с удивлением вытаращившегося на нас горного козла, вожака дикого стада. Поднимаясь, мы пугаем коз, и они взлетают вверх по крутому откосу с той же легкостью, с какой любой из нас взбежал бы по лестнице на другой этаж дома.

А позже, уже днем, мы сталкиваемся с группой вооруженных афганцев, и те не успевают уклониться от схватки, в которой Лука впервые убивает врага. Этот малый сначала запускает в Луку увесистым камнем, а потом бросается на него с кинжалом в одной руке и мечом в другой. Лука, не иначе как с перепугу, насаживает его, будто на вертел, на свое копье. Прежде чем испустить дух, бедолага корчится в муках, и все это время Лука сидит рядом на корточках, рыдая, словно дитя.

На девятый день рейда мы возвращаемся к основной колонне, где, оказывается, меня ожидает посылка — маленькая, но тяжелая, — доставленная, как мне сказали, официальным штабным курьером.

К моему удивлению, в пакете находятся шесть золотых дариков, что составляет половину моего годового жалованья, и знак отличия — Бронзовый Лев. Награда, присуждаемая солдатам, раненым в сражении. На жетоне значится мое имя.

— Должно быть, это ошибка.

Флаг читает сопроводительную записку. Получается, что я совершил подвиг в той самой деревушке, при одной мысли о которой меня до сих пор жжет стыд. Кто-то, не знаю уж кто, представил меня к награде и расписал мои действия как геройские.

— Я не могу это принять.

— Почему? Ты же там и вправду был ранен.

— Но я же сам себя сдуру ранил.

— Да какая теперь разница. Был ранен? Был! Значит, все в порядке.

Вся наша команда валится со смеху. Флаг и Толло с трудом успокаивают весельчаков. До

меня наконец доходит, что это они как командиры выставили меня героем перед высшим начальством. Толло делит золото между парнями, но один дарик сует мне в кулак.

— Жалованье за один месяц тебе причитается, мой мальчик, а остальное пойдет товарищам. Это по-честному, надеюсь, ты спорить не будешь. Что же касается Бронзового Льва, то, уж поверь, придет время, когда ты и впрямь заслужишь его, но вот будет ли твое геройство отмечено, это еще вопрос. Бери что дают, приятель, и не кочевряжься.

И он прикрепляет медальон к моему плащу.

Я использую этот дарик, чтобы выкупить на свободу ту самую девушку, Гологузку. Вообще-то ничего подобного у меня поначалу и в мыслях не было, но вышло так, что в дороге Аш снова пустил в ход свой кнут, вот я и не выдержал. Отвел негодяя в сторону и, нахваливая себя внутренне за смекаливость, стал внушать ему, что он не имеет права вредить переброске армейского груза и портить что-либо из назначенных к тому средств, равно как и калечить носильщиц. Армия может расценить это как саботаж. Короче, если он не оставит девчонку в покое, я позабочусь, чтобы его при расчете лишили соответствующей денежной доли.

Старого хрыча, однако, просто так не проймешь. Он раздражается пространной речью, смысл которой, если отбросить восточную велеречивость, примерно таков: «Я подрядился доставить груз в нужное место, а не холить девиц, которые его тащат. Если же ваша чертова армия о них так беспокоится, пусть она тогда выкупит их».

— Она и выкупит, жалкий ты проходимец!

Я отдаю ему дарик. Как бы от лица армии, которая, разумеется, не заплатила бы и ломаного медяка. Да и едва ли мне, зеленому рядовому, ниже которого рангом одни лишь рабы и мулы, пристало представлять воинскую казну. Однако, с

превышением полномочий или без оно́го, сделка совершена, и Аш не без ехидства напоминает мне, что забота о прокорме выкупленной девицы теперь уже лежит не на нем, а на мне.

Я вывожу девушку из колонны, стаскиваю с нее ношу, набиваю ее торбу снедью и тычу пальцем в обратную сторону, давая понять, что она может топать домой. А сам с чувством глубокого удовлетворения догоняю своих.

Ах, до чего же славно шагается с таким чувством, правда, я им наслаждаюсь не долго, поскольку минут через десять малышка снова в строю — и снова с тем же мешком кунжута. Ну и как теперь быть? Не гнать же ее оттуда плетью, уподобляясь старому индюку?

Оказывается, освободить женщину в этой стране не так просто. Строго говоря, Гологузка не нуждается в освобождении, ведь она не рабыня и не принадлежит никому. Ни Ашу, ни даже мне. Однако в жизни своей местные жители неукоснительно руководствуются великим множеством правил, среди каковых выделяется так называемый тор — свод установок, определяющих женское бытие, согласно которому каждая женщина должна пребывать аз хакак, «под охраной» какого-либо мужчины. Обычно до замужества пригляд за ней осуществляет отец, потом муж, но если прямые попечители почему-то отсутствуют (чаще всего по причине безвременной смерти от меча, кинжала или копья), то эту обязанность берут на себя братья, дядья или даже сыновья оставшейся без защиты афганки. Получается, что, уплатив за носильщицу выкуп, я как бы взял ее под опеку.

— Теперь ты ее муж, — посмеивается Аш. — Она твоя жена.

Флаг с Толло и другие парни всю потешаются над моим затруднительным положением. А заодно предупреждают, что я, влезши в это дело, нарушил еще один афганский кодекс, нангвали, и теперь, если у этой девицы объявятся родичи мужского пола, они просто обязаны будут меня прикончить. Сообщая мне это, они ржут — вот козлы!

— Ты должен понять, Меки, — Аш называет так всех македонцев, это его версия прозвища мак, — подобная женщина, — и он вскидывает обе ладони, словно отталкивая проклятие, — у нас считается наварзал и аффир.

Нечистой и неприемлемой?

— Тогда пусть продолжает работать за плату.

— Какая плата? Я не так богат, чтобы платить чужим женщинам. Я всего лишь бедный старик.

— Ты старый разбойник.

Что тут поделать? Я оставляю Гологузку при Аше, причем, поскольку она продолжает тащить по горам свой мешок, хитрому продувному афганцу по-прежнему начисляются за нее деньги, но ей он при этом не платит ни медяка, заявляя, что это было бы непозволительным расточительством.

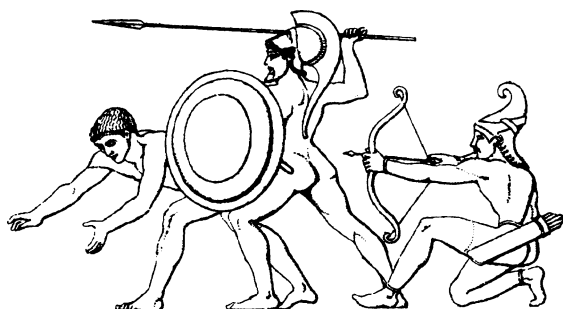
И ведь что интересно, чем чаще мы с этим старым мошенником препираемся, тем больше сближаемся и по ходу дела уже начинаем трапезничать вместе, рядком пристроившись к какому-нибудь придорожному камню, способному послужить нам столом. Сдается мне, что при всей своей напускной язвительности мой порыв старик понял — и по-своему даже одобрил.

Однажды вечером, когда я пишу письмо невесте, он, глядя на это, вдруг спрашивает:

— Ты ей обо всем сообщаем, Меки?

— Обо всем, что ей нужно знать.

Паршивый старикашка заливается смехом.

Зиму армия проводит в Баграме, гарнизонном городке, построенном пару столетий назад Ки-ром Великим у подножия центрального горного массива. Широкою защищенную от ветров хребтами и пиками долину, где он расположен, омывают две реки — Кофен (или Кабул) и Панджшер.

Рай, да и только. Так, во всяком случае, представляется нам. Есть где расквартировать войска, есть чем их прокормить, сносный климат, полно фуража и вдосталь места для муштры и учений. Солдат не должен застаиваться. Между тем северные перевалы, по слухам, уже на дюжину локтей засыпаны снегом, а к середине зимы толщина слоя обещает удвоиться. Такая преграда непреодолима даже для Александра, в Бактрию ему не пройти. Как и предсказывал Аш, до весны Бессу со Спитаменом нас нечего опасаться. Однако длинные вереницы верблюдов и мулов продолжают подниматься из Кандагара, доставляя доспехи, оружие, съестные припасы и все необходимое для предстоящего наступления. С одним из таких караванов прибывает и Дария, любовница Илии. Яркая красота этой женщины покоряет сердца обитате-

лей маленького мирка и делает ее чем-то вроде знаменитости, во всяком случае, среди македонцев. А вот афганцы ненавидят свою соплеменницу, связь с захватчиком — это предательство, ниже афганка уже пасть не может. Дария с Илией селятся в старой части Каписы, на уютной улочке с тузовыми деревьями (шелковицами) и дикими сливами. Живут они на широкую ногу, принимают гостей, и мне приходит в голову пристроить свою Гологузку к ним в услужение. Провернув это, я испытываю невероятное облегчение. Что называется, гора с плеч.

Армия между тем занята учениями и строительством нового укрепленного опорного пункта. Предполагается, что он со временем разрастется и станет новой Александрией — возможно, Кавказской.

Теперь мы постоянно видим царя. Каждый день он в сопровождении всего двух вестовых и пары юных телохранителей объезжает обучающиеся войска, часто спешиваясь и указывая на замеченные ошибки. Армия его обожает.

Мы живем в шатрах, выстеленных соломой. Человек по шестнадцать, если не считать женщин, которые стряпают, шьют, стирают — короче, создают нам уют. Нынче даже Лука обзавелся девицей, это длинноногая дылда Гилла. Во всей нашей компании только у меня нет подружки, хотя должен признаться, что у шлюхи я все-таки побывал. Теперь вот гадаю, считать это изменой моей невесте или нет? И выпивать я стал больше, чем раньше. Холодно, скучно — как тут не пить?

Аш тоже здесь, дожидается весны, чтобы отправиться с нами дальше. Армия оплачивает ему простой и содержание мулов, а женщин он, чтобы не тратиться на их прокорм, временно распустил, резонно рассудив, что в таком большом лагере без работы они не останутся. В худшем случае сделаются «курицами», подстилками самого низкого сорта для рядовой солдатни.

К своему удивлению, я все якшаюсь со старым паршивцем, у которого, оказывается, в каждой дыре по дружку. Мы

с Лукой, как новобранцы, так завалены всякого рода работами, что очень редко освобождаемся до темноты. С кем же еще нам общаться, как не с прибившимся к армии людом? Приятели-земляки уже давно тискают своих «куриц». Один Аш не спит. В еще совсем недавние времена, объясняет он неторопливо, его клан дадикой состоял в смертельной вражде самое меньшее с двумя-тремя соседними племенами. И везде было так. Местные кланы издревле враждовали между собой. Однако ненависть к завоевателям оказалась сильнее застарелых раздоров. Все нынче объединились, все сделались пактианами. Апиратаи и гигенни, тираои и таманаи, а также майони, саттагиадаи и еще сотни племен и родов. Я спрашиваю старика, как же он может работать на Александра, если так сильно нас ненавидит. Ответ его прост:

— В конце концов, Меки, мы все равно вас прогоним.

Он смеется и передает мне купаты.

Лука по-прежнему дико переживает. Убитый им в горах враг не идет у него из ума. Корит мой приятель себя в основном за бездействие. Говорит, что ему надо было либо добить бедолагу, чтобы тот не мучился, либо попробовать его как-то спасти. Свихнулся, короче. Жалуется, что глаза умирающего афганца преследуют его даже во сне, а в ушах стоит треск копья, пропарывающего тому брюхо. Чтобы хоть как-то поддержать друга, я делюсь с ним не самым приятным опытом своих собственных душевных терзаний. Рассказываю, как на смену омерзительному упоению пришли угрызения совести, отвращение к себе и печальная уверенность, что я уже стал другим и что эта перемена вовсе не к лучшему. Но любые слова мои как об стенку горох — не помогают, и точка. Да и чем, собственно, может помочь сопляк сопляку в такой непростой заморочке. Тут нужен кто-то поопытней, уже хлебнувший кое-чего в своей жизни.

И такой человек находится. Толло.

— Продырявить арбуз труднее всего, — говорит он как-то днем, когда мы садимся перекусить на край рва, временно отложив лопаты и кирки.

«Продырявить арбуз» — значит убить противника колющим ударом в живот. «Выпустить харч» — это то же.

— На этом каждый новичок спотыкается. Вроде бы все очень просто — тычь себе пикой и тычь, но не тут-то было. Пика не помело, а неприятель не крыса. Чтобы вогнать ему острое в брюхо, нужна смелость. Смелость и твердость.

Лука слушает. Хитрец Толло хорошо понимает, как нужен сейчас ему такой разговор.

— Настоящий боец, — продолжает Толло, — наносит удар с обеих ног, глядя в глаза врагу, расправив плечи. Доверяй своим рукам и оружию и стой как скала. Ты, Лука, кстати, сделал все правильно там, наверху. Я видел тебя. И порадовался. Тут есть чем гордиться.

Мой друг краснеет. Толло ухмыляется.

— Думаешь, ты теперь стал солдатом? — Он любовно хлопает Луку по плечу. — Ну, может, и не совсем, но, во всяком случае, ты уже не мальчишка.

Муштра и строительство — вот чем мы заняты. И то и другое может длиться и длиться, однако в войсках, возглавляемых Александром, жилы солдатам понапрасну не рвут. Свободное время — это святое, оно твое целиком. Никакого комендантского часа, никаких ночных проверок. От полудня и до двух часов — общий перерыв на обед. Вино дешевое, им хоть залейся. Вместо шагистики и отработки каких-то уже прилично освоенных тобой приемов можно отправиться на охоту. К этому никого не принуждают, но от желающих нет отбоя. Весьма поощряется физическое саморазвитие: палестры и гимансии строятся даже раньше столовых и алтарей. В отличие от порядков времен Филиппа и начала восточной кампании, женщинам не возбраняется бывать в лагере, ночевать со своими возлюбленными в палатках и сопровождать колонну на марше. Таковы несомненные преимущества службы в соединениях, находящихся под личным началом Александра. Но разумеется, у всего есть и оборотная сторона.

Уж если проводятся какие-либо учения, то в условиях, ничуть не уступающих боевым. Подъем и построение до рас-

света. Марш-броски с полной выкладкой на тридцать миль, а то и на сорок. При этом подкрепляешься только тем, что тащишь с собой — никаких обозов и полевых кухонь. И да помогут боги тому, у кого сотрутся ноги или развалятся сапоги. Дома, в учебных подразделениях, недотепистых новичков подгоняют младшие командиры, здесь это делают сами солдаты. А еще — Александр. Но не бранью или разносами, а личным примером. Да-да, наш царь глотает пыль и месит грязь бок о бок с нами, обычными рядовыми. В простых доспехах, при полном вооружении, он словно летит над землей, устремляясь вперед. За ним не утонишься, он во всем первый. Но он всегда рядом, и ночью, и днем. Лучшего командира ждет трапеза в царской палатке, и знаменитые Кратер с Гефестионом будут беседовать с ним как друзья. Телесных наказаний в армии Александра не существует: самое страшное, что с тобой могут сделать, — это отчислить из войскового состава, но подобный позор хуже смерти. Один неодобрительный взгляд Александра мигом сбивает всю спесь с самых бравых вояк, тогда как его улыбка или похвала делает исполином последнего замухрышку.

Солдаты влюблены в Александра. Это не преувеличение. Он всегда в центре внимания, люди стараются подражать ему в движениях, в жестах, в любых мелочах, прибегают к разнообразным уловкам, стремясь как-то выделиться из толпы, привлечь его взгляд, понравиться ему, — в общем, ведут себя как очень робкие, но упорно добивающиеся взаимности воздыхатели. Если с ним приключается что-то неладное, армия чувствует это даже за много миль и приходит в волнение. Беспокойство не унимается до тех пор, пока войска вновь не увидят царя в добром здравии.

Для Александра — все, что угодно. Как бесконечно ни длилась бы всем надоевшая, утомительная муштра, никто не ропщет. Какими бы идиотскими ни казались задания, они выполняются беспрекословно. Приказано разбить лагерь — и мы разравниваем площадку в пять миль. Приказано снять-

ся — и мы бросаем недоделанную работу. А уж на стройке долбим мерзлую землю так, что комья летят. Долбежка, только иная, продолжается и в палатках. Днем армия неустанно тренируется или трудится, ночью наваливается на девиц. Недаром все наши парни поджары, как леопарды, они так и рвутся из клетки, в которой их держит зима.

Впрочем, передовые конные подразделения, набранные исключительно из самых рослых и привлекательных молодцов, уже двинулись в горы для переговоров с тамошними племенами. Одним из отрядов командует мой брат Илия. Красавцы кавалеристы, восседающие на великолепных конях, везут с собой замечательные дары — золотые кубки, дамасские клинки и все такое. Им даны полномочия говорить и действовать от имени самого Александра. Ведут их проводники — пактианы из племен панджшер, салангай и кавак, населяющих то самое высокогорье, через которое армия пойдет весной. Будут ли эти кланы противиться нашему переходу? Их численность, если считать с хелами из долин и предгорий, составляет, по разным слухам, от ста двадцати пяти до ста семидесяти пяти тысяч человек. До сих пор они давали отпор всем захватчикам, включая и Кира.

Разумеется, нас готовят к войне с этими горцами, то есть к боевым действиям в местности, где врагам знаком любой камень и куст. Каждому отряду придаются легкие метательные машины и стрелковые подразделения. Мы обучаемся передвигаться на снегоступах, привыкаем к зимней одежде и обуви. Наши инженеры при поддержке передовых отрядов приводят в порядок дорогу от Каписы вплоть до подходов к ущелью Панджшер.

И все это время мы сосуществуем бок о бок с нашим возможным противником — сотни туземцев вместе с семьями зимуют в долине реки Кабул и еще тысячи на окрестных плато. Их часто можно видеть в оружейных кварталах Баграма, они прибывают верхом, вооруженные до зубов.

Многие прибывают к армии, пристраиваются на какие-то службы. Несколько человек взяли обыкновение являть-

ся на наши вечерние посиделки, и я знакомлюсь с двумя братьями, примерно моими ровесниками, — зовут их Какук и Хазар. Первое слово, которому они меня учат, — «ташар», оно означает «звереныш». Когда я выговариваю его, братья смеются, указывая друг на друга. Славные парни, красивые, как молодые львы, один совершенно черноволосый, второй посветлей. Их кустистые бороды постоянно чуть задраны, они гордятся собой, как бойцовые петухи. На деньги эти голово-резы смотрят с презрением и запросто способны спустить месячное жалованье в один вечер, а к нам их влечет юноше-ская любознательность и жажда острых, еще не изведанных ощущений.

На головах у них войлочные бактрийские шапки, на ногах щегольские сапожки из кожи ягнят, в голенища которых заправлены плотные шерстяные шаровары, поверх теплых нательных фуфаяк наброшены свободно свисающие петту. Подпоясываются братья, как и все местные жители, широкими кушаками (каждому племени присущ свой цвет), к которым крепятся мешочки с припасами и лечебными снадобьями, а также орудия человекоубийства. Три неизменных клинка — длинный, средний, короткий. Любопытные, как коты, они жадно выслушивают рассказы о Македонии. Дай им волю, часами пялились бы тебе в рот. Каждое упоминание о чем-нибудь новом, например о каком-нибудь им неизвестном обычае, вызывает очередной бурный приступ самого искреннего веселья. Вроде бы трудно себе представить более добродушных и компанейских ребят, хотя очевидно, что любой из них из-за пустяшной размолвки запросто вырежет обидчику печень. И не только какому-то чужаку вроде меня, но и своему же собрату-афганцу.

Ясно и то, что по весне, как только наша армия вторгнет-ся на их земли, они, если только что-нибудь их не удержит, будут полосовать нас своими кинжалами со всей яростью, на какую способны. Ведь, как я понял, долина Панджшер всем тем, кто в ней обитает, кажется прямо-таки земным раем.

Александр намерен пройти там, и весь вопрос теперь упирается в то, договорится ли он, что панджшеры как бы составят ему почетный эскорт (такую сделку заключил в свое время с ними царь Кир), или станет прорываться вверх силой. В любом случае ни Аш, ни Какук с Хазаром не видят ничего зазорного в своей службе у Александра и ничуть не смущаются перспективой, может быть, уже завтра выпотрошить того, кто им платит.

Так или иначе, этих парней невозможно не полюбить. Я ловлю себя на том, что завидую их вольной жизни. Тяжкий труд им незнаком. Летом лошадки братьев хрумкают сладкую сочную травку, а когда снег заметет перевалы, столь же прилежно хрупают сухой корм. Их жены и сестры ткут им одежду, готовят для них дал и ги. Горские семьи проживают в каменных хижинах, каковыми владеют на протяжении двадцати поколений. Что там меняется, так это лишь деревянные крыши и двери, которые выгорают во время междоусобиц. У каждого рода есть два гнездовья: летнее и, соответственно, зимнее. Бывает, что соседние сильные кланы временно закрепляются в каком-то из них, но рано или поздно налетчиков изгоняют. Если же вторгнется чужая могучая сила (как, например, в прошлом Кир, а сейчас Александр), племена отходят выше в горы, к неприступным твердыням, рассылая одновременно гонцов ко всем родичам, и, собравшись в кулак, наносят удар.

Братья также рассказывают мне о нангвали. О кодексе, каким руководствуются в своей жизни афганцы. Он в основном посвящен трем очень важным для горцев вещам. Это нанг, бадал и мелмастия — честь, месть и гостеприимство. Тор, «черный» свод правил, охватывает вопросы, касающиеся женской добропорядочности. Там тоже говорится о многом. К примеру, совершить спин, то есть «отбелить» оскорбление, нанесенное сестре или жене, можно, лишь пролив кровь оскорбителя. Кровь, сообщают мне доверительно братья, вообще льется часто. Зар, зан и замин (деньги, женщины и земля) — вот что обычно кроется в подоплеке всех распрей.

Просто бадал осуществляют отцы или сыновья. В вопросах тор месть вершится мужьями, если только речь не идет о незамужней девушке или вдове: тогда все мужчины семьи не должны успокаиваться, пока не будет восстановлена справедливость. Кодекс нангвали запрещает воровать, насиловать, соблазнять чужих жен и возводить напраслину на кого бы то ни было, он также преследует трусость, небрежение в исполнении сыновнего или отцовского долга и клеймит ростовщичество. В нем до последней мелочи оговорено, как человеку надлежит действовать во всех случаях жизни. Как праздновать появление первенца, как провожать умерших, как начинать войны и как прекращать их, как выкупать у врага родичей, как творить молитвы, как раздавать милостыню — всему соответствуют определенные ритуалы. Бедность не порок, но и не достоинство. Первая из добродетелей — почитание старших. Следом идут терпение, смирение, молчание и повиновение. Еще братья, почесываясь, говорят что-то о чистоплотности, но это я не беру во внимание. Я, знаете, все же более склонен верить своим глазам. А так, разумеется, все похоже на правду. Нет ни малейшего повода усомниться, что они оба предельно благочестивы и покорны судьбе. Все в воле божьей, для человека же главное — оставаться всегда человеком и безропотно принимать свою участь. То есть сидеть по возможности тихо и не соваться в чужие дела.

Это камень в мой огород. Намек на взятую мной под свое покровительство Гологузку. Мои афганские знакомцы встревожены. Столь неосторожный поступок сулит мне беду. По меньшей мере один из родичей девушки жив. Это родной ее брат, сейчас он у Спитамена — командует конным отрядом. Какук с Хазаром знают этого малого, он из соседнего племени. Воин, каких поискать: сильный, грубый и беспощадный. При встрече мне следует без колебаний его заколоть. Что делать: вопросы тор решаются лишь через кровь. Зато, избавившись от него, я избавлюсь от мстителя за плечами, в самом же убийстве уже ничего недостойного нет. Тут всегда можно отделаться выкупом. Хороший куш все уладит.

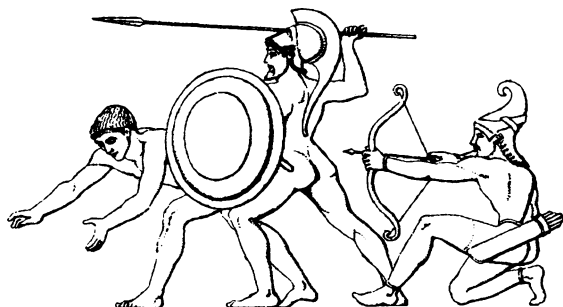
Однажды утром я просыпаюсь и вижу, что Какук с Хазаром исчезли. Как куда-то девались и все остальные панджшеры. В воздухе ощутимо запахло весной. На шелковицах проклюнулись почки. Лазутчики докладывают, что зимовавшие бок о бок с армией кланы известными лишь им одним тропами пробираются к горным долинам.

Флаг, правда, уверен, что перевалы еще засыпаны снегом и что раньше чем через месяц нечего и пытаться через них переправиться, если, конечно, нам не приделают крылья, однако старый мошенник Аш думает по-другому. И не он один.

Зашевелились все состоящие при обозах афганцы. Куда ни сунься, всюду слышно одно: если племенам дадут время вернуться домой и собрать общее ополчение, владельцы мулов и сами наверх не пойдут, и животных не пустят. Кому охота лишаться добра?

В ту же ночь Александр поднимает нас по тревоге. Уже привычные к таким побудкам, мы с отработанной на предыдущих учениях ловкостью сворачиваем палатки и снаряжаем обоз.

Только на сей раз тревога оказывается отнюдь не учебной. За два часа до рассвета передовые отряды армии, возглавляемые самим царем, уже движутся по дороге к Панджшер.

Долина реки Кабул находится на высоте в семь тысяч футов. На второй день мы минуем девяти-тысячную отметку. До перевала Кавак остается три тысячи футов, а ведь на дворе еще только шестое число. Артемисий в самом начале. Не рановато ли для путешествий в горах?

Однако на высоте солнце припекает так сильно, что уже в первый день мы снимаем с себя все теплые вещи, но все равно обливаемся потом. Хотя наш обоз заметно пополнился и на человека теперь приходится по животному, многие из них, к сожалению, нагружены с верхом, правда, добрая половина мулов тащит один лишь фураж. Значит, не грех, пусть это и против правил, отяготить их еще и солдатской одежкой. Все так поступают, даже со спин породистых скакунов свисают плащи и зимние сапоги топающих в пешем порядке кавалеристов. Но вообще считается, что поклажи у нас маловато, с собой взято лишь самое необходимое, чтобы армия двигалась налегке. Внизу остались многие тыловые хозяйства и всякого рода обозные иждивенцы, сейчас не до них. Впрочем, женщин-носильщиц с этими захребетниками не равняют, а потому они снова с нами. Александр даже удвоил им

жалованье, причем надбавку велел выдавать каждой в руки. Это премия, и их хозяева тут ни при чем. Гологузка шествует рядом со мной, Гилла жметесь к Луке.

В пути армия делится на четыре колонны. Тяжелей всех достается саперам. Их обоз еле тащится, до отказа нагруженный досками, балками, разнообразными механизмами и шанцевым инструментом. Эти люди отвечают за сносное состояние уводящей нас в горы дороги. Они прокладывают нормальные тропы там, где их практически нет, пробивают снеговые толщи, наводят мосты через разлившиеся речушки, в общем, сноровисто и упорно делают свою работу, масштабы которой не могут не впечатлять. Недаром трудяг этих сопровождает весьма внушительный караван из трех тысяч верблюдов и великого множества бычьих упряжек. Быки, кстати, служат не только тягловой силой, но и резервным запасом всегда свежего мяса.

Безопасность саперов обеспечивают лучники, пращники и метатели дротиков, а также лидийская, армянская и мидийская кавалерия. Особенно грозно и живописно смотрятся конники, набранные на западе Афганистана. К слову сказать, тамошние горцы издревле недолюбливают южан. Бок о бок с корзинщиками прилежно трудятся и наши македонские штрафники, за какие-то вины временно изгнанные из строя. Теперь, чтобы заработать прощение, им приходится крушить кирками льды и разбирать каменные завалы.

Вслед за саперами движется сам Александр — с агемой «друзей», личной стражей, ударными отрядами Пердикки и Кратера, агрианскими копейщиками, критскими лучниками и другими подразделениями особого назначения, обученными драться в горах, включая команду артиллеристов, обслуживающих небольшие подвижные камнеметы и стрелометы. Если какие-то племена попытаются воспрепятствовать нашему переходу, именно этому войсковому соединению предстоит силой проложить нам дорогу к бактрийским равнинам, где царь намерен настигнуть и разгромить конную армию Бесса и Спитамена.

За царской колонной шагает пехота — основные фаланговые формирования Гепестиона и Птолемея (и мы в том числе), а также тяжеловооруженные отряды Пердикки и Кратера, не попавшие в авангард. Их подпирают легковооруженные подразделения Эригия, Аттала, Горгия, Мелеагра и Полиперхона, следом тянется конница — как персидская, так и наемная, собранная со всех концов света.

В голове четвертой колонны неторопливо движется основной багажный обоз, защищенный с тыла основательным арьергардом, состоящим из всякого рода туземных и иноземных летучих отрядов. Общая численность выступившего в поход воинства приближается где-то к пятидесяти тысячам человек.

Мы забираемся все выше и выше. Зима отступает, мстительно огрызаясь буранами, но весна уже заявляет о себе победным грохотом грязной талой воды, срывающейся с уступов. Предполагается, что путь до вершины займет тринадцать дней. Тропа идет строго к Панджшеру. Осталось пройти каких-то семьдесят миль. Или мы их прошли? Справа и слева в десятках теснин клокочут в неистовой ярости водопады.

Впереди нас ждет высокогорный перевал Кавак — проход длиной в сорок семь миль.

На третий день налетает первая буря. Начинается она с града, потом валит снег, потом горы вновь осыпают нас градом. Да каким! Градины, крупные, как снаряды «ручных катапульта», молотят по нашим шлемам и по скальным свесам, под которые мы набиваемся, пытаюсь укрыться. Мулы, дрожа, жмутся друг к другу, им, бедолагам, спрятаться негде. Когда этот обстрел наконец унимается, оказывается, что тропа, как и все окрестные склоны, покрылась поблескивающей ледяной коркой. Скользят ноги, скользят копыта животных, а на смену граду приходит пронизывающий порывистый ветер, пробирающий до костей, ибо все мы промокли и трясемся, как только что народившиеся жеребята.

— Вверх, парни! Вперед! Не стоять!

И мы движемся вверх.

Колонна вступает в Панджшер. Долина прекрасна, она гораздо шире, чем я представлял, а в рельефе ее, сверх ожидания, не наблюдается резких изломов и перепадов. Впрочем, сейчас ущелье завалено снегом, под которым, как уверяют проводники, скрыты каскады плодородных террас, где прекрасно возрастают рис, ячмень, огурцы, чечевица, бобы. Да что там бобы — в снежной толще спят в ожидании лета сады, осенью просто ломающиеся от фисташек, груш, слив, абрикосов. Мулов в иной сезон не хватает, чтобы свезти это все на продажу. (Поди проверь, так оно или нет.)

В самый разгар новой бури объявляют привал. Остановиться, конечно, дело не хитрое, но как накормить животину? Сыпать фураж просто некуда: дождь, снег и град мигом превращают зерно в жидкую размазню. Ладно, мулы и лошаденки могут поесть из надетых на их морды мешков, а что делать нам? Как нам самим подкрепиться и отогреться? Вокруг ни деревца, ни куста — костерок не разложишь. Стало быть, и горяченького не хлебнешь, приходится грызть кишар (вяленую козлятину) и смерзшийся в ледяной комок творог. Я сосу луковицу, больше похожую на огромную градину.

— День третий, — ухмыляется Флаг. — Впереди еще десять таких же.

Вечером мы (женщины тоже) укладываемся вповалку прямо на снег среди мулов, надеясь, что их тела защитят нас от ветра. Дважды за ночь откуда-то сверху, от головной колонны, до нас доносятся звуки, сильно смахивающие на шум схватки. Казалось бы, в такой скученности и шелохнуться-то невозможно, но это не так. Лежа колодой между Лукой и Гологузкой, я вдруг ощущаю серию резких ритмичных толчков где-то в районе подошв.

— Толло, ты свинья!

Слышен смех.

— Я просто греюсь, приятель.

Похоже, ни в эту ночь, ни в следующую никто не спит. Каждый в душе молится о скорейшем восходе солнца, с которым придет и тепло, но и рассвет нас не согревает, потому что вершины загораживают светило. К полудню все солдаты, несмотря на холод, раздеваются догола, оставаясь в одних сапогах. Мы топаем нагишом, ожидая, когда горный ветер высушит нашу одежду, брошенную на спины мулов поверх вьюков.

— Ты не промок по-настоящему, — заявляет Толло, — пока в твоей заднице сухо.

— Да там давно мокро.

— Ну тогда да помогут тебе боги.

Стефан подбадривает людей рассказами, как мы разделяемся с врагами. Обещает, что они не успеют и пикнуть, как мы возьмем их за яйца. Почему не успеют?

Да потому, что они, в отличие от нас, чокнутых, на голову не больные. И просто не в состоянии себе представить, что могут найтись идиоты, способные в это гиблое время попереться через перевал.

День пятый. Мы поднялись еще выше, к двухмильной отметке. Бури обычно ярятся по утрам и по вечерам. Снег и град, которыми они нас осыпают, превращаются потом в пар, из которого выплывает палящее солнце. И начинается таяние. Складывается впечатление, будто все кручи ударяются в слезы. Тысячи струек прыгают по уступам, бегут вниз по склонам, сливаясь в ручейки покрупней, а потом образуя настоящие горные реки, с шумом и плеском устремляющиеся в долину — к главному руслу Панджшера.

Каменные напластования за тысячелетия искрошились под воздействием стужи, ветра, воды и жары. Твердь превратилась в оползающий под ногой щебень. Один неверный шаг — и ты уже, что называется, «занесен во все книги». По слухам, подобные осыпи тянутся чуть ли не до Кавака, а то и дальше, однако там, наверху, будет не лучше, а еще хуже. В это не верится: хуже вроде бы уже некуда. Речные русла, вдоль ка-

ких мы бредем, то и дело перемежаются ледовыми, широко размахнувшимися полями, окаймленными грядами битого камня, по коим, собственно, только и можно пройти, ибо сами ледники сплошь изрезаны трещинами, расселинами и совершенно непреодолимы.

К полудню пятого дня поднимают бунт туземцы-носильщики, которых при нас где-то около сотни. Они опускают на землю поклажу и заявляют, что шагу дальше не сделают, если им не повысят плату. Стефан, исполняющий обязанности командира, стоит перед выбором — или уступить наглецам, или перебить их на месте. Перебить нетрудно, но кто тогда потащит груз? Он уступает, причем надбавку вытряхивает из собственного кошелька — принимать расписки вымогатели напроць отказываются.

Всю ночь наш лагерь треплет буран: наутро мятежники из укрытий не вылезают. Приходится их оттуда вытаскивать, но тут восстают и погонщики мулов, причем, похоже, заводит их Аш. Эти проходимцы упирают на то, что они не солдаты и терпеть такие невзгоды не нанимались.

Аш требует, чтобы ему вернули его мулов. Остальные поддерживают старика. Стефан и прочие командиры проводят все утро в переговорах, в результате чего авангард уходит вперед. Колонна растягивается и разрывается, между подразделениями образуются бреши. Позади, в других отрядах, надо полагать, творится такая же неразбериха, поскольку с тыла никто нас не подпирает. С появлением солнца общее настроение несколько улучшается, но ненадолго. Не проходит и часа, как вокруг стущаются пурпурные тучи, резко холодает и струи мокрого снега опять хлещут нас. Ветер дует в лицо, причем такой сильный, что шагу не ступишь, а по коварно скользким камням отказываются идти даже мулы. Мы разбиваем лагерь за три часа до заката, не имея возможности продолжать путь.

Я ищу Аша. Он исчез. Как и все остальные погонщики мулов. Ну и ну! Они бросили даже животных и повернули назад, ушли вниз по тропе.

Опускается темнота. Наши зубы стучат, кости, кажется, тоже. Холодно так, что в пору завывать, а вот женщины сносят все молча, не жалуясь. Гологузка спит ночью босая, засунув ступни под петту другой девушки. Они все так спят. Греют друг дружку. Впрочем, и я как-то греюсь. Сплю, запихнув ей руки под мышки. Конечно, подобные ухищрения мало чему помогают. Как ни забивайся в расщелины, все они насквозь продуваются, во всех воет ветер. Хорошо, если удастся раньше своих проворных друзей юркнуть в какую-нибудь пещерку, но в любом случае, что ни предпринимай, каждый ночлег — это мука.

— А впереди еще восемь таких пробуждений, — хмыкает Флаг.

Светает.

Стефан велит македонцам вооружиться, после чего мы выгоняем носильщиков из снежных нор. Прежде чем они успевают что-нибудь вякнуть, наш командир предлагает всем этим малым немедленно убираться. Куда? Куда угодно, хоть в ад. Вместе с долбаной, всех доставшей поклажей. А мы, добавляя весу его словам, гоним их от себя древками копий.

Они кричат, что хотят есть, Стефан говорит, что ничуть в этом не сомневается. Они также хотят получить свои деньги. Он отчеканивает, как царь Леонид: «Придите и возьмите».

В конце концов носильщики сдаются. Выбор им предложен простой: или назад — без денег, или вперед — к Каваку! А расчет будет в Бактрии.

Решив этот вопрос, мы сравнительно бодро тащимся дальше. Проходит день, за ним другой. Но где же долбаный перевал? И вообще хоть кто-нибудь: мы потеряли контакт как с теми, кто идет впереди, так и с идущими сзади. От наших шикари нет толку, здесь они не бывали. Бури следуют чередой, одна другой хлеще. И солнце припекает все пуще. Его жар способствует сходу лавин. Хвала богам, нас пока ни одна из них не задела, однако тропу впереди заваливало уже не раз.

Мы тратим уйму времени и усилий, чтобы пробить проход в месиве снега, скальных обломков и грязи, а когда наконец

прорываемся сквозь завал, ничто, кроме робкой подпитываемой молитвой надежды, не может уверить нас в том, что нам удалось прокопаться в правильном направлении.

На седьмой день у мулов и лошадей кончается корм. Сами мы половиним свои пайки уже третьи сутки. В моем животе постоянно бурчит. Громко и гулко, как в пустом сосуде. Каждый шаг дается с мучением.

— Толло, — говорю я, оказавшись с ним рядом. — Не стоит ли нам призадуматься о своей участи?

— Да брось ты, — отвечает он. — Положись на благосклонность богов.

— Я думал, ты не веришь в богов.

— Я и не верю.

Одно хорошо — никто больше не бунтует. И носильщики, и солдаты держатся теперь заодно. Или мы вместе выкарабкаемся, или вместе же сдохнем.

Постоянная угроза гибели, нависающая над каждым из нас, меняет многое, заставляет взглянуть на мир по-другому. Одно дело — рисковать собой в бою, чувствуя локоть товарища, и совсем иное — плестись куда-то замотанным по глаза в тряпки. Тут не до геройства, тут главное — выжить. Взять хоть Луку — сразу видно, что на душе у него скребут кошки.

На седьмую ночь до нас добираются двое посланцев ушедшего вперед отряда. Они сообщают, что дальше по курсу, всего в каких-то трех милях отсюда, обнаружилась деревушка. Там, в засыпанных снегом амбарчиках, есть и еда, и фураж.

В эту ночь нас опять осаждают стужа и тьма, но они уже не так страшны. Впереди брезжит надежда.

Весь следующий день мы упрямо преём вверх, преодолевая сопротивление встречного ветра. В его силе и непрерывности нам видится добрый знак: значит, перевал уже рядом. Ближе к полудню мы натываемся на свежие захоронения. Это могилы наших соотечественников из авангардных отрядов. Стыдно признаться, но в известном смысле находка нас радует, поскольку свидетельствует, что мы не сбились с пути.

Однако теперь к нашим бедам добавляется «горная болезнь» — потеря ориентации, тошнота, слабоумие. Каждый пустяк вырастает в проблему. Скажем, ты вспоминаешь, что в твоей торбе есть кусок вяленого мяса, и решаешь его достать. Все бы ничего, но пока стягиваешь рукавицы и развязываешь котомку, уже не помнишь, за каким демоном тебе понадобилось туда лезть. Или еще пример: двое наших парней обвязали головы солнцезащитной — сплошь в мелких дырочках — тканью, но не надвинули ее на глаза. Просто забыли. Результат — снежная слепота, их ведут на веревке, как мулов.

Мы шагаем набычившись, опустив головы. Нас вроде бы много, но это множество одиночеств. Каждый движется сам по себе, в собственном коконе, наедине с собственной болью. Топая, видишь свои же ноги и слышишь скрип своих же шагов.

Где наши проводники? Давешние гонцы говорили, что вдоль тропы будут расставлены линейные часовые, чтобы направлять в нужную сторону проходящие мимо подразделения, но этих ребят нигде не видать. Куда они подевались?

Чуть позже ко мне пристраивается Лука и говорит, указывая на солнце:

— Слушай, тут что-то не так. Видишь, мы чешем прямоком на северо-восток?

— Да? А куда нам надо?

— Я не знаю. Но не туда.

Может, и не туда, кто его разберет. Но разве в горах бывают прямые тропы? Вот и наша вихляет, петляет, то ныряя в ущелья, то огибая пики. От скуки невольно начинаешь присваивать наиболее причудливым скальным нагромождениям названия: «Вешалка с шубами», «Две башни», «Ледяной дом». В общем, все в таком роде.

Где же эта деревня? Доберемся ли мы до припасов? Погреемся ли наконец у огня?

Минует полдень. Мы тащимся то по осыпающемуся щебню, то по исполосованным трещинами ледовым полям. Сно-

ва растягиваемся, разрывы между группами увеличиваются, но это уже никого не волнует. Привыкли и, честно сказать, дальше носа не смотрим.

Неожиданно впереди возникает какая-то сумятица. Неужели наткнулись на долгожданный поселок?

Как бы не так. Оказывается, мы столкнулись с нашими соотечественниками, движущимися нам навстречу.

— Братья, это не та дорога.

Мы потеряли тропу.

Свернули не в ту долину.

— Отменная работа, ребята!

— И какой долбаный гений всем этим руководит?

Люди и животные вереницей текут мимо нас, направляясь вниз, по только что пройденному нами пути. Я хватаю Луку за рукав.

— Слушай. Это не шутки.

Паники пока нет, но ощущается нарастающая нервозность. Мы поворачиваем назад. Строй, ясное дело, нарушен совсем, суеты добавляется. Ну и конечно, беда не приходит одна: на осыпи нас накрывает буря. Небеса багровеют, ветер взывает, все исчезает в ледяной круговерти.

Это усиливает неразбериху, что чревато катастрофическими последствиями. Всюду крик, толкотня. Испуг людей передается животным. В эту критическую минуту положение спасает Стефан.

— Всем стоять! — орет он, а потом идет вдоль колонны, заговаривая с людьми, заглядывая им в глаза и призывая каждого взять себя в руки. Это срабатывает. Порядок удастся восстановить.

Кто поражает своей стойкостью, так это женщины. Ни одна из них не бросает поклажу, не пытается убежать. Гологузка и Гилла держатся вместе, не отходя от меня и Луки.

— Кэ нииша? — кричу я, силясь переорать ветер. — У вас все в порядке?

Укутанные с головы до пят, они кивают.

Колонна снова пускается в путь. До темноты три часа. Никаких приказов не отдается, но всем и так ясно: необходимо вернуться на тропу и найти ту деревню. Иначе в такую бурю нам этой ночи не пережить.

Мы тащимся там, где только что шли, отмечая знакомые вехи. Мимо «Ледяного дома». Мимо «Двух башен».

Вот и «Вешалка». Черный хребет, где-то пять сотен шагов до гребня. Буран свирепеет. Ни хрена не видать. Надо взбираться вслепую.

— Веревки! Всем обвязаться веревками! Подниматься гуськом, друг за другом.

Колонна ползет вверх по ступенькам, вырубленным во льду. Мы сами их вырубали, когда спускались. Но теперь ветер сильнее и всюю метет снег. Удержаться почти невозможно.

— Работать копыями! — звучит команда. — Вбиваешь копые в лед, на шаг поднимаешься и подтягиваешь товарища по связке. Вперед! Две ступеньки вверх — и опять копые в лед! Все разом. Ну!

Все-таки толковый приказ — великое дело. Поразительно, но у нас получается.

— Тропа!

Это кричат сверху, и вся колонна откликается радостными возгласами. Укрытие! Укрытие на ночь! В восторге мы лупим друг друга по сторбленным, обвязанным одеялами спинам. За гребнем колонну приводят в порядок, людей считают по головам.

— Где Толло?

Это Флаг, он смотрит в список.

— Я видел его перед тем, как полезть на горوشку, — отвечает Рыжий Малыш.

— А сейчас-то он где?

Никто не знает.

Флаг идет вдоль строя в обратную сторону. Заглядывает в обмотанные шарфами и платками лица.

— Он в связке-то был? Кто видел, как он привязывался? Теперь, когда каменная громада укрывает колонну от бес- сильно завывающего в расщелинах «Вешалки» ветра, нам вроде как даже тепло.

Флаг возвращается. Он не нашел Толло.

— Идите дальше! — командует он.

— А как же ты, Флаг?

— Шагом марш, кому сказано!

Мы с Лукой задерживаемся и видим, что Флаг сходится с Рыжим. Они разговаривают, но нам их почти не слышно. Видно только, как Рыжий тычет рукой, указывая на обледеневший откос.

— ...если Толло внизу, ему крышка.

Флаг отворачивается. Мы молча смотрим, как он достает из вьюка топор и веревку. Рыжий возвращается к бредущей в сторону деревушки колонне. Мы с Лукой переглядываемся.

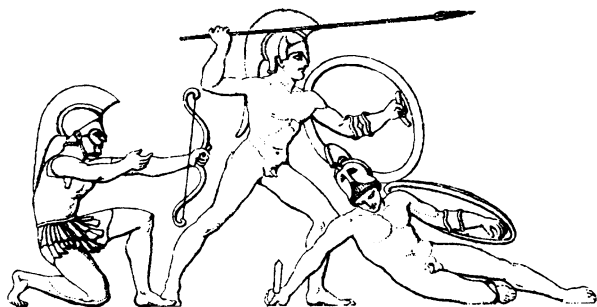
— Я остаюсь, — говорит он.

Я смотрю ему в глаза. Вид у него очень усталый. Плохо дело. Через час он замерзнет.

— Нет. — Я чувствую себя идиотом. — Ступай в строй.

Чтобы Лука стронулся с места, его приходится подтолкнуть.

— Прибереги мне там малость тепла.

Мы с Флагом находим Толло в пятистах футах от верхней тропы. Живого и даже не в беспамятстве, но в бреду. Он не узнает нас, да и не может, поскольку ничего не видит. На глазах его нет повязки, она, наверное, потерялась, а это верная слепота.

Он орет, чтобы мы убирались обратно. Наверх. Можно подумать, это так просто — взял себе да полез. На один спуск у нас с Флагом ушло два часа — откос крутой, как стена, и скользкий, как сопли. Мои сапоги промерзли насквозь, подошвы превратились в ледышки.

Темнеет. Флагу тоже хреново. Совсем хреново. Грудь облеплена замерзшей рвотой, речь невнятна, движения заторможены.

Мы торчим на уступе шириной в две ладони. Толло футах в тридцати ниже висит вверх тормашками. Веревка, обмотанная вокруг лодыжки, зацепилась за камень. Вторая нога его неестественно вывернута в колене.

— Кто это? Матфей, ты?

Я собираюсь спуститься к нему. Почему бы и нет, расстояние-то пустяшное. Летом да днем здесь бы справился и ребенок. Ну да, почему бы не справиться, когда тепло и светло? А как быть

в сумерки, в лютую стужу, в обледенелых раздолбанных сапогах, да еще основательно подрастратив силенки? Пожалуй, брошу я этого Толло там, где он есть, тем более что он и сам нас гонит, и поползу потихоньку вверх. Но никуда я ни хрена не ползу, поскольку вижу, что Флаг задубевшими рукавицами примеряется к стенке. Ощупывает неровности, явно намереваясь самолично добраться до друга. Я вне себя, я обкладываю его такой бранью, от какой вянут и солдатские уши.

Идиот! Он что, хочет сорваться? Мне нипочем не вытащить их двоих.

Выходит, лезть надо мне.

Каким-то образом это у меня получается. Я спускаюсь, а потом Флаг сбрасывает мне с уступа веревку.

Толло не узнает меня. Даже когда я кричу ему в ухо. Его вывернутая нога на ощупь как каменная.

— Моя шапка, — твердит он. — Ты шапки моей не видал?

Он потерял не только повязку, но и свою знаменитую шапку, ту — с кабаньим клыком.

— Должно быть, она упала, — говорит Толло. — Валяется где-то внизу, совсем близко. Можешь достать ее, а?

Голос его очень слаб. Разобрать слова я могу, лишь приложив ухо к той дырке, что он продышал в своей ледяной бороде, да и тогда слышно очень дерьмово. Он как ребенок. У меня прямо сердце щемит, но, с другой стороны, я вскипаю. На кой хрен он упал? Почему шел один? Себя вон угробил и меня, что ли, хочет? Неизвестно, выберемся ли мы вообще из этой поганой щели, а ему, видите ли, немоготу без какой-то затруханной шапки!

— Да пусть валяется, Толло.

— Моя шапка. Без нее мне нельзя.

— Почему?

Он хрипит что-то невнятное.

— Почему? — кричу я.

— В аду... — выдавливает из себя Толло. — Как можно в аду появиться простоволосым?

Ну не один ли хрен, в шапке ты или нет? С чего, спрашивается, я стану горбатиться из-за этакой дурости?

Я спускаюсь ниже. Нахожу эту дерьмовую шапку. Нахлобучиваю ее ему на башку, под капюшон, и, придавив рот к его уху, хриплю:

— Давай выбираться отсюда.

Сказать легко. Сделать трудней. Но мы все же делаем что-то. Я и Флаг. Мы обвязываем Толло под мышками веревкой, а поскольку плащ его задубел и покрылся ледяной коркой, то он вполне может послужить волокушей. То есть, карабкаясь вверх, мы можем тянуть Толло за собой. От уступа к уступу.

Так мы и поступаем. Лезем. Тянем. Один уступ. Другой. Все бы ничего, но Флаг, похоже, сдает. Говорить он уже не может. И я опасаюсь, не отморозил ли он руки-ноги. Свои я пока чувствую. Я в порядке. Я молод. А молодость — это все.

— Гребень... — удается прохрипеть Флагу.

Он хочет сказать, что нам надо вылезти на тропу?

— Зачем? Чтобы сдохнуть там, а не здесь?

Злость клокочет во мне с такой силой, что надо ее как-то выплеснуть. Но не на Флага же.

— Толло! — кричу я вниз. — Почему бы тебе не помочь нам тянуть твою тушу? Руки-то у тебя есть!

— Заткнись, — рявкает Флаг.

— Почему он не выбирает веревку? Мы так все трое накроемся. Из-за этой ленивой задницы.

— Заткнись!

Но меня несет и несет. Я и сам понимаю, что лучше бы мне заткнуться, да никак не могу с собой справиться. В каком-то смысле я, видно, свихнулся, однако некая часть моего сознания остается на удивление ясной. Я, например, полностью отдаю себе отчет в том, что всего через полчаса мои руки и ноги окончательно потеряют чувствительность. А еще через час я вообще превращусь в кусок льда. Дикость какая-то, ведь совсем скоро на этом склоне запылают цветы. Весна идет! Она, судя по всему, будет дружной! Панджшеры пригонят

сюда своих овечек. Их псы обглодают наши оттаявшие тела. Потом растащат и кости. Придется им потрудиться! После такого идиотского перехода на этих откосах останется не одна сотня наших не очень удачливых землячков.

— Встряхнись!

Я смотрю на Флага как человек, очнувшийся от ночного кошмара. Он ревет мне в ухо:

— Приди в себя, я сказал! Нужно найти тропу!

Не возьму в толк, кто из нас спятил! Что ждет нас на этой тропе? Ничего. Колонна наша продолжила путь. Нам и налегке-то ее теперь не нагнать, а уж волоча за собой Толло — тем паче. Или Флаг надеется, что там еще кто-то пройдет и сподобится подобрать нас? Из тех ребят, кому выпала радость тащиться в замыкающем эшелоне? Но нет сумасшедших взбираться на «Вешалку» ночью по холодку. Парни сейчас стоят себе лагерем где-то внизу и правильно делают, между прочим.

— Ладно! — кричу я. — Поищем тропу. Хороший план, лучше некуда.

Мы лезем дальше. Главное орудие скалолаза, чтоб вы знали, копьё. Его острие так хорошо входит в лед. Воткнешь и помаленьку проталкиваешься вперед, ухватившись за древко. Когда волочешь за собой не больно-то легонького детину, опора ой как нужна.

Склон крут не везде. Где-то мы отдыхаем. Где-то прорубаем во льду ступени. Трудно сказать, сколько футов до гребня. Может, тысяча, может, сто. Разницы нет, но меня посещают видения. Вверху во тьме проступает силуэт Гологузки. Она машет мне, она что-то кричит, только вот почему-то не на своем, а на греческом языке. Как хорошо. Она, видимо, ждет нас. Колонна ушла, а эта девушка с ней не пошла. Славный морок, приятный. Лучше не пожелаешь.

Я бросаю взгляд на Флага, гадая, видит ли он то же самое, что и я. Похоже, нет. Лезет себе дальше и лезет. Клянусь железными яйцами Зевса, мужества и упорства в этом малом на пятерых. Что за солдат! Я рад, что сойду в ад рядом с ним.

— Эй! Флаг!

Я хочу сказать ему, что люблю его. Это, конечно, не очень-то по-солдатски, но сейчас мне плевать.

— Заткнись!

Жаль. Мы бы с ним поболтали о Гологузке. Кто, кстати, мог обучить ее греческому языку? Должно быть, такие же как мы, македонцы, которые шляются по всем странам с мечами в руках. Да вот же она, наверну, опять что-то кричит.

— Ловите веревку! Подтягивайтесь, держитесь!

Чтоб мне пропасть, ну чисто гречанка!

Флаг отчаянно пытается поймать веревку. Вот странность. Какого демона он это делает в моем сне?

Ага, ну вот, поймал. Каким-то образом мы добираемся до тропы. На карачках. Ползком. Рылом в лед.

Встать? Я не могу. Гологузка и Флаг вытягивают наверх Толло. Что-то много народу набилось в мой сон. А может быть, это вовсе не сон? Тогда что же? Я брежу?

— Эй!

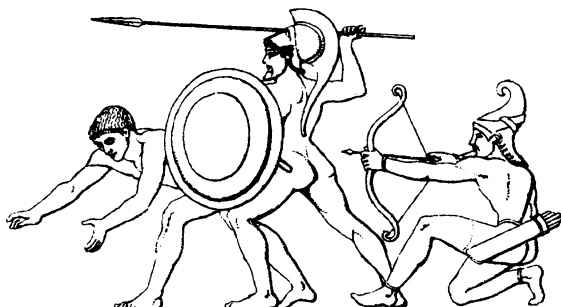
Гологузка опускается возле меня на колени. Поскольку я так и лежу, как лежал, ей приходится перевернуть меня на спину.

— Эй!

— Что?

Она хватает меня за волосы и встряхивает, чуть не выдерживая с корнями весь клочок. Так недолго и облысеть. Только этого мне не хватало.

— Эй! — кричит она мне в ухо. — Ты что, онемел?

Спас наши жизни шерстяной задубевший плащ Толло, которым мы, словно крышкой, закрыли сверху нору, вырубленную Гологузкой во льду.

Позднее она мне расскажет в подробностях, как я упирался, слясь втащить Толло внутрь, а Флаг отталкивал меня локтями, щадя свои израненные ладони и пальцы.

Но это будет потом, а пока, получив несколько зуботычин, я замираю. До меня медленно, как до жирафа, доходит, что товарищ наш мертв.

— Он еще там, внизу, помер, — сообщает мне Флаг.

Я столбенею. Меня душит злоба. Выходит, мы зря надрывались, затаскивая наверх труп? Да на кой ляд он нам сдался? Почему Флаг не удосужился раньше сказать мне об этом?

А я еще этим дуриком восхищался. Вот это, мол, друг! Вот это солдат!

А ведь солдат! А ведь друг!

— Раздень его! — кричит мне Гологузка, перекрывая вой ветра.

Она понимает, что без дополнительного утепления нам до утра не дожить.

— Нет! — ору я в ответ. — Что же, мне его тут совсем голым оставить?

Потом я постигаю всю нелепость сказанного и раздражаюсь нервным кудактаньем. Флаг вторит мне. Мы оба гогочем, не в силах остановиться.

Стянуть одежду с окаменевшего Толло непросто. Мы возмемся минут десять, все еще судорожно отдуваясь. Когда Флаг забирает у мертвеца роскошную шапку с клыком, приступ смеха одолевает нас с новой силой. Слезы намерзают вокруг наших глаз, обледеневшие бороды торчат колом.

Бедный Толло лежит нагишом. Синий от холода. Скользкий. Приходится привязать бедолагу к воткнутому в лед копью, чтобы, не приведи боги, его не снесло ветром в пропасть. Нам стыдно за наш истерический смех, но мы опять ржем и ничего не можем с собой поделаться.

Ночь кажется бесконечной. Мы пересидживаем ее в ледовой берлоге. Ноги девушки покоятся на моем животе, а руки под мышками у нее греет Флаг. Где, спрашивается, справедливость?

Утром на нас наталкивается патруль идущей снизу колонны. Парни выламывают нас из-под снега, словно дрова, так мы закоченели. Но день, как ни странно, выдается теплый.

К полудню мы встречаем Костяшку и Рыжего Малыша, которых Стефан послал поискать нас. Солнце все пригревает. Мы снимаем плащи и кладем их в сани из бычьей шкуры, где лежит тело Толло.

Спуск с гор занимает еще девять дней. Шесть из них мы тащимся по перевалу Кавак. На северной и, следовательно, несолнечной стороне Гиндукуша страдания армии приближаются к апогею. Кажется, мы уже никогда никуда не придем. Двадцать две мили до верхней точки, еще двадцать четыре — до сносной и более-менее пологой дороги. Причем Флаг поклялся во что бы то ни стало стащить Толло вниз. Нельзя же похоронить боевого товарища в какой-нибудь снежной норе, чтобы потом его останки осквернили волки или афганцы. Но клятвы клятвами, а силенки силенками. Мы просто физически не способны совершить такой подвиг, как и прочие до-

ходяги, упрямо тянущие за собой по льду трупы загубленных переходом друзей. В конце концов мы сдаемся, и Толло остается под каменной пирамидой с тремя десятками других мертвецов. Хочется верить, что нагроможденные нами тяжелые валуны послужат усопшим надежной гробницей, куда не проникнет ни варвар, ни зверь.

Мы же, что ни утро, пребываем теперь в полной заднице, или (говоря не точнее, но несколько мягче) в глубокой тени. Солнце, понятное дело, встает ровно вовремя, однако толку в том мало, ибо его отгораживают от нас кручи. Желудки наши пусты, в ноги налит свинец, хорошо, хоть колонна тащится вниз — вверх никто не пошел бы. Правда, там, наверху, уже к полудню начинают хозяйничать солнечные лучи, принимаясь прожаривать горные пики, в результате чего льды подтаивают, провоцируя заморочки с лавинами. Что делать, весна! Разогретые ледники оползают, они давят на нижние снежные массы, и те приходят в движение. Снова и снова сход лавин погребает тропу. Чтобы расчистить ее, требуется практически вечность. В первый день марша по перевалу мы преодолеваем три мили. На третий — меньше одной.

Туземные тирис — подземные схроны, где местные горцы оставляют на зиму припасы, не удастся найти даже нашим проводникам. Непонятно — за что же им платят? Деньги они загребают лопатой. Каждому бы такой куш. Хуже всего то, что на самых трудных этапах подъема к Каваку мы побросали многое из поклажи. И теперь у нас нет провианта. Ничего не осталось. Мы жуем воск, грызем древесину, мы замачиваем и едим подменные сапоги. Лишний вес с нас согнала муштра в долине реки Кабул, а переход свел с наших костей не только последний жирок, но и плоть. Одежда у большей части солдат обветшала, да и обувь практически ни на что не годна.

Бывает, люди просто ложатся рядом с тропой и уже не встают. Закрывают глаза и больше не открывают.

Голод расшатывает дисциплину. Снежные сходы разрывают колонну на изолированные людские скопления. Каждого, у кого сохранились хоть крохи съестного, осаждают изголодавшиеся товарищи. Кто-то ухитряется наживаться. За горшочек с медом выкладывают полугодичное жалованье, а кувшинчик кунжутного (оливковое давно закончилось) масла, которым натираются от обморожений, стоит дороже наложницы благородных кровей. Кунжут несла Гологузка, но она бросила мешок на «Вешалке», когда помогала вытаскивать Толло. Поступает приказ забить по одному вьючному животному на отряд. Вроде бы мы теперь с мясом, но дерева для костров нет, так что приходится есть убоину в сыром виде.

И тут появляется Александр. Невероятно, но наш царь покинул головной эшелон растянувшейся на многие мили колонны, чтобы вернуться к отставшим. Он опять с нами, а с ним и Гефестион, и молодая надежная свита. Происходит чудо: люди, только что проклинавшие его за этот безумный, для многих гибельный и предельно измучивший всех переход, теперь готовы целовать ему руки. Они стыдятся себя, своей слабости, своих прежних мыслей. Ведь Александр уже проделал весь этот путь и мог бы сейчас вполне заслуженно наслаждаться теплом благодатных низин, но он предпочел еще раз превозмочь все невзгоды. Наравне с нами. Не посаживая в седле, а в пешем порядке, в обычном кавалерийском плаще, ничем не отличаясь от прочих солдат. Буквально ничем, ибо за ним не ведут мула со снедью. На привалах наш царь собственноручно выкапывает острием копья коренья, и этот козий корм составляет весь его ужин. Ежели кто-нибудь рядом валится с ног, Александр поддерживает обессилевшего, подпирает плечом и говорит нам, что уже через три дня парни, идущие впереди, будут лакомиться сочными грушами на прогретых солнцем равнинах. А еще денька через три это ждет и всех нас.

— Не падайте духом, друзья. Держитесь. Да, нам придется нелегко, но наши мучения не напрасны. И наши това-

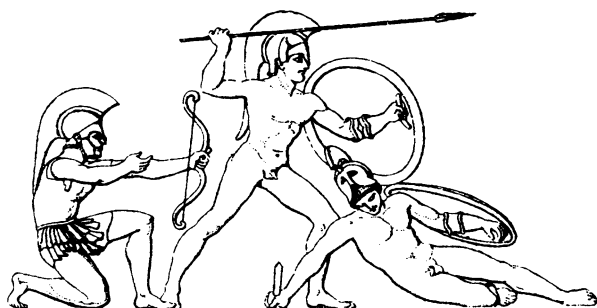

рици отдали свои жизни не зря: мы ошеломят и раздавим врага, обрушившись на него именно в тот момент, когда он не ожидает беды, и там, где он чувствует себя в абсолютнейшей безопасности.

Александр утверждает, что одно наше появление ввергнет неприятеля в трепет, ибо веками перевал Кавак в эту пору считался непроходимым. Мы же, свершив невозможное, покорили его. Это великий, незабываемый подвиг.

Книга третья
БАКТРИЙСКАЯ
РАВНИНА

Бактрийская равнина, по просторам которой теперь движется армия, представляет собой зеленый оазис довольства и изобилия. Одного лишь взгляда на грушевые и сливовые сады, на поля, где возделываются и рис, и ячмень, достаточно, чтобы солдаты воспрянули духом. Бактрийцы — люди цивилизованные, они обитают не только в деревнях, но и в очень внушительных поселениях, напоминающих настоящие города. Горожанам, понятно, есть что терять, но терять ничего им не хочется, а потому за одиннадцать дней сорок таких городов сдаются без боя. После всех перенесенных невзгод это воспринимается как подарок, и наше войсковое соединение, не неся ни малейших потерь, шагает себе под ласковым солнцем и по хорошим дорогам к закрамам самой щедрой из житниц Афганистана.

Рискованный план Александра работает. Бесс и Спитамен, пришпорив коней, бегут на север, за реку Окс. Повсюду видны следы свернутых второпях воинских станов. Отступающие пытались выжечь поля, оставив у себя за спиной обугленную пустыню, но местные жители встали против этого вмертвую и теперь компенсируют свои тревожнения, запрашивая за

все подряд двойную, а то и тройную цену, однако нам на это плевать. Мы рады уже и тому, что не мерзнем.

В Драпсаке раскинут огромный палаточный лазарет для тысяч обмороженных или еще каким-либо образом пострадавших во время беспрецедентного перехода солдат. Одежда наша по большей части превратилась в лохмотья, половина людей без сапог. Состояние вьючных животных плачевное, от них остались лишь кожа да кости. Однако Александр останавливаться не намерен.

Стефан собирает наше подразделение и разъясняет обстановку. Говорит, что никто никого не неволит. Каждому небось хочется отдохнуть-отлежаться да и малость отъестся на больничных харчах, тем паче что у любого найдется дающая на то право болячка. Правда, в таком раскладе можно прохлопать редкостную возможность. Сейчас Александр гонится за врагом. Он не забудет тех, кто его не покинет.

У Флага почернели три пальца — два на руке и один на ноге. С помощью редкозубой пилы и деревянного молотка он самостоятельно их отсекает. Флаг не одинок, сотни парней делают то же — или сами, как он, или просят товарищей. Солдаты готовы скорей умереть, чем обратиться к хирургам.

Армия пересекает Каменную пустыню. От жары и от жажды гибнут еще сотни три человек и сотен семь лошадей, зато Александр выходит к Оксу, можно сказать, на плечах у врага: всего лишь с двухдневным от него отставанием. Река полноводная, шириной где-то в тысячу с лишним ярдов, а все лодки с парами Бесс и Спитамен, переправившись на другой берег, сожгли. Маки, ничуть не обескураженные, становятся лагерем и принимаются вязать плоты.

Наши женщины по-прежнему с нами. Пережитые испытания их совершенно преобразили. Они сильно приподнялись, как в наших глазах, так и в своих собственных, и боятся лишь одного: прекращения боевых действий. Ведь тогда армия может решить, что больше в них не нуждается. А это не так. Они все время стараются приносить пользу. Гологузка, напри-

мер, смазывает стертые ступни солдат уксусом и обвязывает кротовыми шкурками. Гилла вправляет кости. Еще одна девушка, Дженин, добывает невесть откуда для всех желающих назз и панк. Без этих помощниц уже и не обойтись, теперь на их стороне даже Флаг.

Да, горы изменили и нашего бравого ветерана. Смерть Толло нанесла ему сильный удар, но она сделала его человечнее, добрее. Раз и Лука для него стал «сынком», то куда уж тут дальше?

В Драпсакe Флаг получает свою четвертую награду — Серебряного Льва, а в придачу и полталанта чистейшего полного серебра. Сумма немалая. И на что же он ее тратит? Флаг, во-первых, оплачивает погребение четырех женщин, погибших в горах, во-вторых, договаривается с армейским лекарем, чтобы тот по-хорошему вытравил пятой плод, в-третьих, обновляет нашему подразделению снаряжение, а что остается — отправляет в Македонию, родичам Толло.

Нет, толком я этого человека не знал. Я больше смотрел на него со страхом и трепетом, чем с уважением, но теперь все становится на места. Ушел куда-то лихой, свирепый вояка, остался солдат. В самом высоком смысле этого слова. Суровый, грозный, негибаемый — и в то же время отзывчивый и ранимый.

В городке под названием Талокан он отводит меня в сторону и сует мне в руку шапку. Ту самую, с кабаньим клыком, принадлежавшую Толло.

— Это тебе.

Я не могу носить ее.

У меня нос не дорос.

Кто я, а кто Толло?

Но по настоянию Флага я засовываю шапку в котомку: он утверждает, что вещь мертвеца приносит удачу.

Дальше меня ждет и другой сюрприз: собрав подразделение, Флаг объявляет, что теперь мое место первое, во главе ряда. Шутит он, что ли?

— Какие шутки, Матфей? Поздравляю с повышением — ты теперь командир.

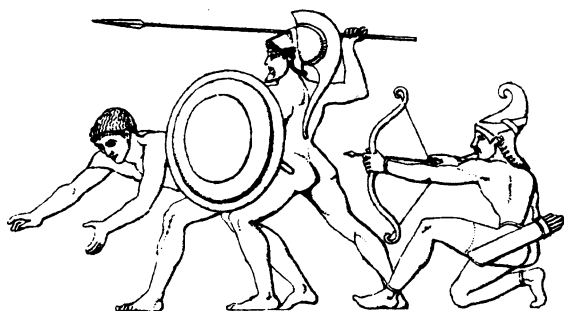
Вот уж не чаял! Мало того что отныне я, как дурак, обязан буду томиться на командирских советах, так мне еще (вот стыдуха!) придется с важной физиономией отдавать приказы друзьям — Тряпичнику, Рыжему Малышу или тому же Луке. Как такое возможно?

— Привыкай, — говорит Флаг. — Служба дружить не мешает.

С этой минуты он начинает делиться со мной всеми своими соображениями и всеми сведениями, какие приходят из штаба. И приучает держаться с младшими командирами, пусть даже и с самим Стефаном, на короткой ноге. Стефан, кстати, тоже на этом настаивает.

Сапоги и плащ Толло вместе с десятью драхмами из его кошелька (это годовая плата носильщицы) Флаг отдает Гологузке. По справедливости за наше спасение ей и не то еще причитается, и Флаг это понимает. Он спрашивает, какой подарок она хотела бы получить. Если что, парни скинутся.

— Я бы хотела, — заявляет она, — чтобы вы перестали называть меня Гологузкой.

Европеец не в состоянии постичь, сколь плачевно положение одинокой женщины на Востоке. Там такое существо ниже собаки, ибо собака, по крайней мере, может охранять дом или лагерь, а лишенная мужского покровительства женщина не годна ни на что. Над ней из брезгливости даже и надругаться-то не решатся, а просто забросают камнями, и все. В глазах афганцев она отверженная, забытая богами и предками тварь. Ее преследует злой рок, а местные варвары ничего так не боятся, как чьего-либо дурного влияния на их собственную, обычно, по-видимому, всегда им сопутствующую везучесть.

Но наши женщины обретают защитников. Это, как вы понимаете, мы. Армия находит им применение, а они, со своей стороны, охотно взваливают поклажу мулов на свои спины.

Конечно же, мы выполняем просьбу Гологузки — отныне она Шинар. Славное имя. На дари означающее «убежище».

— В тех местах, откуда мы родом, — поясняет длинноногая Гилла, — при каждой деревне

всегда есть маленькое каменное строение, порой продуваемое ветрами, но обязательно с какой-нибудь крышей. Обычно оно расположено где-то в холмах. Это строение не принадлежит никому, им владеют все вместе. Любой человек, пусть даже преступник, может укрыться там, и никто не вправе тронуть его, пока он оттуда не выйдет. Вот такое убежище мы называем шинар.

Вы, наверное, задаетесь вопросом, что происходит ночами между мной и Шинар. Происходит именно то, о чем вы подумали. Значит ли это, что я не верен моей нареченной? У солдат есть присловье:

Кто отправился за моря, проливает кровь за царя.
Не берись его осуждать, коль не станет он голодать.

Смысл присказки прост: дома — одно дело, а в походе — другое, смешивать тут нечего. Никто из нас не знает, останется ли завтра в живых, и требовать, чтобы здоровые молодые парни годами обходились без женщин, так же нелепо, как бессмысленно запрещать в армии выпивку или дурман.

Конечно, отправляясь к вербовщикам, я так не думал. Я собирался хранить верность Данае буквально. Но война есть война.

Окс, как я уже говорил, — река широкая. Пока армейские инженеры наводят понтонную переправу, а солдаты варганят плоты и набивают соломой мешки из непромокаемой парусины (так называемые боуза), нашему подразделению, как и некоторым другим, предлагают проветриться. Провырнуться, гуляючи, вдоль реки, а заодно позабирать у местного населения все, на чем можно ездить, не забыв и обо всем том, что хоть мало-мальски походит на провиант. Женщины остаются, чтобы поддерживать порядок в шатрах и вить веревки.

В первую ночь рейда мы с Лукой вместе стоим в карауле.

— Как у вас с Гиллой? — интересуюсь я словно бы вскользь. Он спрашивает, что я имею в виду.

— Ты знаешь. В постели.

Мой друг задумывается, потом коротко отвечает:

— Хорошо.

Я в смущении опускаю глаза.

— Ну, — говорит Лука, — выкладывай. Что именно тебя интересует?

Я мнусь, запинаясь, наконец выдавливаю:

— Я не только про это самое, а вообще... про отношения. Ну там, вы с ней разговариваете... или смеетесь?

— Конечно, — кивает Лука, по-моему так и понявший, чего я от него добиваюсь. Честно говоря, я и сам не очень-то представляю чего.

— А вот мы с Шинар все молчим. Бывает, ни словом не перемолвимся. Ни до того, ни во время, ни после. Как будто мы с ней не знакомы. Иногда кажется, что на моем месте мог бы быть кто угодно.

— Ты хочешь сказать, что она холодна?

— Нет, наоборот. Она меня просто выматывает. Но суть дела в том, что...

— В чем?

— ...в том, что ей вроде как стыдно. Она ложится со мной, ей хорошо, но стыдно. Она себя ненавидит. Но на следующую ночь возвращается, такая же ненасытная.

Я гляжу на Луку.

— Просто хотелось узнать, все ли афганки такие.

Подходит Флаг, он проверяет посты. Я замолкаю. О некоторых вещах я могу говорить только с Лукой.

Наш отряд движется по долине, где все не так, как на центральных бактрийских равнинах. Там всюду крепкие каменные города, здесь одни саманные деревушки. Там — высокие здания, сады, башни, здесь — глинобитные хижины и

плетни. Это край всадников. Каждый мужчина — воин, каждая высотка — крепость. Мальчишки с утра отправляются в колючие заросли пасти коз, девушки, сидя на корточках, ткут. Завтрак их состоит из кишмы, грецких орехов и сушеных тутювых ягод. Местный сыр называется наффа, он соленый, как брынза, и крепкий, как камень. Когда мы заговариваем со старухами, они приставляют ладони к ушам.

— В этой стране все глухие, — замечает Костяшка.

— Глухие и тупые, — подхватывает Рыжий Малыш.

С нами идет проводник с иудейским именем Елох. Он справляет Пасху, но чтит учение Зороастра. Интересный малый: свободно говорит на фарси, на дари, на греческом. Елох жил некогда в Галикарнасе и совершил паломничество вверх по Нилу. Я спрашиваю, скоро ли, по его мнению, закончится эта война.

— Никогда, — со смехом отвечает Елох.

Обведя широким жестом голую степь (возвышенность, на какой мы находимся позволяет обозреть необъятные дали), Елох поясняет:

— Всей этой местностью правят семь военных вождей. Каждый сам себе голова, у каждого есть свое войско. Они вершат суд, заключают союзы, они главенствуют на советах племен. Они также защищают вдов и сирот, пекутся о престарелых и об увечных. Они ведут воинов в бой. Эти вожди ненавидят друг друга, но вас, македонцев, они ненавидят сильнее.

Елох рисует на земле карту.

— Беласар, Миамен и Петен контролируют территорию между Оксом и Бактрой, Оксиарту подвластен весь юго-восток. Спитамен с Датаферном властвовали на западных землях, которые одним краем граничат с Артакоаной, а другим упираются в перевал Бамиан. Но теперь эти два сильных человека ушли на север, сумев как-то сговориться с тамошними вождями — Кориерном, Катаном, Мелпанором, Гиста-

ном. Под началом у этой четверки сотни, даже тысячи мелких кланов. Это не считая даанов, саков и массагетов, обитающих к северу от Яксарта. Последних десятки тысяч, в сравнении с их неукротимостью и свирепостью все остальные афганцы кажутся просто робкими голубками.

От Елоха я узнаю еще об одном своде правил, какими руководствуются многие местные племена. Это ашаара, что значит «завет». Женское поведение отнюдь не обойдено в нем вниманием. Именно ашаара связывает человека с семьей, племенем, предками. Причем связь с предками важнее всего. Когда они отворачиваются от человека, от него отворачивается Бог.

Я рассказываю словоохотливому проводнику о Шинар и о том бремени вины и стыда, которое, по-видимому, постоянно гнетет ее. Елох не только подтверждает мою догадку, но и говорит, что по здешним понятиям я преступник. Мне следовало бы не опекать Шинар, а убить.

Как поясняет Елох, мое преступление называется на дари аль сатва. Есть у него и еврейское название — тол дави. Суть аль сатва, или тол дави, в том, что человек, совершивший благодеяние вместо того человека, кому надлежало бы его совершить, позорит последнего и наносит ему оскорбление.

Поскольку по моей физиономии видно, что я ничегошеньки не понимаю, Елох приводит пример.

— Если незнакомец остановится у дома моего отца, — говорит он, — а у того не отыщется чем накормить его, это печально, но не позорно. Но если сосед моего отца примет и угостит этого незнакомца, то с его стороны это будет аль сатва. Ты понял, Матфей? Сосед опозорит моего отца перед странником. В нашей стране так не делают. Это непозволительный, нехороший поступок. Но в твоем случае все куда хуже. Это настоящее преступление, ибо ты спас девушку, у которой есть брат. Брат обязан заботиться о сестре. Ты унижил его, смертельно обидел. Понятно?

— Ну а где, хотелось бы знать, ошивался этот братец, когда Шинар нуждалась в защите? — запальчиво спрашиваю я. — Ведь будь он рядом, я, разумеется, и пальцем не шевельнул бы.

— Именно! В том-то и дело.

— По совести, он вообще должен быть мне благодарен! Разве я не вырвал его сестру из лап старого негодяя? И разве я тем самым не спас ее жизнь? Клянусь богами, больше всего на свете мне хочется благополучно вернуть Шинар в лоно семьи!

— Да как ты не понимаешь? — восклицает Елох. — Ты навек осрамил родственников этой девушки, сделав за них то, что они сами должны были сделать. Этого они тебе никогда не простят. Что до нее, то она есть средоточие, носительница и причина позора. Предки все видели, как же ей не стыдиться? Ну а если ты при этом еще ей и нравишься, то это лишь усугубляет ее вину.

— Иными словами, — говорю я, — по вашим хреновым представлениям, было бы предпочтительнее, чтобы какой-то погонщик мулов продолжал измываться над ней? А с моей стороны было бы лучше убить ее, чем помогать ей?

— Чистая правда!

— А если бы все наши парни принялись насиловать ее по ночам, это тоже было бы лучше?

— Конечно. А как же иначе?

Мне остается только покачать головой.

— И я скажу тебе еще кое-что, — говорит проводник. — Чем ты добрей к этой девушке, тем глубже пропасть, в которую она падает. Ты должен понять, что твоя заботливость еще больше роняет ее в ее собственных же глазах. Она нарушила завет, и Бог от нее отвернулся.

— И что же это за Бог в таком случае?

— Я не священнослужитель, Матфей.

— Это вообще никакой не Бог. Это дьявол.

Елох поднимает ладони к небу. Точно так же, как это делает Аш в тех случаях, когда македонец пожал бы плечами.

— Это страна дьявола, — говорит он. — И ты участвуешь в войне дьявола, паренек.

Одной из попутных задач, поставленных перед нами, является захват пленных. «Охота на кроликов», как говорят солдаты. Нам велено хватать всех мужчин (чем выше рангом, тем лучше) и живыми и невредимыми отправлять их к командованию. Мы окружаем деревни, выгоняем из хижин баб-девок-старух и начинаем допытываться, где спрячутся их сынки-мужья-братья. Трясешь этих дур, а те все как одна прикидываются слепоглухонемыми. Налицо сговор, но что с ними делать?

Правда, лишь наше подразделение не знает ответа на этот вопрос, ибо Стефан излишней жестокости не допускает. А вот другие не очень-то церемонятся и изгаляются, как хотят. Мы, конечно, ни во что не мешаемся. И так, по мнению многих, наши «телячьи нежности» сильно смахивают на потворство врагу. Но лично я думаю, что на руку Спитамену скорей зверства, творимые нами на глазах местных жителей, чем нормальное человеческое обхождение.

— Ты когда-нибудь вспоминаешь собственную мать? — спрашивает меня как-то Лука.

Мы умаялись, мы потрошим уже третью с утра деревушку.

— Все время. И сестру. И Данаю.

Под вечер, ставя на уши очередное селение, мы натыкаемся на тайные подземные хранилища съестных припасов — в основном это чечевица и рис. Ясное дело, все найденное реквизируется. Женщины голосят, уверяя, что умрут с голоду. Флаг выдает им армейские долговые расписки. Они тарачатся, не понимая, что это такое.

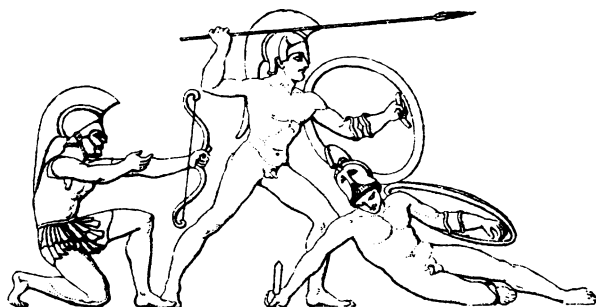
— Когда мимо будет проходить наш обоз, предъявите обязательства казначею. Вам заплатят.

Елох переводит. Туземки щурятся и переглядываются, до них не доходит.

— За свои припасы вы получите двойную цену.

Старухи не понимают.

— Они все тут глухие тупицы.

По возвращении с «охоты на кроликов» мы видим, что четыре пятых армии переправляется через Окс, а весь лагерь охвачен радостным возбуждением. Возможно, война скоро кончится! Спитамен с Оксиартом прислали к Александру гонцов. Они взяли мятежного Бесса под стражу и готовы передать его нам, если наш царь заключит с ними достойный мир. Конечно, он такого случая не упустит. Соглашение может быть скреплено клятвенным договором в ближайшие дни.

А вдобавок нас ожидает воистину царское поощрение — лошади.

Пока мы прочесывали долину, Александр с почестями распустил три фессальских кавалерийских отряда, это шестьсот шестьдесят человек. Они едут домой богатые, как князья, а их боевые кони остаются в армии и выставляются на продажу. Конечно, такая покупка никому из нас не по карману, но командование идет нам навстречу. Достаточно завербоваться на дополнительные полтора года службы, и ты получишь лошадь в рассрочку, причем по льготной цене.

— Можно брать, можно не брать, — говорит Стефан.

Как так не брать? Разумеется, мы берем и форсируем Окс в качестве полноправных ездовых пехотинцев. Нам дан приказ провести по окрестностям рейд, отлавливая бесхозных животных и компенсируя тем самым потери, понесенные нашим войском в горах и в каменистой пустыне. Александр вообще хочет к осени пополнить армейский табун семью тысячами лошадей. Боевых, запасных — каких угодно, лишь бы привычных к узде и седлу. К тому времени Афганистан станет частью его громадной державы, и армия до первого снега вновь возьмет курс на Гиндукуш, но уже с целью спуститься с гор в Индии, а не в какой-нибудь забытой всеми богами глухомани.

Я просто влюблен в мою лошадь. Это нисенская кобыла — молочного цвета с клеймом в виде барса на правой стороне крупа и с ласковым именем Хиона (Снежинка). Первый хозяин приобрел ее в Мидии за три таланта серебром, но мне она досталась вдвое дешевле. Выгодное приобретение. Моя чудесная девятилеточка может похвастать большим количеством шрамов, чем сам Александр. Стать у нее вроде обыкновенная, но шея крепкая, ноги длинные, грудь широкая, мощная. Ну и причуд, конечно, хватает. Ест эта привереда лишь из яслей, а с земли — не то что сена, не возьмет даже овса. Она вообще с заморочками. Ее пугает все белое. Она кусается. Она брыкается. Не дает себя стреножить и панически боится пчел. Зато любит груши, а тутовые ягоды готова лопать и лопать, пока ей худо не станет.

Но это первоклассная кавалерийская лошадь. Чувствует всадника, не артачится перед препятствиями (кустами, канавами или заборами) и, как по линеечке, держит место в строю. А несется как ветер, но при этом легко выполняет маневры — ну чисто ласточка в стае. Мне ее учить нечему, она сама меня учит. Короче, Снежинка — самая превосходная скаковая кобылка, которая у меня когда-либо была, и я

отношусь к ней почти с той же нежностью, с какой вспоминаю родимую мать.

Причислены мы, как и прежде, к пехоте, однако получаем то же довольствие и ту же полевую надбавку, что и регулярная кавалерия. Еще у нас появляется подкрепленное казначейскими средствами право нанимать себе конюхов, что мы с великой охотой и делаем, только берем в услужение не мужчин, а... догадайтесь кого? Правильно, наших спутниц. Гилла теперь официально состоит при Луке, Шинар — при мне, а денежки остаются при нас.

И по степям мы рыщем вовсе безуспешно — и одичавших скакунов ловим, и скупаем кое-что у племен. Степняки тоже считают, что войне скоро конец, а раз оно так, то ни к чему держать лишних лошадок. В мирное время их выгодней сбыть по-хорошему с рук. Не проходит и месяца, как мы обзаводимся неплохим табуном и кучей новых друзей. Возвращаясь с востока от Мараканды в расположение своей армии, мы гоним перед собой сотни три резвых и крепких коньков, а за нами пылят примерно столько же резвых и крепких туземцев. Среди них много бактрийцев, согдийцев, даже диких даанов и совсем уж безбашенных массагетов — все они так и рвутся наняться на службу к Главному Маку (нашему государю). Настроение у всех приподнятое, отношения самые доверительные.

Но как раз в этой-то благодати и таится угроза.

Одному согдийскому головорезу приглянулась Шинар. Он предлагает за нее прекрасного жеребенка и, похоже, совершенно уверен, что я пойду на обмен. Дело к полуночи, возле нашей стоянки толчется десятка три дикарей, разгоряченных кумысом — перебродившим кобыльим молоком — и, понятное дело, ищущих, кому бы по-быстрому вставить. Ссориться с ними нам не с руки, потому как народ они горячий, обидчивый и любая размолвка может обернуться не просто шумной ссорой или обменом тумакнами, а самым настоящим кровопролитием.

Я со всей уважительностью объясняю согдийцу, что Шинар моя жена.

Афганцы хохочут. Для них очевидно, что эта девушка ничьей женой быть не может, а их главарь ничуть не скрывает намерения, натешившись властью, отдать ее своим дружкам.

— Какой изъян ты находишь в моем жеребенке? — спрашивает он, полагая, что я пытаюсь вздуть цену.

— Никакого. Это прекрасное животное.

Он поднимает ладони, как бы вопрошая: «Ну и в чем тогда дело?»

— Эта женщина, — повторяю я, — моя жена.

Малый закипает. Он считает, что над ним издеваются. Его гордость задета.

Уж и не знаю, чем бы все кончилось, но тут появляется Флаг и покупает у дикаря жеребенка, заплатив втрое больше того, что он стоит. Согдийцев это устраивает, и они, отвязавшись от меня, убираются к другим кострам.

Вроде бы все улажено, но Шинар страшно зла. Она уходит, не объяснив, чем я ее обидел. Гилла идет за ней, но уговорить вернуться не может.

На рассвете, когда мы снимаемся с места, Шинар нигде не видать. Кто-то нашел ее волосы, отрезанные и брошенные на землю. Что это значит, остается только догадываться.

Весь последующий день Гилла пытается растолковать мне, в чем дело. То, что согдийский головорез принял Шинар за шлюху, уже само по себе было достаточным оскорблением, напомнившим ей об ужасной уязвимости ее положения. Но когда я объявил ее своей женой, обида сделалась нестерпимой. Ведь всему свету, а главное, всем афганцам известно, что она мне не жена. Разве мыслимо снести такое?

Правда, до меня все-таки не доходит, в чем тут обида. Разве я не защитил Шинар от посягательств? Разве я не был готов пролить кровь за нее? Гилла вздыхает:

— Неужели ты настолько слеп, что не замечаешь, как она на тебя смотрит?

— О, пожалуйста, прекрати!

— Назвав Шинар своей женой, хотя это вовсе не так, да и несбыточно вообще, ты еще раз подчеркнул, как жалка ее участь. Что тут непонятного?

На другое утро Шинар возвращается. Она снова работает, возится с лошадьми, но со мной не разговаривает, прячет глаза. И помалкивает, почему отрезала свои волосы. Ну и ладно. Я, в конце концов, на войне, в трех тысячах миль от дома. Одно это уже драматично. Так на кой ляд мне дополнительные спектакли? Я отказываюсь участвовать в них.

Два дня спустя наша колонна добирается до Аданы, первой из Семи крепостей. Александр побывал здесь несколько дней назад: Адана сдалась без боя — на милость победителя и была этой милости удостоена. Царь принял крепость под свою руку и устремился дальше, к Яксарту, последнему рубежу бывшей Персидской державы. Там он намерен прекратить наступление, положив предел своему северному походу.

Гарнизон в Адане стоят македонцы. От них мы с удовлетворением узнаем, что остальные шесть крепостей тоже не оказали сопротивления, в них уже размещены наши силы. Новости вообще только хорошие. Теперь, когда Бесс схвачен, его союзники дааны, саки и массагеты откочевывают в родные края за Яксарт, а бактрийцы и согдийцы разбегаются по своим деревням. Их предводители желают мира. Александр послал Спитамену и Оксиарту породистых скакунов и отрядил понимающих людей в Бактру за подобающими дарами. Вскоре он созовет в свой лагерь местную знать, объявит верховных вождей своими родичами, присвоит их сыновьям высокие армейские звания, а самих пригласит, если пожелают, принять участие в давно задуманном им индийском походе.

Наше подразделение добирается до Яксарта два дня спустя. Рядом с лагерем Александра сооружены новые, просторные загоны. Это только мы пригнали три сотни лошадей, всего же разъездными отрядами собрано более четырех тысяч

голов, еще три тысячи захвачено в Семи крепостях. Если так пойдет и дальше, то дней через десять все потери армии во вьючных и верховых животных будут с избытком восполнены.

Причитающиеся нам деньги выплачиваются без задержки, и мы чувствуем себя богачами. Мало того что я гашу свои задолженности, так у меня остается достаточно средств и на обновление снаряжения, и на некоторые причуды Снежинки. Такое дело не грех отпраздновать, и у реки затевается пиршество, благо армию нагнал обоз, полный шлюх. Теперь всем, у кого нет постоянных подружек, не придется ворочаться в одиночестве ночью, ну а вина и дури у нас всегда выше крыши.

Я собираю букетик люпинов, хочу помириться с Шинар. Она мой скромный дар отвергает и уходит к реке.

Вот ведь занудство!

— Я для тебя просто подстилка! — выпаливает она, слыша мое сопение за спиной. — Думаешь, мне не известна ваша дурацкая поговорка? «Кто отправился за моря...» и так далее. Думаешь, я не знаю, что это значит?

Я осторожно бубню, что никогда, мол, не говорил ей такого, но Шинар меня словно не слышит.

— Это значит, — продолжает она, — что мы для вас скот, а не люди. Что бы вы ни вытворяли в чужой стороне, не имеет значения. Гилла ничто для Луки, я ничто для тебя.

— И из-за этого ты обрезала свои волосы?

— Да.

— И поэтому убежала?

— Да.

— И ты предпочла бы, — спрашиваю я, — чтобы я отдал тебя тому молодому бездельнику, а он после отдал тебя своим буйным дружкам?

Она говорит, что я несу вздор. Что я просто мастер переиначивать все в свою пользу.

— В свою? Может быть, мне не стоило цапаться с Ашем? Пусть бы лупил и лупил тебя до сих пор?

— Я не твоя жена!

— А какое это имеет значение? Кому от этого горячо или холодно?

Я хватаю ее за плечи.

— Шинар. Шинар...

— Ты меня в грош не ставишь. А ведь я спасла тебе жизнь! В грош не ставлю? А как же дарик, за какой я купил ей свободу?

— Свободу? Зачем мне она?

И опять мне никак не понять, в чем загвоздка.

— Чего, в конце концов, ты от меня хочешь?

— Ничего. Я ничего не хочу от тебя.

Шинар начинает увязывать узелок. Мне сотни раз доводилось наблюдать ссоры солдат с их подружками. Никогда не думал, что и сам могу влипнуть во что-то такое, а вот на тебе — влип.

— Куда это ты собралась?

— А тебе что за печаль?

И снова меня дивит ее греческий.

— У кого это ты научилась так хорошо говорить?

— У тебя.

Доведенный до белого каления, я приказываю ей топать в лагерь. Она с вызовом складывает руки на груди и заявляет:

— Неужели ты так ничего и не понимаешь, Матфей? Я ведь лишилась всего. У меня теперь есть только ты.

И тут силы покидают ее. Я подхватываю строптивицу и, радуясь, что она не брыкается, начинаю нести всякий бред.

— Шинар, — шепчу я ей в ушко, — твоя красота с первого взгляда поразила меня. Твои глаза, твоя дивная кожа. Я помню все мелочи. Помню, как ветерок шевелил волосы у тебя на лице...

Вообще-то мне красноречие не присуще, я ведь все-таки не рапсод какой-нибудь и не лирик, но тут меня несет и несет, и, похоже, мои слова попадают туда, куда надо. Мало-помалу девчонка оттаивает. Я беру с нее обещание больше не убежать.

— А ты переживал, когда я ушла? — спрашивает она.

— Еще как. Не с кем стало ругаться.

К лагерю вверх по склону мы поднимаемся в полной гармонии, то есть в обнимку. Холодает тут быстро, и по вечерам женское тепло в этих краях всегда кстати. Даже более чем. Я уже с нетерпением думаю, как бы скорее закончить пирушку и завалиться в постель.

Но когда мы добираемся до костра, то застаем там отнюдь не полное разгуляево, а лишь двух угрюмцев — Тряпичника и Рыжего Малыша, сосредоточенно затаптывающих уголья. Кони уже оседланы, все парни вооружаются, надевают доспехи.

— Рыжий, эй, что случилось?

Появляется Флаг, он в седле и с копьем, на нем панцирь, шлем, в кулаке зажат повод. Мои снаряжение и оружие лежат на крупе Хионы, которую мой товарищ ведет за собой.

— Благодарю нашего дорогого дружка Спитамена, — ворчит Флаг, — это он не дал нам повеселиться.

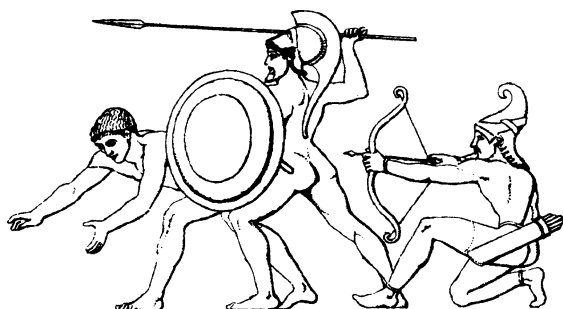
Как выясняется, Волк Пустыни вел переговоры лишь для отвода глаз, а потом под покровом ночи с четырехтысячным войском переправился через Яксарт, прошелся по всем Семи крепостям и перебил наши гарнизоны. Край объят пламенем. Да что там край — вся страна!

Флаг кидает мне мое барахло.

Похоже, эта война не закончена. Похоже, она еще не начиналась.

Книга четвертая
ВОЛК ПУСТЫНИ

Каждому солдату нашего лагеря велено запас- тись недельным пайком, после чего передовые подразделения скрытно в ночной темноте пе- ремещаются к ближайшей из Семи крепостей. Им приказано взять ее в жесткое кольцо с тем, чтобы ни один враг не смог выскользнуть из ло- вушки и предупредить остальных. На рассвете другие формирования направляются к дальним твердыням. Александр посылает за артиллери- ей. Тяжелое снаряжение так и не добралось до Яксарта, правда, оно пока цело. Просто счастье, что осадной колонне каким-то чудом удалось из- бежать встречи с головорезами Спитамена. Случись такая беда, мы больше никогда не увидели бы ни своих машин, ни тех, кто при них состоит.

Два летучих кавалерийских отряда выдвинулись навстречу обозу, чтобы развернуть его и сопроводить к Семи крепостям.

Тараны, баллисты и катапульты слишком громоздки, чтобы их перевозить целиком, да в том и нет смысла. Важны металлические дета- ли, шестерни, лебедки, пружины, а также тросы, свитые из человеческих волос. Деревянные элементы легко мастерятся прямо на месте из подручных материалов. Поразительна быстро-

та, с какой механики собирают орудия, устанавливают и приводят в готовность к стрельбе.

Наша осадная артиллерия обладает неслыханной пробивной мощностью, а уж стены любой из Семи крепостей она способна просто смести подчистую, ибо все они, кроме, быть может, киропольской, целиком глинобитные, а такой кирпич колетса, словно сахар. Но задачи ровнять с землей крепости у нас пока нет.

Перед окончательным свертыванием яксартского лагеря оглашается царский указ. Солдатам впервые за всю кампанию разрешается захватывать женщин с детьми для себя, а значит, прикармливать и всю выручку от продажи их в рабство.

Александр лично обращается к нам, построившимся возле конских загонов. Небо светлеет, но дождик все моросит. Люди, спешно при факелах собиравшиеся в дорогу, изрядно вывозились в грязи и теперь походят на глиняных, вылепленных детьми кукол. Лошади, все еще стреноженные, покорно мокнут с кормовыми мешками на мордах. Ревут мулы, согнанные погонщиками в обозную вереницу.

— Друзья мои, у многих из вас в крепостных гарнизонах оставались приятели, добрые боевые товарищи. Скажу сразу, даже и не надейтесь, что кто-то из них уцелел. Волк Пустыни не видел причин ограничивать в кровожадности и свирепости ни себя, ни своих головорезов. Но ответьте мне, братья, и скажите по правде: а в состоянии ли вы сами совладать со своей яростью во время штурма? Сможете ли вы сражаться как воины, а не как дикие звери? Если не сможете, честно признайтесь, и я оставлю вас здесь.

Не ошибитесь в самооценке. Я задался целью истребить каждого, кто, взалкав нашей крови, опять посмел нанести нам коварный удар. Ни один вероломный дикарь не должен уйти от заслуженной кары. Но пусть мщение вершит армия, а не разбойничья шайка. Удастся ли вам обуздать в себе буйство? Могу ли я положиться на вас?

Через какой-то час взята Адана. Александр сам руководит ее захватом, причем не из шатра, а со стены, куда он взлетает с первой волной атакующих. Всех мужчин в городе, от юнцов и до стариков, рубят на месте.

К полудню все еще распаленные боем солдаты, прошагав шесть миль, добираются до второй крепости, Газы, уже окруженной войсками Полиперхона. Наше подразделение спешивается, мы оставляем лошадей на кордоне и присоединяемся к пехоте, чтобы принять участие в штурме. Нами командуют Стефан и Флаг.

В жилых кварталах означенной цитадели приходится вести бой за каждый дом. На узеньких улочках всюду завалы, стоит выбить защитников из одного здания, как они тут же перемещаются в следующее или по лабиринту проулков и тупичков обходят нас с тыла. Вражеские стрелы и дротики тучами вылетают из окон и сыплются с крыш.

Мы уже действуем автоматически и возле каждой новой халупы мгновенно делимся на три группы: вскрытия, вторжения и прикрытия. Задача первой группы проста — вышибить дверь, что с успехом и делает пара наших тяжеловесов. Как только дверь падает, внутрь вражьего логова — в доспехах, с клинками наголо — врываются штурмовики, моментально развертываясь вдоль стен, чтобы не попасть в клещи. Все афганские дома спланированы одинаково: жилые помещения в них объединяются коридорами с выходами во внутренний двор. Иногда имеется второй этаж, куда ведет лестница.

Задача штурмовиков тоже вроде нехитрая. Очищай себе комнатенку за комнатенкой, но противник, естественно, всячески старается этому помешать. Зачастую полы проваливаются у нас под ногами, мы падаем в специально отрытые ямы, а на головы нам рушатся подпиленные афганцами балки. Женщины и дети забрасывают нас камнями и черепками, испарывающими кожу и плоть.

Бывает, мы проникаем в дом с крыши, но тогда раненых трудно эвакуировать в безопасное место, ибо приходится их пропихивать вверх сквозь дыру. Атаковать снизу в этом смысле удобней, но, прорвавшись поглубже, ты так и так неминуемо попадаешь в кромешную тьму. Внутренние помещения афганских домов лишены окон: оказавшись там, чувствуешь себя как в чулане или в шкафу: тесно, темно, а от пыли не продохнуть. Враг в этих норах тоже, конечно, мало что видит, но в отличие от тебя ему все тут знакомо, он может бить и вслепую — на звук.

В одной из таких нор Костяшка получает удар копьём прямо в яйца, а бросившийся ему на выручку Рыжий Малыш лишается уха, и вдобавок под челюстью у него застревает мачете — камышовая стрела с особенно хитро зазубренным наконечником. Потом приходится вырезать этот наконечник из раны вместе с ошметками бороды. Удовольствие, как вы и сами, наверное, понимаете, то еще.

Да, на хитрости эти туземцы великие мастера, а уж в притворстве им и вовсе нет равных. Лежит, например, такой тип поперек дороги, с виду труп трупом, но лишь наклонишься, чтобы его оттащить, он вдруг бросается на тебя. Это бы ладно, да ведь в каждой руке у него по кинжалу. В ходу у них и наполненные нефтью глиняные горшки с тряпичными фитилями. Разбрызгиваясь от удара о стену, горящая жидкость липнет к одежде, к снаряжению, к коже. Горе несчастному, на которого попадут эти брызги.

Существует лишь один способ подавить столь ожесточенное сопротивление — это наседать, не давая никому спуска. Мы и наседаем. Раненых врагов добиваем, пленных, замотав им головы их собственными петту, сгоняем в кучи и режем, как скот. Особо густо забитые степняками кварталы выжигаем, как лекари выжигают зараженную плоть. Лишь после того, как целая улица обращается в обугленные развалины, наш старший командир Вол с удовлетворением констатирует, что уж теперь-то там точно чисто.

За пять дней армия вновь занимает все семь крепостей. Афганцам это обходится в пятнадцать (кто говорит — в двадцать) тысяч жизней. Несем потери и мы. Утром под Кирополем на Александра сбрасывают большой камень. Ушибы нешуточные, но уже к полудню царь приходит в себя, правда, возможно, лишь для того, чтобы призвать нас не ослаблять натиск.

На шестой день вся округа раздолбана в прах. Но и мы в аховом состоянии. Глаза мои ввалились, на теле не осталось живого места, повсюду запекшаяся кровь, синяки, ссадины — ни сесть, не поморщившись, ни пошевелиться. И не один я такой, все измочалены вдрызг. Ни пожрать, ни плюнуть, ни помочиться — сил нет ни на что. Мы, словно бревна, валимся наземь и погружаемся в каменный сон.

Чуть позже на нас набредает блуждающий среди развалин историограф Коста. Его появление приводит нас в ярость, нас в тот момент вообще способно разъярить что угодно. Впрочем, писателю это, видимо, понятно, и он держится с подобающей деликатностью.

— Знаешь, что меня бесит в идиотской пачкотне бездельников, без толку портящих восковые таблички? — вызывающе вопрошает Лука и сам же себе отвечает: — Дурацкие фразы, какими они пытаются приукрасить всю эту дермовую писанину.

Тон, совершенно не характерный для моего мягкого и всегда обходительного товарища. Что делать, эти шесть дней изменили Луку. Мы все изменились. Мы только и делали, что хладнокровно убивали людей. Безоружных, связанных, с замотанными головами. У нас не было выбора, ведь держать пленных негде, а отпускать их нельзя. Да и можно ли отпустить тех, кого боишься и ненавидишь? Вот мы и выучились разделываться с врагами со спокойствием поваров, справляющихся с голубями или дроздами. Лука тоже к этому привык, а потом и приноровился. И даже обзавелся кофари, специальным ножом, каким афганцы режут скотину, а

точильный камень повесил на шею, чтобы тот был всегда под рукой.

— Какие фразы? — спрашивает Коста.

— Ну, например: «восстановление порядка» или «умиротворение». Обалденно красиво звучит. Я просто очарован.

Да, у нас в головах кровь и грязь. Сцены бойни в овечьих загонах, где наземь валяются не бараны, а люди. Их режут то афганцы, то мы. Вот уж и впрямь «умиротворение»! Но с другой стороны, стоит ли в том виноватить Косту? Он ведь вполне порядочный малый.

— Нет, ты ответь, — не унимается Лука, — почему бы тебе не называть вещи своими именами?

Коста угрюмо бубнит, что дома ждут приемлемых сообщений. Определенного, так сказать, рода. Народ не готов воспринимать все подряд.

— То есть правда никому не нужна, это ты имеешь в виду? — гнет свое Лука.

— Ты знаешь, что я имею в виду.

В дверях, точнее, на той груди пепла, в которую они превратились, появляется Флаг.

— Полегче, Лука, — говорит он. — Этот малый всего лишь старается заработать на хлеб.

Коста пробует оправдаться. Он совершенно не понимает, что плохого в попытках скромного летописца стяжать себе некоторую известность сводками с передовой. Ведь ясно же, что для сценической декламации или там для домашнего чтения их следует несколько обработать, пригладить.

— Да все плохо! — рычит Лука. — Ибо слова таких скромных писак отзываются в человеческих душах. Люди принимают всю эту приглаженную дерьмовую чушь за чистую правду, особенно зеленые сопляки, мечтающие о подвигах и о славе. Ты просто обязан открыть им глаза!

Далее выясняется, что наибольшее отвращение у Луки вызывает словосочетание «предать смерти».

— Что это вообще значит? — разоряется он. — Уж не то ли, что мы, например, легонько хлопаем наших недругов

по плечу, а они мирно укладываются рядком, чтобы уже не подняться? Смерть смерти рознь, и описывать ее можно по-разному. Тебе ли, пачкуну, этого не знать?

Я в жизни не видел Луку в таком возбуждении, да и все ребята пялятся на него, раскрыв рты. Прямо оратор, аплодировать хочется.

Лука чувствует наше внимание и распалется еще пуще.

— Важно не только то, о чем рассказывать, но и как это делать. Тут все имеет значение, каждая мелочь. Ты же, Коста, хоть напрямую вроде бы и не врешь, выбираешь словечки, благодаря которым вся мерзость, творимая здесь и превращающая солдат в диких хищников, кажется чем-то вполне естественным, даже достойным.

А ты взгляни-ка на мои ногти! Они все черные — но не от грязи. От людской крови. Ее мне теперь не отчистить, не оттереть, не отмыть. Она не смывается, вот в чем все дело!

«Предать смерти», надо же! Мы заматываем афганцам головы их же собственными балахонами, связываем бедолаг, как баранов, а потом потрошим — и это называется «предать смерти»? Что-то я не видел в твоих хрониках честного описания этой веселенькой процедуры. Что-то ты не пишешь о вереницах несчастных, ползущих на коленях по грязи с завернутыми за спины локтями? Что-то не упоминаешь о кожаных фартуках, которые нам, как мясникам, приходится надевать и которые после резни так воняют, что летят в костры, ибо все равно их не отстирать. Или о том, как люди, которых мы убиваем, извиваются, словно черви, норовя ускользнуть от удара, и ты кличешь товарища, понимая, что одному тут не справиться, а ведь время-то поджигает. Кстати, скажи мне, Коста, какой срок мы даем своим жертвам на приготовление к смерти? Пару-тройку минут, пока не придет их черед, да, на наш взгляд, и этого бы не надо. Главное — внушить себе, будто ты вспарываешь мешок, и тогда все пойдет ладно. Солдаты так и называют пленных — «мешки». Мешки с кровью. Мешки с костями. Мешки с потрохами. О бо-

ги, ну и вонища же поднимается, когда людские внутренности вываливаются наружу. Это ведь не попадет в твои депеши, Коста? Куда же тогда оно все девается? Нам просто негде прочесть о том, какие звуки слышны, когда человеку перерезают глотку или обрушивают дубинку на череп, а также о том, как обреченные на смерть люди молятся, проклинаят нас, просят пощады, молчат. Да, некоторые ведь молчат, уж и не знаю, ведомо ли тебе это? Не произносят ни слова, невзирая на то что творится в их душах. Это натуры, наделенные мужеством, и, возможно, в гораздо большей мере, чем мы.

В продолжение всего этого пылкого монолога Флаг тоже молчит, хотя хорошо понимает, какое впечатление могут производить подобные речи на неоперившихся новичков. Но он считает, что человеку нужно дать выговориться. Затыкать рты — последнее дело. От этого пользы нет. Однако и оставлять без ответа слова, которые можно принять за похвалу в адрес врага, наш командир, разумеется, не желает.

— Так, по-твоему, Лука, они выглядели весьма мужественно и тогда, когда жгли живьем наших соотечественников или сдирали с них кожу?

— Мне ненавистны афганцы, их коварство, их зверства, — отвечает Лука, — но еще больше мне ненавистно то, что мы опускаемся до их уровня. Да неужели ты сам, Флаг, находишь оправдание той резне, которую мы тут творим? Что в ней к нашей чести?

Губы бывалого воина кривятся в мрачной улыбке.

— Честь — это не то, что имеет значение на войне, паренек. Вот в стихах о войне — там конечно.

— А что же, по-твоему, имеет значение?

— Победа.

Все умолкают, прислушиваясь к его словам.

— Победа, — повторяет Флаг, обращаясь ко всем нам. — Все остальное не важно. Ни благородство, ни великодушие.

Умейте смотреть войне прямо в лицо. Принимайте ее такой, какова она есть. Иначе недолго и спятить.

Он поворачивается к Луке:

— А ты, сынок, молодец. Ты хороший солдат и не боишься высказывать свои мысли. Но при всем моем уважении к тебе, парень, ты на многое пока смотришь по-женски. И говоришь ты по-женски. Устраиваешь тут спектакль. Советую по-хорошему: впредь не смей падать духом. Вспомни отца своего, вспомни братьев. Узнав о подобном твоём поведении, они, разумеется, устыдились бы, стыдись дать слабинку и ты. Задача мужчины — сражаться, побеждать, покорять. А когда, в какие столетия было иначе? Призвание мужчины, если он настоящий мужчина, состоит в том, чтобы или утвердиться в своем превосходстве, или погибнуть, пытаясь достичь его. Вспомни, что говорил Сарпедон Главку под стенами Трои:

В бой устремившись, великую славу стяжаем с тобою мы вместе. Если ж помедлим, другим эту славу постыдно уступим.

— Но как раз славой-то здесь у нас и не пахнет, — возражает Лука.

Флаг с этим категорически не согласен.

— Разве колеблется лев? — спрашивает он грозно. — Разве льет слезы орел? К чему призывает доблестного мужа его отважное сердце, как не к великим подвигам? Именно этого требует от нас Александр. Клянусь Зевсом, воины, которые родятся через тысячу лет, будут проклинать свою горькую судьбу за то, что им не довелось шагать вместе с нами. Участвовать в беспримерном походе, преодолевать непреодолимое и свершать деяния, не выпадавшие ни на чью долю.

— Ага, например, перерезать глотки безоружным людям.

— А ты, Лука, поди, предпочел бы, чтобы они были вооружены?

— Я не трус, Флаг. Я готов сразиться с кем угодно, включая тебя. Но именно сразиться, а не связать тебе руки, накинуть на башку мешок, а потом полоснуть мечом по горлу или

выпустить кишки. А если ты можешь проделывать все это без каких-либо угрызений и даже находить правильным, то ты хуже, чем женщина, ты сущий зверь.

Видя, что Флаг сейчас взорвется, я в прыжке вклиниваюсь между ними.

— Оставь Луку, Флаг. Он не только солдат, но также и эллин, то есть человек, имеющий право думать самостоятельно и без чьего-то давления и подсказок решать, что правильно, а что нет.

Флаг берет себя в руки, хотя и ворчит:

— А что, по-твоему, правильно, а, Матфей? Или ты тоже жалеешь афганцев?

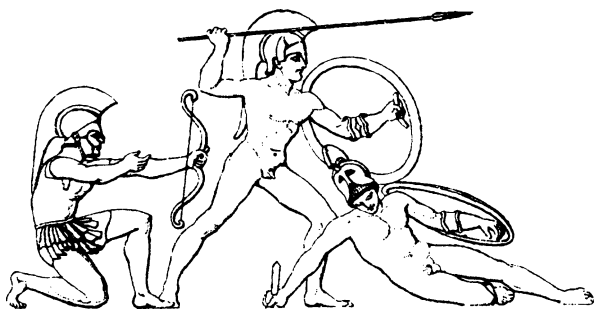
— Помню,— отвечаю я,— мальчишками мы от зари до зари не слезали с коней, обучаясь атаковать и преследовать неприятеля. Мы мечтали предстать перед нашим царем благородными воителями и героями. Меня эта мечта еще не покинула.

Я поворачиваюсь к Луке и ко всем остальным:

— Мне хочется верить, что существует способ даже на такой гнусной войне оставаться хорошим солдатом.

Кулак покатывается со смеху:

— Верить-то хочется, спору нет. Но коли тебе, Матфей, доведется-таки отыскать этот способ, обязательно сообщи нам о нем.

Прямо в Кирополе войскам дают трехдневный отдых. Солдаты действительно в нем очень нуждаются, но гораздо важнее эта передышка для лошадей и для мулов. Если не подкормить их как следует, может начаться падеж. На третий день к нам наконец-то подкатывает осадный обоз, а с обозом приходит и почта. Я получаю солидный пакет, сразу дюжину писем от моей Данаи. Самое последнее отправлено более полугода назад. Флаг дает мне полчаса на медленное и приятное ознакомление с новостями.

— А потом возвращайся. Что-то, мне кажется, назревает.

Я пристраиваюсь в тени под глинобитной стеной. На площади передо мной наши парни вместе с малыми из другого отряда вяжут веревками женщин с детьми. Как уже говорилось, в этом походе воинам разрешено их захватывать и к своей выгоде продавать. Однако многие полагают, что основной целью Александра является не столько намерение пополнить кошельки своих солдат, сколько стремление напрочь очистить вражеский край, лишив неприятеля даже тени надежды, вернувшись, застать тут кого-то из близких. Не к кому возвращаться, не

за что и сражаться. Такая стратегия. А нам сподручнее осуществлять ее скопом, вот почему мы и объединяемся с соседствующим отрядом. Больше наловишь, если действовать заодно.

Плюхнувшись в пыль и перебирая письма Данаи, я по уже выработавшемуся солдатскому обыкновению вскрываю последнее и заглядываю в конец. Ведь если там значится: «Прости и прощай», остальное можно уже не читать.

Так оно, увы, и оказывается.

Даная почувствовала, что ее молодость проходит. Она продолжает любить меня, но...

Как все надолго покинувшие родной дом солдаты, я ждал этого известия и страшился его. Готовился к нему, настраивался, копил мужество, чтобы хоть как-то справиться с опустошающим душу отчаянием, однако ничего подобного не происходит. Ни жгучей боли, ни сердечных мук, ни страданий, ни каких-либо сожалений — вообще ничего.

По ту сторону площади арабские работорговцы клеймят скупленную у нас по дешевке добычу. Эти мошенники знают толк в живом товаре, а наш товар никудышный — наглые, безграмотные щенки и совершенно дикие сучки. Легче приручить стаю шакалов. Можно предречь заранее, что бо́льшая часть из них не дотянет и до ближайших невольничьих рынков. Одни по дороге разбегутся, другие передохнут.

Дата, стоящая на письме, сообщает, что оно долго искало меня. Целых семь месяцев. Мне приходит в голову, что Даная, вероятно, уже вышла замуж и, скорее всего, ожидает ребенка.

Вялый всплеск нездорового любопытства побуждает меня вскрыть и прочесть остальные послания, написанные в те дни, когда она еще оставалась моей невестой. Вот они-то как раз и наполняют мою душу горечью: между строк угадывается, что Даная видится с другим мужчиной, тем самым, которому, как я уже знаю, суждено занять мое место в ее истомившемся сердце, девушку явно начинает тянуть к нему. Однако могу ли я обвинять ее в вероломстве?

Ведь у меня есть Шинар.

Мы вместе уже долгое время.

Это я изменил Данае, а не она мне.

Так о чем тогда речь?

Работорговцы осматривают взрослых невольниц и прочую мелюзгу, как лошадей или мулов: щупают руки и ноги, заглядывают в зубы. При всей их жестокости (порой смущающей даже афганцев) они заботятся о приобретенном имуществе и, даже наказывая рабыню или раба, стараются не попортить товар.

В лагере, куда я возвращаюсь, царит обычное настроение. Резня, в которой рекой лилась кровь, похоже, нимало не омрачает солдат. Мутный осадок, ею оставленный, давно смыт вином, и сейчас парни лениво толкуют о своей доле в военных трофеях, о разных способах ее увеличить, о возможных шансах продвинуться и о прочих тому подобных вещах. Врага ненавидят все, особенно потерявшие друзей и родичей, а о содеянном никто не жалеет. Люди просто выполнили свою работу, и выполнили хорошо.

Подсевши к Луке и Костяшке, я ковыряю свой ужин и помалкиваю о письмах Данаи, они же озабоченно обсуждают, нормально договорился Кулак с арабами или нет. Костяшка никак не может забыть об упущенной прибыли. О женщинах, так некстати зарезанных в той деревушке, где нам с Лукой довелось в первый раз «нюхнуть крови». Напоминая, какими мы были, он хихикает, но тут же важно и со значением произносит:

— Вы прошли долгий путь.

— Ага,— соглашается Лука.— Долгий и скверный.

Разговор прерывает появление Флага, который оглашает приказ.

Нам вменяется сняться с места за два часа до рассвета. Наш отряд включен в состав южной колонны, выступающей на поиски Спитамена. Сам Александр форсированным маршем двинется на север — усмирять племена за Яксартом.

— Сколько же, интересно, содрал с них Кулак? — бормочет, вставая и почесываясь, Костяшка.

«С них» — это с арабов.

Флаг не отвечает.

— Как насчет тех мальцов?

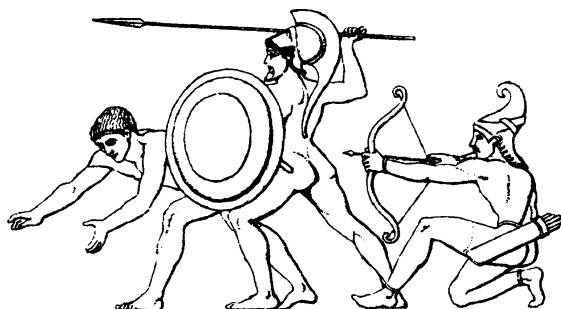
Костяшка имеет в виду трех подростков, отловленных нами в карьере. Им лет по двенадцать-тринадцать, что обещает хорошие деньги.

Флаг искоса смотрит на горы.

— Кое-кто из ребят, — ворчит он, — наткнулся в цитадели на место, где афганцы перебили весь наш гарнизон.

Тем самым он намекает, что надеяться на прибыток особенно нечего. Многие сделки не состоятся. Пленников тоже, скорей всего, перебьют.

— Ну что это за война такая! — негодует Костяшка.

Река, вдоль которой мы спешим к Мараканде, торопясь настичь осадившего этот городок Спитамена, называется Благоносной. Берущая свое начало где-то на северо-востоке, в горах, она бурным потоком мчит по теснине, именуемой Горловина Сестер (в память о двух афганских девицах, якобы бросившихся туда с кручи, чтобы таким манером досадить какому-то завоевателю, вроде бы посягавшему на их невинность), а потом ныряет под землю. Наверху хорошо слышен шум воды, ярящейся в каменной толще. Затем, возле деревушки Зардосса, река снова выныривает на поверхность, бежит по очередному обрывистому ущелью и, вырвавшись из него, разливается на полмили, зато становится такой мелкой, что ее может перейти и ребенок. Островков и отмелей на этом приволье не счесть, причем все они так густо поросли ивняком, ракитником и хлопчатником, что являют собой единое зеленое буйство. Ни берегов, ни проток практически не видать. Особенно сейчас, когда в воздухе носится хлопковый пух, напоминающий о поре снегопадов.

В нашей колонне двадцать три сотни воинов, три четверти из которых — наемные пехотин-

цы, какими командует Андромах Мохнатый, прозванный так за огромную рыжую бородину. Конницу возглавляет двадцатисемилетний командир Менедем, лихой рубака и блестящий кавалерист, еще юношей, когда ему было всего девятнадцать, удостоенный на Олимпийских играх венка победителя в пятиборье. Нашему отряду, по-прежнему пребывающему под началом Флага и Стефана, выпала роль флангового охранения. Попросту говоря, мы держимся справа от всех и поглядываем, нет ли где засады. Путь наш лежит через полупустыню, поросшую чахлам кустарником, верблюжьей колючкой и тамариском.

Уже второй день я еду рядом с поэтом.

Он так и не завел себе лагерную подружку. На родине у него есть жена, дети. Хотя Стефан не склонен распространяться о них, мы все же знаем, что они существуют. Для него день не в день, если не удастся черкнуть им парочку строк. Правда, в его случае это вовсе не говорит о каких-то чрезмерных супружеских или родительских чувствах. Стефан вообще любит писать, он переписывается с добрым десятком других поэтов, а также с актерами, философами, музыкантами и невесть с кем еще. Когда армия где-нибудь останавливается, Стефан, даже если нам велено жить в палатках, норовит снять домишко, чтобы иметь возможность уединиться. Трясаясь плечом к плечу с ним в седле, как-то забываешь, насколько он знаменит, но ему об этом забыть не дают: Стефан желанный гость на всех пирах и приемах. И можете быть уверены, если в каком-либо городишке обнаружатся дамы, не чуждые греческой образованности (либо сами что-то кропающие, либо вообще покровительствующие искусствам), то они непременно будут искать его общества.

Чем больше я узнаю Стефана, тем больше им восхищаюсь. Это воистину человек-загадка, толком его не знает никто. Он даже пьяный не сболтнет лишнего. Я ловлю себя на том, что украдкой наблюдаю за ним, присматриваюсь, как он пьет и как ест, прислушиваюсь к каждому слову. Если он с одобрением отзывается о каком-то писателе, я переворачиваю весь

лагерь, чтобы раздобыть его книгу, если порицает кого-то из сослуживцев, я тут же перестаю того замечать.

Еще во время горного перехода Стефан взял за правило оказывать нашим носильщицам ненавязчивую поддержку. Вот и сейчас он порой к ним пристраивается и в очень уважительной форме заводит беседы на фарси, на дари. Шинар с удовольствием говорит с ним на греческом, а наш поэт даже пробует обучать ее грамоте. По его мнению, я не ценю ее, и он не стесняется сказать мне об этом в глаза.

— Тебе следовало бы всегда помнить, Матфей, что эта совсем еще молоденькая афганка, делящая с тобой все тяготы походной жизни, должна была ради этого совершить такое душевное усилие, каких мы с тобой и близко-то не знавали, да и вряд ли способны на них. А она справилась, вернее, справляется с этой бедой, как и все ее сестры, ставшие спутницами наших товарищей. Ведь то, что они сейчас делают, противоречит всем их представлениям о добре и о зле. В деревнях, где они выросли, даже за один беглый взгляд на чужеземца девушек нещадно бьют, а уж за разговор с ним могут и вообще забить насмерть. Но они здесь, они с нами. Или ты думаешь, им теперь все безразлично? Как бы не так! Они плоть от плоти своего народа, они разделяют все его предрассудки и за те немногие радости, которыми мы их тут оделяем, расплачиваются стыдом и позором. В глазах соотечественников, как и в своих собственных, они отверженные, презренные твари. И все же они любят нас. А Шинар любит тебя. Однако слышал ли ты, чтобы она хотя бы раз воззвала к Богу? Шинар считает, что у нее нет на то права как у изгнанницы, напроочь лишенной малейшей надежды как-то загладить свою вину и возвратиться домой.

«Да отвернется от тебя Бог!» — самое жестокое проклятие у афганцев. Таков горький хлеб твоей девушки, которым она вынуждена давиться с каждым восходом солнца!

Я вмиг обращаюсь в слух и осторожно интересуюсь, есть ли у Стефана стихи обо всем этом. Лирик словно не слышит.

— Солдаты и их подруги, — гнет свое он, — отнюдь не столь примитивны, как склонны воображать себе некоторые. Глядя на твоего брата Илию с его возлюбленной, можно подумать, что видишь княжескую чету, так нежно пекутся они друг о друге. Даже Флаг, который предпочитает распутниц, обращается с ними по-своему ласково. И уж если на то пошло, разве войско блудниц, якобы увязавшееся за нами, не является неотъемлемой частью нашей великой армии? Разве эти девицы не наши сестры? Разве «добропорядочные» женщины способны так заразительно хохотать, так безудержно отдаваться простым человеческим радостям?! Например, прыгать голышом в реку или барахтаться в выпавшем за ночь снегу?

А дети, которых армия похода производит? Их просто тысячи, им нет числа! Можно, конечно, воротить от шлюх нос, но, рожая наших детей, они в первую очередь становятся их матерями.

Нет, ты хотя бы попытайся представить, как горько этим несчастным созданиям сознавать, что мужчины, с которыми они живут как с мужьями, без раздумий покинут их, как только им придет время возвращаться на родину, к настоящим женам и детям, где они даже не вспомнят ни об оставшейся в далеких краях безотцовщине, ни о своих верных спутницах. Ты помнишь Окс? Помнишь, с каким надрывом прощались там со своими лошадками отправлявшиеся домой фессалийцы? Похоже, разлука с животными удручала храбрых конников больше, чем расставание с собственными чадами и с женщинами, которые выносили и вынянчили этих чад.

Что, по-твоему, чувствовали тогда эти брошенки? Разве они пострадали меньше, чем мы? Разве не бок о бок с нами преодолевали они каждую милю этого бесконечного и считавшегося ранее непроходимым пути? Разве они не мучились от хворей, голода и жажды, не ломали рук-ног, не падали, обессилев от изнурения, наземь?

Да, их не шлют в бой, но разве они находятся в безопасности? Разве караваны и обозы, с какими им разрешается следовать или к каким они прибываются на свой страх и риск, не

манят к себе грабителей разного рода? Особенно диких даанов, саков и массагетов, подлинных опустошителей этих краев, что в первую очередь охотятся за поживой и потому предпочитают захватывать женщин, а не сражаться с хорошо обученными солдатами.

И нашим спутницам зачастую приходится защищаться самим, впрочем, постоять за себя они тоже умеют. В их руках даже простая заколка превращается в грозное оружие, ибо каждая из них знает, куда и как ее нужно вонзить, чтобы удар был смертельным.

Я скажу вот что: все эти так называемые обозные шлюхи есть, может быть, единственная наша опора в этой не слишком-то дружелюбной стране. Без них, поверь, мы здесь и месяца бы не протянули!

Мараканда свободна. Мы тут ни при чем. Разве что косвенно. Спитамен, успевший ее захватить, узнав, что мы приближаемся, ударился в бегство. Местные жители заверяют, что это они вынудили его уйти. Похоже, им боязно, как бы Александр не решил поквитаться с ними за потворство врагу. А может, они просто пытаются набить себе цену. Или рассчитывают на благодарность. В любом случае, как только Андромах с Менедемом узнают, что неприятеля в городе нет (весть эта приходит раньше, чем мы успеваем добраться до места), они решают незамедлительно устремиться в погоню. При этом, как всегда, царит полная неразбериха. Наш авангардный отряд, не получая никаких приказов, прохлаждается в седлах, пока вместе с несущим хлопковый пух полуденным ветерком не прибывает курьер, посланный Андромахом. Нам вменяется встать кордоном и разворачивать всех, кто до нас дошагает, в обратную сторону, а когда поворот совершит вся колонна, двинуться за ней следом. Вот тебе, значит, и пообедали, и покормили животных!

— И какой же гений измыслил этот маневр?

Мы с Тряпичником, Кулаком и Костяшкой торчим под самыми стенами Мараканды, заворачивая усталых ребят. Узнав, что им предстоит топтать обратно, они стонут. До города рукой подать, а город — это фураж и вода для коней, а для нас самих по меньшей мере шанс выспаться не на голой земле. Так нет же, нам не дают даже оправиться, нас просто гонят, как скотину, назад с туманной задачей попробовать изловить неприятеля в лабиринтах ущелий или в прибрежных зарослях, где он как рыба в воде, а мы ни ухом ни рылом.

— Дети мои, — глубокомысленно изрекает Стефан, — мне это ну совсем уж не нравится.

Мы рысцой движемся в том направлении, откуда только что прибыли. Служба под началом столь выдающегося полководца, как Александр, таит подводные камни. Командиру, его замещающему, стыдно действовать с меньшей отвагой или напором, чем он, а поскольку уровни их стратегической одаренности несравнимы, то наспех принятые решения порой приводят к плачевному результату. Солдаты всякий подвох нутром чувят.

— Чехлы долой! — орет Флаг, галопирующий вдоль растянутой конной цепи. Он хочет, чтобы мы сдернули с наконечников копий защитные лоскуты бычьей кожи. — Натереть дровки!

Флаг свешивается с седла, подхватывает с земли горсть песка и начинает энергично втирать его в рукоять своей пики, чтобы та не скользила в ладони. У меня, как назло, сводит брюхо — я отдал бы десятидневное жалованье за возможность спешиться и облегчиться. Но куда там — четкие следы копыт сворачивают на восток, причем следы очень свежие: от конских яблок еще идет пар. А кто будет вам заливать, будто вид дымящейся кучи дерьма не усугубляет мучений страстно мечтающего присесть где-нибудь в кустиках человека, тот наглый лжец.

Пребывая по-прежнему в охране, только теперь в тыловом, мы минуем деревню Зардосса. Река, широкая, мелкая, задыхающаяся от раkitника и ивняка, течет справа от

нас. Слева сплошные кустарники, креозот с тамариском. Заросли буйные (дальше чем на шестьдесят локтей ничего не видать), они то и дело (локтей примерно через четыреста) разваливаются на овраги, промытые боковыми ручьями. Те отовсюду сбегают к реке, словно проселки к главному тракту. До темноты часа два. Лошади фыркают и артачатся у каждой промоины, они изнывают от жажды и хотят погрузить морды в воду. Но нам приказывают прибавить ходу, и мы гоним их дальше, не давая напиться.

Элементарная походная дисциплина требует, чтобы по враждебной стране, где весьма вероятны засады, войска перемещались, соблюдая все меры предосторожности. Скачущая по флангам кавалерия должна прочесывать весь кустарник самое меньшее на дистанции в сотню локтей от маршевой магистрали, а все распадки, ущелья, теснины на пути следования надлежит проверять еще до подхода колонны. Задача трудная, а в нашем случае совершенно невыполнимая. Нужна вечность, чтобы надежно обследовать хоть какой-то кусок непролазной и непроглядной чащобы. А чтобы обезопасить колонну еще и со стороны реки, численность конницы необходимо удвоить, ведь на бесчисленных заросших всякой всячиной островках и тем паче на прячущемся за ними другом берегу тоже может таиться враг. Между тем начинает смеркаться. До наступления темноты где-то час, но мы отошли слишком далеко от Мараканды, чтобы в случае чего вызвать подмогу.

Неожиданно в тылу появляются всадники, их примерно столько же, сколько и нас в арьергардной охране. Едут они, как и мы, рысью, причем совершенно не таясь. Уж не свои ли?

Впрочем, гадай не гадай, а зевать не стоит. Резкий свист Костяшки, и Флаг, едущий впереди, посылает гонца к командирам тыловых пеших отрядов. Те на наших глазах останавливаются и разворачиваются, готовясь отразить возможный налет. Флаг скачет к нам, выкрикивая приказ строиться клиньями.

Нас восемьдесят человек, что позволяет сформировать четыре клина, крайним левым из них командуя я. Мы долж-

ны прикрыть фланги пехоты и движемся, чтобы занять свое место в крыле — я впереди клина, Костяшка его замыкает. Скачущий мимо к своему месту в строю Лука, указывая на всадников в тылу, спрашивает:

— Это наши?

— А ты сгоняй к ним да проверь, — смеется Флаг.

Между тем мы чувствуем, что впереди что-то происходит. Колонна, похоже, остановилась и сжимается. Хлопковый «снегопад» мешает обзору, и все же мы видим, что солдаты формируют оборонительные линии, обращенные как налево, к зарослям, так и направо, в сторону отмелей.

Однако основная часть пехотной колонны уже находится в непосредственной близости к тому месту, где склон круто забирает вверх, и сейчас над ней из-за гребня холма тоже появляются всадники. Конные лучники. Не наши, у нас конных лучников нет. Всадников добавляется и в нашем тылу, постепенно они заполняют всю заросшую тамариском низину между рекой и откосом и продолжают прибывать. Едут главным образом по двое: конник везет за спиной пехотинца. Мы слышаны о подобной тактике, хотя сами с нею не сталкивались. В бою задний седок прыгивает на всем скаку с лошади, объединяется с такими же ловкачами, как он, и конная атака подкрепляется пешим напором.

Стефан придерживает коня.

— Сукины дети! — рычит он, указывая на неприятеля. — Они все знали заранее. Они хотели, чтобы так все и вышло.

Он имеет в виду, что бегство Спитамена из Мараканды было сплошным притворством. Эту засаду хорошо продумали и обустроили не в один день. Уже очевидно, что враги вырыли на путях нашего возможного отступления волчьи ямы и перегородили ложбины завалами из кустов и деревьев.

Я прошу Флага разрешить мне проверить кажущийся очень уж подозрительным островок, но слишком поздно. Заросли оживают, из них беззвучно выезжают конные лучники. Они не стреляют, не нападают, а просто выстраиваются у кром-

ки воды, но этого вполне достаточно. Теперь наш отряд прикован к месту — мы не можем ни атаковать всадников, накапливающихся сзади, ибо тогда подставим под удар пехоту, прикрытием которой являемся, ни ударить по островку, поскольку в таком случае откроем врагу свой собственный тыл. Лука клянет наши передовые кавалерийские патрули за то, что они поленились обследовать эту позицию, словно нарочно предназначенную для скрытного ожидания, но не исключено, что они это сделали и никого на острове не нашли. Причем не по невнимательности, а потому, что там никого и не было. Островков таких здесь просто прорва, все покрыты шапками густых зарослей, и враг легко мог отойти назад, дать нашим патрулям провести проверку и вернуться на прежний рубеж.

Какие еще сюрпризы подготовил для нас Волк Пустыни? Сейчас мы видим на острове около двухсот конников, но сколько их может появиться еще, когда в дело вступит наша пехота?

У нас в армии всех солдат готовят к тому, чтобы в пиковых ситуациях они действовали самостоятельно, без приказов. Когда перед кавалерией оказывается фронт вражеских всадников, каждому идиоту понятно, что она должна разбиться на клинья. При угрозе нападения с флангов пехота мгновенно разворачивается в оборонительные шеренги. Наши войска вымуштрованы отменно, все основные маневры бойцы могут выполнять даже во сне. Беда в том, что в нынешней ситуации не помогут ни выучка, ни отвага. Мы в ловушке. Мы угодили в капкан, и его челюсти вот-вот сожмутся.

Это день славы Спитамена: он провел нас, как зеленых юнцов, как недотеп, набранных из мужланов. Волк учел все: рельеф местности, время дня, длину нашего марша и вечную, давно доставшую нас нехватку фуража и воды, он воспользовался нашим высокомерием и нашим невежеством. Он вынудил нас сражаться в избранном им месте, в удобный ему момент и по его правилам.

Правда, в численности он нас не превосходит. К тому же мы лучше обучены и дисциплинированы, лучше вооружены и защищены. Но мы растянуты, словно утки на плесе, что дает Спитамену ощутимое преимущество. Сначала он возьмет в оборот голову и хвост нашей колонны, в то время как наши главные силы, зажатые в центре и обездвиженные, будут беспомощно за тем наблюдать. Потом, благо наша линия длинна и тонка, Волк прорвет ее в нескольких местах, расчленив пехотинцев на отдельные группы, а затем каждую из них примутся чуть ли не в упор расстреливать неутомимые конные лучники. Бедные парни ничего с этим не смогут поделать, поскольку при любой попытке сойтись врукопашную быстрые всадники не подпустят их близко, постоянно держась на расстоянии выстрела. Своих лучников у нас нет, и если наши люди, вооруженные лишь копьями и мечами, нарушат строй, они будут тут же смяты конной атакой и перебиты, а сохраняя хотя бы подобие боевого порядка, им, возможно, удастся продержаться подольше, но потом все неизбежно полягут под градом стрел. Что касается конного охранения, то, если мы решимся напасть на стрелков, те, не меняя тактики, будут также себе отступать, избегая схватки и стараясь увести нашу конницу подальше от пехотинцев. В результате этой игры мы или вернемся к колонне и разделим общую участь, или окажемся отрезанными от нее — и нас прикончат отдельно. Разница, честно говоря, невелика. В любом случае нам конец.

Однако это всего лишь прогноз, пусть и мрачный, а действия, которые необходимо предпринять нашему арьергардному охранению, настолько очевидны, что наши командиры даже не утомляют себя отдачей приказов. Они просто разъезжаются по местам, зная, что каждый боец сам займет нужное положение, исходя из сложившейся обстановки, ибо не зря же он постигал воинскую науку. Так оно и происходит. В то время как Флаг направляет два конных клина навстречу напирającym с тыла кочевникам, наши соседи, наемные пехотинцы, образовав фалангу шириной в сто человек и глубиной

в четыре шеренги, движутся к острову с целью навязать бой находящимся там конным лучникам.

Стефан формирует тыловой конный резерв, около сорока всадников. Так же поступают и пехотные командиры, их резерв — полторы сотни бойцов. При этом все мы прекрасно понимаем, что неприятель будет под нашим натиском отступать до тех пор, пока мы не оторвемся от основных своих сил и не предоставим ему замечательную возможность со скрытых позиций обрушиться на наши фланги. Однако выхода у нас нет — не стоять же, как баранам, под стрелами, полностью отдав инициативу Волку.

Наша пехотная колонна растягивается вдоль реки более чем на милю. Со своей позиции мы видим, что там уже начинает роиться противник. Это древняя как мир тактика степняков. Ничего нового в ней нет, но она срабатывает. Суть ее в том, что конные лучники вьются вокруг оказавшегося в ловушке врага, забрасывают его стрелами, отступают, когда тот атакует, а когда выдыхается, приближаются и жалят снова. А уж в нынешнем восхитительном случае, когда вражеская пехота, не имеющая сильной кавалерийской поддержки и прикрытых флангов, словно прищиплена к очень мелкой реке, ее разгром: — лишь вопрос времени и терпения.

От наших взоров не ускользает, что как на этом, так и на том берегу из-за утесов или пригорков появляются, ведя в поводу лошадей и мулов, какие-то люди. Это не воины, а очевидно, рабы и работники Спитамена. Животные, шагающие за ними, навьючены плотно уложенными вязанками стрел. Конные лучники, подлетая к ним на всем скаку, хватают эти вязанки и, не теряя времени, возвращаются на места с пополненным боезапасом.

Кочевники, находящиеся в тылу, боя не принимают и по приближении наших клиньев просто рассеиваются, отходя к реке и к утесам. Противопоставить этой тактике нам нечего. Мы не можем рассыпаться и преследовать этих вырожденков поодиночке, а продолжать наступление строем — значит ата-

ковать пустоту, ежеминутно ожидая удара в спину. Перестраиваются степные наездники стремительно, словно ласточки в небе, и стоит нам чуть зарваться, они тут же отрежут нас от своих. Тем более что к ним, как мы видим, спешат на подмогу сотни других варваров, быстро спускающихся с холмов и выступающих из укрытий.

А мы всего лишь разведотряд, наша численность недостаточна, чтобы самостоятельно принять бой в окружении, и проклятый Волк прекрасно это понимает. Опять он нас обставил. Мы с Тряпичником натягиваем поводья, видя, как позади нас рассеявшиеся было враги вновь смыкаются, чтобы отсечь нас от колонны. Нам не остается ничего другого, как повернуть и во весь опор мчаться обратно.

Мы мертвы, и мы знаем это. То, что мы чувствуем, наверное, ближе всего к ощущениям начинающего шахматиста, взявшегося играть против мастера. Каждый ход, не важно, насколько он правилен или оригинален, лишь глубже загоняет нас в западню. Мысли наши мечутся в поисках какой-нибудь уловки или неожиданного маневра, способного вернуть нам инициативу. Но мы попались, мы влипли, как дрозды в птичий клей, и чем сильнее трепыхаемся, тем крепче приклеиваемся. События развиваются с такой скоростью, что у нас нет возможности выстроить хоть какой-нибудь план, а потому мы попросту возвращаемся к исходной точке, поворачиваемся лицом к врагу и готовимся драться до последнего вздоха.

Тем временем Волк затягивает в ту же ловушку нашу пехоту, штурмующую островок. Пока парни шлепают по мелководью, вражеские всадники группируются справа и слева от них, потом заходят с тыла и пускают в ход свою излюбленную тактику: носятся вокруг, осыпая их стрелами. Громадные, до семнадцати пядей в холке, парфянские скакуны взмывают из под копыт фонтаны сверкающих в предзакатном свете брызг. Право же, зрелище впечатляющее, им впору залюбоваться, однако ситуация слишком уж бедственная: отвлекаться и некогда, и нельзя. Степняки начинают роиться и позади нас. Флаг со Стефаном бросают на них свои клинья.

Схватка разворачивается именно так, как мы и предполагали.

Волк даже не прощупывает нашу основную позицию, а сразу посылает к ней два конных строя — один движется под ударами, другой по отмелям, у водной кромки. Рассредоточившись вдоль наших шеренг и зажав их между собой, враги разворачиваются и, образовав с интервалами в четверть мили группы прорыва, начинают раскалывать фронт. Всего этого нам не видно, зато очень хорошо слышно, ибо нет на свете звуков, подобных тем, что издаются при сшибке латной кавалерии с тяжелой пехотой. Бактрийские и согдийские конники, составляющие костяк ударных сил Спитамена, — это дисциплинированные и хорошо обученные бойцы еще персидской закалки. Они могут сражаться и клиньями, и колоннами, они умеют пробивать бреши в пехотных шеренгах как никто в мире. Дааны же и массагеты, как и положено дикарям, берут не умением, а нахрапом. У них нет никакой тактики, они просто наваливаются всем скопом, но и этого зачастую хватает. Массагеты защищают грудь своих коней бронзовыми пластинами, нашитыми на войлочную основу, и покрывают той же броней собственные ноги — от бедра до лодыжки. Говорят, когда вал такой конницы накатывает на пехоту, у той нет ни малейшей возможности устоять. Правда, говорят и другое. Например, что нашим наемникам, какими командует Андромех, в стойкости просто нет равных. Это греки — ахейцы, выходцы из Аркадии, подчиняющиеся лишь своим землякам, а если выбора нет, то спартамцам. Будучи ветеранами, причем заслуженными (многим перевалило за пятьдесят), они поначалу сражались за царя Персии, сперва под командованием великолепного Мемнона Родосского и его сына, потом — Главка и Патрона, двух выдающихся военачальников, которые до последнего служили Дарию и перешли на жалование к Александру, лишь когда перс окончательно проиграл. Эти славные воины за пять лет непрерывных сражений прошагали три тысячи миль и извели все, что только может

выпасть на солдатскую долю — и горечь поражений, и радость побед. Их главное оружие — пика длиной в семь с лишним локтей. В умелых руках это лучшее средство отразить кавалерийский наскок, а они обращаются с нею с непревзойденной сноровкой. Вот почему в кровавой схватке, разразившейся на речных отмелях, не уступает никто. Дааны, саки и массагеты дерутся ради поживы и славы, стремясь уничтожить ненавистных захватчиков, а греки-наемники стоят, чтобы выжить.

Но мы теперь даже не поглядываем в ту сторону и знать не знаем, что там происходит, ибо заняты только собой. Наша арьергардная группа (четыре сотни обычных и восемьдесят ездовых пехотинцев) отрезана от основных сил. Шансов на спасение у нас очень мало, но если они все-таки есть, то лишь благодаря прозорливости Флага со Стефаном, сообразивших, что Волку желательно, чтобы мы устремились либо назад, к Мараканде, либо к реке. Хитрый варвар явно ждет этого, поскольку эти два направления кажутся единственно возможными для прорыва, и, конечно же, разместил там дополнительные отряды, рассчитывая устроить резню. И наши командиры влекут нас к утесам. Враг мечет сверху камни и стрелы, но, по крайней мере, окружение нам не грозит. Пожалуй, будь наши кони посвежее, успей мы перед этой заварухой хотя бы полчаса отдохнуть, нам удалось бы выскочить на холмы, а там, может быть, мы бы и вообще ускользнули.

Но беда в том, что кочевники полны сил, а мы вымотаны, вдобавок нам приходится атаковать снизу. Кони тоже устали, да и почва здесь ненадежная, уходящая из-под ног и копыт. Если животное упадет и придавит всадника, тот уж не встанет. Некоторые парни соскакивают с седел и бегут рядом с лошадьми, чтобы удвоить их резвость. Но все равно добраться до более-менее защищенных щелей удастся немногим. Противник налетает с обоих флангов и начинает теснить всех разом, и пеших, и конных, к реке.

Вопрос о победе, разумеется, не стоит — уцелеть бы. Я оглядываю свой десяток, точнее, то, что от него осталось (это Лука,

Рыжий, Кулак, Тряпичник, Костяшка и двое братьев, Факел и Черепаха), потом велю всем прорываться за острова. Первым, на острие клина, скачет Лука. Путь нам преграждают конники, вооруженные сложными луками, склеенными из рога и кости. Мое боковое зрение обострено до предела, и оно отмечает, что Удальца, скакуна Луки, поражает стрела. Нет, две — одна входит в грудь, другая в шею. Стрелы торчат и раскачиваются, но могучие мышцы еще работают, и конь по инерции продолжает бежать, хотя глаза его закатываются и белеют.

Лука вонзает копьё в горло стрелка. Я нахожусь чуть слева и вижу, как голова этого малого с кукольной неестественностью откидывается назад и как распускается кровавым цветком рана. Копьё Луки при столкновении сильно пружинит, но не ломается. Мое собственное копьё сломалось давно, все, что осталось при мне, — это сабля — прутик против арсенала тяжеловооруженного конника или пехотинца. У меня на пути возникает неимоверно усатый даан. В руках у него булава, однако я вижу, что у нее сбит набалдашник, и понимаю — это мой шанс. Я скачу на даана, замахиваюсь саблей, но тут что-то словно бы перехватывает и удерживает мою руку.

Боли не ощущается, но, оказывается, я ранен. Стрела, длинная, как плотницкое мерило, и толщиной с большой палец, ударив сзади, пробила мое плечо. Наконечник отвалился, но расщепленное древко выскочило из плоти на добрых три пяди. Первое ощущение — скованность. Рука не повинуется. Она бессильно падает, я роняю саблю. Одновременно приходит неприятное понимание, что тот, кто меня подстрелил, все еще находится за моей спиной и, судя по силе удара, он совсем рядом. И если я сейчас же не уберусь, этот малый проткнет меня снова. Я разворачиваю Снежинку. Прямо передо мной возникает еще один афганский лучник, правда, уже не конный, а пеший. Он стреляет. Я вижу, как резко распрямляется его согнутый лук. Дикарь не промахивается — наконечник стрелы сильно бьет меня в грудь. Тут бы мне и конец, не нацепи

я сегодня поверх кожаного доспеха дедов древний нагрудник. Я клял эту железяку невесть сколько раз и столько же раз порывался ее кому-нибудь сбить, чтобы выручить хоть на выпивку, но дурней что-то не находилось. И вот теперь эта тяжеленная, неприглядная скорлупа спасает мне жизнь. Стрела со звоном, отдающимся в ушах как бой колокола, отскакивает от железа, а сила толчка отбрасывает меня на конский круп.

Все звуки обрываются. Свет странно тускнеет. Мне не двинуть рукой, даже здоровой. Может, я умер? И это ад?

Это вода.

Я в реке.

Инстинкт побуждает меня вцепиться в поводья. Но когда я с плеском вынырываю на поверхность, Снежинка пугается, бьет копытом и пятится. А я валюсь обратно в воду. Враги повсюду, со всех сторон. Видать, на сей раз меня точно «внесут во все книги». Конные степняки затаптывают лошадьми ворочающихся в мутной жиже ахейцев. Для дикарей это привычная практика, и для зверюг, на каких они ездят, тоже.

Какая-то лошадь походя наступает мне на спину, и я, охнув, набираю полный рот ила. Тяжесть нагрудника тянет меня на дно, не позволяя подняться. Я открываю глаза. Древки стрел пронзают серо-зеленую водную толщу. Люди Волка прямо над нами, стреляют в упор. Те, что с пиками, всаживают их в нас, как в больших рыб.

Тут на меня накатывает безумный порыв: я чувствую себя обязанным спасти хоть кого-то. Нашариваю в мутной гуще тело греческого наемника и здоровой рукой стараюсь вытолкнуть его на поверхность. То, что грек никак не способствует своему спасению, страшно злит меня. Потом мне приходит в голову, что он, наверное, мертв, я злюсь еще пуще, и эта злость помогает мне всплыть.

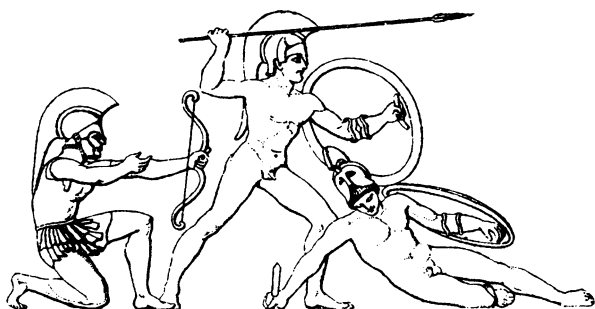
Я вынырываю и вижу лежащего на мелководье Тряпичника. Глаза у него стеклянные, из живота торчат три стрелы. Какой-то даан сдирает с его черепа скаल्प. Охваченный ужа-

сом, я снова падаю, получаю лошадиным копытом по затылку и не только чувствую, но и слышу, как трещит мой собственный череп. Необходимость глотнуть воздуха заставляет меня взметнуться вверх, и как раз в этот миг прямо передо мной в мутную воду валится дюжий ахеец, спину которого пробило с силой брошенное копье. Метнувший его дикарь спрыгивает с коня, скальпирует еще не успевшего умереть грека и издает торжествующий вопль, вскидывая над головой свой трофей.

С торжеством он поторопился. Это чудо, но грек с окровавленной головой выныривает из воды и вгоняет острие своей пики даану в печень. К нему тут же устремляются еще три дикаря, но наемник сам бросается горлом на собственное оружие, и когда дааны принимаются отрубать ему голову, он уже мертв.

Столь же ужасные сцены разыгрываются по всему берегу. Последнее, что я успеваю увидеть, — это как уводят мою чудесную маленькую кобылку. Запоминается, что афганец, подъехавший к ней, вовсе не петушится и не рисуется, демонстративно радуясь своей удачливости, как это принято у дикарей. Он просто берет мою девочку под уздцы и рысит прочь с видом добропорядочного человека, только что прогулявшегося по рынку и сделавшего там выгодное приобретение.

Я прихожу в себя уже ночью. Рядом Лука, он поддерживает меня. Мы с ним вдвоем прячемся в реке, под берегом. Сидим скорчившись, по горло в воде.

Лоб Луки рассечен саблей, он лишился глаза, вся левая сторона его лица в крови: не разобрать, осталось ли там хоть что-нибудь целым. У него также сломана пара ребер, хотя об этом я узнаю лишь потом, а левое колено повреждено лошадиным копытом. Но, даже пребывая в таком состоянии, мой верный товарищ, обхватив меня сзади обеими руками, не дает мне захлебнуться. Моя голова бессильно откинута, затылок покоится на плече друга. Корни и ветви маскируют наше укрытие. Я пытаюсь заговорить, поблагодарить его, но он шикает — шуметь нельзя!

Мне холодно. Меня мучает жажда. Мой череп периодически пронзает такая боль, что я от нее почти слепну. Однако древко стрелы из плеча уже не торчит: Лука вырвал его. И вообще, он спас мне жизнь. Я чувствую себя виноватым и прошу его бросить меня. Одному легче выбраться из такой передряги. Лука шлепает меня двумя пальцами по губам.

— Ты просто не в себе, Матфей. Тише.

Я снова теряю сознание. А очнувшись, вижу, что луна, которая висела высоко над моим левым плечом, теперь светит справа.

— Можешь ты сидеть сам?

Я нахожу подходящий корень и цепляюсь за него, освобождая одним богам ведомо сколько времени поддерживавшего меня Луку.

Все мелководье усыпано мертвецами, особенно много их у завалов. Почти все они голые — дааны и массагеты не только скальпируют убитых врагов, но, если позволяет время, снимают с них также все, что представляет какую-то ценность, а в этом нищем краю не ценных вещей просто нет. Там, где течение посильнее, мертвых македонцев и греков сбивает вместе, как бревна на сплаве. Это наши товарищи. Возможно, где-нибудь среди них находятся и Флаг, и Стефан. Тряпичник, насколько я понимаю, уж точно «попал в фолиант». Костяшку убили на моих глазах, а когда я последний раз видел Блоху, из ляжки у него торчало копье, а из горла — стрела.

Для речных крыс нынче раздолье, настоящее пиршество. Они шустро шныряют по нагромождениям тел, их мех влажно поблескивает в факельном свете.

Вдоль обоих берегов горят вражеские костры. Казалось, после такого триумфа дикари должны бы предаться необузданному разгулу, но то ли им не чужда некоторая самодисциплина, то ли вожди умеют держать их в руках лучше, чем мы полагали. У становищ выставлены часовые, коней поят и кормят. Даже те малые, что обирают тела, вовсе не грызутся из-за добычи, а делят ее, словно родичи — полученное наследство. Грабеж ведется согласно некоему этикету.

— Ты убил этого мака? — переговариваются победители. — Нет, вроде бы ты.

Во всяком случае, нам с Лукой кажется, что именно такими фразами обмениваются они перед тем, как приставить острое скальпирующего ножа к черепу павшего чужака и опи-

сать им точно выверенный полукруг. От уха до уха, после чего волосы жертвы забирают в кулак и быстрый отработанный рывок вознаграждает дикаря за работу. Он получает очередной кровавый трофей. Ужас и отвращение, которое вызывает в нас это противное самому нашему естеству зрелище, невозможно описать словами. Наши терзания усугубляются сознанием того, что мы беспомощны, безоружны и к тому же отчаянно трусим. Да что там трусим, мы просто умираем от страха! Как я ни презираю свое малодушие, но все же мысленно то и дело взываю о милосердии к Небесам, хотя раньше подобные мольбы представлялись мне чем-то постыдным. Я честно пытаюсь взять себя в руки, но не могу с собой справиться. Сердце колотится в груди так, что остается лишь удивляться, как враги до сих пор не услышали его оглушительный грохот и тот придушенный хрип, который мне сейчас заменяет дыхание.

Ниже по течению поперек реки сооружено заграждение. Конные и пешие степняки, образовав кордон, осматривают каждое приближающееся бревно или корягу и вылавливают всех уцелевших македонцев, пытающихся спастись вплавь.

Лука показывает на сделанную им на корне отметку: судя по ней, уровень воды в реке падает. К восходу солнца наше укромное гнездышко окажется на виду. Нам необходимо зарыться поглубже.

Я уже говорил, что стыд сильнее, чем страх, но и то и другое отступает перед изнеможением. Мы с Лукой вымотаны настолько, что уже, кажется, ничто не способно ни устыдить нас, ни утратить. Внутри все онемело. Правда, сохраняется понимание, что острова прочесывают поисковые группы. Если мы будем обнаружены, с нас живьем сдерут кожу. Поэтому мы беззвучно, словно болотные жабы, закапываемся в прибрежную грязь.

Даже пребывая в столь жалком положении, я прекрасно отдаю себе отчет в том, сколь блистательно была задумана и проведена эта операция. Что ни говори, а Волк Пустыни на-

стоящий стратег. Ему ведь противостояли не новички, и каждое осуществляемое им действие встречало соответственное и мощное противодействие, однако он сумел повернуть дело так, что любые наши шаги лишь приближали наш крах. Тут словно акт за актом разыгрывалась очень сложная пьеса, автор которой сам рискнул взяться за ее постановку и ни в малейшей степени не прогадал. Жаль, правда, что те, кто мог по достоинству оценить его работу, так и не разразились овациями в его честь, ибо являлись не только зрителями, но и участниками этой драмы, оплатившими своей кровью и жизнью ее успех.

Афганцев же, кажется, можно поздравить, ибо уже с предельной четкостью ясно, что в Спитамене они обрели подлинного военного гения, еще раз подтвердившего свою репутацию хитрого и коварного, безжалостного и отважного, неукротимого и прозорливого полководца, демонстрирующего не только полное понимание тактики Александра, но и способность предвосхищать ее проявления.

Луна опускается еще ниже, и степняки сворачивают поиски уцелевших врагов. На мгновение мы расслабляемся, потом опять замираем. По мелководью мимо нашей норы медленно проезжает какой-то вельможа в сопровождении конной свиты. Кто это? Неужели сам Спитамен? Сам Волк? Если так, то он моложе, чем я представлял, ему от силы лет сорок. Человек, едущий в нашу сторону, худощав, у него крючковатый нос и глаза ястреба. Гордо вышагивающий под ним гнедой арабский жеребец не слишком высок, но идеальных пропорций, с сильной, изящно изогнутой шеей и грудью настоящего скакуна.

Сосчитав до пяти, я опять поднимаю глаза. Если это действительно Волк, а не какой-нибудь его сановник, то правы те, кто приписывает ему образованность и утонченность. Приближающийся к нам всадник больше походит на ученого, чем на воина, и всем своим видом напоминает жреца. Одет он во все бактрийское, если не считать персидской войлоч-

ной шапки, закрывающей уши, лоб и подбородок, которую здесь называют тарбусс. На плечи воителя, осмелившегося противостоять Александру, наброшен простой серо-коричневый кавалерийский плащ. И сапоги у него простые, солдатские, из бычьей кожи, а не из телячьей, в каких щеголяет кичливая знать. Единственное, что как-то может указывать на его высокий ранг, — это висящий на плечевом ремне дорогой дамаасский кинжал с рукоятью из слоновой кости. Волк — победитель, но смотрит он мрачно, лица его спутников тоже суровы.

Может, меня упрекнут в слабодушии, но будь этот человек хоть сто раз нам враг, я и тогда бы, взглянув на него, вряд ли сумел подавить в себе чувство невольного восхищения. Весь облик предводителя дикарей дышал такой непреклонной решимостью, что уже одно это выдавало в нем настоящего командира, способного двигать в бой армии мановением пальца. Свита тоже выглядела ему под стать: могучие воины на великолепных конях, крепкие, невозмутимые, словно высеченные из камня. Больше, правда, мне сказать о них нечего, ибо все мое внимание было поглощено тем, кто уже удалялся, исчезая за ближним завалом.

Позднее, в ходе кампании, о Спитамене заговорят широко, зыбкие и разрозненные слухи о нем станут сплетаться в легенды. Все примутся толковать о его чуть ли не фанатической преданности учению Зороастра. Прочие качества тоже как на подбор. Тут и скромность, и аскетизм, и ученость, и неизбывная приверженность духовным исканиям. Слуг он не держит, блюдет себя в строгости, родной сын Дерд (парню четырнадцать, самый возраст!) у него за оруженосца, а также за конюха. Отец приучает его спать на голой земле рядом с простыми бойцами. Сам он спит там же и не берет куска в рот, пока не поедят остальные. В ненависти же к захватчикам ему равных нет, лютость ее сопоставима лишь с безграничностью его личной отваги.

По мне, так все это походит на правду, но кто поручится за достоверность людской молвы? Чем возможно ее подкре-

пить? Собственно говоря, только фактами. А они непреложно свидетельствуют, что некий согдийский анах по имени Спитамен сумел вдруг снискать уважение всех соседних племен, даже таких диких, как дааны, саки и массагеты. Задайтесь вопросом: что же тогда, как не все вышесказанное, могло сделать его единственным вождем, за которым пошли многие вечно враждующие народы Афганистана, временно позабыв о своих распрах? Не воодушевила ли их его всем известная преданность общему делу, равно как благочестие, почитание древних святынь, а еще красноречие и беспримерная щедрость. Кое-кто даже стал называть его вторым Александром, но я с этим категорически не согласен. Брошенный на него у реки беглый взгляд оставил у меня ощущение, что, повернись все иначе, Волк предпочел бы созерцательную жизнь деятельной, ибо по своему складу этот удивительный человек показался мне больше философом, нежели воином, а Александр совершенно другой. Он прирожденный завоеватель. Война — это цель и смысл жизни нашего государя. Такие натуры скорее бросятся на свой меч, чем отставят его. Их никогда не устроит удел отшельника: им нужна стезя побед и славы.

Луна садится. До рассвета два часа. Мы слышим, как во вражеском лагере пакуют вьюки. С первыми солнечными лучами Спитамен снимется с места. Может, в конце концов нам с Лукой посчастливится уцелеть.

Но когда небо светлеет, наши надежды улетучиваются.

Причем угрожают нам уже не воины.

Местные жители. Со стороны Мараканды движется толпа женщин с детьми. У них праздник, они пришли мародерствовать, обдирая с останков все, что не успели забрать соплеменники.

И уж они-то ничего не пропустят.

Мы с Лукой остервенело подрываем берег, выкапывая себе норы, куда забиваемся, словно крысы. Но все бесполезно: толпа привела с собой собак, те обнаруживают нас в считанные минуты.

Женщины и мальчишки поднимают страшный шум, а когда согдийские копейщики вытаскивают нас из укрытия, пускают в ход камни и палки. Мою и без того поврежденную руку чуть не выдергивают из сустава. Нас колют ножами, дергают за волосы, нам норовят выцарапать глаза. Все выкрикивают два слова — «утан» и «кунан», что, как поздней выясняется, означает «пожиратели дерьма» и «паршивые псы». Мы не только не сопротивляемся, но на всякий случай пытаемся притвориться совсем уж жалкими и беспомощными, но толку от этого никакого. Слабость вызывает у толпы не сочувствие, а еще большую ярость, однако в конечном счете именно это нас и спасает. В отличие от все сильней распалюющейся оравы, уже готовой разорвать нас на части, патруль имеет какое-то представление о воинской дисциплине. «Нельзя убивать пленных, не допросив их», — всплывает, наверное, в головах караульных, и они укрывают нас от камней и палок своими щитами.

Однако, что теперь с нами делать, никто толком не знает. Спитамен с авангардом успел ускакать, остальная часть войска уже покидает лагерь. Происходит короткое совещание, мы с Лукой мало что в нем понимаем, но основную суть все же ухватываем, ибо ситуация говорит за себя. Возиться с нами, охранять, чтобы мы не сбежали, и вообще себя как-то связывать никому, разумеется, неохота. Лучше опять бросить нас на растерзание старым мегерам и отделаться от обузы. Бой закончился, скальпы, снятые с безоружных, не скальпы, а ничего ценного, чтобы пожить, при нас вроде бы нет...

— Выкуп! — ору я изо всей мочи, насколько позволяют отбитые бока, не очень, впрочем, надеясь, что они воспримут мой выкрик всерьез, а скорей для Луки. Пусть думает, что мы, может быть, еще выкрутимся.

За мою выходку меня бьют по макушке каменной гирькой, а когда я скрючиваюсь, втянув голову в плечи, проходятся по спине и рукам. Ощущение такое, будто мне в череп вогна-

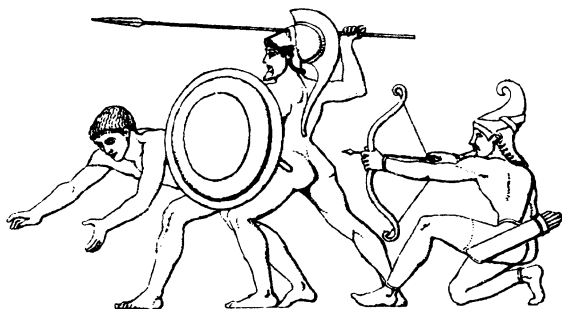

ли гвоздь, но, как ни странно, боль меня воскрешает. Во мне вскипает ярость, и я рад пробуждению этого живого чувства. Люди от природы лжецы, таков и я. Эти гады ни шиша от меня не получают! Я же выведу у них все, что смогу, чтобы потом безжалостно отомстить им. Выкуп мерзавцам? Да ничего они не получают!

Правда, я решил так, а они, похоже, иначе. Мою идею вроде бы приняли на ура. Словно родную. Во всяком случае, наверху опять затевается говорильня, в то время как женщины норовят плюнуть в нас поверх щитов, а некоторые даже по-малому облегчаются в сложенные ладони, чтобы облить «грязных маков» мочой.

В конце концов шайка приходит к какому-то решению. Нас передают на попечение двух юных, с виду шестнадцатилетних, головорезов, которые связывают нам запястья, а концы веревок приматывают к хвостам вьючных лошадок. Всю дорогу потом и животных, и нас подгоняют ударами палок, так что мы движемся весьма резвой рысцей. Где-то на протяжении полумили нас сопровождают камнями, комьями грязи и улюлюканьем озверевшие бабы с молокососами, а мы с Лукой сносим все издевательства, не смея поднять глаз.

Дела наши плохи, но все идет к тому, что дальше будет лишь хуже.

Пять народов сплотилось вокруг Спитамена в борьбе против нас. Основной костяк его войска — это жители Бактрии и Согдианы, выходцы из афганских кланов, обитающих между Яксартом и Гиндукушем. Традиционно они пополняют ряды кавалерии, организованной еще персами и управляемой ими же и сейчас. Пехоту Волка составляют коренные афганцы из долин Панджшер, Кабул и Горбанд, а также из Газни и из Кандагара и, наконец, с восточных равнин, тянущихся до самой Артакоаны. Остальные его воины — скифы. Это уже самые настоящие дикари, которые делятся на саков, даанов и масагетов.

Саки, обитатели гор и пустынь, испокон веку кочуют, перегоняя от пастбища к пастбищу огромные стада скота. Их соседи дааны («разбойники») тоже в какой-то степени скотоводы, но и народу, и стад у них меньше, а потому они не гнушаются промышлять грабежом. Оба племени скитаются по расположенным за Яксартом так называемым Диким Землям, веками дававшим отпор попыткам правителей разных великих держав присоединить их к своим владениям. Но наибольший страх в этих, да и во всех

прочих, краях внушают оседлым своим соотечественникам массагеты, прирожденные воины, презирающие физический труд и живущие исключительно за счет набегов. Эти не знающие себе равных наездники еще два века назад стяжали грозную славу, ибо, защищая родные приволья, они умудрились убить самого Кира Великого.

Именно этим дьяволам, точнее, одной из их шаек, в руках которой уже находится с полдюжины македонцев, и передают нас с Лукой. Силы, только что разгромившие нашу колонну, рассеялись. Спитамен с согдийцами и бактрийцами умчался в Мараканду, саки и дааны вернулись в свои селения, верней сказать, в стойбища, к своим кибиткам, женам и детям, а массагеты двинулись на север, к Яксарту. Правда, говорить о каком-то общем исходе тут затруднительно: каждый клан сам себе голова. Хочет — движется, хочет — стоит, хочет — вообще отделяется от всех прочих.

Нам с Лукой бросают тряпье, такое драное, что сквозь дыры просвечивает голое тело. Глаза у нас постоянно завязаны, но и вслепую можно ориентироваться. К примеру, по звукам, по солнцу. Солнце указывает направление, а звуки говорят о другом. Они сообщают моему обострившемуся вдруг слуху, что табор, с каким мы кочуем, насчитывает около двух тысяч всадников. (Всего массагетов, как принято полагать, в Диких Землях сто тысяч, но все они разделены не менее чем на сотню родов.) Бражка, приглядывающая за нами, состоит человек из сорока, и заправляет в ней малый, не только знающий даанский говор, но и способный изъясняться на греческом. Так что мы вроде бы можем общаться. Правда, общение это весьма однобокое. Пленных приводят «на собеседование» с мешками на головах, дикарь выкрикивает вопросы, а если мы отвечаем недостаточно быстро или наши ответы ему не нравятся, охаживает нас дубинкой, которую мы не видим, но чувствуем ее вес.

Моя бедная башка просто раскалывается, рука страшно болит, но Луке приходится еще хуже. Рана на его лице про-

должает кровоточить и грозит загноиться, он задыхается под мешковиной, которая почти не пропускает воздуха, но нима-ло не защищает от степной безжалостной мошкары. А ведь вдобавок ко всему этому у него повреждены два ребра и колено. Неудивительно, что нас с ним преследуют самые мрачные думы.

— Если я умру, — говорит Лука мне как-то ночью, — не дай командованию забить головы моим близким какой-нибудь сладенькой фальшью. Напиши им, как все было на деле.

Я не столь щепетилен и предлагаю товарищу в случае моей бесславной кончины врать всем и всюду, какой я был герой.

В пути массагеты питаются в основном кислым молоком и свежей кровью. Кровь они добывают, аккуратно втыкая тростинку в вену какого-нибудь животного, после чего замазывают ранку смоченной слюной глиной. Животные к этому привычны и даже не дергаются. Обычным дополнением к столь оригинальному блюду служит рисовая или грубая просяная каша, приправленная сушеным виноградом, чечевицей или грецкими орехами, которую поглощают в холодном виде. Хмельное кочевникам заменяет кумыс, кобылье перебродившее молоко. Как и мы, они стараются разнообразить свой рацион, и мясо подстреленной дикой козы в их котлах не такая уж редкость. Костры массагеты разводят только в дневное время, на больших привалах, а с места снимаются в темноте. Дни сейчас стоят знойные, солнце палит вовсю, а ночью, наоборот, от холода ломит кости. Как правило, отдыхают они только несколько часов в сутки, но изредка, когда стоянка защищена скалами, снабженными сетью пещерных ходов, дикари, чувствуя себя в относительной безопасности, могут и задержаться там на денек, чтобы как следует отоспаться и дать отдохнуть лошадям.

Скрасивая монотонность дороги, массагеты поют. Заунывная песня может не смолкать часами. Сначала ее заводит один удалец, потом подхватывает другой, и так тянется до тех пор, пока каждый головорез не покажет, на что способна его глот-

ка. Спешиваются массагеты лишь в крайних случаях, они даже естественные надобности справляют, не слезая с седел. По их представлениям ходить пешком — удел женщин и псов. Нас, пленных, они считают существами столь же презренными и заставляют тащиться на своих двоих, а когда мы выбиваемся из сил, просто тянут волоком. Правда, поскольку для лошадей это утомительно и поскольку их просто грешно лишней раз утруждать, нас порой все же усаживают на ябу, пропустив нам под локти за спинами палки и связав наши запястья на наших же животах, а лодыжки — под лошадиными. Так мы и трясемся, а если теряем равновесие и переворачиваемся вверх тормашками (что рано или поздно обязательно происходит), то наши макушки скребут песок и стучаются о камни. У нас кровоточат лодыжки, запястья, рты, уши. Когда на пути попадаются реки, наши головы окунаются в воду или ударяются о валуны, которыми изобилуют здешние переправы. Впрочем, нет худа без добра: не будь этих погружений, нас живо доконала бы жажда. Ведь с наших ртов убирают пелены, только когда разбивается лагерь. Нас кормят, а потом растягивают на земле, привязав к крепко вколоченным в нее кольям. В первую ночь надо мной возникает отнюдь не добродушного вида дикарь. Какое-то время он молча пялится на меня — видимо, изучает, как выглядят эти всем ненавистные маки. Налюбовавшись, массагет нагибается и подбирает с земли увесистый камень. Я мысленно прощаюсь с мозгами, понимая, что их сейчас вышибут, но этот парень приподнимает мне шею и мягко, словно подушку, подкладывает под нее свой голыш.

Всю дорогу я думаю о Шинар. Ее образ всегда со мной, он не дает мне пасть духом. Интересно, что бы она подумала, узнав об этом? Обрадовалась бы? Или не очень? И вообще, дошли ли до нее вести о нашем разгроме? Тревожится ли она за мою жизнь?

В голове скачут мысли, созревают решения. Не попытаться ли мне заключить сделку с Небом? Дать, например, сло-

во, что если я выпутаюсь из этой истории живым, то... Что тогда? Я буду лучше заботиться о Шинар? Найду способ перекинуть мост через лежащую между нами пропасть?

На протяжении шести дней отряд неуклонно пылит на север. Периодически наш путь пересекают другие военные караваны, кочевники останавливаются, обмениваются новостями. Очевидно, на севере и востоке происходит какое-то шевеление. Массагеты совещаются с живым интересом, но потом расстаются и разъезжаются, никто не меняет маршрут.

Афганская степь, на взгляд европейца, однообразна, дика и пустынна, но в глазах ее обитателей она полна жизни. Да и как можно думать иначе, если ее пересекает такое множество троп и дорог, имеющих для афганца не меньшую значимость, чем для нас тракт от Афин до Коринфа или Персидская Царская магистраль. В хитросплетениях этих путей обретаются и свои постоянные дворы, и святилища, и торжища, и места для собраний на манер наших общественных площадей. Кочевники знают, за каким поворотом их ждет источник чистой воды, где зеленеют самые пышные пастбища и какая ложбина служит лучшим укрытием от ветров. По незримым для нас, но хорошо им известным приметам они находят тайные схроны, откуда по мере надобности достают припасы и снаряжение и куда прячут все лишнее, отягощающее их сейчас. Пусть полежит, потом пригодится. Не самим, так кому-то еще.

— То дал Искандера чоунесси, — говорит наш страж Гам. — У Александра этого нет.

Допросы постепенно выходят на новые горизонты. Вопли и тумачи с оплеухами в прошлом. Мы уже выучили кое-какие туземные фразы, да и наш Гам, как оказывается, знает греческий лучше, чем нам это представлялось. И обращение стало менее строгим, руки теперь нам обычно развязывают, хотя лодыжки все еще спутаны. Главарь шайки, втихаря прозванный нами Крючком за свой нос, интересуется, почему мы вообще следуем за Александром. Мы что, принадлежим к его племени, состоим с ним в кровном родстве или он нам всем

родич по браку? Отрицательный ответ вызывает у него удивление: вождь просто не понимает, зачем мы явились сюда. Он указывает на пустыню.

— Неужели вы проделали путь в тысячу лиг, чтобы отнять у нас нашу бедность?

Имя Крючка Баропамисиат, Сын Холмов.

Он много расспрашивает о Македонии. Можно ли там разводить лошадей? Сколько жен может завести мужчина? Правда ли, что к западу от наших границ небесный свод погружается в море?

Больше всего Крючка интересуется наш царь. То, что он ниже среднего роста, не только удивляет его, но и бесит.

— Если бы боги даровали вашему повелителю стать, соответствующую его алчности, сама земля не смогла бы поддерживать такого гиганта, который одной рукой касался бы восходящего солнца, а другой — заходящего. Александр же, будучи просто человеком, возжелал невозможного. Пусть даже ему покорились и Европа, и Азия, разве высокие горы стали от этого ниже, а бурные моря тише? Быть и там, и здесь одновременно нельзя.

Крючок напоминает нам о могущественных монархах прошлого, в своей безумии тоже пришедших с войной к степным племенам, — о Семирамиде, об отважном Саргоне, о Кире Великом.

— Этот исполненный гордыни тиран возомнил себя избранником Бога, чью золотую статую всюду несли перед ним... теперь его кости погребены в нашей пыли, а внутренности пожрали вороны, псы и шакалы.

По словам Крючка, у афганцев имеются два могучих союзника: во-первых, бескрайняя ширь их отчизны, а во-вторых, ее первозданная неустроенность.

— Нас, воинов, ваш царь, может быть, и победит, но эти противники ему не по силам.

Человеку, не видевшему пустыни, она ошибочно представляется ровной и плоской, как стол. Сплошное приволье, ска-

чи куда хочешь. Но это вовсе не так. На деле пустыня является собой гигантскую сеть природных препятствий, капканов, ловушек — ее необъятные каменистые пустоши то упираются в гряды непроходимых утесов, то вдруг отвесно обрываются в бездну. Непонятно, откуда они берутся — эти каньоны глубиной чуть не в милю, но конца и края им нет. Имеются там и целые реки зыбучих песков и соленые гибельные болота. И тот, кому с детства знаком этот край, разумеется, с легкостью обведет преследующего его новичка вокруг пальца. Умело маневрируя, он может заманить врага к пропасти или к горным твердыням, откуда есть только один путь — назад, либо увлечь преследователя в путаные лабиринты узких лощин и ущелий, откуда не выберешься вообще, если не знаешь, как выйти. В его власти направить противника за собой по широкой спирали, чтобы тот накручивал второпях круг за кругом, пребывая в уверенности, будто движется прямо. Кроме того, соваться в пустыню без точных сведений о расположении родников и колодцев нельзя, ибо это равносильно самоубийству. Отряд будет вынужден отираться близ какого-нибудь озерца, отходя от него не дальше чем на два дневных перехода. Ни люди, ни животные просто не в состоянии тащить по жаре больше трех-четырёх суточных норм провизии и воды. От местных проводников мало проку. Все они втайне работают на Спитамена, чтобы, вернувшись домой, не найти своих близких зверски замученными, а самим в скором времени не разделить их судьбу.

Короче, наши враги чувствуют себя тут более чем вольготно. Они могут появляться невесть откуда и исчезать невесть куда, мы же, захватчики, будем обречены на блуждания в мрачных теснинах, пока там не сгинем, ибо нас всех перебьют «непревзойденные мастера» внезапных налетов и ударов из-за угла.

Одними декларациями наши стражи не ограничиваются — они снимают с наших голов мешки, чтобы дать нам возмож-

ность воочию лицезреть то, с чем предстоит столкнуться Александру. К этому времени вся кочевая компания уже переправляется через Яксарт (на боузах в ночной темноте), и нас больше не стерегут. Незачем. Куда нам бежать?

К северу от реки равнину пересекает зубчатая гряда скал. Теперь мы находимся в Диких Землях. Отряд поднимается вверх по столь крутой тропе, что даже «непревзойденным мастерам» джигитовки приходится спешиться и идти рядом с лошадьми. Местность вокруг такова, что, по моему разумению, в ней не выжить и скорпиону, но вот мы огибаем отрог, и нашим взорам предстает самое замечательно обустроенное становище, какое только можно вообразить. На диво стройные молодые красавицы бросаются в объятия отцов и мужей, горделивые юноши принимают у воинов поводья. Нас с Лукой заталкивают со связанными руками в тупик между высокими скалами, где к нам подступают свирепого вида афганки и что-то злобно выкрикивающие мальцы.

Очень похоже, что нас сейчас начнут рвать на части.

Помешать этому некому, ни Гама, ни Крючка рядом нет. Все воины куда-то ушли, мы в полной власти этой оравы. Нас дергают за волосы, щиплют, тычут палками. Одна карга зачем-то полезла мне своей клешней в рот, а когда я отпрянул, заехала между глаз каменюкой. Другая щупает мои яйца: тут уж я ору благим матом, призывая на помощь.

Как ни странно, Гам появляется очень скоро в компании полудюжины соплеменников. Все они покатываются со смеху. Гам объясняет, что многие здесь считают, будто македонцы не люди, а демоны. А эти бабы со своими щенками захотели проверить, так оно или нет.

На следующий день женщины продолжают донимать нас. Дубасят, швыряют камни. Руки у нас связаны за спиной, при спуске в ущелье мы валимся с ног от пинка, что их весьма забавляет. Лука, с его выбитым глазом и сломанными ребрами, терпит страшные муки. Когда это до них доходит, они принимаются травить его еще пуще. Причем даже не из не-

нависти или жестокости, просто, по их разумению, существа с соломенными волосами и карими глазами людьми быть не могут, а разной нечисти все поделом. Когда из разбитой глазницы Луки начинает сочиться темная жидкость, женщины тычут в нее пальцами, облизывают их и с удивлением выясняют, что это кровь, причем точно такая же, как у них. Наконец ближе к вечеру им надоедает нас мучить и они убираются восвояси.

— Клянусь Зевсом, — стонет Лука. — Еще часа такой забавы я бы не пережил.

Только одна добрая душа не принимала участия в общем веселье — девушка лет пятнадцати, с блестящими, словно кусочки обсидиана, глазами и черными, как вороново крыло, волосами. Мы, распластанные и привязанные на ночь к кольям, когда все уходят, опять видим ее. Она, выскользнув из ночной тьмы, опускается на колени рядом с Лукой, чтобы протереть его глаз смоченным в холодной воде уголком своего петту. Я и Медон, лежащий в паре локтей от меня грек, переглядываемся и умиленно вздыхаем. Ну не диво ли — встретить подобное милосердие в столь ужасном краю?

Неожиданно из темноты появляется человек. Он рывком поднимает девушку на ноги и начинает яростно хлестать ее по щекам, выкрикивая ругательства. Похоже, он в чем-то обвиняет ее, но в чем, мы не понимаем, тем паче что девушка даже и не пытается оправдаться. В считанные мгновения вокруг собирается половина становища. Дикари орут как безумные, мы с Лукой и с другими пленниками тоже кричим, что малышка не сделала ничего плохого. Тут один из туземцев хватается бедняжку за волосы и под одобрительный рев соплеменников демонстративно достает из ножен свой кофари. Изогнутый клинок вспыхивает, как молния. Показав его нам, дикарь мгновенным и мощным движением перерезает малышке горло, причем с такой силой, что едва не рассекает шейные позвонки. Я ору, словно режут меня. Мы все орем. Разбойник выпускает волосы жертвы и, в то время как мерт-

вая девушка падает наземь, поворачивается и уходит, сопровождаемый одобрительно гомонящей сворой своих собратьев.

— Могучие боги! — восклицает Медон. — Кто этот человек? Зачем он это сделал?

Гам и его товарищи смотрят вниз, на убитую.

— Он ее отец.

Женщины утаскивают тело девушки в темноту. Гам растолковывает нам, что, оказав помощь Луке, она нарушила ашаара. Мы, македонцы, тут ни при чем, а ей пришлось ответить за свое преступление.

На какое-то время чудовищность и нелепость произошедшего просто лишает нас дара речи. Что это за преступление? Да возможно ли вообще, чтобы отец лишил жизни родную дочурку только за то, что она отерла кому-то там глаз.

О том, чтобы уснуть в эту ночь, нет и речи. Мы, дрожа, ворочаемся в своих лохмотьях. Неожиданно к концу второй стражи нас поднимают. Мы думаем, что подошел наш черед разделить участь девушки с волосами цвета воронова крыла, но о ней наши тюремщики уже, похоже, забыли. На уме у них совсем другое. Гам и прочие выталкивают нас на гребень холма. Вся шайка уже там толпится.

Гам указывает на далекую россыпь огней.

— Искандер, — говорит он.

Мы смотрим сквозь тьму на южный берег Яксарта. Огней там и впрямь очень много. Не счесть. Словно звезд на небе. Я бросаю взгляд на Луку. Ну и чего хотят от нас эти разбойники? Мы должны подтвердить, что их догадка верна? Что этот лагерь действительно наш? Или им желательно знать, куда двинется Александр, каковы его планы? Но нет, никаких разъяснений от нас не ждут — нам просто показывают стан наших соотечественников. Возможно, чтобы поддразнить. Неужели это все, что им нужно?

Сборы у кочевников недолгие: какой-то час — и люди Крючка снимаются с места. При этом женщинам и детям предоставляют самостоятельно пробираться по тайным тро-

пам и руслам высохших рек к горным убежищам, тогда как воины стремительно движутся на соединение со своими. После полуночи к нашему отряду примыкают еще два десятка всадников, поутру прибывают две группы в шестьдесят и девяносто бойцов, а потом я теряю прибывающим счет. Я мучительно ломаю свою и без того большую голову, пытаюсь понять, что означает появление Александра на Яксарте. Если эти костры не уловка, призванная ввести врага в заблуждение относительно численности разбившего лагерь отряда, то выходит, что царь стянул к реке свои основные силы, включая даже осадный обоз. Причиной тому может быть лишь одно — Спитамен ушел из Мараканды на север, в Дикие Земли. Иначе Александр направился бы прямо к городу, чтобы отомстить Волку за бойню у Благоносной, о которой ему наверняка уже доложили.

На вторую ночь пополнение, вливающееся в отряд Крючка, разрослось до тысячи человек, причем по степи во всех направлениях непрерывно снуют гонцы. Похоже, близится сражение. Кочевники собираются с силами, чтобы дать бой Александру.

Больше становится и нашей братии, пленных. Прибывающие одна за другой шайки приводят с собой тех македонских солдат, что были захвачены у Благоносной или отловлены позже в холмах. Все они изранены, избиты, в лохмотьях — многие выглядят хуже нас. Самый высокопоставленный пленник — старший командир конных «друзей» Аэропа Неоптолем. Я о нем слышал еще в Кандагаре от Илии, тот служил у него. Ему нет тридцати, он синтрофи (школьный друг) Александра, они вместе внимали наставлениям Аристотеля. Афганцы ослепили Аэропу, и его теперь водят товарищи по несчастью.

Нас заталкивают в загон внутри лагеря. Аэропа, даром что слеп, быстро наводит порядок. Он выясняет, кто тут есть кто, и организует из пленных самостоятельную воинскую единицу с младшими командирами и соответствующим делением

рядового состава. По его мнению, солдат и в плену должен оставаться солдатом. К моему удивлению, дикари этому не препятствуют.

— Они все равно его убьют, — говорит Лука.

Наступает ночь, но затишья в лагере нет. Со всех сторон к нему сотнями и десятками продолжают подтягиваться новые воины.

— Вот увидишь, — уверяет мой друг, — они зверски замучают его у нас на глазах, устроят из этого представление.

Не выдержав, Лука подходит к Аэропе и почтительно излагает ему суть своих опасений.

Тот не выказывает ни малейшего удивления. Ему тоже известно, что варвары имеют обыкновение взбадривать себя перед боем издевательствами и глумлением над захваченными врагами. Отбирают для этого, как правило, увечных или калек, а он — слепец. Именно то, что им надо. Лучшего и придумать нельзя.

— Мне сегодняшней ночи, скорей всего, не пережить, — говорит Аэропа. — Что же до вас, парни, то молитесь богам, в которых мы веруем, и особенно тем, что способны помочь вам сохранить мужество и присутствие духа.

Сам он, оказывается, признает лишь одно божество — ненависть к супостату.

В полночь Аэропу Неоптолема вытаскивают из загона на площадку под базальтовыми утесами. Он предстает перед неким Садитом, тот, видимо, поглавнее всех прочих собравшихся в лагере маликов, включая Крючка. Ночь ясная, светло как днем. Раскинувшееся у подножия горы становище вмещает уже тысячи варваров, и с каждым часом их становится все больше.

Аэропа как бы заменяет собой Александра, до которого кочевникам не дотянуться. Что ж, тогда сойдет старший по рангу, но выходит не так. Варварская забава прерывается, не начавшись, — прибывает еще один отряд всадников, и его прибытие вызывает общую суматоху. Окружающие Садита вож-

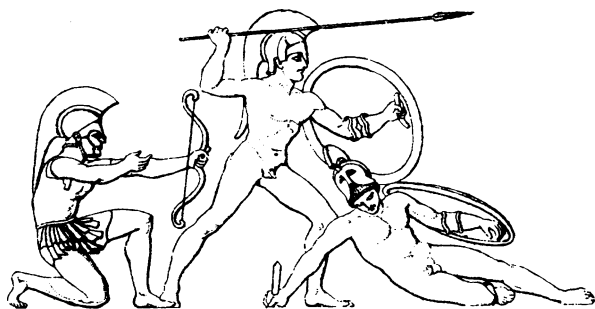

ди рассеиваются, а сам он подходит к Аэропе, удерживаемому парой головорезов в центре освещенной факелами площадки, и, указав жестом на отрог, заявляет:

— Сегодня Бог щадит тебя, чужеземец.

Разумеется, там, куда он ткнул пальцем, никого нет, но оттуда верхом на своем великолепном арабском скакуне спускается виновник всех наших бед и наш невольный спаситель.

Спитамен.

— Скажите мне, македонцы, пересекшие и моря, и пустыни, чтобы навязать войну нашим и без того бедствующим народам: какой вред причинили мы вашему государю? Разве наши отряды вторгались в ваши владения? Разве мы уводили ваш скот? Оскорбляли ваших женщин? Разве мы, обитающие в столь отдаленной степи, позволяли себе дерзостно презирать вашу славу?

Волк Пустыни обращается к нам, пленным, хотя на деле речь его предназначается для ушей соплеменников. Толпа собралась такая, что у подошвы горы негде встать. Слова Спитамена то и дело прерываются оглушительными возгласами. Дикари в знак одобрения стучат копьями о щиты или колотят по земле дубинками и булавами.

— Ваш правитель Александр, — продолжает говорить Спитамен, — покори́л Лидию и Сирию. Перед ним склонились Египет с Месопотамией, и даже грозная Персия признала над собой его власть. Но ему все мало, он овладел также Бактрией и теперь простирает свою ненасытность к нашим стадам, табунам и отарам. Неужто мир недостаточно широк, чтобы удовлетворить его алчность?

Гром одобрительных восклицаний снова вынуждает Волка прерваться. Он поднимает руки,

призывая свои войска к тишине. Мы с Лукой отчетливо его видим и убеждаемся, что это и вправду тот самый человек, который проехал мимо нас в ту злосчастную ночь. Вблизи он выглядит старше и изможденней. Но его глаза в свете факелов брызжут искрами острого, пронизательного ума, а могучий, властный голос с легкостью перекрывает гомон собравшихся. У меня от этого голоса мурашки бегут по коже. Вот настоящий враг. Противник, от одного вида которого стынет кровь в жилах.

— Македонцы, неужто ваш царь не понимает, что, пока он покоряет бактрийцев, восстают согдийцы, а когда поворачивается, чтобы привести их к послушанию, сзади на него бросаются дааны и саки. Все прочие тираны мира, подчинив себе какой-либо край, наслаждаются своей властью над ним, и только для вашего повелителя каждая новая победа всего лишь стимул к продвижению еще дальше. Споры нет, он велик, но никто не способен побеждать вечно. Вы сами видите, что даже извечно враждующие между собой племена сегодня объединяются, чтобы отбить его натиск. Ненависть к нему сделала братьями волка и льва и побуждает ворона и орла парить в одних высях.

Далее Спитамен коротко обрисовывает обстановку. Александр уже много дней стоит у Яксарта, явно готовя свою армию к переправе. Похоже, на этот раз он всерьез вознамерился вторгнуться в Дикие Земли.

— Ну что ж, скоро этот самовлюбленный павлин узнает, сколь велики степи скифов, хотя покорить самих скифов ему никогда не удастся. Ведь мы бедны, а потому мы всегда будем опережать его войска, отягощенные добром, награбленным по всему миру. Разве он сможет стиснуть нас мертвой хваткой? Мы всегда выскользнем, мы уйдем, но когда он решит, что нас рядом нет, вдруг обнаружится, что кто-то громит его лагерь. А когда глаза Александра наконец нас узрят, мы уже будем у него за плечами. Мы уподобимся облакам, теням, призракам ночи, то возникая, то исчезая и не страшась ни тяжести камня, ни жара огня. Вы, греки, слышал я, потешаетесь над

странной любовью кочевников к безлюдным и бесплодным землям, но хоть на миг попытайтесь задуматься: почему нас не манят ни тучные нивы, ни все эти шумные города? Отчего мы стремимся в пустыню? Что влечет нас туда?

Ответ очень прост.

Свобода! Мы предпочитаем грызть черствую корку на воле, чем лакомиться медовой лепешкой в оковах.

Рев поднимается такой, что кажется, будто сама гора сейчас взлетит в воздух.

Спитамен вступает в круг света, очерченный пляшущим пламенем факелов. Он снял свой торбусс, его ноги босы, длинные, ниспадающие на плечи волосы щедро подернуты серебром седины. Лицо у вождя желтоватое, нездоровое, при ходьбе бросается в глаза хромота. Уж не болен ли он? Но если и так, его сила не сломлена: взгляд обжигающе ярок, голос по-прежнему тверд.

Теперь он обращается к своим людям:

— Воинам, может, не подобает превозносить свою доблесть, но раз уж нам привелось всего несколько дней назад перебить чужеземцев на отмелях Благоносной, то почему бы и здесь, у Яксарта, не дать им хороший урок? Когда Искандер с наемными бандами решится начать переправу, мы истребим всех заморских шакалов. Бог не допустит, чтобы нечестивцы попирали нашу благословенную землю. Всемогущий вложит нам в руки свой меч — и река станет красной от вражеской крови!

Подобно Крючку в недавних наших с ним разговорах, Спитамен не упускает случая перечислить могущественных воителей былых времен, каких отвага афганцев и скифов довела до печального, но поучительного конца. Пусть Александр не очень-то полагается на свою везучесть, ибо, сколь долго ни дул бы ветер с севера, рано или поздно он переменится и подует с юга.

Волк вновь поворачивается к нам, пленным:

— Ваш царь считает нас дикарями и неучами, но мы тем не менее сумели усвоить нечто, неведомое ему: всему под небесами есть своя мера.

Деревья-великаны растут долго, но падают в один час. Даже львы однажды идут на корм птицам, даже железо ест ржа. Александру надо бы хорошенько усвоить, что удача — вещь скользкая, силой ее удержать невозможно.

И еще я скажу: если ваш Искандер и вправду бог, каковым его возглашают, то ему следовало бы знать, что богу пристало дарить людям благо, а не лишать их последнего скарба. Если же он простой смертный, то пусть вспомнит, отринув гордыню, о своем месте пред ликом Всевышнего. Ибо что есть безумие, как не потеря себя и не забвение земной своей роли?

Через два дня Александр трубит сбор. Нас, пленных, как находившихся под надзором Гама, так и всех прочих, сгоняют на гребень холма, откуда огромная, голая равнина видна как на ладони.

Ширина реки составляет шестьсот с лишним локтей. На ближнем берегу собралось тысяч тридцать бактрийцев, согдийцев, даанов, саков и массагетов. Их там как муравьев, внизу все черно, все покрыто сплошной шевелящейся массой. Я боюсь поднять взгляд на Луку, не понимая, что происходит. Есть ли смысл затевать переправу на виду у столь грозного воинства? На что, скажите, тут можно надеяться?

Плавсредства между тем спускаются на воду. Мы видим, как гонцы Спитамена веером мчатся в разные стороны с приказами сомкнуть фронт. Рассредоточенные вдоль берега дикари уплотняются, стягиваясь к той части береговой линии, где ожидается высадка. Впереди всех, на белеющей песчаной кромке, Волк размещает своих лучников. Некоторым из них так не терпится обогреть Яксарт вражеской кровью, что они забегают в реку по пояс. Их оружие — мощный скифский боевой лук, выпущенные из которого стрелы длиной в половину

метательного копья способны с расстояния в двести локтей пробивать воинские доспехи.

Как только плоты подойдут на выстрел, нескончаемый гибельный град просто сметет с них все живое. Нам вообще непонятно, как Александр собирается прорываться сквозь эту завесу.

Среди нас, пленных, топчущихся на вершущке холма, находится и Аэропа. Слепец стоит в первом ряду, и товарищи сообщают ему обо всем, что творится.

— А нет ли признаков какого-нибудь обходного маневра? — интересуется он. — Может быть, то, что делается на другом берегу, всего лишь отвлекающая внимание хитрость? Возможно, царь уже ночью послал кавалерию вверх или вниз по реке, чтобы та скрытно форсировала Яксарт и обрушилась на противника с фланга и с тыла?

Все напряженно всматриваются.

Нигде ничего.

Аэропа клянет свою слепоту.

— На чем они хоть переправляются? — нетерпеливо спрашивает он. — На барках? На плотях? Сколько их?

Македонцы волна за волной движутся через реку. Их плоты, снабженные бортовыми ограждениями и прикрытые спереди подъемными щитами, вмещают от двух до пяти десятков воинов каждый, общее же количество только этих плавсредств приближается к пяти тысячам. Самые первые из плотов, миновав середину реки, смыкаются воедино и образуют длинную цепь понтонов, которую мало-помалу стопорят и ставят на якоря. От этих платформ к берегу тянутся тросы и канаты. Нам с холма они кажутся тоненькими, как ниточки. Но очевидно, что следующие плоты перемещаются уже не на веслах (иначе бы их сносило течением), а по своим направляющим, словно паромы. Возможно, их подтягивают установленные на заякоренных понтонах лебедки.

— Да нет, — отмахивается Аэропа. — Скорее всего, парни просто перехватывают канаты руками. Далеко ли они продвинулись?

— Далеко. Еще локтей сто, и скифы начнут доставать их из луков.

— А что с лошадьми?

Слошадьми все нормально. Их переправляют вплавь, укрывая за плотами и барками. А следом, держась за набитые соломой мешки, на которых сложено снаряжение и оружие, плывут тысячи пехотинцев.

— Где Александр? Вы его видите?

Разумеется, видим. Наш государь, как всегда, впереди. Даже со столь приличного расстояния нельзя не заметить его сверкающий панцирь и отполированный до сияния железный с двойным гребнем шлем.

Очередная волна македонских плотов подтягивается к понтонам. Зыбкая составная платформа колыхнется на воде в обманчивой близости от скифского берега, и дикари не выдерживают — с яростными криками они начинают обстрел. Лук у них и вправду отменные, стрелы вспенивают поверхность реки в каких-нибудь двух-трех локтях от палубных досок, а иногда вонзаются и в заградительные щиты. Тысячи варваров устремляются к берегу, сотни прыгают в воду — так им не удастся схватиться с ненавистными чужаками.

Гам и прочие стражи, смешавшись с теми, кого им надо бы караулить, таращатся на все это во все глаза, да и мы, пленные, почти забываем, кто тут есть кто, захваченные грандиозной разыгрывающейся внизу драмой.

Челюсти Гама непрестанно работают, ноги непроизвольно приплясывают.

— Сейчас, — говорит он нам с Лукой. — Сейчас мы увидим, как ваш хваленый царь захлебнется собственной кровью.

— Я бы на твоём месте на это ставить не стал, — откликается дерзко Лука.

Длинные шеренги плотов пристраиваются одна к одной и моментально скрепляются сходящими, тросами и настилами, образуя искусственный остров в две тысячи локтей по фронту и в сто пятьдесят локтей в глубину. А впереди за полоской воды с воем беснуются в нетерпении орды изрыгающих

проклятия и оскорбления скифов. У нас перехватывает дыхание.

Неожиданно над плотом Александра взвывается сигнальный флаг. Южный берег Яксарта заполнен палатками, около тысячи из которых теснятся прямо на берегу. То есть и мы, и кочевники думали, что это обычные, мало чем примечательные палатки, но сейчас по знаку царя шкуры и парусину отбрасывают, открывая взгляду то, что маскировалось под ними.

Метательные машины с боевыми расчетами.

— Ну? Что там? — нетерпеливо восклицает Аэропа.

— Катапульти! — кричит кто-то из наших.

Да, катапульти, а еще и баллисты, способные метать тяжелые стрелы, камни и зажигательные снаряды.

Артиллерия дает залп — тучей летят стрелы, сосуды с горячей нефтью описывают огненные дуги, оставляя за собой дымный след.

Все напрягают зрение. Машины на том берегу еле видны, но дальнобойность их такова, что снаряды легко переносятся через реку.

Но этого мало. Оказывается, камнеметы и стрелометы установлены и на плотках. Эти ладные механизмы сноровисто расчехляются и пускаются в ход. Растянувшийся на две тысячи локтей плавучий фронт предстает в виде единой артиллерийской платформы.

Разумеется, столь шаткое основание мало пригодно для прицельной стрельбы, но толпа варваров у кромки воды так плотна, что промахнуться попросту невозможно. За первой тучей смертоносных стрел, камней, горящих горшков летит вторая, третья. Залпы выкашивают врагов, валят, как град молодые посевы. На скифском берегу воцаряется хаос. Нет стрелы, нет камня, какие не поразили бы воина или лошадь. Разбивающиеся в людской гуще сосуды обрызгивают дикарей липкой пылающей жидкостью.

Афганцы отважны, но они привыкли иметь дело с людьми, а не с современными боевыми машинами. Гам, судя по выражению его лица, отродясь не сталкивался ни с чем подобным.

На происходящее внизу он взирает в немом изумлении. Кроме того, несмотря на немалое расстояние, до нас начинают долетать звуки, которые нельзя спутать ни с чем. Оглушительно кричат раненые, бешено ржут кони.

Это паника.

Первыми сломя голову прочь бегут лучники, скопом наваливаясь на стоящую позади конницу, что порождает сумятицу и ломает ряды. Давка все ширится, оба фланга обескураженной армии Волка разворачиваются и пускаются наутек. Арьергард уже удирает. Ища спасения, дикари мечутся под ногами коней, и согдийская кавалерия топчет свою же пехоту.

Первая линия македонских плотов возобновляет движение — они уже в ста локтях от берега. Камнеметы и стрелометы теперь бьют в упор. Где Спитамен? Враг пребывает в неимоверном смятении.

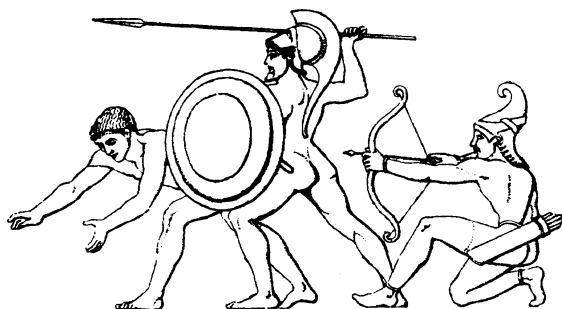
Македонские понтоны и лодки движутся с максимально возможной для них быстротой, а над ними снова и снова проносятся тучи смертоносных снарядов. Неприятельский фронт, только что казавшийся сплошным и непрошибаемым, рвется в клочья и рассеивается, как туман на ветру.

Мы, пленники, вопим от восторга, в то время как Гам и прочие караульщики ошеломленно молчат. Хотя наши стражи вооружены и не уступают нам численно, мы вдруг чувствуем, что у них больше нет над нами власти.

Первым на вражеский берег соскакивает Александр. Правда, об этом мы узнаем лишь потом, а сейчас видим, как наши соотечественники неудержимой лавиной выплескиваются на сушу и стремительно катятся дальше, разя улепетьвающих, побросавших щиты и оружие дикарей.

Охваченные общим порывом, мы, пленники, тоже бросаемся на своих охранников, но до схватки у нас дело не доходит. Гам и его подручные, даже не попытавшись пустить в ход оружие, устремляются вниз, к лошадям.

К ночи речная долина пустеет. Уцелевшие варвары ищут спасения в Диких Землях, преследуемые конными и пешими отрядами Александра.

Македонские войска снова появляются у Благоносной через двадцать один день. На этот раз во всей своей силе и под личным командованием Александра.

Наш царь гнал Спитамена по степи более ста миль, но погоню прервала элементарная нехватка воды. Волк опять ускользнул, а Александр возвратился в палаточный городок на Яксарте, чтобы свернуть его и проследовать дальше. Мы, недавние пленники дикарей, помещенные в тамошний лагерный госпиталь, уже успели окрепнуть достаточно, чтобы выдержать переезд к месту первоначальной резни.

Приближается осень. За минувшие дни люди Антигона и Белого Клита при поддержке кавалерии Гефестиона прошлись рейдом вдоль Благоносной, полностью обезопасив район мелководья. Похоронные команды по мере возможности собрали останки павших товарищей. Получилось, что мы тогда потеряли около двух тысяч человек. (Одна тысяча семьсот двадцать три воина — вот вам точная цифра.) Это только убитыми. На ознакомление с местом трагедии солдатам, как македонским, так и наемным, отводится день. Нас, выживших, специально туда

доставляют, чтобы мы рассказали парням о том, каким зверским издевательством подвергались наши товарищи по оружию и что с ними перед смертью творили даже не столько афганцы и скифы, сколько местные женщины со своей ребятней и особенно горожанки.

Возведен погребальный курган. На заре собирается армия. Погибшим воздаются все воинские почести. Отряд за отрядом войска торжественным маршем проходят мимо холма, над вершиной которого развеваются знамена павших подразделений.

В гробовой тишине Александр сам вершит скорбный обряд. Даже в момент, когда должен зазвучать традиционный гимн павшим, он не дает к тому знака и в молчании возжигает огонь. Беззвучное действие производит тяжелое впечатление. Наше горе безмерно, оно растет вместе с пламенем, его может приглушить только месть.

Когда же наконец царь обращается к нам, он произносит всего пять строк из трагедии Еврипида. Она всем известна и называется «Прометей».

В завершающей эту трагедию сцене хитроумный Одиссей достигает скалы, к которой по велению Зевса прикован алмазными цепями обреченный на муки мятежный титан. Одиссей спрашивает Прометея, подарившего людям огонь, может ли он как-то облегчить его страдания. Тот просит глоток воды и, утолив жестокую жажду, делится со скитальцем мудростью, вынесенной им из опыта своего восстания против всевластия Неба:

Власть всемогущий Зевес до пределов земных простирает.
Мыслит вотще человек избежать справедливости божьей.
Втуне бежит он, надеясь укрыться от вышнего гнева.
Нет на земле ни твердынь столь могучих, ни дальних убежищ,
Где б не настигла его кара великого бога.

На том речь Александра заканчивается. Никаких ритуальных молений. Он поворачивается и уходит.

Ночь пробегает как никакая другая: без возлияний, без азартных игр. Солдаты ждут предписаний. Каждому ясно, о какой «справедливости» говорил Александр и у каких «земных пределов» ее придется вершить. Стоит появиться штабному курьеру, все вскакивают, все обращаются в слух.

Честно говоря, мы с Лукой еще не совсем подлечились, чтобы участвовать в карательных рейдах, однако считаем, что это наш долг, иначе мы просто не сможем смотреть в глаза нашим товарищам. Предписания доставляют в подразделения утром, вместе с ними привозят и письма. Мне пишет Агафон, муж моей сестры Елены, заслуженный старший командир, потерявший руку при Иссе, то есть еще тогда, когда Александр вел более «правильные» и достойные войны.

Матфею от Агафона привет.

Думаю, теперь, когда ты малость повоевал и уже понял, что это такое, я могу с тобой поговорить. Вот сижу я сейчас, пишу эти строки и поглядываю на своего сынишку, что растет себе на солнышке во дворе. Знаешь, брат, собственное увечье так меня оглушило, что и дитя мое стало мне представляться уродом с обрубком вместо ручонки. Увидев здорового, крепкого малыша, я заплакал от счастья. Этот ребенок вернул мне мир.

Возвращайся и ты, брат. О, мне ведомы соблазны войны, все ее обольщения между вспышками ярости или страха, но прошу тебя, когда истечет срок твоей службы, не поддавайся им, брат. Не соверши ошибки! Возвращайся домой, пока это еще возможно...

Мою колючую бороду мочат слезы.

Вернуться домой? Как я могу?

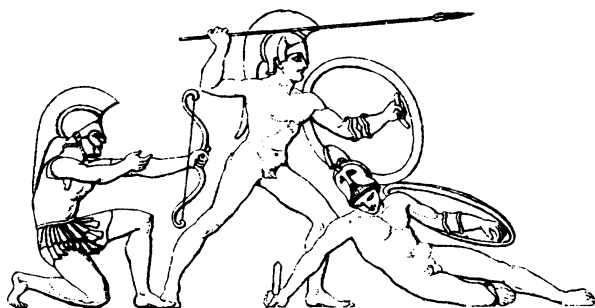
Разве мне чуждо безумие мщения? Могу ли я отвернуть мысленный взор от бесконечной череды павших, тянущейся сквозь века под стенания, взывающие к воздаянию?

Я засовываю письмо Агафона в свой вьючный короб, где оно и лежит, придавленное мешочками с чечевицей и сухим ячменем, в то время как наш корпус движется от деревни к деревне, верша «божественную справедливость» столь усердно и рьяно, что в долине не остается ничего живого, кроме разве что немощных древних старух да слетевшихся попировать на трупах ворон.

Книга пятая
ЗИМНИЕ
КВАРТИРЫ

Армия зимует в Бактре.

Александр вернул себе Мараканду, Волк Пустыни бежал на север, в Дикие Земли. В планы его по-прежнему не входит прямое столкновение с македонцами. Он просто исчезает — до ближайшей весны.

Афганистан, строго говоря, состоит из шести обособленных территорий. Сусия и Артакоана, расположенные на западе, отрезаны от лежащей в центре страны Бамианы, которая, в свою очередь, отделена непроходимыми пиками от Фрады (она же теперь Профтасия, Предвкушенная) и Кандагара, а также Кабула, окольцованного громадами Паропамиса. От Арейского плато можно через Пустыню Смерти и долины Гелманда и Аргандаба с превеликим трудом добраться караванными тропами до Газни, Капизы и Баграма, ну а уж оттуда рукой подать и до Бактрии, если, конечно, сумеешь преодолеть Панджшер, Кавак и другие горные перевалы.

Подступы непосредственно к Бактре с юга защищены хребтом Гиндукуша, а с северо-востока массивом Скифского Кавказа.

На просторах, граничащих с Оксом, разбросаны крепостцы племен Согдианы. Что же до

степей за Яксартом, то зимой там становится так неудобно, что даже туземцы — дааны, саки и массагеты — откочевывают туда, где можно как-то прожить.

Мы с Лукой опять помещены в госпиталь — теперь уже в Бактре. Настоящее заточение, которое нас изводит, хотя не солдат, наверное, не поймет, что это за навязчивое стремление вернуться скорей в свой отряд и откуда оно вообще берется. Когда к нам заглядывают ребята — Флаг, Кулак, Рыжий Малыш, — наши муки усугубляются. Парни подтрунивают над нами, интересуются, когда мы начнем пропивать подорожные, хотя сам ад не мог бы заставить нас подать прошения о досрочной отправке домой.

— Да ты, часом, не спятил? — спрашивает у Луки Квашня. — Мало тебе, что без глаза остался?

— Подумаешь, невидаль. Глазом больше, глазом меньше...

Наш госпиталь размещается не в палатках, как это частенько бывает, а в усадьбе какого-то бактрийского толстосума. Тут тебе и подвесные койки, и плещущие фонтаны, и сливовые деревья во всех дворах. Исправно доставляются письма, кормежка обильная и регулярная.

Однако мы — и я, и мой друг — еще весьма далеки от поправки.

— Надо же, — замечает Лука, — поначалу, когда тебя торкнет, оно не очень-то ощущается. По-настоящему пронимает потом.

Иногда Лука внимательно ко мне присматривается. Я к нему тоже. Когда мы ловим друг друга на этом, то оба ржем.

— Ты в порядке? — спрашивает он.

Мы ржем еще пуще, хотя это не веселье.

И вообще, что-то в наших отношениях изменилось. Раньше мы всем делились друг с другом, никто не мог встать между нами, а сейчас ему ближе Гилла. Он ей все выкладывает, а со мной начал скрытничать. Оно, конечно, и правильно, я за

него только рад. Между мной и Шинар, боги свидетели, такого нет и в помине.

Зато я сблизился с Флагом. Правда, Лука все равно не дает мне покоя. В нем никогда не замечалось особой склонности к замкнутости. Есть, знаете, такие ребята, у которых, как говорится, что на уме, то и на языке. Вроде бы он и сейчас не молчун, но... тот Лука, да не тот. Этому слова не подберешь, будто он сам не свой, что ли? Короче, не такой, каким был.

Но что я точно знаю, так это то, что скорее умру, чем позволю кому-нибудь причинить ему вред. Чтобы поразить его, оружие должно сначала пронзить мою плоть.

Интересно, что схожие чувства я испытываю по отношению и к другим парням нашего подразделения, включая новобранцев из свежего пополнения, которых еще и в глаза-то не видел. Когда я говорю о том Флагу, он реагирует однозначно:

— Ты делаешься солдатом.

События на Благоносной мы с Лукой не обсуждаем. Не можем. Слишком сильна боль. А вот с Флагом порой мы эту тему затрагиваем. Там, на поросших буйной зеленью отмелях, я потерял свою команду, свое оружие и свою лошадь. Потерял бы и жизнь, если бы не Лука.

После случившегося я уже не могу командовать людьми в прежней манере. И больше не допущу, чтобы старшие командиры, пусть из самых высоких соображений, вели меня куда-то вслепую, ничего не говоря и не объясняя. Если понадобится, упрусь рогом. Я похоронил Тряпичника, Блоху, Костяшку, похоронил Факела с Черепакхой. Да, они были мальчишками, но они были еще и солдатами. Неплохими солдатами. Сейчас, под сливовыми деревьями, я составляю письмо их родителям. Это самая трудная работа, какую мне приходилось когда-либо выполнять.

— Война все меняет, — говорит Флаг. — И меняет не так, как мы ожидаем.

И то сказать, Лука, например, лишился глаза и настрадался в плену, но воспринял и то и другое как нечто естественное, с удивительным стоицизмом. Набрался, как он говорит, ума-разума. Что ж, возможно. Ведь с того дня, как мы покинули Македонию, прошло двадцать пять месяцев. А по ощущениям — двадцать пять лет.

— До поры до времени солдата поддерживает мечта о возвращении домой, — говорит Флаг. — Так и с Лукой. Он считал дни, оставшиеся до конца службы. А теперь понимает — дни идут, и конца им все нет.

Конца не будет, похоже, и таким вывертам Флага. Этот малый не перестает меня удивлять. Всякий раз, когда мне кажется, будто я с ним сравнялся, на поверку выходит, что до него шагать и шагать. Я честно рассказываю ему о том, что чувствовал, попав к дикарям.

— Нам вдалбливали, что суровые испытания закаляют людей, добавляют им силы, отваги. Это ложь! Вся твоя стойкость, все твое мужество летят псу под хвост, когда понимаешь, насколько ты слаб и ничтожен. Ужасное состояние.

Это чистая правда. Плен сломал во мне что-то. Стоит вспомнить о нем, и я снова трясусь. Дюжину раз на дню у меня подгибаются ноги. Я с детства привык рассчитывать на себя, не очень-то полагаясь на вышнюю помощь. А теперь начинаю задумываться, не пора ли пересмотреть свои взгляды.

— Солдату вообще незачем думать. — Флаг мог бы и промолчать, я его все равно бы услышал. — Вот для чего боги создали панк и назз.

Мы пьем. Теперь я понимаю толк в выпивке. Мы напиваемся до бесчувствия. Бесчувствие — это хорошо. Оно способствует исцелению.

Правда, моя правая рука по-прежнему бездействует, и полную до краев чашу мне приходится поднимать левой рукой.

Лекари говорят, что череп мой проломлен и что вообще по всем правилам я должен был остаться на отмелях Благоносной. Ну а сколько времени займет лечение? Этого они не знают. Как не хотят знать, что каждый шаг по больничной палате отдается в моей несчастной башке и что порой из нее что-то выпадает. А может, падает вся моя черепушка, но потом подскакивает и садится на место. Погремушка какая-то, а не башка.

Лука за полученные ранения награжден Бронзовым Львом. Я тоже, вторично. А еще Лука удостоен царского венка за доблесть и произведен в младшие командиры. Кроме того, мы оба премированы годовым жалованьем, а все наши долги перед армией списаны. Звучит это, конечно, здорово, но не следует забывать, что нам предстоит заново приобретать лошадей, снаряжение и все такое.

Наши женщины с нами. Они были посланы в Мараканду, но вскоре вернулись. Гилла беременна, она понесла еще в начале лета, о чем неопровержимо свидетельствуют раздавшиеся одежды. Счастливая дылда ничего и не хочет опровергать, наоборот, говорит всем и каждому, что они с Лукой вот-вот поженятся. Если мужчины из ее рода узнают, что она в положении, никакая сила на свете не удержит их от попыток вспороть ей живот. Гиллу это словно бы не волнует. Родное племя с его жестокими обычаями осталось в прошлом, с которым она безвозвратно порвала. Глядя на нее, нельзя не восхищаться... и не страшиться тоже нельзя.

Остальные девушки сторонятся Гиллы, ее безоглядный бунт их пугает. Она теперь водит дружбу с одной лишь Шинар.

Шинар, кстати, нашла себе работу при госпитале и неплохо справляется с ней. Этому способствуют ее греческий, теперь уже беглый, и полное отсутствие брезгливости.

— Толковая у тебя девонька, — с похвалой говорит мне главный хирург.

И похвалами он не ограничивается, из прачек ее переводят в сиделки, где платят обол за дежурство — четверть дневного жалованья пехотинца. По местным меркам это настоящее богатство. Кроме того, ей выдают специальное платье, а мужской части персонала, независимо от положения, велют относиться к ней уважительно и никаких себе вольностей не позволять.

Шинар, короче, преуспевает. Она тоже меняется.

В продолжение осени (с заходом на самое начало зимы) Александр только и делает, что направляет войска в отдаленные районы страны, во-первых, чтобы не дать Спитамену спокойно восстанавливать силы, а во-вторых, чтобы несколько разгрузить Бактру. Столица края просто не в состоянии справиться с таким наплывом солдат. Из Македонии и из Греции прибывает семнадцатитысячное пополнение, а тут и так уже, с учетом всевозможных нестроевых формирований и всяческого прибившегося к армии люда, общая численность всех собравшихся достигает шестидесяти тысяч человек. Воинский лагерь словно являет собой четвертый по населенности город известного мира, уступающий лишь Вавилону, Афинам и Сузам.

В день окончательного завершения зимней расквартировки Александр собирает войска и выступает с самой необычайной речью, какую когда-либо произносил царь Македонии. Беспрецедентно также и то, что эта речь размножается переписчиками и рассылается по всем воинским частям и гарнизонам.

Касаясь несчастья на Благоносной, царь винит в нем не солдат, не командование попавшей в ловушку колонны, но целиком берет ответственность за случившееся на себя.

— Я совершил ошибку, друзья. Допустил худший из возможных для командира просчетов — недооценил врага. Волк Пустыни разбил не вас, он разбил меня. Зевс свидетель, я верил, что не пройдет и нескольких месяцев, как эти демоны

нам покорятся. Я считал их невежественными дикарями, мало что смыслящими в современной войне и, уж конечно же, не способными дать отпор воинам, сокрушившим могущественнейшую мировую державу. Я просчитался. Теперь очевидно, что враг прекрасно нас понимал, в то время как мы его совершенно не понимали. Он знал, чем ответить на каждый наш тактический ход, и заставил нас танцевать под свою дудку. Его расчетливость взяла верх над нашей. Он победил не мощью — умом, он переиграл меня на поле боя.

Поэтому, говорит далее Александр, зиму нам следует провести с толком, осваивая новые тактические приемы. Афганская кампания вступает во вторую фазу. Подробности будут изложены в детальных инструкциях, пока же все должны просто понять, что старая тактика более неприменима.

За разработку новой программы берутся особые службы, их офицеры начинают с того, что опрашивают всех выживших на Благоносной. Опыт, пусть даже и печальный, необходимо подвергнуть анализу, чтобы решить, что в нем полезно, что нет. Нас с Лукой прихватывают прямо в госпитале. Все, что мы помним как о самой битве, так и о своем пребывании у дикарей, скрупулезно заносится на пергамент для последующей передачи одного государю. Опросчики вежливы, но дотошны. Может, вы виделись с кем-то из скифских вождей? Как они выглядят? Как ведут себя? Есть ли у них какие-то прозвища или особенные приметы? Не опишете ли маршрут, по какому вы двигались, желательно с указанием водопоев и тайных складов припасов?

К дню зимнего солнцестояния в Бактру прибывает мой брат Илия. Разумеется, со своей Дарией. Они селятся в Анахите, городском предместье, делят там домик с двумя командирами из авангардных формирований. Теперь, когда Шинар дежурит, мне есть с кем коротать вечера.

— А матушку ты обо всем известил? — подразнивает меня Илия. — Она не встревожится, узнав, что и второй ее сын попал в сети чужеземной красоты?

И он крепко обнимает свою подругу.

Илия в силу занимаемого им положения участвует в важных штабных совещаниях. Он в курсе всех планов ставки и решительно вознамерился по возможности ограждать меня от опасностей. Его влияния вполне хватает, чтобы все мои прошения о переводе в разведку летели в корзину.

Небезразличен ему и Лука.

— Что творится с твоим другом? — спрашивает меня он порой.

А еще брату не нравится мое пьянство.

— Будешь дуть горькую, станешь таким же, как я.

Подумаешь, напугал! Для меня это комплимент, а не порицание.

Вечер за вечером я засиживаюсь у Илии и его компаньонов.

Дивные парни, отважные, умные, прямо тебе Флаг со Стефаном, только лоску и лихости в них, пожалуй, побольше. А начнут говорить — с меня даже хмель слетает: так смелы их суждения.

— Эта дыра стократ хуже Персии, — заявляет Деметрий.

— Афганистан просто пытка для каждого, — вторит ему Аримма. — Но прежде всего для нашего Александра.

«Друзья» опасаются, что Александр так до сих пор и не оценил в должной мере, с чем ему выпало тут столкнуться. По их мнению, нам следует полностью очистить страну от туземцев. Сопротивляющихся уничтожить, остальных, от мала до велика, выселить, как это сделали Кир в Ионии и Навуходоносор в Палестине.

— Ничто менее радикальное, — утверждает Деметрий, — результата не даст.

Проклятие Афганской войны в том, что врагов почти невозможно втянуть в честный бой. Единственный способ заставить кочевников драться — это перекрыть им все пути к бегству. Так теперь думает Александр. Именно поэтому он и

решил поделить свою огромную армию на автономно действующие формирования, фактически те же армии, но уменьшенного масштаба, однако со всей надлежащей структурой, включая пехоту всех видов, тяжелую и легкую кавалерию, осадный обоз с боевыми машинами, службы тылового обеспечения и снабжения, разведку, казну с канцелярией и лазарет с лекарями. При этом командиры таких группировок получают практически неограниченные полномочия. Тем не менее каждому из них, будь то Птолемей, Пердикка, Койн или кто-то другой, предлагается в случае обнаружения значительного скопления неприятельских сил не пытаться самостоятельно завязать бой, чтобы стяжать таким образом всю возможную славу, но теснить дикарей к дислокациям соседнего македонского формирования, дабы тем самым зажать врага в клещи и разгромить окончательно и навсегда.

Это нововведение, как и ряд прочих, не вызывает особых нареканий у товарищей Илии. Наиболее спорной из принимаемых мер представляется им массовое включение в состав наших войск конных и пеших афганских отрядов. По мнению обоих «друзей», это полное сумасшествие.

— Разве нам мало двух лет возни с местными так называемыми шикари? — горячится Аримма. — Пользы от них никакой, но любой при случае не раздумывая предаст тебя, особенно если будет знать, что это сойдет ему с рук.

Однако Александр в своем решении тверд, и оно уже воплощается в жизнь. Мы видим в лагере горцев из долины Панджшер, пехоту из Газни и Баграма, конных бактрийцев с согдийцами, а также даанов, саков и массагетов. Можно ли доверять им? Александра это не очень-то беспокоит. По его словам, нанимая этих разбойников, мы, по крайней мере, получаем возможность держать их под приглядом и выигрываем уже в том, что они не со Спитаменом, а с нами.

Наш царь намерен установить полное господство над этой страной, используя все доступные средства. Как военные, так

и мирные. И самым ошеломляющим из его новшеств становится ойкос («семейное уложение»). Александр издает указ о «поощрительных выплатах» тем македонцам, что вступают в союзы с туземками и ведут с ними совместную жизнь. Если раньше солдат получал себе свое жалованье, а есть у него подруга или нет, никого не интересовало, то теперь содержать ее ему поможет казна.

Более того, по велению Александра сыновья, прижитые македонцами в таких союзах, признаются гражданами Македонии со всеми сопутствующими правами и льготами, включая солидные выплаты в случае смерти отца и обучение за счет государства. Беспрецедентное решение. Переворачивающее все представления. Одним ударом рубятся корни тысячелетних традиций и устоев.

Многих бойцов старой закалки эти новшества приводят в ярость. Солдатам вообще больше нравится, когда все идет, как идет, а перемены страшат их. Они привержены древним обычаям, чтут добрый дедов уклад, от всяких выдумок не ждут ничего хорошего и признают только два цвета — черный и белый, без каких-либо оттенков. Это правильно — это неправильно, вот и весь разговор. В их глазах наделение их же туземных сожительниц какими-то там правами есть пощечина, нанесенная оставшимся дома порядочным македонкам: солдатским женам, матерям, вдовам, чья верность и преданность являются в своем роде и оплотом, и первоосновой целостности отчизны. (Разумеется, то, что почитай каждый из этих ревнителей верности не пропускает мимо себя ни одной, пусть даже самой заваливающей шлюшонки, в данном случае в счет не идет.)

Суть, однако, в том, что система ойкос настораживает солдат прежде всего по более насущным причинам. Они подозревают, что с ее помощью их стараются отдалить от родного порога. И они правы. Поощрительные выплаты весьма ощутимо подталкивают таких ребят, как я или Лука, к местным

любушкам, а по мнению ветеранов, так и вовсе к тому, чтобы мы тут остались на всю свою жизнь.

Чего на деле боятся старые закаленные воины, так это того, что Александр вообще не поведет их обратно. Разумеется, затяжная афганская заваруха ненавистна ему в той же степени, что и им, только вот раздражают солдат и царя в ней очень разные вещи. Служакам эта война мешает возвратиться домой, Александру она не дает двинуться дальше. Но как бы ни ворчали старперы, долго сердиться на своего Александра они не могут, ведь он для них и луна, и солнце, и весь божий свет. Конечно, их ранят его последние закидоны, но они, в сущности, простые ребята, а потому и дело их тоже простое — драться, где он укажет, и делать, что он говорит. А там все сладится, все придет в норму. Главное, быть полезными и снова завоевать его сердце. Александр, разумеется, улавливает все эти веяния, он прекрасно знает, как обратить любые чувства и настроения в свою пользу. А в нужный момент умело пользуется еще одним важнейшим и действенным своим орудием.

Это орудие — деньги.

С македонской армией в Афганистан хлынули невиданные доселе богатства, что привело к коренной ломке векового хозяйственного уклада. Цены на городских рынках взлетели до небес: какие-нибудь груши подорожали впятеро против прежнего, и большинству местных жителей теперь их не купить. Однако помимо хозяйства страны существует и обособленное воинское хозяйство. Там, за лагерными воротами, груша стоит не меньше, чем на базаре, а может, и больше, но и солдатам, и тем, кто оказывает им разного рода услуги, она вполне по карману. Туземцы встают перед выбором: или подтянуть пояса, или включиться в эту новую хозяйственную систему. Поставлять, например, макам припасы или еще что-нибудь, а то и просто работать на чужаков — в армии дела хва-

тает. Они, конечно, псы и захватчики, но и есть тоже хочется, а честно трудиться еще не значит лизать кому-то там зад.

Сильнее всех прочих система ойкос искушает молоденьких аборигенок. Солдаты и так всюду с ними милуются, но одно дело, когда сам тратишься на возлюбленную, и совсем другое, когда содержать ее вдруг берется казна. Да и девушка уже чувствует себя уже не такой бесправной и незащищенной, как раньше. Конечно, местные патриархи всемерно пытаются уберечь дочерей от соблазна, но, увы, втуне, ибо притяжение армии неодолимо. Лагерь, битком набитый деньгами и молодыми парнями, манит к себе истомленных однообразием своей жизни красоток огнями костров, запретными ароматами, гулом грубых мужских голосов, обещающих множество неизведанных удовольствий, а теперь еще и возможностью подыскать себе мужа.

Тем паче что в привлекательности этим захватчикам никак не откажешь. Разве могут оставить кого-нибудь равнодушными македонские праздничные парады, стройные ряды марширующих воинов, слаженные маневры великолепной конницы, грозная поступь подтянутой мускулистой пехоты. До чего ж хороши молодцеватые, brave командиры, их сверкающие, увенчанные гребнями шлемы, их отполированные до блеска доспехи! Как ни строга родня, как ни бдительны слуги, красавицы ускользают по ночам на свидания и падают в пылкие объятия чужеземцев с ореховыми глазами. Когда же отцы города являются к Александру с просьбой воспрепятствовать этому принимающему массовый характер явлению, затрагивающему уже не одних лишь блудниц, но и девушек, в чьих добродетелях раньше никто бы не усомнился, царь выражает им сочувствие, произносит все подобающие слова, но не предпринимает решительно никаких действий. По его глубокому убеждению, чем больше местных девиц возьмут в оборот армейские ухажеры, тем лучше. С одной стороны, это сближает народы Запада и Востока, а с другой —

подрывает исконно сложившиеся здесь связи — семейные, клановые, племенные, которые служат основой сопротивления. Их Александр разрушает сознательно и упорно, такова его политика.

Но нас с Лукой политика не волнует, нам бы вложить ума своим кралям. Ладно Гилла — она беременная, ходит себе переваливаясь, что твоя утка, с нее спроса нет. А у Шинар глазищи ровно кинжалы, иногда зыркнет так, хоть беги!

А ведь если подумать, то и в этих вот маленьких заморочках ощущается Александрова воля. Всегда выходит так, как он хочет. Там, где бессильны и золото, и железо, возьмет свое плоть. Правдами и неправдами, но он поставит эту страну вверх тормашками и вытрясет из нее все, что ему кажется лишним.

В конце зимы, в афганский месяц саур, Шинар перестает со мной разговаривать. И больше не ходит спать в нашу палатку.

— Ну а теперь-то что?

— Ничего.

Вот весь ответ.

Теперь она практически днюет и ночует в госпитале. Кроме того, у нее появилось обыкновение прятать лицо, точнее, наматывать на голову платок так, что видны лишь глаза. Таким же чучелом начинает ходить и Гилла, да и многие из афганок. И все они помалкивают на этот счет, толку от них не добьешься.

Выждав день-два, я отправляюсь к Дженин, к той девице, что снабжает нас дурью.

— Ради Зевса, объясни мне, что происходит.

— Братя, — коротко говорит она, кивком указывая на разгуливающих по лагерю дикарей из недавно набранных афганских отрядов. — Родные, двоюродные.

Ничего не понимаю.

— Братья могут узнать нас. Родные, двоюродные — не важно. Они все мужчины.

Наконец Дженин, смилостивившись, поясняет, что они с Шинар встретили в лагере мальчонку из их деревни.

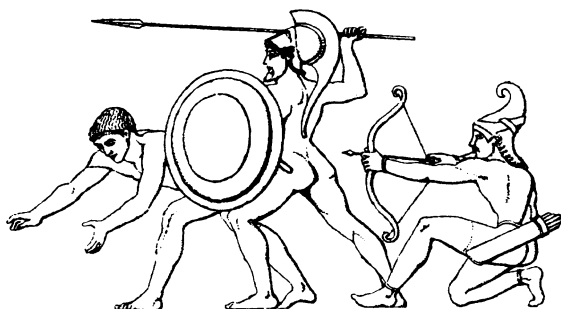
— Он сказал, что мой отец и брат Шинар сейчас в Бактре.

— Ты хочешь сказать, что они нанялись к нам на службу?

— Я хочу сказать, что если они обнаружат нас здесь, то перережут нам глотки. Вот почему мы прячем лица. Вот почему стараемся не ходить туда, где нет охраны.

— И что же мы можем сделать? — спрашиваю я.

— Убить их, — отвечает Дженин.

За зиму я и Лука подкопили силенок достаточно, чтобы уверенно сидеть в седлах. Теперь мы в составе своего отряда проходим переподготовку. Учимся взаимодействовать с новыми, афганскими подразделениями. Войска Койна пополнились сразу двумя сотнями таких «добровольцев». По большей части это дааны, но есть среди них и газалы, и пактианы. Вол, старший наш командир, ходит мрачный. В дополнение ко всем новшествам с появлением дикарских отрядов на него свалилось великое множество рутинных проблем. Тут и языковая неразбериха, и финансовые непонятки, а также всегдашняя тягомотина с довольствием, снаряжением, теплой одеждой, расквартировкой и т. д. и т. п. Но главное, конечно, научить этих чокнутых, восседающих на мохнатых лошадках головорезов сражаться так, как сражаемся мы.

Мне лично нравятся молодые афганские удальцы. С некоторыми из них я сближаюсь и даже пытаюсь с их помощью отыскать брата Шинар, чьего имени, правда, так пока и не знаю. Ясно ведь, что нам с ним нужно потолковать, чтобы снять все вопросы. Раз уж он сам пошел

к нам на службу, вряд ли связь Шинар с маком может по-настоящему его злить.

Но что-то эти ребята темнят. Почему — не пойму. Не доверяют они мне, что ли? Да нет вроде бы доверяют. Улыбаются, хлопают по плечу. Афганская племенная система родства походит на разветвленное дерево. Она, конечно, сложна, на взгляд чужака, но тем, кто разбирается в ней, служит не хуже справочника и позволяет найти кого угодно. Однако в моем случае результата все нет.

Зато двое братьев, знакомых мне по Баграму, панджшеры Какук и Хазар, завербовавшиеся в войска Мелеагра, выражают готовность прикончить для меня этого невесть где обретающегося родича моей милой. Их племена состоят в давней вражде, убийство лишь добавит им славы. Я благодарю их, но предложение отклоняю.

— А нельзя ли мне как-нибудь откупиться? — спрашиваю я. — Взимаются же у вас отступные за кровь. Ну и я заплачу за обиду. Тогда брат примет Шинар назад?

— Обязательно, — заверяет меня Какук. — А после убьет ее.

Я начинаю понимать, что в последнюю тысячу лет сознание афганцев вообще не менялось. Местные дикари верны прошлому пуце, чем самые косные и патриархально настроенные македонцы. За примерами далеко ходить нечего. Рядом с городом Бактра создаются три тренировочных полигона — «Полумесяц», «Вдовый Плат» и «Рогач». Вол, Стефан и прочие командиры сколачивают из даанов учебные эскадроны и пытаются научить их правильному кавалерийскому строю — формировать клинья, атаковать «колени к колену». Сначала варварам объясняют, как выполняются те или иные маневры, показывают в деталях, что делать. Есть ли вопросы? Кому что неясно? Судя по жестам, понятно все и решительно всем. Остается лишь закрепить урок практикой. Звучит труба — и наши новоиспеченные союзники начинают носиться с дикими воплями туда-сюда, засыпая «врага» дротиками и стре-

лами. На какие только ухищрения не идут командиры, чтобы заставить их действовать регулярным порядком. Им даже задерживают жалование, урезают пайки. До сих пор мне еще не случалось видеть, чтобы наш Стефан выходил из себя, но эти ребята, похоже, способны довести его до удара. Сколько ни бейся, само представление о том, что скопление разрозненных конников может действовать как единое целое, остается им чуждым.

Каждый дикарь сражается сам по себе, старясь заслужить похвалу главы клана. Пуще всего бесит невозмутимость, с которой они выслушивают пылкие тирады наставников. С ними просто с ума сойдешь. Они улыбаются. Не возражают, не спорят. Те, что хоть как-то лопочут по-гречески, повторяют приказ слово в слово. А толку никакого. Звучит труба, и они снова начинают носиться по кругу.

Какук с Хазаром охотно объясняют мне, в чем тут загвоздка. Их послушать, так афганцы вовсе не против того, чтобы выучиться воевать в македонской манере. Дело не в них. А в их лошадях. Лошади просто не дают им действовать по-другому. Скачут и скачут себе, как хотят.

Уже успев малость попривыкнуть к здешней манере выражения мыслей, я понимаю: братья вовсе не имеют в виду, что держать строй им и вправду не позволяют лошадки. Нет, этому препятствуют их сердца. Македонский способ ведения боя, когда весь отряд действует как один человек, по здешним понятиям недостоин мужчины. В этом нет чести. Это по-женски. Для сына степей цель любого сражения заключается в том, чтобы проявить себя, отличиться перед товарищами. Как говорят даны, «поцеловать Смерть в уста». Это их воинский идеал, но он достижим только для одиночки — нельзя же целоваться со Смертью всем скопом. Вот почему они, хоть убей, не могут строиться клиньями и атаковать «колени к колену».

Когда я выкладываю эти свои соображения Стефану, тот сразу вникает в их суть. Отныне все наши попытки превратить диких туземцев в цивилизованных македонцев прекра-

щаются. Что, вероятно, и правильно, но не решает другой проблемы, касающейся меня лично. Поэт тоже помнит о ней, он спрашивает, как нам быть с братом Шинар.

Надо сказать, мои товарищи, как и приятельствующие со мной афганцы, придерживаются единого мнения: этого мало необходимо убрать. Правда, Стефан — противник кровопролития. Достаточно просто отыскать негодяя и выставить вон из лагеря. Все равно он наверняка втайне шпионит для Волка: вся их разбойная братия такова.

Но я не сторонник столь резких мер. Должен найтись какой-нибудь другой выход.

За зиму мы со Стефаном еще более попритерлись друг к другу, чему немало способствовала совместная дополнительная работа. Валяясь в госпитале, я от нечего делать стал помогать ему составлять для разведки реестр даанских племен, поскольку единственный из нашей братии малость кумекаю в их языке.

По-персидски «даан» означает «разбойник». С точки зрения жителей Бактры, верных последователей учения Зороастра, все эти северные племена суть человеческое отребье, но мы со Стефаном так отнюдь не считаем. Например, в пресловутых даанах нас часто дивят их смелость, честность, порядочность и отзывчивость. Вот массагеты (в чьих лапах я побывал) — те да, тем симпатизировать трудно. Их дом — седло, они себялюбивы, невежественны, заносчивы, бьют плетью своих женщин и пытаются врагов. Дааны тоже, конечно, не паиньки и такие же дикари, но без излишней жестокости, что ли. Эти люди всегда жили в ужасающей бедности, по местным меркам получаемое у нас ими жалованье просто огромно, однако в день его выдачи они, как матросы, сошедшие после долгого плавания на берег, обычно пускаются во все тяжкие и порой пропиваются подчистую, даже и не пытаюсь отложить хоть медяк. Скардность, алчность неведомы им, ростовщичество тоже. Попроси даана о помощи, и он отдаст тебе все,

что имеет, думать не думая о возврате должка, а уж тем более о каких-то процентах.

Эти дети степей вообще не склонны задумываться о завтрашнем дне и живут лишь текущим мгновением. Я в жизни не видывал столь беспечных людей. Если они не воюют, то пируют, было бы только на что. Жару и холод дааны переносят с одинаковым равнодушием, боль и наслаждение в их представлениях неразделимы, так же как роскошь и нищета. Они любят хвастнуть, но никогда не жалуются и ничуть не злопамятны, если размолвка не дает повода к кровной вражде. Поставленный на часы даан не покинет свой пост, даже если над ним разверзнутся небеса, а посланный гонцом проскачет в одиночку сто миль по пустыне, насмерть загонит лошадь и скорее умрет, чем не выполнит поручение. Да, они ненавидят нас за то, что мы вторглись на их священную землю, однако можно быть абсолютно уверенным, что взятый на службу даан в бою тебя не предаст. Но можно также не сомневаться, что по истечении договора этот храбрец, если его наймет на службу твой враг, будет биться с тобой с той же яростью. Дааны верны слову, веселы, великодушны. Даже если они подчас и ведут себя как отъявленные мошенники, на них невозможно сердиться. Например, мзда, положенная в чью-либо волосатую лапу, в их понятиях, есть знак хорошего тона, способ выказать расположение или дружескую приязнь. Эти люди порой ужасают, порой восхищают, но не воздать им должное просто нельзя.

Я уже так окреп, что меня допускают к участию в завершающих зимних учениях. Задействована вся армия, командует сам Александр. Условия тренировочной схватки настолько приближены к боевым, что и люди, и кони получают нешуточные ранения, в полудюжине случаев со смертельным исходом. Мне поручают отвезти одного паренька, которому дротик, пущенный из катапульты, пробил насквозь шею, в Бактру.

Когда я заявляюсь в госпиталь, Шинар там не оказывается и никто не может сказать, куда она подевалась. Испугавшись, уж не добрался ли до строптивницы ее братец, я галопом мчусь в лагерь. Там Шинар тоже нет. Я нахожу ее только после полуночи в доме Илии, на полу маленькой кухоньки. Возле нее хлопочут Дженин и Гилла. Шинар лежит на боку. Даже под одеялом ее бьет дрожь, ковер под ней заплыл кровью.

Нет, братец явно тут ни при чем.

Она вытравила плод.

Я знаю, Дженин оказывает женщинам такие услуги.

Мне все понятно с первого взгляда.

Я убит горем. Мне жаль неродившееся дитя и жаль Шинар, но больней всего меня жжет сознание, что моя возлюбленная решила на этот шаг тайно, когда я был в отлучке. Еще я знаю, что если даже попытаюсь сейчас утешить ее или предложить ей какую-то помощь, то наткнусь на стену молчания или отговорок.

— О, Шинар! Зачем ты это сделала? Почему не сказала мне?

Как ни странно, Шинар отвечает. Она боялась, что я брошу ее. Она плачет. Я опускаюсь рядом с ней на колени.

— Шинар.

Я слышу собственный голос, он удивительно ласков.

— Шинар.

Гилла поддерживает подругу. Дженин прижимает льяную тряпицу к лону, откуда продолжает сочиться кровь.

— Скажи, с тобой все в порядке?

— Нет, — отвечает она.

Мои мысли скачут. Что приспособить вместо носилок? Как доставить Шинар к лекарям? Я трогаю ее влажный лоб и вспоминаю о других случаях, когда она исчезала или отсутствовала.

— Ты делала это и раньше?

Она не отвечает.

Я обращаюсь к Гилле и Дженин.

Они отмалчиваются.

Впрочем, какие слова могут иметь сейчас значение, кроме тех, что роятся в моей голове.

— Никогда не смей больше так поступать, — заявляю я, бросая свирепый взгляд на ее двух товарок. — Ты меня поняла, Шинар? Если ты еще раз учинишь над собой что-нибудь этакое, нам и вправду придется расстаться.

Она потеряла много крови. И продолжает терять. Необходимо срочно переправить дуреху туда, где ей будет оказана помощь. Не понимаю, как она вообще понесла? Женщины, следующие за армией, умеют предохраняться. Как можно было позволить себе зачать малыша, когда, с одной стороны, вокруг шныряют свирепые родичи с земляками, а с другой — я никогда ничего ей не обещал? Говоря честно, держался так, будто и впрямь в ней совсем не нуждаюсь.

А может, Шинар меня любит?

Эту мысль я сразу же отметаю. Не потому, что она так уж невероятна (в конце концов, эта гордячка уже больше года делит со мной постель), а исходя из приобретенного опыта. Всякий раз, когда мне кажется, будто я что-то постиг в своей вздорной красотке, она что-нибудь тут же выкидывает — и все мои заключения летят в пыль.

О себе же я полагаю, что отношусь к ней неплохо, но умею держать свои чувства в узде. Однако сейчас вдруг обнаруживаю, что обнимаю ее с поразительной нежностью. К глазам подступают слезы. Я напрягаюсь, стараясь не дать им волю. Шинар чувствует мое напряжение и истолковывает его по-своему.

— Ты сердишься. Ты меня бросишь.

Я обнимаю ее еще крепче.

— Бросишь?

— Нет, — говорю я, сам удивляясь твердости своего голоса. — Но ты должна кое-что для меня сделать.

— Что?

— Позволить мне тебе помочь.

В госпитале о ней позаботятся, ведь она там не чужая. Поместят, конечно, в солдатское отделение, но в городское крыло — там и условия попрличнее, и уход. Выкидыш нашим лекарям не в диковину, они их видали-перевидали.

Я торопливо выкладываю ей все это, пока она слабой улыбкой не дает мне понять, что имеет какое-то представление о месте своей работы.

— Боюсь, я не смогу идти, — еле выговаривает бедняжка.

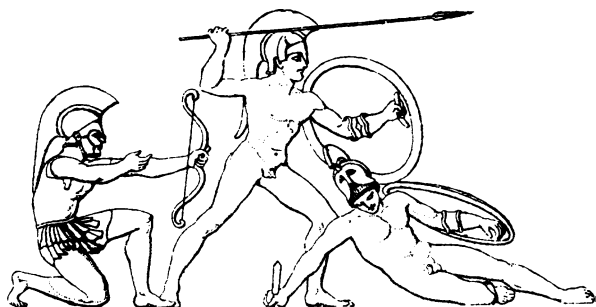
— Я понесу тебя, Шинар. Я совсем не сержусь. Мне только жаль и тебя, и ребенка... — «Нашего» хотел я сказать, но не смог. — Малыша, которого нас лишила людская жестокость.

Шинар обнимает меня и пытается приподняться.

— Помоги мне, Матфей, — шепчет она.

Книга шестая
БОЛЬШОЕ
НАСТУПЛЕНИЕ

Что свидетельствует о том, что местность покорена? То, что окрестные поселения принимаются поставлять вам провизию.

Зимой продовольственные отряды объехали множество деревень, договариваясь со старейшинами о заготовке съестных припасов и фуража, которые армия по пути следования будет потом забирать за хорошую плату.

И вот мы движемся по намеченному маршруту, но нигде никаких складов нет.

Вступая в каждую мелкую деревушку, мы просто умоляем старейшин, ради них же самих, собрать хоть что-нибудь для приближающихся войск. Если солдаты ничего не найдут, страшно представить, чем все это обернется. Крепких мужчин в селениях не осталось, все они отправились к Спитамену. Мы имеем дело с одними старыми пердунами, а те наотрез отказываются что-либо предпринимать, равно как и покидать свои халупы.

Что с ними будет?

— Да ничего такого, чего не случилось бы с ними раньше, — ворчит Стефан.

Южнее Окса Афганистан изрезан зубчатыми, охристого цвета горами, между которыми лежат голые, пыльные, безжизненные долины.

В каждой долине разбросано множество укреплений — древних, изрядно обветшавших прибежищ вечно грызущихся между собою племен. Те форты, что поосновательней, македонцы переустраивают и размещают в них гарнизоны, остальные сравнивают с землей. Нам выпадает случай провести пару дней с инженерной командой, и словоохотливый руководитель работ показывает любознательному служивому люду, что в его деле к чему. Раньше я как-то не задумывался об этих вещах. Обнеси лагерь прочной каменной кладкой — и вот тебе цитадель. Но, оказывается, одной несокрушимости маловато: хорошая крепость должна являть собой звено в целой цепи подобных твердынь, обязательно рассредоточенных так, чтобы их гарнизоны имели связь и возможность в случае нужды прийти друг другу на помощь.

Многое значит и расположение цитадели — ей надлежит господствовать над округой и контролировать подступы к своим стенам.

Современная система взаимосвязанных укреплений вполне способна сбить спесь с любого нагло решившегося атаковать ее войска. Прорвав первую линию обороны, противник наталкивается на вторую и бестолково мечется в зоне всестороннего массированного обстрела. Обустройством таких капканов и занята наша военная инженерия. Обходясь только подручными материалами и минимальным набором инструментов, эти парни неутомимо латают полуразвалившиеся афганские крепостишки, творя при этом настоящие чудеса.

Наш отряд движется на север, патрулируя свой кусок территории, обеспечивая порядок. Дорог здесь нет, только припорошенные пылью плато со змеиными извивающимися следами, обмелевшие речные русла да выветренные ущелья. Навстречу нам вереницами тянутся беженцы. Женщины, закутанные так, что видны лишь глаза, несут узлы с пожит-

ками на головах, за ними плетутся усталые дети и изнывающие от зноя собаки. Стариков везут в тачках. Иных, совсем дряхлых, тащат на волокушах истощенные, еле переставляющие ноги ослы.

В прошлом году всех этих бедолаг повязали бы, чтобы потом продать в рабство, но ныне мы на них даже не смотрим. Кому они нужны? Кто их купит?

Эти изгнанные из своих хижин афганцы полны решимости преодолеть сотни миль, хотя понятия не имеют, что ожидает их за далекими горизонтами. Похоже, они так же тупы, как и упрямы. Впрочем, нарик та? Какая разница?

Выехав на гребень холма, мы придерживаем коней и оглядываемся. Над парой десятков разоренных селений поднимается дым. Ну что тут скажешь? Спустившись к очередной деревушке, мы опять будем убеждать селян спасти свои шкуры, и они нас опять не поймут. Не слушают они нас, вот и все, — по глазам видно, не слышат.

У Шинар тоже бывают такие глаза. Так смотрела она на меня в кухоньке Дарии, где истекала кровью, вытравив плод. Так глядят афганские матери, в чьи дома врываются маки, чтобы схватить и утащить во тьму их сыновей. Гнев и боль в этом взгляде не главное, их застигает всепоглощающее смирение, покорность той неведомой силе, которую мы зовем неизбежностью и в которой они зрят божественное начало.

Так смотрят животные, а не люди, так смотрели бы камни. Этой печали можно бы посочувствовать, но сострадание тут неуместно, потому что туземцы просто пропитаны ненавистью и отвращением к нам. Стараться облегчить их участь значит свалить дурака, ибо в душе они если и не счастливы в том смысле, который вкладывают в это понятие жители Запада, то по меньшей мере едины со своим бытием и не испытывают никакого разлада.

Кто мы такие, чтобы учить их иному?

Ко мне рысцой подъезжает Флаг.

— Эй, опять думаешь?

Я смеюсь.

— Небось о своей девчонке, а?

Он уже слышал о «хвори» Шинар. Да и все уже знают.

— Почему бы тебе на ней не жениться?

— Точно, вот будет парочка.

— Выпravi обратную подорожную, — говорит он, имея в виду боевое увечье, позволяющее мне бросить службу, — и вези ее в Македонию.

Мы рысим по плоскогорью настолько безжизненному, что там нечем поживиться не только нам, но и нашим лошадам.

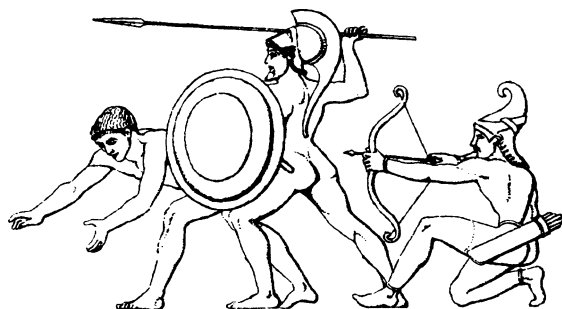
— Я толковал с ней, ты ведь знаешь, — говорю я, махнув рукой. — Насчет того, чтобы забрать ее отсюда. От всего этого. Обещал все устроить.

— Ага, — усмехается Флаг. — Я и сам обещаю. Всякий раз.

— Нет, — сержусь я. — Я серьезно.

Флаг смеется:

— Я тоже.

Армия продвигается вперед пятью колоннами, покрывая по фронту пространство в двести восемьдесят миль. Командуют соединениями Гепфестион, Птолемей, Пердикка, Койн с Артабазом (совместно) и сам Александр. Зоны между наступающими войсками именуется «волчьими», это враждебные территории, где невозбранно рыщут неприятельские шайки. Чтобы их урезонить, в пустыню высылаются патрули.

Существуют три типа подобных вылазок — прощупывание, глубокое зондирование и разведка боем. В первом случае рейды производятся малыми группами (по два, по три человека), но во втором и особенно в третьем требуется уже гораздо больше бойцов (численность их иногда возрастает до сотен). Задачи вылазок всегда схожие: поиск врага, оценка его мощи (желательно с захватом «языков») и возвращение назад со сведениями, могущими позволить нашим колоннам уберечься от нападений на марше и самим принять меры к преследованию и уничтожению обнаруженного противника.

Перед большим наступлением Александр собирает всех своих воинов в Бактре у подножия Бал Тегриб (Каменной горы). Если понадобится

ся, возведенная на ней крепость может свободно вместить и сто тысяч солдат.

— Братья, вы устали от этой войны?

Армия взрывается громкими криками.

— Я тоже! — восклицает Александр. — Клянусь царством Аида, я тоже!

В своей дальнейшей речи наш государь сравнивает Афганистан с огромным неприбранным помещением, где он собирается навести чистоту. Борьба с лишним мусором начнется прямо от Бактры. Мы двинемся на север, подавляя всякое недовольство и перетряхивая каждое, даже самое отдаленное и незначительное, селение. Да, соглашается Александр, нам предстоит покорить тот самый край, который мы в ходе прошлогодней кампании уже вроде бы завоевали. Но на сей раз мы сделаем это окончательно и бесповоротно.

— Всех командиров прошу зарубить на носу: словосочетание «очаги сопротивления» мне теперь ненавистно. Даже не думайте употреблять его в своих донесениях и отчетах!

Его заявление тонет в оглушительном солдатском реве.

— Никаких очагов, никакого сопротивления! Все не склонившиеся перед нами враги должны быть отброшены на север, к Оксу, а там и дальше, уже за Яксарт. На очищенной территории мы создадим надежную сеть укреплений. Мы отсечем вероломных мятежников от баз снабжения. Перережем все пути доступа к ним и будем находить и уничтожать неприятеля везде, где бы он ни пытался укрыться, чтобы повсюду, от Бактры до Диких Земель, земля пылала у него под ногами! Чтобы ему не удавалось найти ни клочка зеленой травы для коней, ни пяди тени, способной укрыть от палящего солнца. Такая вот работенка, друзья, ожидает вас этим летом. Но когда она будет выполнена, мы не отправимся отдыхать. Мы продолжим погоню, чтобы настичь врага в его собственном логове и добить, навсегда с ним покончив. Я лично не собираюсь опять зимовать во всем этом аду! Надеюсь, и вы, парни, тоже!

Ответом ему служит грохот: воины стучат копьями о щиты.

— Спитамен! Вот голова гидры. Отрубим ее, и тварь сдохнет. А потому для нас главное — навязать Волку бой.

Особенно Александр подчеркивает одну вещь. В ходе боевых действий как наши крупные формирования, так и отдельно взятые подразделения неминуемо рассредоточатся на обширнейших территориях, подчас теряя друг с другом регулярную связь. Поэтому всем командирам, включая и младших, предоставляется не ограниченное ничем право принимать самостоятельные решения.

— Не оглядывайтесь на ставку! Исходите из обстановки. Смело берите ответственность на себя. Не бойтесь, я никому не позволю вас в чем-либо обвинить. Ищите Волка! Наседайте на зверя! Гоните его к ближайшему из наших основных корпусов. Обещаю вам, братья, тот, кто доставит мне Спитамена живым или привезет его голову, получит награду. Талант золота — неплохая цена.

Над долиной, как это бывает в преддверии лета, катится гром, но он гложет в восторженных возгласах многотысячного собрания.

Ужинаем мы в молчании. Я, Флаг и Стефан. Через какое-то время поэт замечает:

— Послушать его, так все просто, а?

— А чего ж сложного? — отзывается Флаг, привставая и почесывая свой зад.

Поутру армия выступает из Бактры. Сам царь ведет крайнюю правую колонну, ту, что движется по древнему караванному тракту к Кирополю вдоль отрогов Паратака. Наша колонна, которую ведет Койн, соседствует с царской на удалении в шестьдесят миль. Еще западней параллельными тропами движутся корпуса Птолемея, Пердикки и Гефестиона. Целые сутки уходят только на то, чтобы все эти силы покинули город, а еще пять — на расстановку войск по маршрутам. При этом разделяющие их (кое-где шириной в два дня скачки) пространства следует как-то контролировать. Существующих раз-

ведывательных отрядов для этого недостаточно, в связи с чем срочно формируются новые патрули.

В один из таких полевых отрядов попадаем и мы, нами командует Стефан. Новость хорошая, за патрулирование положена дополнительная оплата, отличившись, можно сорвать премиальные, да и чувствуешь себя в таком рейде вольготней, чем в общем строю. При этом как-то забывается, что лишние денежки начисляются не за приятное времяпрепровождение, а за повышенный риск. И то сказать, дело, в какое мы сунулись, едва ли не самое опасное из всех тех, что до нас приходилось когда-либо и кому-либо выполнять.

Это ведь вовсе не шутки — передвигаться по незнакомому беспокойному краю малыми (пять — десять воинов) группами, вдали от опорных пунктов и крупных воинских подразделений, полагаясь лишь на шикари, которые наверняка работают на врага, а если и нет, то готовы работать.

Если мы замечаем противника, возникает необходимость известить об этом колонну. Нужно послать гонца, о чем афганцы, естественно, тоже догадываются. Ничто не мешает им выждать, а потом перехватить одинокого всадника или пару, если мы решим вдруг подстраховаться. Хуже того, при достаточном численном превосходстве вражья шайка может расправиться и со всем патрулем, отрезав его от основного отряда. Чаще всего здешние головорезы предпочитают атаковать на закате или на рассвете, когда тени гуще, а среди скал, в ущельях и за утесами царит крошечная тьма. На открытой же местности отличным прикрытием степнякам служат вихри, взметающие столбы пыли. Дикие всадники внезапно выскакивают из ниоткуда, хотя можно поклясться, что только что вокруг не было никого. Ни в тылу — вы ведь там проезжали, ни впереди — вы ведь выслали дозор. Им все на руку — и слепящее глаза солнце, и дождевая завеса, и поглощающая следы грязь. Их обнаруживаешь, лишь когда они нападают.

Враги используют и другие уловки, например заманивают вас в засаду притворным бегством, а то подгоняют к тропе

отару овец или стадо. При скотине лишь кучка подростков, но когда маки, потеряв бдительность, устремляются за добычей, коварные степняки тут как тут. Александр пытается закрепить господство над территорией, создавая опорные пункты, но каждой крепости нужен гарнизон, а гарнизон нуждается в провианте. Вот наше уязвимое место — ведь перехватывать и связных, и обозы на голых пустошах не составляет никакого труда.

В те сорок три дня, за которые армия перемещается от Бактры к Наутаке, наше подразделение совершает двадцать один рейдовый выезд. В девяти случаях мы обнаруживаем противника, обкладываем, наблюдаем за ним, пытаемся устроить засаду. К сожалению, враг всякий раз предугадывает наши намерения и ускользает. Никому, ни восточным, ни западным патрулям, не удается найти Спитамена.

Многие полагают, что пустыня потому так и зовется, что она пуста, то есть необитаема. Не тут-то было. Порой просто поражаешься, какая тьма кочевых скотоводов успешно кормится на бесплодных просторах. Причем каждый козопас здесь — дозорный, каждый караванщик — разведчик.

Где бы ни находился Волк, он узнает о нас задолго до нашего приближения. И как же нам, спрашивается, наседать на него, если мы даже не можем выйти на его след? Пустыня столь велика, что способна поглощать целые армии. Они в ней тонут, как камушки в море.

Неудивительно, что подобная обстановка начинает расшатывать дисциплину и подтачивать боевой дух солдат. К разведотрядам это, разумеется, не относится, нам просто некогда расслабляться, но пехтура в общем строю изрядно утомлена однообразием бесконечного марша и всем прочим, с ним связанным, то есть жарой, пылью, мозолями на разбитых ногах, доставшим всех суховеем, ночной холодиной и вечными боевыми тревогами. Бедных парней, и так спящих в обнимку с оружием, вдруг ни с того ни с сего поднимают и заставляют бежать неизвестно куда с целью устроить какую-то дурацкую

засаду. Это бы еще ладно, но после с удручающей регулярностью выясняется, что они прибыли или слишком рано, или слишком поздно, или вовремя, но не в то место, или, наконец, что хренов враг по своему хренову обыкновению опять улизнул у них из-под носа и что его теперь ни за что не догнать.

С моей стороны было бы не совсем честно не упомянуть еще об одном факторе, существенно влияющем на состояние войск. Я имею в виду хмель и дурь. В ходе кампаний, ведущихся по всем правилам, отцам-командирам всегда известно, когда состоится сражение, и интенданты в зависимости от полученных сведений накапливают запасы того или иного зелья, в нужный момент широко раскрывая свои закрома, чтобы подбодрить павших духом солдат, подавить в них уныние и тревогу. Афганистан эту практику отвергает, тут ничего предвидеть нельзя. Бой может вспыхнуть в любое мгновение. Результат ясен, парни глушат в себе беспокойство, когда только могут и чем только могут. И вином, и всем прочим, но надо сказать, что наши афганские волонтеры покруче всех в смысле дури. Этим «союзничкам» жизнь не в жизнь без черного назза или без джута — сока, выжатого из листьев некой местной пустынной колючки. Глоток-другой этой выжимки прогоняет усталость и сон.

Сей чудодейственный эликсир быстро распространяется среди маков. Я тоже посасываю его, как и все. Джут можно покупать у даанов и саков, а можно и добывать — степь ведь рядом. Человека, к нему пристрастившегося, легко узнать по болезненной худобе, впалым щекам, дряблым мышцам, но зато он отличается необычайной выносливостью, может без усталости преодолевать огромные расстояния и подолгу обходиться без пищи. В здешнем бесплодьи, где всю провизию необходимо переть на закорках, джут становится столь серьезным подспорьем, что от него отказаться трудненько, да, собственно, и зачем?

На пятьдесят первые сутки большого похода двое наших разведчиков обнаруживают тянувшийся по пустыне вражеский караван. Сорок вьючных животных и столько же конников движутся по ночам: днем афганцы находят укрытие и там отсиживаются. Нас в разъезде тридцать два человека, включая двоих шикари и четверых местных погонщиков мулов. Исходя из реального соотношения сил, Стефан принимает решение не завязывать бой, а послать за подкреплением. Отрядив гонца, он отбирает еще пару парней — Каланчу и Квашню. Первый получил свое прозвище за редкостно высокий рост, второй — за столь же редкостно рыхлое телосложение. Хакуну, одному из наших проводников, велено обеспечивать скрытность перемещения маленького дозора, которому вменяется со всей осторожностью следовать за противником, в то время как весь наш патруль уходит за десятильную каменную гряду, чтобы под ее прикрытием держать тот же курс. В этом краю поднятая копытами пыль видна издали и выдает даже одинокого всадника, не говоря уж о целом отряде.

На следующее утро патруль выбирается из-за гряды, но ни Каланчи, ни Квашни что-то не видно, а там, где, по нашим расчетам, должен бы обретаться вражеский караван, обнаруживается нечто злое — огромный, вытоптаный в траве крест. Расходящиеся следы конских копыт. Наши туземцы боятся двигаться дальше. Стефан рассылает всадников по всем направлениям, чтобы проверили, нет ли засады, а сам с Флагом скачет вперед. Нигде ничего, кроме развороченной копытами почвы.

Потом их внимание привлекают вороны, что-то выклевающие из черной земли.

Стефан и Флаг спешиваются, отпугивают птиц и находят вертикально, столбами врытые в землю обезглавленные тела Каланчи и Квашни. Хакун исчез. Убит? Уведен врагами? Или

сам присоединился к ним, предав людей, рассчитывавших на его помощь?

Дикари зарыли наших товарищей еще живыми, оставив торчать наверху только головы, а потом то ли сшибли их с плеч копытами, то ли отсекли, получив таким образом окровавленные снаряды для какой-то своей мерзкой конной игры.

— И этих кровожадных зверей наш царь нанимает на службу, — вздыхает Стефан.

Однако при всех издержках, в том числе и трагических, большое наступление развивается в целом успешно. Где-то под Наутакой наш отряд навещает историограф Коста. Все-таки надо отдать ему должное — этот малый от самой Бактры шастает туда-сюда по пустыне в сопровождении пары слуг и единственного проводника, сказать кстати, даана. От него мы узнаем о столкновениях, произошедших на западе и востоке. Колонна Гефестиона только в одном сражении уничтожила более пятисот дикарей, а Александр перехватил немало крупных разбойничьих шаек, пытавшихся обойти его левый фланг. Вскоре и нас вовлекают в серьезную стычку.

Караванная дорога, ведущая в Мараканду, пролегает по широкой травянистой долине, которую туземцы прозвали Озерной (Тошома), ибо в пору зимних дождей та затапливается почти целиком. Именно там на второй месяц похода крылья формирований Койна и Птолемея зажимают врага и устраивают большую резню.

В войне, ведущейся теперь нами, главное — это преследование. Не давать разгромленным дикарям скрыться, гнаться за ними по пятам и нещадно уничтожать всех бегущих — вот единственный способ нанести неприятелю наибольший урон, а потому мы неотступно выискиваем рассеявшихся по Озерной долине врагов, при этом команда Стефана перестает быть отдельной и возвращается под начало Вола.

Задача наша проста — находить варваров и лишать жизни.

— Возвращаетесь, уложив всех, или вовсе не возвращайтесь, — напутствует нас Вол.

Между карательными подразделениями возникает жутковатое соревнование, чей реестр трупов будет длинней. Никому не хочется уступать, поэтому мы истребляем любого, кто, на свою беду, оказывается на нашем пути. Пленных не берем, если кто и сдается, его все равно убивают.

Мы загоняем варваров в горы и не отстаем до тех пор, пока не зарубим последнего беглеца. Ничто не может остановить нас. Противник бросается врассыпную, но мы прочесываем степь гребнем. Прочешем хоть сотни миль, нам плевать, но выловим каждого и прикончим.

Единственный действенный способ унять партизан — это их массовое уничтожение. Тотальный террор, цель которого — посеять среди местного населения ужас. Такой ужас, чтобы никто даже помыслить не смел о какой-то борьбе.

Эта тактика широко использовалась македонцами по всей Азии и всюду себя оправдывала. Но здесь, похоже, она не срабатывает. Афганцы слишком горды, слишком привычны к лишениям и слишком свободолюбивы, а потому смерть для них предпочтительнее подчинения. Чем больше мы свирепствуем, тем с большей яростью и ожесточенностью они набрасываются на нас. Все поголовно. Женщин и детей мы опасемся пуще мужчин. Их люто́сти нет предела.

Афганская почва впитала реки пролитой нами крови, но это нимало не помогло нам ни сломить боевой дух противника, ни хотя бы разъединить племена, стравив их друг с другом. Нет, каждая акция устрашения лишь сплачивает туземцев, разжигая в них ненависть к завоевателям и заставляя забыть о былой застарелой вражде.

Когда операция в Озерной долине подходит к концу, весь наш отряд вымотан до крайности. Под защитными шапками, без которых в пустыне много не навокуешь, наши волосы, пропитавшись пылью и потом, слиплись и свалялись так, что их не берут ни гребень, ни бритва. Ногти на руках и ногах обломаны до корней. Одежду не снять, ее приходится резать.

Вонища стоит — просто жуть. Мы так грязны, что все бегущие с гор потоки не способны смыть эту грязь.

Наши кони — это кожа да кости, как и мы сами. Мы разучились есть, забыли про сон, потому что во время этой безумной гонки держались исключительно на дурмане. Назз и джут стали нашей каждодневной потребностью, а от нормальной еды нас несет. Дорвавшись до вина, мы лакаем его как воду и тут же мочимся — оно льется сквозь нас. Мы практически не разговариваем друг с другом. Это лишнее. Зачем попусту утруждаться, когда Флаг, например, и так знает, когда и о чем я думаю. А чтобы сообщить что-то Луке, мне достаточно с ним всего лишь перемигнуться. Пусть на полном скаку, все равно он поймет. Мы стали как лошади, тем тоже без слов все понятно.

Прах Каланчи и Квашни мы возим с собой, пока в северной оконечности Озерной долины не находим подходящее место для погребения. Урнами служат кожаные мешки, но мы не закладываем их внутрь каменных пирамид. Мы вообще пирамиды не ставим. Зачем? Ведь они неизбежно привлекут внимание степняков, а те их разрушат и осквернят останки. Нет, мы закапываем мешки, а сверху громоздим валуны, следя за тем, чтобы выбитые на них имена и погребальные надписи были вдавлены в землю. Над могилами мы исполняем гимн павшим, сложенный Стефаном.

Чтобы гонять по пустыне база,
Не обойтись нам, парни, без назза.
Зато не надо еды и питья,
Не надо мытья, не надо бритья,
Ни чистой одежды, ни даже надежды.
Достичь невозможного можно, друзья,
Лишь с верою в то, во что верить нельзя.

Лука таскает с собой повсюду пергаменты, в которые никому не дает заглянуть. И никому не говорит, что в них. Но сегодня его пронимает. Ночью он признается. Это его дневники.

У них есть название: «Письма, которые я никогда не отправлю домой».

Там перечисляется все, что мы делаем, день за днем.

Это не пересказ пережитых событий. Просто перечень.

— До отправки из Македонии, — говорит Лука, — верховая езда была неотъемлемой частью нашей жизни. Естественной и привычной, как дыхание. Мы поутру не задумываясь седлали лошадок и усаживались на них. Помните?

Ну вот, а теперь мы поднимаемся и принимаемся убивать людей. Убиваем весь день и ложимся спать, зная, что завтра продолжим это занятие. Оно стало неотъемлемой частью нашей жизни. Естественной и привычной, как дыхание. Мы не задумываясь беремся за рукояти мечей.

Он говорит о безумной гонке последних дней, о том, до чего мы все дошли, и о том, что никто из нас не посмеет рассказать правду о происходящем сейчас никому из домашних, ибо не встретит понимания даже у видавших виды, отмеченных боевыми наградами ветеранов прошлых, цивилизованных войн. Поэтому наши письма на родину — это какая-то запредельная проза, повествующая еще меньше, чем ни о чем.

Последние его слова встречаются мрачным смехом. Сам Лука даже не улыбается. Он продолжает:

— Мы смотрим на лица наших друзей, двадцатилетних мальчишек, но те выглядят как пятидесятилетние старики, и мы с ужасом понимаем, что и сами выгладим так же. Но никому из нас нет пятидесяти. Нам всего лишь по двадцать! Или нам теперь разом и по двадцать, и по пятьдесят? Говорите, этакое невозможно. Но мы уже совершили много такого, что прежде считалось невозможным, немыслимым, такого, о чем без стыда не поведаешь никому...

Кости брошены чересчур высоко.

— Кончай, Лука! — кричит кто-то.

— ...никому, кроме своих товарищей. Им можно. Им все не в новость. Они и так знают нас! Знают лучше, чем мужья знают жен, лучше, чем знаем себя мы сами. Мы привязаны

к ним, они к нам, словно волки в стае. Само разделение «мы и они» бессмысленно. «Мы» — это «они», а «они» — это «мы». Наша команда представляет собой единое целое. Со смертью одного умирает частица каждого. Личное мнение? Его больше не существует. Мы становимся неспособны к независимому мышлению, да и вообще к любым суждениям, если они не касаются жратвы, выпивки или блуда. Где наш враг? Кто он таков? У нас нет ответа. То мы гоняемся за ним по горам, то носимся по равнинам. Вот и все, что мы знаем. Вот и все, что мы тут творим. Вот и все, что мы... мы...

Ну, хватит. Теперь Лука достал и меня. Я дергаю его за руку.

Он поднимает взгляд.

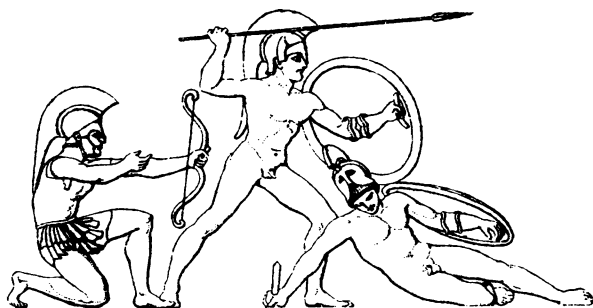
— Ну почему ни один дерьмовый пачкун не напишет об этом? Стефан, ты у нас книжник. Отчего бы тебе не воспеть это все в своих строфах?

Наш командир и вожак поднимается и говорит Луке, что на том ему лучше бы свою речь и закончить.

— Ты устал, друг мой.

В глазах Луки отражается пламя костра.

— Да, — соглашается он, — я устал. Ты даже представить себе не можешь насколько.

В середине лета, двадцать восьмого десуса, армия добирается до Мараканды. Там меня поджидает письмо из Бактры — от брата Филиппа. Илия умер.

Мне до сих пор трудно в это поверить, но Илию отравила Дария, его женщина. Ее поймали с поличным в госпитале, когда она подмешивала аконит в пищу других раненых. Видимо, она давала ему яд маленькими порциями всю зиму.

Прах Илии у меня, я хочу отослать урну домой, матери. Нечего ему тут оставаться...

Я словно поражен громом. Нет, это невозможно. Руки сами раскатывают письмо до конца. Я проверяю, точно ли там стоит подпись Филиппа. Как это, Илия мертв? Мы ведь не так давно виделись, каких-то три месяца назад, и все с ним было нормально.

Прости меня, брат, за столь горестное известие, но считаю необходимым напомнить, что, согласно правилам, если один из состоящих на службе братьев погибает, другому пре-

доставляется право сопроводить прах умершего на родину. Ты должен сделать это, Матфей. Я уже подал соответствующее ходатайство по команде. Думаю, за одобрением и получением разрешения дело не станет...

Домой? Мысли скачут, но их прогоняет одна: об этом не может быть речи. Ну как я брошу Луку, Флага, Стефана? Нет, товарищей я не оставлю.

Ноги не держат, приходится сесть. Письмо я передаю Флагу. Тот, молча просмотрев его, передает дальше — ребята читают.

Все потрясены. И не столько смертью Илии (его любили, но смерть на войне — дело обычное), сколько тем, как он умер. Неожиданно победа в этой кампании начинает казаться еще менее достижимой.

Но если доставленная почтовыми службами горькая весть напрямую касается лишь меня, то новость, дошедшая самоотком, всем нам не в радость. Оказывается, нет ничего удивительного в том, что наши разъезды никак не могли напасть на след Спитамена. Пока мы, высунув от усердия языки, рыскали по пустыне, Волк этой самой пустыни орудовал в нашем тылу. Два месяца назад он, переправившись через Окс с шестью тысячами конных даанов, саков и массагетов, захватил Бани Мис и два возведенных там нами прошлой зимой опорных пункта. Наш полководец Кратер, курирующий Центральный Афганистан, с превосходящими силами устремился к нахалу, но по уже заведенной традиции нанес удар пустоте. Неуловимый враг ушел на север и растворился в бескрайних степях.

Я немедленно отправляю Филиппу ответное письмо с вежливым отказом от его предложения.

Илия. Он был...

Неужели я теперь принужден всегда говорить о нем в прошедшем времени? Как мне выдержать это?

Илия был матушкиным любимцем: переживет ли она эту утрату? Сумеет ли наша сестренка Елена помочь ей справиться с горем?

Сообщил ли им Филипп, чье злодейство низвергло Илию в иной мир?

Следующие десять дней тянутся как все сто. Я раздавлен печалью. Скольких близких мне уже довелось лишиться, начиная с отца!

В этом мрачном списке Толло, Тряпичник, Блоха, Костяшка, Факел и Черепаха, Каланча и Квашня.

А теперь Илия.

Меня обступают воспоминания.

В последний раз я виделся с братом как раз перед большим наступлением, в Бактре, он попал тогда в лазарет. Поранил ногу, причем не в бою — наступил на гвоздь в нужнике. И смех и грех. Но лекарям не до шуток — чтобы избежать спазма, ему отворяют жилы. Пускают кровь. Это вроде бы помогает.

Я навещаю его дважды. Брат в добром расположении духа. Потом я провожу шесть недель на полевых учениях, а когда возвращаюсь, в госпитале меня ждет записка — Илия переехал на постой в частный дом.

Я чешу по адресу, захожу — правая нога брата задрана, и сразу видно, что ступня ампутирована. Точнее сказать, часть ноги на шесть пядей ниже колена.

— Эй, братец, да у тебя что-то рожа позеленела, — смеется Илия. — Ну-ну, не переживай. Я, почитай, выиграл то, о чем мечтает любой солдат, — подорожную к дому.

Дария с ним. Она спит на коврике возле его постели. Мы толкуем о том о сем. Обо всем, кроме случившегося. Но стоит мне посмотреть на брата, и я не могу сдержать слез.

— Эй, Матфей, да у тебя глаза на мокром месте! Это не по-солдатски.

Дария приносит чай и кунжутные лепешки. У меня щиплет под веками, когда я смотрю, с какой нежностью она ухаживает за братом.

Илия говорит, что армия чуть не доконала его и что он сыт ею по горло, потом советует мне перейти из строевых частей в тыловые. Лучше всего устроиться где-то при штабе. Он подействует. У него есть зацепки. По правде сказать, он уже присмотрел для меня непыльное местечко. Мы спорим. Я с пеной у рта доказываю, что служу с замечательными парнями и подвергаюсь гораздо меньшей опасности, чем иное дитяtko, посапывающее в материнской постельке.

— Это не игра, Матфей.

Я говорю, что мне это известно.

— Уложишь одного врага, за ним встают два.

Мой брат лишился главной своей любви — армии. И печаль одаряет его чем-то вроде ясновидения.

— Послушай, Матфей. Я намерен наставить тебя. Внушить тебе, как ты должен сражаться, чтобы выстоять в этой войне. А ты должен меня со вниманием выслушать и потом действовать в соответствии с наставлениями, ибо я и опытнее тебя, и старше — что по годам, что по чину.

Он заставляет меня пообещать ему это, удерживая своим взглядом мой взгляд. Так делала матушка. Глаза у него стальные.

— Никогда не сочувствуй врагам. Знай, что бы они ни сказали тебе, все это ложь. Бойся их женщин больше, чем их самих, будь к ним особенно беспощаден. А приказы брать пленных для последующей продажи в рабство, не раздумывая, пропускай мимо ушей. Убивай всех подряд. Это единственный способ выбраться отсюда живым.

Брат окидывает меня угрюмым взглядом.

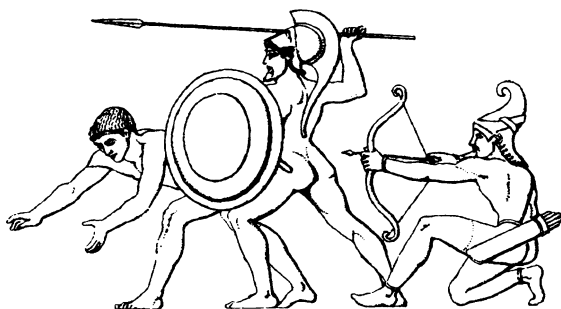
— Я хорошо тебя знаю, Матфей. Чем дольше пробудешь ты в этой стране, тем больше тебе станут нравиться ее люди. Ты начнешь восхищаться их доблестью, боевым мастерством и любовью к свободе. Тебе захочется видеть в них примерно таких же нестигаемых патриотов, как наши горцы, конечно же отличающиеся от нас, но, несомненно, заслуживающие уважения.

Выбрось все это из головы. Сколь убедительными ни казались бы такого рода соображения, отринь их, или они не доведут тебя до добра. Мы здесь, и мы должны победить. Вот все, о чем ты должен помнить. Чем быстрее мы сумеем вложить базам разума, тем будет лучше — и для нас, и для них.

А сейчас слушай с особенным тщанием, ибо я скажу тебе самое важное.

Зря мы сюда сунулись. Базы — лучшие воины в мире. Превосходящие даже нас, а поскольку они сражаются за свободу, их дело правое. И не пытайся уверить себя в ином — только свихнешься. Дерись с ними так, как дрался бы с самим адом. Не ищи в этой войне чести, тут ты ее не стяжаешь. Если сможешь, постарайся разжиться подорожной домой. А не сможешь — круши всех без разбору.

Мы по-прежнему в Мараканде. Я получаю от Шинар два пакета. Писать она не умеет и присылает подарки: сласти, бисер, фигурку лошадки, вырезанную из рога. Просто удивительно, до чего я растроган. Я зарегистрировал Шинар в плане ойкос. Ей положили приличное содержание, равное половине моего жалованья. Во втором пакете я обнаруживаю записку, нацарапанную на потертой коже со значком наемного писца с базара. У этого «грамотея» нелады с греческим, но Шинар в том не виновата.

Я иди в Мараканду. У Гиллы родился сын. Солдаты убили Дарию за твоего брата. Я принести твою плату. Если ты найти другую женщину, я делать свой путь.

Ну вот, Лука уже папаша, а Гилла, кстати, даже не удосужилась его известить. Извещаю я: он по-своему рад, и вся наша компания тоже. Мы зажариваем гуся, чтобы отметить это событие.

— Знаешь, — признается мне спьяну Лука, — я ведь продолжаю писать домой, своей невесте. Все-таки я подлец и трус.

Он помолвлен с моей двоюродной сестрой Тели, чудесной девушкой, которая его обожает.

— Прости меня, Матфей. Остается лишь ждать, что меня убьют. Тогда мне не придется ее огорчать.

Вот до чего доводит людей нечистая совесть. Надо ж такое сморозить. Мы ржем. В конце-то концов, все мы ждем, что нас убьют.

Лука признает, что с Гиллой ему хорошо, хотя это его удивляет.

— Ну кто бы мог подумать? Она такая красивая и так хорошо заботится обо мне. Мы даже разговариваем, она все понимает. С ней мне не надо притворяться, будто я лучше, чем есть. Она со мной, вот и все. Почему так выходит? Скажи, девушки, которых мы оставили дома, могли бы относиться к нам так же?

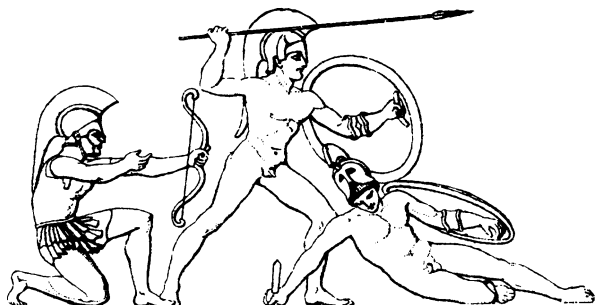
Я чуть не ляпаю, что вряд ли хоть одна из тех девушек подсыпала бы кому-нибудь из нас отраву, но успеваю вовремя прикусить язык.

— Эта чудачка ничего от меня не требует, — убежденно продолжает Лука. — А ведь, оставаясь со мной, она отрекается от своей семьи, от своего рода-племени и рискует собственной жизнью.

Он качает головой. И обещает мне разобраться с Тели.

— Эй, Лука, а домой ты когда-нибудь собираешься? — спрашивает один из наших парней, рассеянно озирая руины крестьянской халупы, среди которых мы пьем.

— Да я и так дома, — отвечает мой друг.

Мараканада — украшение Согдианы. Это тот самый город, откуда Александр дважды изгонял Волка и который Волк дважды брал. Именно сюда шла наша колонна, когда ее неожиданно повернули, чтобы Спитамен с его скифами и согдийцами порубил нас в лапшу.

С запада Мараканду ограждает полукольцом Охристый кряж. Он не настолько высок, чтобы задерживать несущие дождь облака, зато его зубчатое обрамление делает город похожим на драгоценный камень, заключенный в искусно сработанную оправу. Приближающийся к нему с юга путник словно вступает если и не в волшебное царство, то уж во всяком случае в некий оазис, обособленный и хорошо обжитой. Доступ туда предваряется двумя предместьями, разделенными мутной извилистой речкой. В Бан Агар проводятся конские ярмарки, там больше площадок, загонов, конюшен, Балимиотр же являет собой мало чем примечательное скопление разнородных лачуг.

Верхняя Мараканда расположена на вершине крутого утеса, склоны которого обустроивались и укреплялись веками. Штурмовать такую твердыню — большая морока. Видимо, персы

учли это обстоятельство, когда возводили там царский дворец, утопающий ныне в дивных садах, сохраняющих прохладу даже под немилосердно палящим афганским солнцем. Сейчас резиденцию повелителей Персии занимает Александр со своим окружением. Армия разместилась внизу, разбив палаточные городки по обоим берегам прихотливо петляющей водной артерии, ширина которой в зависимости от погодных условий столь же прихотливо меняется. Летом река то сужается до двух сотен локтей, то разливается на четверть мили. Бывает, она мелеет так, что собачонка может перебежать ее, не замочив брюхо, и уж, само собой, вода в ней не очень-то подходящая для питья.

Почему мы торчим здесь в разгар лета, когда самое время развивать наступление и закреплять свой успех? Мараканда не в состоянии содержать нашу армию, ее и один-разъединственный корпус непомерно бы обременил. Но войскам надо где-то спрятаться от бесконечного ветра и хоть как-то прийти в себя. Людям требуется дней двадцать, чтобы оправиться после рыскания по пустыне, да и животных желательнее подкормить чем-нибудь посущественнее сухой травы да верблюжьей колючки. К тому же ожидается прибытие обоза с тяжелой кладью и с нашим жалованьем, вот что нас радует пуще всего.

Караваны навьюченных золотом мулов движутся по спокойному краю, по землям, очищенным нами от разбойничьих шаек. С этой задачей, по крайней мере, мы справились, и довольно успешно. Плохо, однако, что пять наших боевых корпусов ни во взаимодействии, ни в самостоятельном поиске к основным силам противника так и не подобрались и представления о планах Волка у Александра по-прежнему нет. Все, что мы смогли сделать, — это прогнать на север какие-то племена.

Конечно, курочка клюет по зернышку, но в данном случае курочка чересчур велика и, похоже, подслеповата, ибо хитрец Спитамен сумел-таки проскользнуть мимо нее незаме-

ченным и основательно помять ей хвост. Что порождает в стоящей под Маракандой армии нервозность и раздражительность. Люди начинают задумываться, а привело ли наше хваленое наступление хотя бы к каким-нибудь результатам.

В итоге пьянство, и без того всегда у нас процветавшее, делается совсем уж махровым. Наверху тоже пьют. Все военные совещания обыкновенно заканчиваются попойками, и отголоски возникающих там пьяных ссор без промедления отзываются в солдатской массе.

Александр распекает своих командиров. Действия проутюживших степь корпусов подвергаются безапелляционному осуждению. Да, вы вели себя вроде бы правильно, но где в таком случае Спитамен? Как он мог оказаться в нашем тылу? Наступление на север было предпринято с целью связать неприятелю руки, лишить его инициативы. Но вся инициатива снова у Волка, а нам достается хорошая оплеуха.

Вообще-то не в обычае Александра виноватить кого-то. Его и любят как раз за душевную щедрость. Ответственность за любой чужой промах наш царь всегда готов взять на себя. Но, видимо, горечь разочарования столь велика, что он теперь сам не свой. Как говорит Флаг: «Это проклятое место допечет, кого хочешь».

Еще Александра достает-допекает бывший командир царского отряда «друзей» Черный Клит, сейчас возглавляющий вместе с Гефестионом элитные верховые бригады. Этот пятидесятитрехлетний герой многих войн до мозга костей пропитан духом старого македонского корпуса. В афганской кампании он не с первого дня. Так вышло, что ему довелось где-то с год проваляться в госпитале Экбатаны за тысячу с лишком миль от этих мест. Там еще живы настроения персидской войны, да и сама армия в целом прежняя, греко-македонская по составу. Затем Александр вызывает Клита к себе, проча его в наместники Бактрии, и того просто ошарашивает разноплеменность новонабранных государевых войск, чья пестрота от Кандагара до Бактры все возрастает, а в Мараканде делается уж совсем запредельной.

Клит видит мидийцев и персов, каких он бивал. Те опять в полной силе. Кавалерийские формирования, прежде сплошь алые от македонских плащей, теперь подернуты серебром леопардовых шкур. Это гирканцы, за ними плещутся змеевидные вымпелы сирийцев и каппадокийцев. Александр прямо на глазах Клита принимается насыщать свою конницу согдийскими и бактрийскими верховыми, и, хуже того, он целыми шайками берет на довольствие даанов, саков и массагетов. Все это враги, но жалованье у них порой выше, чем даже у коренных македонцев. Тех, например, что тянут солдатскую ляжку во всегда беспокойных греческих городах.

Клит ярый патриот Македонии. В юности он был оруженосцем Филиппа. Именно ему было доверено нести маленького царевича в обрядовую купальню, где того нарекли Александром. А потом через годы в битве при Гранике Клит спас молодому македонскому царю жизнь.

Поэтому он не намерен молчать и громко говорит о том, что ему ненавистно. Его слышит армия. И разумеется, Александр.

Вам, если вы любознательны и чтите прошлое, должно быть известно, что однажды ночью, во время особенно буйной попойки, Клит позволил себе оскорбить государя. Товарищи выволокли пьяного полководца из зала, однако он не замедлил вернуться, чтобы продолжить свои поношения. Распалаясь все пуще и пуще, прославленный командир посмел назвать Александра ничтожным правителем и мошенником, всеми своими триумфами обязанным более одаренным военачальникам, таким как он сам, Клит, а также Парменион, Филота, Антипатр, Антигон Одноглазый, короче, все те, кого теперь, облыжно обвиняя в предательстве, устраняют, лишая воинских почестей и наград.

Несомненно, наслышаны вы и о том, как выведенный из себя Александр выхватил из рук стоявшего рядом телохранителя копьё и метнул его Клиту в живот. Осознав в то же мгновение, что он только что обагрил свои руки кровью честного воина и старинного друга, Александр пал на тело Кли-

та, моля Небеса воскресить мертвеца. Он даже пытался заколоться тем же копьем, но Гефестион, Птолемей и все прочие мигом протрезвевшие участники пиршества успели обезоружить его. Закрывшись наглухо в своих покоях, Александр провел там безвылазно трое суток, отказываясь от еды и питья, пока друзья не сумели убедить его прервать затворничество, ссылаясь на то, что оно пагубно сказывается на состоянии войск. Или он не в ответе за тех, кто идет с ним?

Я тут вовсе не собираюсь вставать на чью-либо сторону. Оправдывать, например, Александра (можно ли вообще оправдать убийство?) или там сожалеть об участии Клита, которого погубил собственный пьяный демарш. О чем мне хотелось бы сказать пару слов, так это об армии. О том, как она все это восприняла.

Честно говоря, ни один солдат не клял Клита, хотя тот и заслужил свой конец. Получил то, на что нарывался.

Когда Александр наконец появляется перед войсками, он походит на привидение. Он не выступает с какими-либо обращениями и не поручает никому сделать их за него. Он приносит жертвы богам. Хоронит Клита с почестями. Вершит погребальный обряд.

Этого достаточно. Это вышибает слезу. У всех: у рядовых, у младших чинов и у старших. Люди падают на колени и возносят хвалу богам.

Царь жив!

Мы спасены!

Но Мараканда, наш сад и оазис, становится нам ненавистной. Мы не можем дождаться, когда покинем ее. Где он рыщет, этот Волк? Надо найти его и убить.

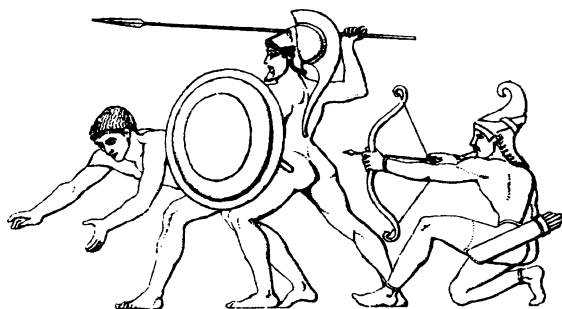
Армия должна снова сделаться прежней.

Только вот возможно ли это?

— Во всем виновата проклятая страна, — ворчит Флаг. — Эта забытая богами страна.

Книга седьмая
ВОЛЧЬЯ СТРАНА

Там, где над самым южным изгибом Яксарта гордо вздымает ввысь свои пики Скифский Кавказ, находятся неприступные, созданные самой природой твердыни, именуемые Тор Джирайя — Черные Бороды. Собственно говоря, это горы, на чьих плоских вершинах раскинулись богатые сочными травами и неиссякающими источниками луга, доступ к которым издревле защищен сплошными отвесными скалами. Туда-то, как доносят разведчики, Спитамен и увел семь тысяч согдийских и бактрийских конников, прихвативших с собой своих женщин и скарб.

Задуманную операцию Александр называет «Летний гром». Он сам возглавляет ее, собрав в единый кулак формирования Птолемея, Полиперхона, Койна и заместителя Кратера Биаса Ариммы. Объединенные силы насчитывают двадцать четыре тысячи человек. Сейчас для нас главное — скорость. Мы должны добраться до Черных Бород прежде, чем Волк успеет или бежать, или устроить нам ловушку.

Из Бактры с прочими подразделениями выступают Серебряные Щиты, опытные тяжеловооруженные пехотинцы, цвет личной гвардии Александра. Их кавалерийское сопровождение обеспечивает мой брат Филипп.

Он находит меня в лагере возле Малого Полимета, речушки, прокладывающей себе путь среди солончаков и зарослей тамариска.

Последний раз я видел брата, когда мне было пятнадцать.

— Должен сказать, что я очень на тебя зол, — заявляет он после первых объятий и прочувствованных приветствий.

Филипп старше меня на четырнадцать лет. На его форменном плаще красуется серебряный орел — знак принадлежности к командирской элите. Он очень высок, кажется, даже стал выше, чем был. Я теряюсь, меня так и подмывает вытянуться перед ним в струнку.

Филипп огорчен моим отказом сопроводить домой прах Илии, хотя его сердит отнюдь не неуважение к памяти нашего брата. Дело тут только во мне, точнее, в стремлении Филиппа уберечь меня, услав подальше от Афганистана. Когда я повторяю доводы, приведенные в письме, и заявляю, что не могу оставить товарищей, он аж рычит, не в силах справиться с охватившим его раздражением.

Дураку ясно, он любит меня. Не любя, так не злятся. У меня щиплет глаза.

— Прости, Филипп. Но Илия и сам уклонился бы от этой обязанности.

Впервые за все время встречи мой брат улыбается. Я подмечаю, что борода его поседела, волосы цвета воронова крыла, нависающие надо лбом, потускнели, колени, это видно по походке, утратили гибкость — то ли от ран, то ли от повреждений. Конников часто вышибают из седел.

Я угощаю его вином. Он передает мне форменный пояс Илии, шерстяной, желто-коричневый с черным, а потом рассказывает, как тот умер и что случилось с Дарией.

— Находясь в заточении, она попыталась покончить с собой, приняв яд, который ухитрилась пронести в узилище, но ей промыли желудок, чтобы потом казнить по всем правилам. Знаешь, она ведь была первой афганкой, представшей перед нашим военным судом.

От защиты Дария отказалась, никаких заявлений делать не стала. Ее распяли.

Шинар мой брат тоже видел.

— Она сама нашла меня в Бактре на съемной квартире. Поначалу я принял ее за уличную побирושку и, когда девочка залопотала на правильном греческом, не знал, что и думать. Потом она показала мне ойкос на твое имя.

Филипп смеется:

— Ну, наш малыш повзрослел, сказал себе я тогда.

Брат исхлопотал Шинар, а также Гилле с ребенком Луки подорожные для следования в Мараканду. Они придут туда с тяжелым обозом дней, наверное, через десять. Мне, к сожалению, встретить их не удастся. Мы к тому времени будем в Тор Джирайя.

— Сколько тебе осталось трубить до окончания срока, — спрашивает Филипп.

Я отвечаю как есть.

— А что?

— Да то, что мы найдем способ разорвать договор. Я хочу, чтобы ты сошел с этой кривой дорожки.

Надо же, он говорит вполне серьезно. И явно настроен потянуть за нужные ниточки.

— Что удерживает тебя в этой клоаке? — спрашивает он. — Долг? Любовь к родине? Родина далеко, да и вообще, позволь мне позаботиться о ее интересах. От нашей семьи этого будет вполне достаточно. Деньги? Это и вовсе нелепица: ты уже задолжал армии больше, чем тебе причитается по контракту.

Он смотрит на меня с раздражением.

— Не понимаю я тебя, Матфей. Чего ради ты горишь тут свою жизнь?

Я спрашиваю, а ему-то какая забота, но Филипп на грубость не реагирует и, опустив голову, отвечает, что не может позволить себе потерять еще одного брата.

В принципе, нам пора бы убраться куда-нибудь с людских глаз, на нас уже обращают внимание. Мы спускаемся к реке,

вдоль которой погонщики мулов растягивают для просушки веревки. Весь берег на сотни локтей расчерчен тугими струнами, алыми от вечернего солнца. Когда мы оказываемся одни, я говорю:

— Филипп, ты ведь сам понимаешь, что я не могу бросить ребят. И уж тем более теперь, когда близится битва.

Брат поднимает глаза. Они у него бесконечно усталые.

— Позволь мне сказать кое-что, чего, наверное, ты не знаешь. Эта война скоро закончится. При всех наших разочарованиях тактика Александра приносит плоды. Новые крепости вскоре отрежут Спитамена от юга, опустошенные нами селения уже не снабжают его припасами, а то, что мы покупаем туземцев целыми племенами, истощает его людские ресурсы. Оксиарт и другие вожди — все, кроме самого Волка, — отчетливо понимают, к чему идет дело. Они тайно шлют гонцов к Александру. Переговоры ведутся прямо сейчас. Мир не за горами. А то, на что ты рассчитываешь и с чем связываешь свои надежды, как раз за горами. Это таинственная и якобы баснословно богатая Индия, но я там уже был. Поверь мне, в Индии нет ничего, кроме дождей, ядовитых змей и полуголых факиров.

Отправляйся домой, — продолжает Филипп. — Выслужив полный срок, ты ничего хорошего не добьешься, но, чего доброго, станешь калекой, а то и вовсе расстанешься с жизнью. Я слышал, как обошлась с тобой твоя невеста Даная. Теперь ты свободен. Что тебе мешает? Можешь взять с собой свою афганскую крошку. Возвращайся и возделывай отцовскую землю.

— Это твоя земля.

Кажется, он готов ударить меня, но мимо нас, проверяя крепость веревок, проходят двое погонщиков. Они скрываются за каким-то пригорком, и брат нарушает молчание:

— Прости меня, Матфей. Но когда ты так говоришь, мне кажется, я слышу голос...

Илии, хочет он сказать, но не может.

— Подумай, как странно мне видеть тебя солдатом, когда... Длинные волосы падают ему на лицо, он отбрасывает их назад темными, загорелыми пальцами.

— ...когда в моей памяти ты был всегда малышом.

Он плачет.

Мы бредем вдоль реки. Солнце клонится к западу, окрашивая небо в жемчужный цвет.

— Знаешь, — тихо произносит Филипп, — мы с Илией разговаривали о тебе. Чаше и больше, чем ты полагаешь.

Он улыбается, будто вспомнив что-то приятное.

— Наши жизни мало что значили для нас обоих, а вот твоя всегда казалась нам невероятной драгоценностью. Может быть, потому, что ты младше нас.

Брат наклоняется и нагребает полную пригоршню плоских речных голышей.

— Толкуют, — говорит он, — будто человек становится старым, когда у него уже больше друзей под землей, чем на ней.

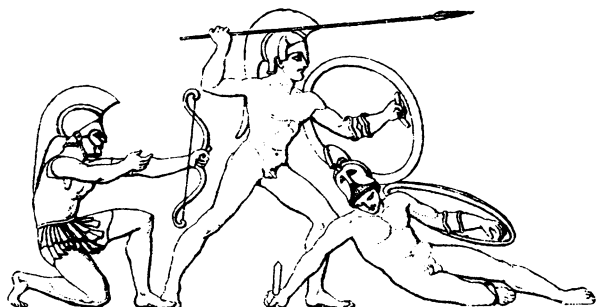
— И ты именно это и чувствуешь, да, Филипп?

Вместо ответа он вручает мне половину своей добычи. Мы пускаем голыши по реке, следим, как они подскакивают и тонут.

— Гляди, не кончи, как мы с Илией.

Брат отворачивается, смотрит на темную воду.

— «Солдат» вовсе не высокое звание, — говорит он. — Зверь есть зверь.

На следующий день колонна вновь резво движется к Тор Джирайя. Филипп впереди, с Серебряными Щитами.

Ниже я, как умею, попробую описать один эпизод нашего марша, может быть мало чем примечательный на фоне последующих событий, но тем не менее свидетельствующий о силе и глубине любви армии к своему Александру. Смерть Клита не прошла незамеченной, но это чувство поколебать не смогла.

Направив формирования Птолемея и Полиперхона в обход западных скифских отрогов, сам Александр с собственными отрядами, корпусом Койна и половиной снаряженного в Мараканде обоза устремляется прямо вперед. Два дня войска идут форсированным маршем, но на третье утро практически застревают в горном проходе под названием Ан Годжар (Брадобрей). Позднее таяние снегов образует целую грязевую реку, ярящуюся в теснинах. Я как гонец, доставивший в штаб депешу, имею возможность наблюдать всю картину со стороны.

Движение абсолютно застопорилось. Бурный поток шириной в выстрел из хорошего лука несется по ущелью, налетая по пути на огромные,

величиной с двухэтажный дом, валуны, разбиваясь о них и взметая вверх грязевые фонтаны. Грохот стоит такой, что и забравшиеся повыше солдаты могут переговариваться лишь криками. Ну, и как теперь перебраться на другой берег? Искать обходной путь означает потерять несколько дней, а с ними и то преимущество, какое дает нам внезапность атаки, на что изначально уповал Александр. Правда, и выбора вроде бы нет. Любой командир в столь аховой ситуации вынужден был бы пойти на попятный, и царь наш, похоже, оглядывая преграду, приходит к такому же заключению. Однако одно его присутствие само по себе побуждает людей действовать вдвое решительней, чем обычно.

Не дожидаясь никакого приказа, как говорится, на свой страх и риск саперы с механиками изучают склон, выискивая места, где можно устроить камнепад или оползень. Совместными усилиями мулов и рабочих команд, используя в качестве рычагов здоровенные бревна, огромные валуны, расположенные в критических точках, разом выворачивают из гнезд, и они уже сами скатываются по склону к реке. Зрелище потрясающее. Эффект тоже не меньший. Кажется, вниз, потерявши опору, съезжает чуть ли не половина горы. Правда, повернуть поток в сторону все равно не удастся, но, во всяком случае, оползень сильно сужает его. Потом в дело вступают лучники — они мечут на тот берег стрелы с прикрепленными к ним веревками. На каждой веревке — петля, и, хотя большая часть попыток набросить эти петли на что-нибудь оканчивается неудачей, обстрел продолжается до тех пор, пока два перекинутых через реку аркана наконец не натягиваются. Их долго дергают, проверяя, надежно ли они закрепились, после чего два очень сильных, но худощавых воина, раздевшись донага, чтобы максимально облегчить свой вес, приступают непосредственно к переправе. Со стороны кажется, что они ползут по паутинкам, которые вот-вот оборвутся.

Вся армия напряженно следит за ними, как за состязающимися на Олимпийских играх атлетами. Веревки раскачи-

ваются, храбрецы едва не срываются в бурный поток (даже пару раз окунаются в грязь), в то время как их товарищи то холодеют от ужаса, то воспаряют к вершинам восторга. Тому, кто доберется до другого берега первым, Александр обещал талант золота, второй доброволец получит талант серебра.

Когда победитель выбирается наконец на ту сторону и, обернувшись, поднимает руки, восторженный рев зрителей перекрывает все остальные шумы. Даже поток словно бы начинает вести себя тише. Дальнейшее уже не проблема: к веревкам привязываются канаты. Их перетягивают через реку, надежно закрепляют, и ко второй половине дня над преградой уже провешен веревочный мост, а к следующему утру наведен деревянный, с настилом, способным выдержать вес груженого мула, и с ограждением, чтобы животные не боялись.

Чудеса, да и только! Но за один одобрительный взгляд Александра люди легко их творят.

В результате две наши колонны оказываются в тылу противника гораздо раньше, чем Волк успевает опомниться. Койн с ходу штурмует первую из природных твердынь и вынуждает укрывшихся там дикарей отступить глубже. Дальше дело сложнее — ко второй Бороде подступиться можно лишь в одном месте, да и этот подступ перерезан глубоким ущельем.

Однако солдаты, следуя указаниям Александра, заваливают ущелье камнями и выворачивают туда клетки с землей, пока на четвертый день не перегораживают его полностью. К тому времени механики с помощью сотен собранных отовсюду плотников уже успевают изготовить передвижную осадную башню высотой в сорок два локтя, защищенную подъемными щитами и снабженную системой лебедок, тросов и валов, позволяющей протащить ее по насыпи и придвинуть к скалам вплотную.

То, что Волк ухитряется благополучно ускользнуть не только со всем своим войском, но и с женщинами, и с обозом, является непреложным свидетельством его недюжинной воинской одаренности. Этот маневр по праву может считаться

чуть ли самым блистательным в данной кампании. Враг уходит тайными, неведомыми осаждающим горными тропами под покровом тьмы. Мальчишки поддерживают огонь в сотнях сторожевых костров, так что маки, лишь заняв плато, узнают, что там пусто.

Однако, хотя Спитамен опять вышел сухим из воды, нельзя не признать, что в моральном плане он потерпел урон — и огромный. Именно на это обстоятельство указывает и летописец Коста в своем отчете, переправленном им в Афины через Сидон и Дамаск.

Варвары просто не в состоянии по достоинству оценить то блестящее тактическое мастерство, с которым Спитамен сумел вывести свое войско из-под удара и тем самым спасти его от казавшегося неминуемым полного уничтожения. В их глазах это не более чем ашан, то есть бегство, причем постыдное, по туземным понятиям. Кем вообще является сегодняшний наш противник? Он многолик. Это согдийский воин. Это овечий пастух. Это дикарь. Это торговец. Это и солдат, прошедший персидское обучение, и мальчишка, вооруженный только пращей. Волк ведет за собой знать и простой люд, доблестных бойцов и разбойников, патриотов, ищущих славы, и наемников, дерущихся за жизнь. Немало среди врагов наших тех, что хотят свести с нами счеты. За убитых сыновей или братьев, за изнасилованных сестер, за разоренные села. Но есть и такие, что видели от нас только хорошее. И тем не менее они нас с удовольствием бьют.

Вражеское войско собирается по весне и рассеивается со снегом. Иногда мужчины одной семьи воюют поочередно, поскольку и лошадь у них единственная, и комплект оружия тоже.

На что же годна подобная армия? С нашей точки зрения, ни на что, но так ли это? Нет, особенно если ее возглавляет такой вождь, как Волк. Он играет на всем, что способ-

но сплотить всех этих, подчас очень разных людей, а объединяет их прежде всего ненависть к захватчикам. Спитамен хорошо понимает, что афганцам в любом случае некуда деться, для нас же их родина вовсе не цель, а ступень.

Пора уяснить, что афганец дерется не так, как мы, и совсем не за то, за что мы деремся. Он сам себе голова, вольный охотник, прирожденный наездник и алчный разбойник, вечно рыщущий в поисках хоть какой-то добычи. Бактрийцы, согдийцы и в особенности их дикие союзники дааны, сакки и массагеты — это отнюдь не солдаты в том смысле, который вкладывают в сие понятие греки и македонцы, имея в виду людей дисциплинированных, стойких, привычных действовать заодно. Наши враги больше походят на невоспитанных недорослей: буйные, несдержанные, предельно самолюбивые, они легко воспламеняются и так же легко остывают. Спитамен, читающий в их сердцах лучше, чем они сами, знает, что ему просто необходимо в самом скором времени нанести Александру ответный удар, ибо в противном случае он рискует утратить доверие своего лихого, своенравного и в целом разбойного воинства...

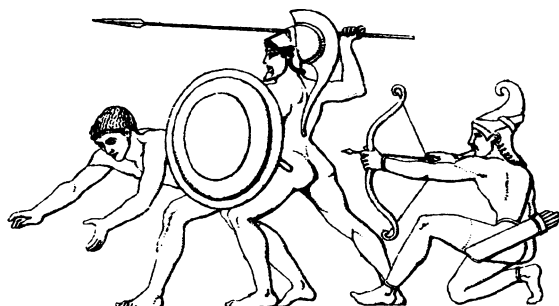
К концу лета маки одерживают еще несколько побед. Решающей ни одну из них не назовешь, но в результате Волк теряет свободу маневра. Гефестион закладывает сорок семь крепостей и опорных пунктов, в каждом из которых размещается пусть небольшой, но крепкий, способный оборонять окрестности гарнизон. К югу от Яксарта образуется единая сеть укреплений. Иногда это всего лишь смотровые башенки на высотках, однако они могут сообщаться друг с другом не только через гонцов, но также с помощью сигнальных огней или дыма. Где бы ни дернулся Спитамен, засекший вражеское движение пост тут же поднимет тревогу. Близится к завершению и строительство нового города — Александрии на Яксарте. Рвы откопаны, валы насыпаны, все готово к приему войск. В то время как Оксиарт и другие вражеские вожд-

ди с приходом зимы отводят своих людей в Скифские горы, чтобы отсидеться за снежными толщами, Александр стягивает корпуса Пердикки, Птолемея и Полиперхона к Наутакке и держит их в лагере в постоянной готовности. В случае надобности они должны ринуться либо на юг, к Кратеру, либо на север, к нам. Мобильность и слаженность — вот на что теперь ставит наш царь.

Инициатива перехвачена македонцами, и наше формирование получает задание вышибить Спитамена из его логовищ за Яксартом. Койну придается подкрепление в виде легкой пехоты под водительством Мелеагра, поддержанное четырьмя сотнями конных «друзей» Алкеты Арриды вкупе со всеми конными же гирканцами, бактрийцами и согдийцами из команды Аминты Николая. (Сам Аминта назначен наместником Бактрии, заняв тот пост, на какой прочили Черного Клита.) С этими силами Койну предписано найти, обратить в бегство и вымотать Спитамена.

— Выкурите Волка из норы, — гласит приказ Александра, присланный из Мараканды, — и отгоните в чистое поле. Там я с ним покончу.

В ходе этой операции я впервые встречаюсь с братом Шинар. Случается это так.

Наше соединение движется на север, к Александрии-на-Яксарте, с намерением переправиться в Дикие Земли. Однако несколькими днями раньше там случилась маленькая неприятность. Пустив вниз по течению горящие связки бочек и бревен, противник сумел разрушить оба наведенных через реку моста. Между тем корзины и так выбиваются из сил, чтобы закончить до холодов сооружение гарнизонного городка. В итоге задача восстановить переправу целиком и полностью ложится на нас.

В рабочие команды собирают весь трудоспособный лагерный люд. Под руку подворачиваются и нерегулярные, набранные в Южном Афганистане отряды, дожидаящиеся приказа о причислении к корпусу Птолемея.

Однако афганцы работать отказываются. По их разумению, это не мужское дело. А коли так, ни один из них и пальцем не шевельнет.

Вообще-то считается, что наемными дикарскими шайками командуют македонские офицеры, только вот приказы их доводятся до подчиненных через афганских маликов, которым в действительности и повинуются варвары. Сами понимаете, какого терпения требует эта практика от нашего Койна.

Все более раздражаясь, Койн призывает к себе двух видных афганских вождей, и, когда они вновь в его присутствии открыто выказывают неповиновение, их заковывают в цепи. Производится общее построение, чтобы все стали свидетелями наказания. Похоже, слушникам не избежать бичевания, а то и казни. Положение спасает Агафокл, тот самый разведчик, что допрашивал нас с Лукой после плена. Может, все было подстроено, я не знаю, только Агафокл в последний момент просит вынести этот вопрос на джиргу — племенной совет. Джирга созывается, но там нужен македонец, понимающий южные диалекты. Человек, способный проверить, точно ли все переводит афганский толмач.

В конце концов, как вы, наверное, уже догадались, эта морока поручается мне, поскольку Шинар здорово натаскала меня в своем языке.

Короче, сходка идет своим чередом, но в перерыве афганский толмач вдруг говорит мне, что он меня знает. Оказывается, этот малый доводится Шинар двоюродным братом, а родной ее брат служит с ним вместе, в одном отряде.

Признаться, тогда, закрутившись с делами, я не придал сказанному никакого значения. Лишь спустя несколько дней, когда и мосты уже восстановлены, и дело движется к выступлению, мне приходит в голову, что хорошо бы использовать появившийся шанс. Потолковать с братом Шинар, попытаться наладить с ним отношения, по крайней мере, разъяснить ему, что ничего дурного я не хочу.

Только не подумайте, что я без проволочек сажусь на лошадку и скачу в афганский лагерь. Как бы не так, сунешься туда без спросу, тебя и прикончат. Нет, сперва нужно послать туземцам дашар — своего рода заявку на встречу с извещением, кто ты таков, кого хочешь увидеть и с каким эскортом прибудешь на переговоры.

Со мной едут Флаг и Лука. День стоит ясный, но такой студень, что ломит кости. Меченый, Кулак и еще трое парней провожают нас до границы нашего лагеря и остаются ждать.

Брат Шинар встречает нас на лугу, сплошь устланном зимним клевером, с ним тот толмач, которого я уже видел, и еще

один родич. Вся троица тепло одета. Вооружены они «потрошителями» и железными копьями македонского образца. Дюжина вооруженных афганцев издали наблюдает за нами.

Вообще-то я представлял себе брата Шинар иначе. Он молод, всего на несколько лет старше ее, но глаза у него каменные, словно у древнего изваяния. Одет этот малый во все черное. Плащ на нем потертый, но пояс и перевязь пробиты серебряными заклепками, напоминающими об убитых врагах.

Я называю ему свое имя и протягиваю руку. В отличие от европейцев у афганцев рукопожатия не в ходу, они лишь слегка касаются твоей ладони кончиками своих пальцев, словно опасаясь заразы. Кроме того, у азиатов не принято изъясняться четко и ясно, равно как и глядеть в лицо собеседнику. Обычно они смотрят в сторону и что-то невнятно бубнят. Представляться тоже у них не в заводе: своего имени малый не называет.

Я чувствую, как напрягается за моим плечом Флаг. Он этих людей на дух не переносит и готов к любому подвоху. А вот Лука — сама безмятежность, чужие нравы или обычаи его не смущают ничуть.

Собственно, переговоры заканчиваются, едва начавшись. Брат Шинар явно не хочет общаться со мной и то и дело косится на старших, которые, видать, настояли на этом свидании вопреки его воле.

Я разочарован тем, как все складывается, но все-таки сообщаю ему, что у Шинар все хорошо, и выражаю желание вернуть девушку в семью. Он морщится так, будто я его чем-то пырнул.

— Ты хоть понимаешь, — говорит он на превосходном дари, — что мне не хотелось бы самому исполнять этот долг?

Поначалу до меня не доходит.

— Ты имеешь в виду опекать ее?

— Я имею в виду... — Он делает рукой резкий и все проясняющий жест. — С ней следовало бы покончить тебе.

Ах вот оно что! Мне вспоминается давнишний разговор с Елохом. Значит, и впрямь, по афганским понятиям, мое преступление вовсе не в том, что я сплю с Шинар и принуждаю ее жить среди чужеземцев.

Это, похоже, мелочи, это бы ладно, однако, спасши Шинар от расправы в горах, я, пусть и по неведению, нарушил нанг-вали, то есть взял обязанности ее родичей на себя. Вот что является моей главной виной, вот чего мне никогда теперь не забудут. Так, по крайней мере, настроены оба двоюродных брата Шинар. По глазам видно — они ненавидят меня. Чего, как ни странно, нельзя сказать о родном ее брате. Его взгляд кажется... укоризненным.

— Неужели, македонец, ты воображаешь, будто я желаю зла своей сестре? — говорит он. — Мне двадцать два года, и более сорока голодных ртов сыты лишь тем, что я добуду. В основном это дети и женщины.

Иными словами, у него многочисленная семья и он ее возглавляет. В Афганистане такое не редкость. Когда прочих мужчин выбивают, старшинство может переходить даже к безусым юнцам. Как и все бремя опеки.

— Мне приходится служить врагу для того, чтобы те, за кого я в ответе, не умерли с голоду.

Удивительно, но я проникаюсь к этому малому уважением. И лицо у него приятное, выразительное и умное.

— Кровь, которая должна пролиться в связи с этой историей, будет на твоей совести, а не на моей, — заявляет родной брат Шинар. — Хотя ты и твои соплеменники называете нас варварами, на самом деле это вы грубы и невежественны. Это вы не имеете ни малейшего представления ни о гордости, ни о чести. Тебе следовало бы убить ее, — повторяет он под конец, затем поворачивается и уходит по жухлому клеверу прочь.

Флаг смотрит на нас с Лукой:

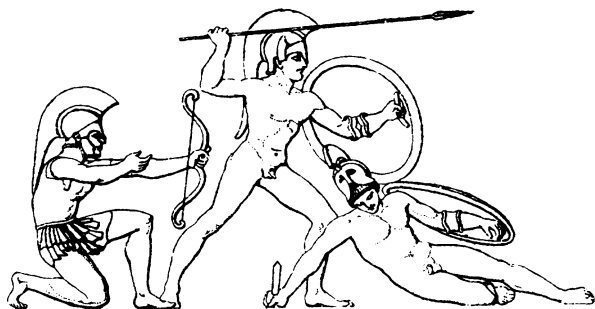
— Ну и что это был за спектакль?

Между тем двое других родичей Шинар все еще здесь. Они молча стоят в вызывающих, источающих ненависть позах.

— Как зовут вашего двоюродного брата? — спрашиваю я.

Старший из этой миленькой парочки окидывает меня взглядом и после затянувшегося молчания односложно отвечает:

— Баз.

В утро на Плеяды (первый день зимы) войска Койна пересекают Яксарт. Свистит ветер, над морозной степью вихрится поземка. Как уже сказано, мы охотимся за Спитаменом. Ощущение у всех такое, что приближается решающий момент.

Волка видели в восьмидесяти милях к востоку от границы, в селении под названием Габи. Это торговый форт, часто посещаемый массагетами. Они обычно наезжают туда по весне, перед откочевкой на юг. Но призыв Спитамена вполне может собрать их там и зимой.

Что-то назревает, это буквально витает в воздухе. Летописец Коста, у которого нюх на значительные события, едет с нами, так же как и Агафокл, офицер по особым делам.

— Клянусь Гадесом, — ворчит Флаг, — похоже, все мыши повылазили из своих нор.

Патрули рыщут по пустошам на севере и востоке. Наш отряд делится на три группы для охвата дополнительных территорий. Чуть ли не всюду изо дня в день мы обнаруживаем следы конских копыт: варвары двигаются не веером, как у них принято, но вереницами, чуть не шаг в шаг, чтобы скрыть, сколько их.

Суровая зима быстро вступает в свои права. Ручьи замерзают, живых ключей мало. Только мы находим подходящее место для лагеря, как примчавшийся к нам галопом гонец велит прервать патрулирование и со всей возможной поспешностью следовать в западном направлении.

В той стороне лежит продуваемая ветрами травянистая равнина Тол Нелан (Ничто). Там один из соседних разъездов наткнулся на вражеское становище. Довольно внушительное, варваров там несколько сотен, и явно воинское, а не кочевое, судя по отсутствию бесчисленных кибиток со скарбом, женщинами и детьми. Разведчики сумели остаться незамеченными и послали к Койну за помощью. Для участия в этой боевой операции Койн отзывает несколько патрулей, и наш в том числе.

Мы проводим в пути ночь и день, по дороге соединяясь с такими же маленькими дозорами, и в конце концов примыкаем к двум крупным отрядам ездовой пехоты, выделенным Койном из основных своих сил. Разведчики, первыми обнаружившие врага, перехватывают нас в десяти милях от дикарского стана и выводят в обход, по широкой дуге, к скрытым позициям, которые мы занимаем.

Всего патрульных собралось человек шестьдесят, помощь отрядам Койна от нас вроде бы небольшая, зато им приданы боевые машины: две тяжелых баллисты с неплохой (в четверть мили) дальностью поражения и несколько легких, мечущих дротики катапульт. В разобранном виде такой механизм везет один мул, в крайнем случае пара.

Командует операцией Леандр Аримма. Сам он из царской командирской элиты. С ним Агафокл и летописец Коста. Оба они явно ожидают чего-то. Леандр приказывает разбить опорный лагерь прямо на льду замерзшей реки, в двух милях от вражьего стана, и делит свои силы на четыре подразделения: три атакующих и одно заградительное, тыловое.

В данном случае это срабатывает. За два часа до рассвета патрульная кавалерия образует два легких — по тридцать

всадников в каждом — крыла, намереваясь со степной стороны насесть на вражьи фланги. Мы с Лукой состоим в южной команде. С первыми лучами рассвета дикари видят несущуюся к ним конницу. Одновременно в наступление идет пехотный отряд, ночью тайно расположившийся на ближних к становищу высотах.

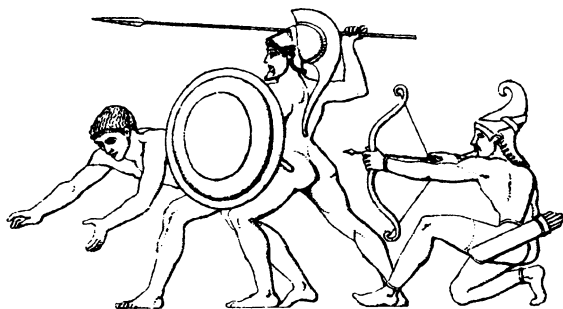
Варвары пускаются в бегство, избрав дорогой скованную льдом реку. Каждая лошадь несет двоих, а то и троих беглецов.

Когда поток пытающихся ускользнуть дикарей заполняет речное ложе, маки задействуют боевые машины. Выпущенные с расстояния в четыре сотни локтей десятифунтовые камни сыплются прямо в толпу, взламывая лед под копытами ябу. Ржание, вопли. Варвары в панике. Правда, не обходится без накладок. Наш командир Леандр, сгоряча бросившийся в атаку, сбит с ног снарядом, посланным македонской баллистой.

Схватка яростная, но предельно короткая. Ее результат — сорок пленных и шестьдесят низкорослых лошадок.

Плюс неожиданный приз.

Дерд, четырнадцатилетний сын Спитамена.

Вот так трофей!

Вокруг него образуется суцая свалка. Наши дааны шипят друг на друга, словно рассерженные коты. Мальчишку они знают в лицо еще по тем временам, когда служили его папаше, а сейчас ситуация усугубляется пущенным невесть кем слухом, будто за голову маленького волчонка отсыпят корзину золота.

Стефану и двум другим нашим командирам с трудом удастся отбить паренька. Чуть помятого, но вроде бы целого. Между тем выясняется, что, несмотря на все усилия полевых лекарей, возглавлявший операцию Леандр находится при смерти. Смертельно ранены еще трое маков. Внушает также опасения состояние дюжины пехотинцев, что первыми вломились в ряды отчаянно сопротивляющихся дикарей. Их раны тоже весьма серьезные, но есть надежда на лучший исход.

Мальчик держится хорошо. Взгляд его холоден и разумен.

Одет сын Спитамена как рядовой массагет: на нем сапоги, шаровары, длинный кетал (плащ) и шапка с наушниками. От прочих варваров юного пленника отличает только кинжал с оник-

совой рукоятью. Из-за этого дорогого клинка среди наших даанов тут же разгорается драка, да такая, что в суматохе несколькими массагетами удается вскочить на лошадей и удрать.

Не приходится сомневаться, что эти удачливые беглецы птицами понесутся теперь прямо к Волку, чьи войска прячутся где-то неподалеку, может, за ближайшей грядой холмов. Но, даже пребывая за дальними, а не за ближними горизонтами, Спитамен, разумеется, примчится сюда. Он не оставит удар без ответа и попытается вызволить сына.

Стефан и офицеры Леандра общими усилиями восстанавливают порядок, затем собирают совет, на котором как младшие командиры присутствуем и мы с Лукой. Первым берет слово Стефан. Нам известно, говорит он, что ядро сил Спитамена составляют бактрийцы с согдийцами, однако в разгромленном нами становище находились только кочевники — массагеты, саки, дааны. Следовательно, по степи кинут клич общего сбора племен.

— Как правило, эти ублюдки разбойничают отдельными шайками и сбиваются вместе, лишь когда какой-нибудь вождь затевает большой поход.

Он прав. Мы с Лукой, побывавши в плену, видели это собственными глазами.

Поддерживает Стефана и Коста.

— Вожди, усвоившие военные обычаи персов, — говорит он, имея в виду Спитамена, — берут на войну своих отпрысков, когда намереваются дать противнику решающее сражение. Предполагается, что сын должен либо стать свидетелем триумфа отца, либо, в случае неудачи, спасти его останки от поругания.

Как ни кинь — затевается большое дело.

Необходимо срочно известить обо всем случившемся командование, то есть послать к основным нашим силам гонца. Агафокл, большой чин разведки, заявляет непререкаемым тоном, что вне зависимости от причин появления сына Спитамена в степи столь ценного пленника следует как можно скорее

сопроводить к Койну, а там и к Александру. В сопутствующих назревающим событиям играх мальчику может быть отведена весьма важная роль. Упирая на это и на свое высокое положение, Агафокл приказывает Стефану выделить ему и подростку эскорт. Стефан, однако, отказывается исполнить приказ. По его мнению, затея безумна. Как только конвой выедет в степь, с ним тут же будет покончено. Пленника отобьют, а сопровождающих в лучшем случае просто прихлопнут. Все решится в какой-нибудь час.

Поэтому гораздо правильнее держаться всем вместе и в полном составе вернуться к колонне.

Оба офицера Леандра согласны со Стефаном. Будучи старше поэта по званию, они тем не менее признают его первенство. Боевые заслуги и опыт значат порой на войне много больше, чем ранг. Ведь именно Стефану удалось, когда Леандр вышел из строя, восстановить дисциплину, утихомирить бунтов, взять под охрану пленных, обеспечить уход за ранеными. Вместе идти пусть и дольше, зато безопасней.

Однако Агафокл настаивает на немедленной отправке сына Волка к Койну. В таких ситуациях главное — выиграть время. Он требует предоставить ему проводника и восьмерых сопровождающих на самых быстрых конях.

Стефан смеется ему в лицо. По всему видно, что он раскусил Агафокла. Тот руководствуется вовсе не высшими соображениями, а куда более примитивным желанием лично доставить знатного пленника в штаб, чтобы сорвать все почести и награды.

— Я не собираюсь спорить с тобой, командиришка, — рычит Агафокл.

— Я с тобой и тем более, — упорствует Стефан.

Ни к чему рисковать столь ценным «трофеем», а уж македонцами, каких придется с ним отрядить, и подавно.

И тут вперед выступает Коста.

— Я готов ехать, — заявляет он.

Это сильный удар. Прямо под дых. Стефан ловит ртом воздух.

— Слушай, писака, — ворчит Флаг, указывая на степь, — эта земля сочится кровью, а не чернилами.

— Что ж, — парирует летописец. — Кровь ничуть не хуже чернил. Ею тоже пишется многое.

Терпение Агафокла лопается.

— Эй, стихоплет, если ты отказываешься дать мне людей, поезжай со мной сам. Или кишка тонка?

Мне редко случалось видеть, чтобы Стефан терял самообладание, но тут он просто взвизгивает. Неизвестно, чем бы все кончилось, не удержи его Флаг и Лука.

Так или иначе, Агафокл собирается в путь. Себе в сопровождение он отбирает нескольких даанов, и тут я понимаю — надо решаться. Варвары ненадежны, за ними нужен пригляд. А македонцы держат сторону Стефана, никто не пойдет с Агафоклом.

Мы с Лукой переглядываемся.

Я хочу вызваться ехать, но друг останавливает меня.

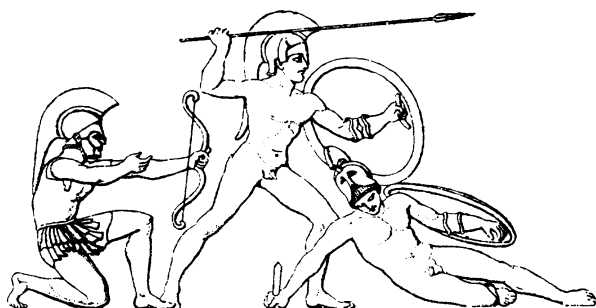
— Ты уже прогулялся за Толло.

Он имеет в виду, что теперь его очередь рисковать головой.

Стефан и рад бы отменить этот бред, но не драться же ему с Агафоклом. Тот все же старше его — и по чину, и по годам. Дааны окружают пленника. Лука проверяет оружие, снаряжение и садится на коня. Агафокл уже в седле. Придержав узду, я засовываю в седельную суму Луки свой теплый шерстяной плащ и мешочек с кишаром и чечевицей.

Лука берет меня за руку.

— Брат, — говорит он, — если со мной что-то случится, расскажи о том правду.

Мы, подгоняя и пленников, и лошадок, через шесть дней оказываемся в торговом селении Габби и присоединяемся к основной нашей колонне. Точней сказать, догоняем осадный обоз: боевые отряды уже ушли на север. Где-то там, как доносят разведчики, между Согдианой и Дикими Землями, Волк собирает племена воедино.

— Похоже, намечается большая пирушка.

Ни Косты, ни Агафокла здесь не видали в глаза, о захвате Спитаменова сына обозники слышат впервые. Вести, похоже, до них вообще не доходят. О чем ни спросишь — никто ни бум-бум.

Мы оставляем пленников в гарнизоне и спешим по военному тракту (точней, по тому, что считается им) за Койном. Сотни мулов, провожая нас равнодушными взглядами, тащат на себе припасы и тяжелое снаряжение.

Как далеко вперед ушел Койн? Этого тоже никто не знает.

А где Спитамен?

Тыловики таращатся на нас с недоумением.

Наши животные слишком утомлены, чтобы выдерживать такой темп. Им нужен день отдыха. Приходится встать лагерем в стороне от тянущегося мимо обоза, прямо на льду, в чистом

поле, притулившись к какому-то холмику. Студеный ветер продувает насквозь, и, чтобы хоть как-то укрыться, мы добьем промерзшую землю — сооружаем из дерна заслон.

Сначала я выковыриваю из земли череп, потом Флаг выкапывает бедренный сустав. Похоже, нас угораздило остановиться на месте захоронения.

Людям это не нравится. Солдаты — народ суеверный.

Спим вповалку вместе с погонщиками мулов. На завтрак вино и замерзшая просяная каша, которой мы делимся с копейщиками из личного царского разведотряда. Те уже три дня без отдыха скачут от Наутаки.

— А сам-то царь где?

— Поспешает, ребята. И собирает всех, кто не прочь подраться.

Копейщики пожирают заледеневшую размазню с волчьей жадностью, прыгают в седла и уносятся дальше, оставив обоз позади.

После полудня мимо проходит наемная кавалерия. Эти слышали, будто Александр со своими «друзьями» проследовал мимо Габи по восточной караванной тропе. Сейчас он уже впереди нас.

Мы решаем поднажать, хотя фуража в наших вьюках почти не осталось. Вообще-то в обозе корма для животных полно, но у обозных мудил снега зимой не допросишься. Послушать, так у них каждый мешок на учете, числится за конкретным подразделением, сам погляди — вот и бирка. Бирками, что ли, нам кормить лошадемок? Степь промерзла насквозь. Копыта, правда, растаптывают верхнюю корку, однако трава под ней все равно жесткая. Проволока, а не трава.

А о Луке ничего не слышать.

Я пытаюсь подыскать этому объяснение. Да и Флаг убеждает меня, что если пораскинуть мозгами, то удивляться тут нечему вообще. Во-первых, в такой людской массе, когда вся армия снялась с места, трудно надеяться наскочить на ребят, видевших тех, кто тебе нужен. Во-вторых, весь этот перепо-

лох, возможно, как раз и свидетельствует о том, что Лука с Агафоклом благополучно добрались до цели. Не исключено, что именно доставленные ими сведения привели всех в движение. А наши герои уже далеко впереди, с авангардом.

Мне очень хочется в это верить. Звучит логично, да и по времени все вроде сходится. Весьма вероятно, что Лука сейчас находится там, где пребывают и Койн с Александром. Купается, так сказать, в лучах славы.

Мы наддаем, но внезапная оттепель умеряет наш пыл. Степь на глазах раскисает. Вьючные мулы вязнут в грязи, подводы десятками застревают. Дорога, более-менее проходимая лишь для бычьих упряжек, выглядит, как распаханная под посев полоса. От всего этого хочется взвыть, тут даже смерть показалась бы избавлением. Право же, лучше сдохнуть, чем опять ночевать в холодной отвратительной жиже.

День десятый и день одиннадцатый неотличимы, как близнецы. Мы плетемся под проливным дождем. Лошади превратились в ходячие скелеты, люди походят на призраков. На двенадцатый день погода опять меняется. Резко холодает, дождь сменяется мокрым снегом, а там и настоящей метелью. Мы переваливаем через какую-то возвышенность, и оказывается, что сборный пункт уже рядом. Обоз сворачивает к разбитому за грядой холмов лагерю, мы направляемся следом.

Лагерь огромен. Палатки, костры, полевые кухни. Обстановка не тыловая, а фронтовая. Тысячи пехотинцев, все наготове, с оружием, причем предназначенным не для стычек, а для большого сражения. Никаких укороченных пик, всюду одни лишь сариссы.

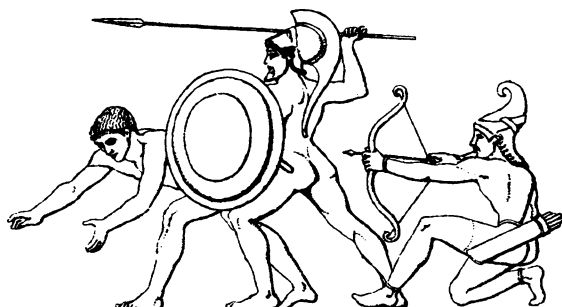
Стефан посылает меня найти кого-нибудь из штаба Койна, надо же доложить о прибытии. Дело практически безнадежное. Лагерь растянулся на мили, кого тут найдешь? Вокруг нас — наемная царская кавалерия. Рядом со скакунами этих парней наши лошадки выглядят собачонками. Прежде чем я успеваю отыскать взглядом хоть одну знакомую физионо-

мию или знамя, к нам прибывает посыльный от ближайшего старшего командира с приказом садиться верхом и строиться. Искать своих некогда, мы временно прикрепляемся к конным наемным частям.

Спорить не приходится, потому что битва состоится не завтра. Она состоится прямо сейчас.

Но где же Лука?

В жизни не видел, чтобы люди так рвались в бой. Двадцать семь месяцев сплошных разочарований сделали маков подлинными безумцами. Их неудержимо тянет крушить черепа. Они просто жаждут превратить всех замужних афганок во вдов.

Под командой Вола мы строимся бок о бок с линией катапульта, равняясь на передки механизмов. Предполагается, что нас должно быть двести пятьдесят шесть человек, но на девяносто первом счет заканчивается. Да провались эти недостающие: пусть там и строятся, где их носит.

Стефан скачет вдоль шеренги, велит разбиться на клинья. Нам вменено поддерживать наемную конницу.

— Не думаю, — замечает Флаг, — что кто-нибудь из этих парней сможет отдавать нам приказы.

Стефан отмахивается:

— На кой ляд тебе эти приказы? Просто делай как они, вот и все.

Мы приданы группировке фригийцев и каппадокийцев. Их различают по шапкам. У одних они заостренные, у других нет. Лопочут эти ребята тоже по-разному, что, впрочем, нас мало заботит.

Мы все равно ни бельмеса не смыслим ни в том ни в другом языке.

Осадив коня, к нам пристраивается Меченый, потом Кулак, потом Рыжий Малыш.

— Тут, никак, свальное гульбище намечается? Еле успели. Рыжий Малыш гогочет.

Наемники формируют из клиньев колонну. Похоже, они знают, что делают. Вооруженные копьями в семь локтей длиной, с полощущимися у наконечников вымпелами, всадники по болотистой узкой низине рысят к высоким, похожим на погребальные курганы холмам. Поле битвы, вернее, то место, которому предстоит стать полем битвы, лежит там — за ними. Мы огибаем один из холмов и оказываемся на открытом пространстве.

Вовсю валит снег. Холод такой, словно нас разом вморозили в лед. Но где же враг? Видимость ухудшается, причем так резко, что фигуры движущихся впереди конников превращаются в почти неразличимые пятна. А на таком ветру, да еще при таком снегопаде, не слышны никакие команды.

Где Александр?

Где Спитамен?

Обычно в столь затруднительных ситуациях меня поначалу охватывает недоумение, сменяющееся чуть позже смятением, перерастающим в страх. Недоумение ощущается и сейчас, однако смятением или страхом не пахнет. Я только озираюсь по сторонам в поисках Луки. Лишь бы с ним все обошлось, лишь бы он был в порядке, все остальное мало что значит.

Мы следуем за наемниками. Колонна отклоняется вправо. Курганы теперь совсем рядом, они нависают над правым плечом. Слева от нас чашей уходит вниз широкая, занесенная снегом долина. Подразделения легкой пехоты одно за одним неторопливо выстраиваются на ближнем к нам склоне. Порой линии спутываются, и солдаты чехвостят друг друга не хуже базарных рыботорговок. Снежная завеса опадает: теперь войска на виду, но со слышимостью по-прежнему плоховато. Поч-

ва под копытами моей лошадки твердая, как гранит, и скользкая, как полированный мрамор.

Впоследствии историки разобьяснят всем желающим, что Спитамен просто не мог не оказаться именно здесь и именно в столь не подходящее для себя время. Что Александр обложил Волка своими опорными пунктами, как флажками, не оставив ему ни убежища, ни пространства для маневрирования. Все это суцая правда. Волка отрезали от баз снабжения, а прятаться и голодать его пылкие союзники не привыкли. Сама мысль о том не могла прийти им по нраву. Массaget без рискованных вылазок и добычи не массaget. Спитамен хорошо понимает, что затяжная тактика уклонения от сражений отвратит от него этих разбойников, а заодно и даанов, и саков. Они рассеются по степи, чтобы уже никогда больше не откликнуться на его зов.

Волк в безвыходном положении. Он должен дать бой. Он знает, что Александр хочет именно этого. Он знает, что Александр делает все возможное, чтобы события не пошли по иному пути. Он также знает, что, как только афганцы выступят на позиции, завоеватель со всеми имеющимися у него под рукой силами тут же ринется к ним.

Что ж, будь что будет.

Битва так битва.

Она, по крайней мере, расставит все по местам.

Колонна наемников, которым мы приданы, поворачивает налево. Мы следуем за ними. Всадники рассредоточиваются за легкой пехотой, образуя у нее в тылу нечто вроде второго фронта. Маневр завершается поворотом «все разом», еще именуемым «лаконийским». Получается это у наемников лихо, как у наездников на скачках, огибающих знаковый столб или камень. Комья земли, взрытой копытами лошадей, летят во все стороны.

— Что тут вообще делается? — кричит мне Меченый сквозь пургу и свист ветра.

— Не бери в голову. Просто повторяй все за этими мудозвонами, — кричу я в ответ, поскольку тоже мало что понимаю.

Довольно внушительные конные силы выстраиваются на ободу снежной чаши позади длинных пехотных шеренг. Наше подразделение теперь оказывается на краю плотного флангового крыла, каппадокийцы с фригийцами прижаты к нам справа. Все придерживают коней. Внизу, в полумиле от нашей позиции, маки уже стакнулись с базами. Сама схватка с высоты не видна, но звуки ее до нас долетают.

Александр бросил вперед, на дно чаши, восемь сотен лидийских и мидийских пехотинцев с двенадцатью сотнями греков (как выясняется позже, тех самых ребят, вместе с которыми мне и Луке довелось плыть из дому). Это приманка, наживка. Спитамен устремляет навстречу макам разворачивающуюся полумесяцем лаву конных даанов и массагетов. Рога этого полумесяца грозят обхватить наших товарищей с флангов. Следуя давней традиции, масса варварской конницы не пытается прорвать сомкнутый пехотный строй, но роится вокруг. Кочевники кружат и вьются около неприятельского скопления, стараясь не приближаться к нему на расстояние броска копья, затем неожиданно устремляются вперед, осыпают наших парней градом копий и дротиков и снова уносятся из-под удара.

Но тут и рядом, и вдалеке звучат македонские трубы. По их сигналу приходит в движение пехота, давно мозолившая нам глаза. Из-под солдатских сапог вздымаются снежные вихри. Пехотный вал, растянутый так, что фланги теряются из виду, катится вниз — к клубящемуся разбойному рою. Стефан верхом на своем Партаксисе (мы порой кличем его Все Путем) выезжает вперед. Он удерживает нас на месте, пока пехотинцы не удаляются на пару сотен локтей, после чего дает знак помаленьку спускаться за ними. Мы и спускаемся, медленно, шагом, чтобы не потоптать месящих грязь вояк. Каппадокийцы с фригийцами действуют в той же манере. Я по-прежнему в толк не возьму, какого рожна мы все это проделываем и что будет дальше. Меченый с Кулаком тоже в этом ни ухом ни рылом. И даже Стефан, будь он хоть сто раз командир.

Между тем это мое первое правильное сражение. Как и всякий другой человек, я с детства слышал немало рассказов о

славных битвах со всеми их трубами, барабанами и развевающими знаменами и в особенности о том несмолкающем упоительном шуме, какой производят постоянно перемещающиеся огромные массы людей и коней. Но, как оказывается, к тому, что творится на деле, все эти описания отношения не имеют. А уж о некоторых деталях разворачивающегося на моих глазах и воистину адского по масштабу безумия действия в них не упоминается вообще.

Шум, конечно, стоит, но не упоительный, а чудовищный, он пугает животных, а даже отменно вышколенных четвероногих (как, замечу, и многих людей) с перепугу обычно проносит. Что повсеместно и наблюдается. Когда все лошади на обозримом пространстве разом начинают опрастываться и мочиться, это, доложу я вам, зрелище, его не забудешь вовек. Над испражнениями клубится пар, едкая вонь забивает дыхание. Кони ржут, бьют копытами: чувствуется, что вот-вот их всех может охватить общая паника, с которой не совладать седокам. Животным ведь очень свойственна стадность. Как, впрочем, и нам.

Из-под копыт летят комья мерзлого дерна. Земля под нами ощутимо подрагивает. Кажется, что через миг вся округа взбрыкнет и пустится в жуткий и нескончаемый пляс.

Между прочим, я командир, пусть и младший. Как-никак у меня под началом восемь парней. Они ждут моих приказаний, но какие уж тут приказы? Мы все, все до единого, захвачены неудержимым потоком, который, того и гляди, понесет нас, как щепки. Захочет — размечет, захочет — опять соберет воедино. Куда помчат кони, туда устремимся и мы.

Пытаться чем-то тут управлять просто глупо. Сам Зевс с его громами не был бы услышан в таком оглушающем грохоте, да хоть бы и был, что с того? Мы, увлекаемые незримым, но неодолимым водоворотом, все равно не сумели бы подчиниться ему. Так что тут говорить о каких-то земных видах власти?

Но (кстати, больше задницей, чем рассудком) я постепенно начинаю осознавать, что задачей чапающей впереди нас

пехтуры является маскировка действий следующей за ней кавалерии. Враг не должен понять, движется ли наша конница, а если движется, то куда и зачем. Внизу продолжается коловращение неприятельских орд. Варвары явно намереваются покончить с окруженными маками, чтобы затем накинуться на приближающиеся подразделения и проделать то же самое с ними.

Сейчас мы находимся на полпути к дну долины и просто дуреем от несущейся снизу и все нарастающей какофонии битвы. Свист стрел, лязг оружия, рев тысяч глоток напрочь лишают нас слуха. Но зрение не подводит. Я вижу, как едущий впереди строя Стефан сближается с командиром наемников, рядом с которым держится знаменосец — юнец не старше пятнадцати лет. Стефан с фригийцем обмениваются парой фраз, и знаменосец высоко вскидывает вверх древко, на котором развевается длинный и узкий малиновый «змей».

Этот сигнал всем понятен без слов.

Следовать к стягу.

Двигаться лишь к нему и за ним.

Наемные конники, только что невозмутимо восседавшие на своих рослых красавцах, начинают их разворачивать, опять перестраиваясь в колонну. Мы повторяем маневр. Могучие скакуны подбираются, переходя с шага на рысь. Лошадки под нами делают то же самое, не дожидаясь наших команд. А когда фригийцы с каппадокийцами разгоняются до галопа, наш арьергард без малейшей заминки подверстывается к их аллюру.

— Дошло, Меченый? — ору я сквозь пелену летящего снега.

Он гогочет, указывая копьём на наемников.

— Делаем как они, вот и все!

Но прежде чем наша колонна уносится вправо, я краем глаза успеваю заметить закованных в металл всадников, неудержимой лавиной мчащихся вниз по противоположному ободу чаши под царской агемой и македонским штандартом со львом. Александр и «друзья». Дрожь земли входит в мою кобылку, пробивая ее от копыт и до холки.

Час настал.

Знаменитой скифской тактике — великому безостановочному кружению конных стрелков — может противостоять только одно — вбитая в это «колесо» «палка». Или, иными словами, боковой сильный удар, способный остановить нескончаемое вращение. Необходимо во что бы то ни стало разорвать круг степняков, прижать их к воде, к пропасти или к скальной громаде. Лишить подвижности, чтобы наша пехота или кавалерия могла сойтись с ними вплотную. Но кочевники знают свою слабину. А еще они знают Дикие Земли и выбирают для боя такие места, где поблизости нет ни реки, ни горы, ни каньона. Прижать их там не к чему, вот в чем загвоздка.

Собственно говоря, нам не к чему прижать их и сейчас, но Александр не желает с этим мириться.

Раз ситуация с удручающей регулярностью повторяется, значит, мы сами должны сыграть для врага роль преграды. Встать перед ним намертво со своими конями. Превратиться в реку, в гору, в обрыв. Вот, оказывается, какова наша сегодняшняя задача! На полном скаку отборные всадники Фригии и Каппадокии вымахивают из-за шеренг наступающих пехотинцев, охватывая двумя крыльями неутомимо вращающийся скифский жернов.

Неожиданно для себя вольные дети степей, привыкшие при малейшей угрозе рассеиваться и опять собираться, оказываются зажатыми между рядами пехоты и отрядами невесть откуда взявшейся кавалерии. Грозный круг стопорится и начинает вихлять, как колесо груженной арбы, налетевшее на неподатливый камень. Наш арьергард не отстает от наемников и в свой черед наскакивает на врага.

Мне, безусловно, было бы в высшей степени приятно здесь описать, как дрогнул под нашим ураганным напором противник и как я лично насадил на копье самого здорового и свирепого дикаря, но, увы, фригийцы с каппадокийцами сделали все, что надо, еще до того, как мы сунулись в бой. Наш клин шел в атаку примерно двенадцатым, и с неприятелем непосредственно сшиблись кавалеристы, скакавшие впереди.

Более, собственно, ничего от нас и не требовалось. Только ударить по Спитаменову «колесу» и по возможности повредить ему «обод», а заодно поломать пару «спиц».

Остальное вершат Александр и «друзья».

Наш царь ведет восемнадцать сотен тяжеловооруженных кавалеристов, успевших в ходе скачки разбиться на девять сияющих клиньев. Этот мчащийся галопом железный таран в считанные мгновения преодолевает оставшиеся две сотни локтей и наносит по стеснившемуся скоплению вражеских конников удар чудовищной силы. Все оказавшиеся на пути клиньев гибнут, оставшиеся в живых — уже не войско, а беспорядочная толпа.

Битва заканчивается так быстро, что это даже разочаровывает. Только что варвары истошно вопили, засыпая наших парней стрелами и дротиками, а миг спустя их уже поражают сариссы не скрывающих своей радости пехотинцев и пронизывают кавалерийские пики. Двенадцать сотен степняков полегло разом, прочие тысячами бросают оружие наземь. Сам Спитамен бежит с поля боя.

Нашему отряду остается лишь отлавливать оставшихся без седоков лошадей. Конские копыта так размолотили мерзлую почву, что дно долины кажется сплошной пашней, по которой прошелся не один плуг. Раненые животные и люди барахтаются в жидкой грязи, уцелевшие враги стоят, вскинув руки. В основном это согдийцы с бактрийцами. Их недавние союзники, саки и массагеты, для которых в войне важна первым делом пожива, воспользовавшись суматохой и ухудшающей видимость вьюгой, захватывают бесхозных животных, швыряют поперек седел женщин, наваливают на них все подвернувшееся под руку барахло и проскакивают в бреши между македонскими подразделениями, чтобы скрыться в бескрайних степях.

Куда ни глянь, всюду мыкаются одинокие лошади. Их очень много. Опьяненные победой маки с гиканьем и улюлюканьем носятся по раскисшему, уже превращенному в однородное месиво полю в надежде прибрать к рукам если не по-

родистого боевого коня, то хотя бы низкорослую горную лошаденку, какая при надобности и поклажу потащит, и на торгах уйдет за хорошие деньги. Я тоже не собираюсь упустить такой случай и прилежно кручу головой. Вдруг круговерть конских морд, крупов и грив словно бы раздается, и в глаза мне бросается что-то белое и родное.

Снежинка!

Моя чудесная боевая кобылка, которой я лишился на Благоносной.

Да разве возможно на огромном поле, в пургу, среди великого множества беспорядочно мечущихся туда-сюда конских тел высмотреть и узнать одну-разъединственную лошадку? Кто в это поверит? Только истинные лошатники. Остальным же скажу, что я не приврал тут ни слова. Все происходит именно так. Я узнаю ее. Это она. Я свищу, что есть мочи. Снежинка стрижет ушами. В один миг я соскакиваю с седла, бегу, хлюпая сапогами, к ней и обхватываю за шею.

Она признает меня, она чувствует мой запах.

Перепополняемый чувствами, я наглаживаю ей морду, хотя где-то в глубине души сознаю, что восторг этого обретения, возможно, призван лишь притупить острую боль пока мне неизвестных, но невозполнимых утрат.

Дорогие друзья, которых я еще не смею оплакивать сердцем, ибо лелею надежду на встречу, знайте, я не хочу вас терять! Я хочу, чтобы вы вернулись ко мне живыми и невредимыми тем же чудесным образом, что и моя несравненная, моя замечательная красавица, которую я уже не чаял увидеть! Ведь она и сейчас могла затеряться среди тысяч других лошадей.

Лишь через некоторое время ко мне возвращается способность воспринимать окружающее. Люди вокруг толкуют о ловкости Спитамена. Кто мог подумать, Волк и в таких обстоятельствах ухитрился удрать! Самые быстрые всадники теперь мчатся за ним, но куда там. А что Александр? Александр здесь. Принимает капитуляцию у бактрийцев с согдийцами.

Кто-то упоминает о сынке Спитамена. Какой-то малый, с виду из штабных вестовых.

Я подскакиваю на месте.

— Где? Когда?

— Ты о чем, парень?

— Ты видел сына Спитамена? Где?

Вестовой машет рукой и отворачивается к пойманной лошади, давая понять, что ему не до меня. Но я хватаю его за плечо, требуя объяснений.

— Полегче, приятель. Я только повторил то, что слышал.

— Так сам ты, значит, его не видел?

— Нет. Но многие видели собственными глазами.

Я в ярости. Как можно болтать о том, чего не видал?

— Слушай, что ты вообще дергаешься? Волк и волчонок задали драла. Это факт. Чего тебе еще надо?

Приятели вестового оттесняют меня от него. Кулак с Рыжим Малышом велят мне без толку не нарываться. Чувствую я себя так, будто меня огрели по кумполу чем-то тяжелым, в голове все гудит. Ведь если Дерб жив, то...

— Матфей!

Призывный голос Меченого перекрывает шумиху.

— Эй, Матфей!

Я поворачиваюсь к нему и вижу еще двоих верховых, едущих снизу, оттуда, где разыгралась схватка. Хоть и холодно, от этих ребят идет пар. Физиономии у них мрачные. Меченый говорит, что они давно меня ищут. Сообразив, что один из этих малых — штабной офицер, я отдаю честь.

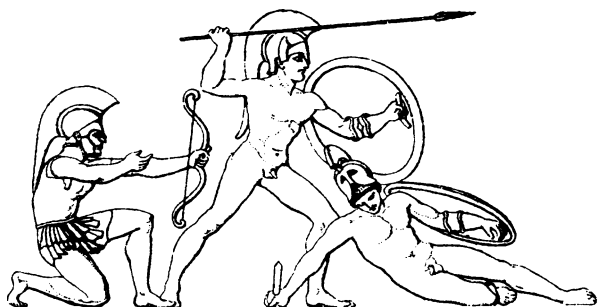
— Ты Матфей, сын Матфея из Аполлонии?

Я отвечаю:

— Так точно.

Физиономия у штабного невесть с чего мрачнее еще пуще.

— Поедешь со мной, — заявляет он. — Прямо сейчас.

Обстановку штабной палатки составляют железная жаровня, три пенька, служащих стульями, и походный стол, на который офицер выкладывает футляр с записями Луки.

— Ты узнаешь это?

Конечно, мне знакома эта истертая кожа, сыромятные ремешки завязок и глубоко впечатавшееся тиснение — грифон, терзающий лося.

— Эй, линейный, оглох? Тебя спрашивают.

Солдаты знают, что иногда сердце останавливается. Ты вроде выпадаешь сам из себя. Приглушается дневной свет, делаются странными звуки. Впечатление такое, будто ты заглядываешь в тоннель. Ничего не видно, однако возникает ощущение чего-то находящегося перед тобой, но в то же время и не тобой, ибо тебя словно бы подменили, а может, опустошили, оставив некую раковину, бесчувственную, как камень.

Однако при всем своем внутреннем онемении я сознаю, что офицер выкладывает на стол шлем и кинжал Луки. За ними следует плащ, тот самый теплый плащ, что я дал Луке перед его отбытием в степь, и мешочек с кишаром и чечевицей. Вид, надо думать, у меня еще тот.

— Прости, — говорит офицер и поворачивается к помощнику. — Дай-ка ему что-нибудь выпить.

Когда штабной отпускает меня, Меченый выкладывает всю историю.

Агафокл, Лука и Коста, сопровождавшие сына Волка, угодили в руки бактрийских разбойников. Связанные, с мешками на головах, они были доставлены в местечко под названием Меловые Откосы, куда собралось множество варваров. Расправились с пленными более чем жестоко. Их еще живых и в сознании пригвоздили к доскам, потом обмазали смолой и подожгли. Затем обугленные тела обезглавили, привязали к афганским лошадкам и таскали по камням, пока останки не развалились на части. Стервятникам мало чем удалось поживиться.

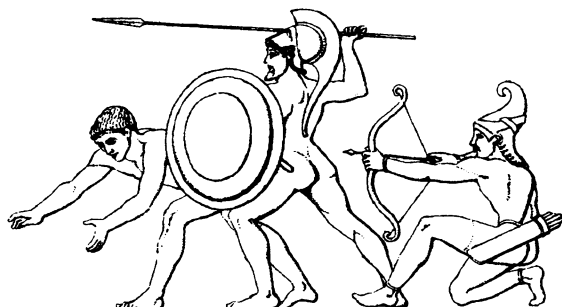
Я спрашиваю Меченого, откуда ему это известно.

— Мерзавцы сами всем этим похвалялись. В своем письме, посланном Александру.

Меченый говорит, что оружие и снаряжение наших товарищей было найдено в одной из захваченных бактрийских кибиток. Там же лежали и черепа. Туземцы ценят такие трофеи.

Наступает ночь. Патрули маков неумоимо несутся по степи в поисках Спитамена, хотя снежный покров испещрен тысячами следов, ничем не отличающихся от прочих. И все же Александр держит войска наготове, чтобы устремиться в погоню, как только Волк будет обнаружен. Отряд Стефана выделен из общего войскового состава. Почему — никто нам не объясняет.

Я не сплю. Не ем. Я пребываю в оцепенении, и если во мне и есть что-то живое, то это неукротимая ненависть к дикарям. Стремление как можно скорее отплатить им за ужасную смерть моего бедного друга.

Но командование держит нас словно в карантине. Вся патрульная группа, участвовавшая в пленении Спитаменова отпрыска Дерда, переведена на оцепленную территорию, что находится в ведении особой государевой службы. В тот же вечер из разбитых там наспех палаток начинают вызывать командиров. Сначала Стефана, потом Флага, потом двух молодых помощников так нелепо погибшего в полевой стычке Леандра. Доходит черед и до сошки помельче, но что происходит, не знает никто. Ушедшие не возвращаются, их, видимо, переправляют куда-то, чтобы они не смогли поделиться полученной информацией с еще не опрошенным людом.

За мной приходят ближе к полуночи. Налетевший буран осыпает лагерь ледяной колючей крупой, иссекающей ткань палаток и ветровых завес. Несносный несмолкаемый шум, холодина.

В шатре, том же самом, где мне предъявили для опознания вещи Луки, меня встречает тот же штабной офицер. Поздравив меня как бойца, внесшего вместе со всем отрядом достойный вклад в достижение славной победы, он сообщает, что я повышен в звании и представлен к награде. Со всеми сопутствующими выплатами.

Отбарабанив все это, офицер достает и кладет передо мной на стол документ.

— Читать умеешь, линейный?

Я поднимаю глаза.

— Самую малость.

Свиток являет собой официальный отчет об операции по разгрому мятежного Спитамена. В основном все написанное в нем правда, кроме того, что касается участи Агафокла, Луки и Косты. Там сказано, что они геройски сложили головы на поле боя.

— Дело было не совсем так, — говорю я. — Точнее, совсем не так.

Град остервенело колотит по крыше шатра. В жаровне угрюмо светятся угли.

Штабист пожимает плечами:

— Все твои приятели это уже подмахнули.

Он тычет пальцем в ряд подписей — Флага, Стефана и других командиров. Отчет заверен и офицерами ставки, и тем же Волом.

— Лука и те двое погибли не в этом бою, а раньше, — возражаю я. — Их захватили, они были зверски замучены.

— Я тебя не спрашиваю, что с ними случилось, — говорит штабист. — Я просто показываю, где тебе следует поставить свою закорючку.

Интересно, с чего это им вдруг понадобилась моя подпись? Я человек маленький. Кого вообще может волновать мое мнение?

— Было распоряжение. Все должны подписаться. Давай, не тани.

Не будь тут так дико холодно, не будь я так дико вымотан, может, мы и пришли бы к согласию. Нарик та? Что теперь это изменит? Но манера, в какой добивался своего штабной хлыщ, заставила меня взбрыкнуть.

Я принимаюсь возбужденно рассказывать, как был захвачен молодой Дерд и как Агафокл настоял на немедленной от-

правке пленника в ставку. Мой друг Лука и летописец Коста добровольно присоединились к конвою, который убыл в ничто.

— Их выследили, поймали, а после замучили. Вот что случилось на деле.

— Так ты не подпишешь, линейный?

— Нет.

Хлыщ смотрит на меня с интересом, затем уходит и возвращается с другим командиром. Рангом повыше. А заодно и с писцом.

Новый офицер держится полюбезнее. Приносят вино, хлеб и соль. Мы беседуем на отвлеченные темы, находим общих знакомых. Кажется, этот малый неплохо знал Илию: он в высшей степени одобрительно о нем отзывается и выражает мне соболезнование в связи с его безвременной смертью.

— Послушай, — говорит он. — Мы с тобой, конечно, знаем, что приключилось с твоим другом Лукой. Я тоже считаю, что столь зверски расправившиеся с ним дикари заслуживают, чтобы их распяли.

— Ну так и надо этого добиваться. Где бы они ни скрывались, я берусь их найти.

Старший офицер, однако, утверждает, что прежде всего следует думать о родственниках погибших.

— Скажи, что за радость доставит такая правда матери или сестре твоего друга? Облегчит ли она их горе? Или, напротив, усугубит? Подумай, каким он будет им вспоминаться.

— Таким, каким был, — отвечаю я.

— Нет, тут ты в корне не прав. Каждый раз с мыслью о нем они волей-неволей станут себе представлять оскверненные, изуродованные останки. Ты этого хочешь, а?

Он подталкивает ко мне пергамент.

— Твой друг был героем, линейный. И пусть близкие помят его таким.

Тут я не выдерживаю. Отталкиваю стул и встаю.

— Сядь! — командует большой чин.

Я стою.

— А ну опусти свою задницу на стул!

Я выполняю приказ.

Но пергамента не подпишу, пусть хоть треснут.

У входа караулят два гирканских копейщика. Они-то и сопровождают меня в складскую палатку, где оставляют одного. Я жду невесть чего, не имея возможности ни с кем перемолвиться словом, но мне видно в щелку, что к старшему офицеру вызывают Меченого и Кулака. По окончании разговора оба топают не обратно, а в лагерь. Время между тем уже позднее. Буран вроде бы унимается, зато на смену ему приходит гиперборейская стужа.

На рассвете меня снова приводят в тот же шатер к тому же большому чину.

— Так вот, — заявляет он мне, — вся эта история засекречена.

Офицер смотрит мне в глаза со значением, словно подчеркивая тем самым мою принадлежность к кругу особо доверенных лиц.

— Командование считает жизненно важным, чтобы никакие сведения об этом отвратительном злодеянии не распространились в армейской среде.

— Но почему?

— Двенадцать сотен бактрийцев с согдийцами вчера сдались в плен. Александр хочет принять их на службу, включить в состав нашей армии. Надо понимать, что за этими сотнями к нам потянутся тысячи. Но если солдаты прознают о дикой расправе, учиненной этими варварами, то...

До меня вдруг доходит.

— Речь идет о мире, — поясняет отечески командир. — О возможности наконец-то закончить эту долбаную кампанию.

А как же хвастливое, издевательское послание, какое бактрийцы отправили нашему государю? Слух ведь о нем неминуемо пройдет по войскам.

— Оно было сожжено сразу же по прочтении. О его содержании известно лишь царским приближенным и тем, кто участвовал в опознании вещей конвоиров.

На боковом столике стоит дымящаяся миска разваренной чечевицы с курятиной. А также вино и ячменная брага. Командир спрашивает, не хочу ли я перекусить.

Я отвечаю, что не голоден.

— Чего ради ты упрямишься, парень? Почему бы, во имя Зевса, тебе тут не подписаться?

Я знаю, что попер в дурь. Что может изменить одна вшивая закорючка?

— Послушай, сынок. Приказ исходит напрямую от Александра. Ты что, не доверяешь нашему государю?

Государю я доверяю.

Но пергамента не подпишу.

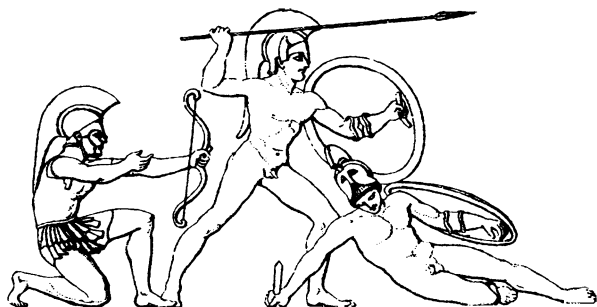
— Неужто ты не понимаешь, как все это важно, сколько человеческих жизней будет сохранено? Если мы заключим мир еще этой зимой, можно считать, что весенняя кампания у нас в кармане.

Я все понимаю.

— Может быть, ты вообразил, будто армия позволит какому-то свинорылому недоумку помешать ей покончить с этой войной?

— Ты, кажется, угрожаешь мне, командир?

— Нет, парень, это я тебя уговариваю.

Утро пока еще в самом начале. Меня вновь отводят мерзнуть в складскую палатку.

Мне, в принципе, ясно, что тревожит командование. Ясны и пути устранения этой тревоги. Домой, в Македонию, будет отправлено ложное сообщение, которое соотечественники безоговорочно примут на веру. Примерно то же огласят в приказе перед войсками, и с этого момента уже никто из свидетелей, подписавших отчет, не сможет объявить его лживым. Бактрийцы с согдийцами будут зачислены в корпус и призовут собратьев и родичей последовать их примеру. Наверное, стратегически это оправданно. Возможно, будь я стратегом, подобный ход пришелся бы мне по душе.

Но я этого не подпишу.

Один из приставленных ко мне стражей — мой давний знакомец. Звать его Полемон, родом он из Аркадии. Хороший парень, я помню его еще по строительству Кандагара.

Полемон приносит мне тайком немного хлеба и полкувшина вина.

— В чем, вообще, проблема? — спрашивает этот малый. — Чего ради ты так упираешься?

Я рассказываю ему о Луке, о том, как много для него значила правда.

— Парень, ты понимаешь, что влез в дерьмо по уши? Эти уроды умеют дожать человека.

Да, это я понимаю.

— Не сомневаюсь, они и про меня что-нибудь сочинят.

— Провалиться мне на месте, парень, если ты тут не прав. Наврут с три короба, а я подмахну. Все мы подмахнем, если скажут.

Я вымотан до предела, но переутомление и перевозбуждение не дают мне заснуть и подремать. Перед моим внутренним взором стоят глаза Луки, мне не уйти от этого взгляда. Значит, надо готовиться к худшему. Другого выхода у меня нет: я просто не могу оскорбить лжесвидетельством память покойного друга.

Через какое-то время в лагере поднимается переполох — отыскался след Спитамена. Сыплются приказы, к полудню намечено выступление. Наше подразделение опять вливается в состав своей части. С ней оно и отбудет. Но без меня.

Пожалуй, сейчас для меня это худшая пытка. Мои друзья будут в рейде. Как я смогу оставаться в тылу?

Поскольку содержимое складской палатки начинают, готовясь к маршу, грузить на мулов, меня вышвыривают оттуда взащей. Я снова оказываюсь в первом шатре, откуда слежу за своими товарищами, торопливо снаряжающимися в дорогу. Это просто невыносимо. Ко мне приставлены новые караульные. Им велено следить, чтобы я сидел смирно, не дергался и держал язык за зубами. Они и следят, но когда Флаг со Стефаном, поравнявшись с моей «темницей», придерживают коней, эти малые тоже не рыпаются. Внутрь шатра подъехавшие вроде не рвутся, а насчет всего прочего караульным приказа никто не давал.

— Не дрейфь, — ворчит Флаг. «Дерьмо это, и ничего больше», — говорит его хмурая ряшка.

Стефан лишь молча постукивает себя по макушке. Что означает: «Не будь таким олухом, олух».

Меня опять переводят на новое место, уже в царскую зону. Теперь моей тюрьмой становится очень просторный шатер, разделенный на несколько секций. Время идет, минует полдень, а я все кисну, томясь ожиданием. Как там, хотелось бы знать, моя лошадка, надеюсь, о ней позаботился кто-нибудь?

Полог отодвигается, и внутри появляется давешний большой чин, но на сей раз не один, а сопровождая совсем уж важную шишку. Персона морщится, всем своим видом показывая, что не имеет намерения тратить свое драгоценное время на всякую ерунду, потом швыряет на стол пергамент и приказывает мне подписать его.

Как же, конечно, уже разбегаюсь!

— Провались ты в Аид! — орет персона, треснув в сердцах кулаком по столу. — Ты что, хочешь сделать меня убийцей?

Я молча стою, руки по швам.

— Позор! — вопит пришлый начальник. — Ты бесчестишь корпус!

Откричавши свое, он выметается.

Давешний командир молчит. Потом жестом предлагает мне сесть. Садится сам. Наливает из кувшина чашу и подает мне.

— Это всего лишь вода.

Я принимаю чашу. Он улыбается.

— Жаль, что твоего брата Филиппа нет в лагере. Мы бы непременно позвали его сюда, может, хоть он бы тебя урезонил.

Мой собеседник присматривается ко мне и качает головой.

— Но ты бы ведь и его не послушался, правда?

Он достает другой документ, кладет на стол и толкает ко мне.

— Это твоя долговая ведомость.

Перечень всего, что я задолжал в армейскую казну.

Он ждет, пока я пробегаю весь список глазами. Впечатляет — тут и стоимость лошадей, и всякие там авансы, подъемные... Много чего. Реестр строк на сорок.

— Это можно порвать.

Появляется еще один пергамент: мой служебный контракт.

— А это можно сократить на год.

Он ловит мой взгляд, смотрит прямо в глаза.

— Ну и наконец, о наличных деньгах. Ты повышаешься в звании. Бронзовый Лев у тебя есть, и я не вижу причин, почему бы не дать тебе Серебряного. А с этой наградой вручаются и два годовых жалованья. Плюс поощрение, плюс пособие ойкос. Девчонку твою заберем в Наутаку: зимой там ей будет теплей.

Он указывает на отчет.

— Можешь и не подписывать сей документ. Просто дай слово, что не станешь оспаривать его содержание. Ни устно, ни письменно...

Ничего не скажешь, предложение великодушное. Но только каждое слово столь расположенного ко мне офицера наполняет меня еще большей яростью. Мысленно я вижу перед собой обгорелые останки Луки, волочащиеся по грязи за каким-то бактрийским ябу.

— Командир, чтобы заткнуть мне глотку, тебе только и нужно, что убить меня.

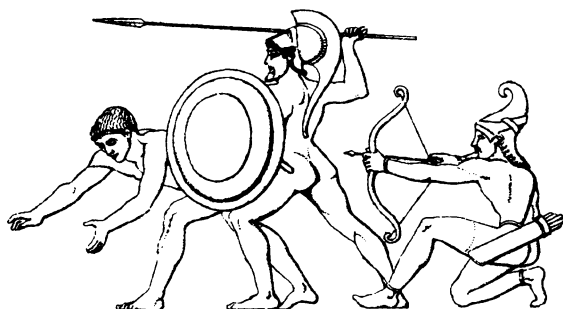
Он вздыхает.

— Да, Зевс свидетель, ты твердый орешек.

Большой чин начинает собирать документы. Сейчас явится стража, и меня уведут.

Шелестит наружный полог. В соседней секции, за перегородкой, слышны чьи-то шаги. Завеса отодвигается, хлынувший внутрь помещения свет омывает замершую на пороге фигуру.

Это Александр.

Офицер вскакивает. Я вытягиваюсь в струну. Царь входит, извиняется за неожиданное вторжение. Признается, что услышал снаружи наш разговор и ему захотелось вмешаться.

— Вольно, линейный.

Александр останавливается передо мной, и я могу его рассмотреть.

На нем простой зимний плащ, никаких доспехов и никаких знаков различия, кроме Золотого Льва на плече, играющего роль застёжки.

— Войска выступают через час, — говорит государь. — У нас мало времени.

Вид у него предельно усталый. Я поражен. В нем, кажется, ничего не осталось от той живой юной энергии, какая переполняла его два года назад, когда он приветствовал нас, новобранцев. Хотя сейчас ему всего двадцать восемь, я вижу сорокалетнего человека. Лицо загрузело от ветра и солнца, в медовые волосы вплетено серебро.

Александр отпускает штабиста и знаком велит мне сесть, хотя сам предпочитает беседовать стоя.

— Мне понятно, что значит потерять друга, — говорит он, — тем более друга, принявшего столь ужасную смерть. Твердость, с какой ты

отказываешься исполнить приказ, который считаешь несправедливым, вызывает у меня уважение, а также я полагаю, что всякого рода посулы в обмен на податливость не могут не задевать твою гордость.

Помещение тесное, не больше восьмиместной палатки, но почти пустое, если не считать стола, трех стульев и подставки для карт и для чертежей.

— Однако и ты в свою очередь постарайся понять, сколь высока сейчас ставка. У нас появился шанс покончить с войной, но этот шанс очень зыбок. Время не терпит. Наши пленники из Бактрии и Согдианы должны получить прощение и свободу как можно скорее, чтобы это было воспринято как жест милосердия и великодушия, а не как политический ход.

Я до глубины души потрясен тем, что наш царь находит возможным и даже необходимым лично разъяснять все эти тонкости самому нижнему из армейских чинов.

— Такова нынешняя война, — говорит Александр. — Славы в ней нет, чести мало, зато не оберешься стыда. Даже победа, «в высоком сиянии коей стираются все злодеянья», как сказано у Эсхила, нам в этом плане не многое даст. Что же тогда остается? Свести к минимуму бессмысленные потери. Множество хороших людей уже погибли, и они будут гибнуть, если мы не заключим сейчас мир.

Он выпрямляется, ловит мой взгляд.

— Обещанные льготы, повышения и награды я отзываю как оскорбительные для твоего воинского достоинства и не стану принуждать тебя к действиям, противоречащим твоим убеждениям. Поступишь так, как велит тебе совесть. В любом случае ты не понесешь никакого наказания — ни сейчас, ни потом. Я распоряжусь. Никто не посмеет преследовать тебя за твою стойкость. Нет чувства благороднее, чем любовь к другу.

Он поворачивается и выходит.

Спустя десять дней, возле круч, именуемых по-скифски Манна Карк, Соляные утесы, под флагом перемирия появляется отряд массагетов. Они вступают в переговоры с авангар-

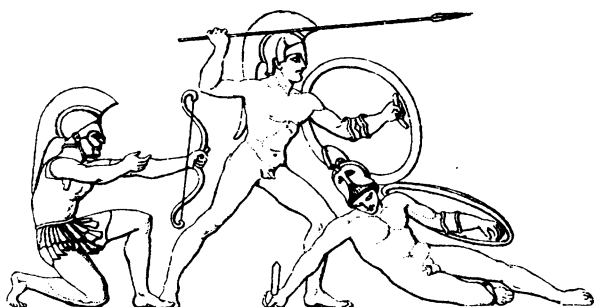

дом сил Гефестиона, составляющих правое крыло наступающего македонского фронта, и сообщают, что у них имеется голова Спитамена.

Заявлено, что этот трофей будет преподнесен Александру, если тот остановит наступление и примет предложение степняков о союзе и дружбе.

Книга восьмая
КОНЕЦ ВРАЖДЫ

Шинар мне открылась.

Она понесла. На этот раз я не дам ей избавиться от плода. Да она и не хочет. Она счастлива. Я тоже счастлив.

Наше подразделение зимует в Наутаке. Это лучшее место из всех, где нам выпадало квартировать. Город расположен на неприступной возвышенности, так что укрепить его не составляло особенного труда, что и было сделано еще до завершения строительства Александрии-на-Яксарте.

К зимнему празднику всем войскам выдают жалованье за истекший период. Мне причитается за семь месяцев плюс царские наградные в два годовых номинала. К тому же я удостоен третьего Бронзового Льва, а ведь этот знак воинской доблести дает не только право на дополнительное годовое вознаграждение, но и возможность уволиться по истечении срока с полной выплатой всех контрактных. Три Льва — это вам не корова наплюхала. А я не дурак, чтобы упустить открывающиеся возможности.

Можно сказать, теперь я обеспечен.

Мы обеспечены.

Мы.

Лучший район Наутаки — это городок землекопов, который тыловики и военные инженеры спланировали и построили для себя. Уж кто-кто, а корзинщики ютиться в палатках не станут. Они и не стали, а возвели сухие, теплые, просторные казармы из камня и дерева, с дощатыми полами и крытыми переходами в нужники.

Когда корзинщиков перебросили поближе к Яксарту, в их городке устроили госпиталь, но потом, в преддверии затяжных холодов, его тоже расформировали. Выздоровевшие вернулись в свои подразделения, а остальных отправили на юг, в Бактру.

Неудивительно, что эти хоромы и теперь не пустуют. Гораздо удивительнее, что разместили в них не кого-то, а нас. Живем как князья. Нам с Шинар достается отдельная комната с окошком и дивной глиняной печкой. Она называется хеф и почти не требует топлива, а жару дает будь здоров. Еще с нами в той же комнате проживают Гилла и Лука, сын Луки. От малыша я в восторге. Мы с ним любим задряхнуть на пару. Спина к спине — так слаще спать. Сначала я все боялся, как бы ненароком не придавить карапуза, но вскоре это прошло. Чуть что не по нем, он так орет — мертвый вскочит. Глотка у него — что у нашего Флага. Прямо готовый полевой командир.

Если у Шинар родится мальчик, мы назовем его Илией.

Женщины застелили для тепла пол коврами, и у нас сразу стало уютней. Соседние комнаты занимают наши товарищи — Кулак и Рыжий со своими подругами, а Флаг со Стефаном, как большие шишки, блаженствуют в отдельных домках.

Признаться, все эти удобства нас даже смущают.

Ну а занятие у солдат на зимовках одно — подготовка к весеннему наступлению. А поскольку теперь я «доделанный» командир (шестнадцать бойцов в подчинении — это вам не какие-то восемь), то меня без конца дергают на различные совещания, как линейного уровня, так и повыше.

Матушке я написал, про Шинар она знает. В кои-то веки решился выложить правду.

Три месяца назад, когда завершалась массагетская операция, наш отряд углубился в Дикие Земли чуть ли не на две сотни миль. Все наши лошади превратились в обтянутые кожей скелеты, а среди нас не было никого, кто избежал бы ранения. Враг отступил, однако на смену ему пришли студеные ветры, а с ними и обморожения. Я лишился двух пальцев на ногах и четырех на руках, включая кончик большого пальца левой руки, но еще легко отделался. Многим пришлось куда хуже. Когда наконец наша полудохлая колонна дотацилась до Наутаки, там меня ждала Шинар. Она отправилась на север одна — сначала добралась до Мараканды, потом до Александрии-на-Яксарте и в конце концов опять вернулась сюда.

Увидев ее, замотанную с ног до головы в поношенное тряпье, среди толпящихся у входных ворот женщин, я понял, что искать другую спутницу жизни уже не буду.

В то время приткнуться нам еще было негде, но корзины уже заложили конюшню. Пусть недостроенная, от ветра она кое-как защищала, и Шинар повела меня прямо туда.

Там, в облюбованном ей закуте, я валюсь на солому и впадаю в беспамятство, а когда пробуждаюсь от жуткого страха, преследовавшего меня все последние дни, вижу, что моя милая обихаживает Снежинку. Моет кобылку, скребет, сушит, бинтует ей ноги, задает зерна, поит свежей водицей.

— Эй, а как насчет меня? — спрашиваю.

— Придет и твой черед, — отвечает Шинар.

Меня обволакивает ее запах, и я засыпаю, сплю, может быть, месяц. Тепло ее тела возвращает мне жизнь. Кажется, за время нашей разлуки она изменилась. Стала другой. Помягчала, оттаяла. Или изменился я сам? Или просто смотрю теперь на нее по-иному?

Гилла — сама чуткость. Мигом смекает, когда нас оставить. Подхватывает дитя и, заявив, что малышу пора подышать свежим воздухом, исчезает.

Как и все женщины, следующие за армией, Шинар знает о планах командования много больше, чем мы, рядовые сол-

даты. По ее словам, весной ожидается полномасштабное наступление. Четверо афганских вождей — Оксиарт, Хорин, Катан и Аустан — не сложили оружия, под их началом сорок тысяч опытных воинов. Сейчас эти силы рассредоточены по крепостям Скифских гор, где с приходом тепла мы и заждем их. Наши передовые отряды уже выступили туда, чтобы отсечь варваров от баз снабжения и перекрыть все выходы из огромной ловушки.

Думать о Луке я не могу, любое воспоминание гоню прочь. Слишком свежа рана, слишком сильна боль — так недолго сломаться.

Одна отрада — его карапуз. Как хорошо, что малыш этот с нами. Мы с Гиллой теперь как родные. Нет ничего, на что я для нее не пошел бы, и, кажется, у нас это взаимно.

О Луке мы не говорим. Ни она, ни я. Может, потом, через год например, эти шлюзы и рухнут, но точно не я возьмусь сбивать с них замки.

Зимы на севере мрачные и суровые. В толк не возьму, как умудряются выживать здешние племена. Сам Александр, глядя, куда его занесло, решил отказаться от своих притязаний на Дикие Земли и закрепить за городом на Яксарте название Александрия Эсхате (Дальняя Александрия). А еще дальше пусть хозяйничают массагеты и прочие вольные скифы. Следует только их сделать союзниками и друзьями, убедив впредь никогда не нарушать с грабительскими намерениями северную границу великой державы.

Тоже хороший план, не хуже всех прочих.

Однажды, когда западный ветер приносит первые вешние запахи, из Мараканды прибывает мой брат Филипп. Он был на юге, в горах, где сносился с Хорином и Оксиартом. Мы дивно проводим вечер — я, Шинар, Гилла, Флаг со своей подружкой и Стефан (который упорно хранит верность оставшейся дома жене).

— Что не дает этим воителям заключить мир? — спрашивает Стефан.

— То же, что держит нас здесь. Гордость.

Филипп говорит, что главное сейчас — найти выход, который позволит обеим сторонам объявить себя победившими. Для афганских вождей это вопрос жизни и смерти: поражения и позора соплеменники им не простят. Осложняет ситуацию и взаимное недоверие между племенами. Каждый туземный властитель боится, что его влияние в послевоенном Афганистане ослабнет, а потому не пойдет ни на какое соглашение, пока не уверится, что его интересы не будут ущемлены.

Но при этом и продолжения боевых действий никто не хочет. Война сильно опустошила страну. По подсчетам Филиппа, мы уже выбили половину здешних боеспособных мужчин (к каковым тут относятся все, кому минуло двенадцать годков и еще не перевалило за восемьдесят).

— Где твоя женщина? — спрашивает Шинар.

Брат смеется:

— Не могу позволить себе такой роскоши.

Шинар явно задумала свести брата с Гиллой, пусть даже для начала на ночьку. Однако Филипп, сообразив, к чему она клонит, деликатно уклоняется от предложения. Тогда Шинар уговаривает его хотя бы побыть с нами подольше. На дворе холодно, да и когда еще свидимся. В результате мы засиживаемся до света.

— Не особенно распространяйтесь, кто вам шепнул, но могу вас порадовать: ожидаются новые выплаты и награды, — говорит брат, уже поднимаясь. — Весной Александр собирается пролить золотой дождь на тех, с кем он провел эту кампанию. Нужно лишь дождаться мира, и двери сокровищницы распахнутся. Кстати, вы собираетесь пожениться? — спрашивает он у нас.

— Ну, если она согласится.

Филипп улыбается, он рад, что мы вместе.

— Но, как бы там ни было, не вздумайте здесь остаться. Армия начнет выискивать добровольцев на поселение, соблазнять большими подъемными и наделами, каких на родине никому не видать. Не поддавайтесь на уговоры. Как только

Александр двинется дальше, сюда опять хлынут дикие племена. Так что советую тебе, Матфей, получить расчет дома. Денег у тебя вдосталь. Хочешь, купи свою усадьбу, хочешь, возделывай матушкину землю в доле с Еленой и Агафоном, они только обрадуются. Поверь, Шинар, это будет совсем неплохо. Мы, маки, не такие уж демоны, во всяком случае, не каждый из нас. Ты получишь все соответствующие права, так же как и твой ребенок.

Шинар сосредоточенно выслушивает его, но делает вид, что все сказанное не имеет к ней ни малейшего отношения.

— Да благословят боги тебя и младенца, которого ты носишь, — с великой нежностью произносит Филипп. — Я знаю, тебе пришлось перенести столько, что нам с Матфеем и не представить. Я рад, что наконец-то ты счастлива. И никогда не смогу в полной мере отблагодарить тебя за те благотворные перемены, что произошли с твоей помощью в моем маленьком брате.

Брат хватил лишнего. Голос его дрожит.

Шинар подходит к нему, берет за руку.

— А сам-то ты как, Филипп? Ты вернешься домой?

— Армия — мой дом, Шинар.

Свет лампы высвечивает седину в волосах высокого, статного и еще весьма привлекательного мужчины. Но в этой красоте много скорби. Я знаю, что лихорадка унесла жизнь его остававшейся дома жены, а сын Филиппа через несколько лет сам отправится на военную службу.

Скольких друзей он потерял, ведомо лишь Небесам. Слова пытающейся разрядить обстановку Шинар о том, что многие женятся и повторно, вызывают у него улыбку.

— Ну кого могу я взять в жены, милое дитя? — вопрошает он с изрядной долей патетики в голосе. — Какая женщина может стать счастлива с таким человеком? Нет уж, я слишком долго таскался к армейским шлюхам, привык к ним, мне с ними хорошо. В том смысле, что там не нужно притворяться, не нужно оправдываться. Ты меня понимаешь? Разве могу я качать на коленях ребенка?

Он снова невесело улыбается.

— Я на войне чуть не с мальчишеских лет, две трети моей жизни прошло в походах. Разве у меня есть другое ремесло? И если дом — это место, где человека дожидаются те, кого он любит, то где же мой дом? Уж не в царстве ли Аида? — Еще одна печальная полуулыбка. — Думаю, я не заставлю их ждать.

— Не говори так, — перебивает его Шинар. — У меня самой была такая манера. Ну и что в ней хорошего?

Она права. Тут не поспоришь, что признает и Филипп.

— Могу ли я вернуться в Македонию? — размышляет он вслух. — Пока был жив Илия, может, да, мог бы. Теперь нет, никогда. Единственное, что удерживает меня на земле, — это вы двое... и то дитя, которое должно у вас родиться. И именно поэтому я говорю вам еще раз: не уподобляйтесь мне. Бегите из этой страны. Сберегите свое счастье, пока это еще возможно.

Наконец, за час до рассвета, Филипп все же прощается с Шинар и выходит из дома. Я выхожу во двор проводить его, и там, под яркими янтарными звездами, он спрашивает:

— А что слышно о ее милых родичах?

Ему известно, что нангвали обязывает родного брата Шинар смыть позор, какой она связью со мной навлекла на их семью, как и то, что пара его двоюродных братьев с превеликой охотой готовы ему в том помочь.

— Все это блеф, они только пугают, — отмахиваюсь я. — Да и в любом случае сейчас эта троица в трех сотнях миль отсюда, на юге, в горах.

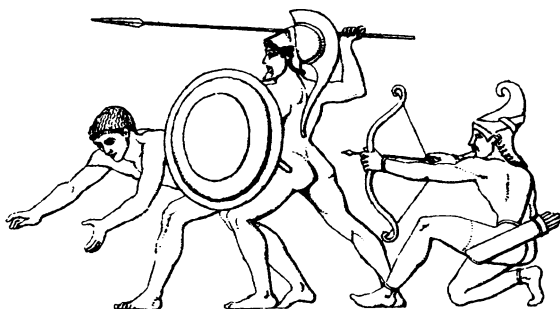
— Не далее как весной мы тоже будем на юге.

Филипп просит назвать ему имена моих недругов, а также имена их отцов.

— Из какого они, кстати, племени?

— Послушай, — урезониваю его я, — зачем тебе это? Я не хочу, чтобы ты лез в это дело.

— А почему нет? — рассудительно спрашивает мой брат.

Наступает весна. Войска Койна перемещаются к горным громадам. Александр с тяжеловооруженными подразделениями уже находится там.

Никогда прежде мир не видел столь грозной и столь хорошо укомплектованной армии. Всю зиму наш царь занимался ее перевооружением, переоснащением и переподготовкой, призванными существенно расширить наши возможности при ведении боевых действий в горах. На смену тяжелым осадным машинам, которые до сих пор транспортировались лишь на подводах, влекомых быками, теперь приходят новые, очень компактные и разборные механизмы, детали которых навьючиваются на мулов. Несмотря на свою неказистость, подобная катапульта способна посылать камни или горшки с горячей нефтью за четверть мили от места ее установки. В обозах везут тонкие бронзовые пластины. Деревянные мантелеты, обитые ими, как вы понимаете, уже не боятся огня. Им нипочем ни кипящее масло, ни горящие угли, ни раскаленный песок. Сформированная с помощью таких щитов «черепаша» позволяет штурмовикам без особого риска подтащить свои приставные лестницы к любой стене. Плотники с кузнецами всю

зиму изготавливали блоки, цепи и ворота, веревочники сплели мили и мили канатов. Механики разработали немало хитроумных приспособлений, таких, например, как облегченные горные лебедки, лишённые прежде считавшихся необходимыми громоздких железных храповиков. Оказалось, что и без них пара этих лебедок, закрепленных за валуны, свободно поднимает в вертикальное положение довольно внушительную осадную башню. Еще недавно военные вылазки в горы ограничивались стычками нашей пехоты с шайками вражеских лучников или пращников, а о каких-то осадных действиях нельзя было и помыслить. Считалось, что провести правильную осаду возможно лишь на равнине. С этим покончено. Теперь досягаемы даже цитадели, угнездившиеся на горных вершинах. Инженерные новшества открывают дорогу самым смелым тактическим изысканиям. Все ненужное моментально отсеивается. Снабженцы, в чьем хозяйстве полтысячи мулов, уже не везут с собой практически ничего, кроме терпентинного масла, которым пропитывают зажигательные снаряды да время от времени смазывают топоры. Все вспомогательные детали вытесываются на месте из горных сосен.

Взятие горных крепостей производится в несколько стадий. Сначала внизу, на равнине, разбивается базовый лагерь, куда в огромных количествах по реке и сухопутными караванами доставляется провиант и все прочее. Потом от этой базы войска выдвигаются вперед и разбивают новый лагерь, на сей раз в предгорьях. Материалы, необходимые для осады, перемещаются ближе к цели. Враг, не будучи в силах помешать этим приготовлениям, скрывается в своих горных твердынях.

Теперь вообразите гору Олимп. Так вот, система укреплений, с которой нам предстоит разобраться, представляет собой нечто подобное.

Десятки квадратных миль сплошных круч с сотнями тайных троп, по которым шныряют одни лишь афганцы.

Первым еще до зимы блокируется так называемый Согдийский Камень. Там, во главе одиннадцати тысяч воинов,

запасшись всем необходимым, засел могущественный туземный вождь Оксиарт. С учетом того, что в крепости имеются незамерзающие источники, она способна обороняться годами. Когда посланцы Александра предлагают Оксиарту сдаться, дикарь поднимает их на смех. Случайно, у македонцев нет крыльев, иначе как же они попадут в цитадель?

Однако смех смехом, а мы продолжаем этап за этапом забираться все выше и уже копошимся под самой твердыней, хотя не прекращаются и переговоры. Считается, будто это великая тайна, однако все о ней знают, все видят, как гонцы Оксиарта так и снуют то туда, то сюда.

— Похоже, — говорит Стефан, — что Александр хочет поставить на одного скакуна.

То есть на одного воителя, которому подчинится Афганистан.

На одного вождя, способного обуздать прочих.

В конце зимы все необходимое поднято наверх. Впереди неприступное укрепление размером с небольшую страну. Северные и южные откосы массива, на котором оно расположено, поросшие редкими сосенками и покрытые осыпавшимся каменным крошевом, слишком круты даже для мулов. Штурм возможен лишь с запада, где крутизна несколько меньше, но это понимает и Оксиарт — все подступы к крепости там намертво перекрыты. С востока картина еще хуже — голый, крутой склон, упирающийся в пяту отвесной скалы, высотой в двести сорок локтей.

Александр созывает молодых воинов и объявляет, что первый, кто заберется на эту скалу, получит дюжину талантов золота. Все остальные тоже не останутся без наград. Шесть сотен добровольцев под покровом ночи атакуют утес, вбивая в еле заметные трещины железные колышки от шатров, к которым они тут же крепят веревки, чтобы за ними могли уже с меньшим риском последовать прочие удалыцы. Многие, струхнув, поворачивают назад, кто-то, сорвавшись, калечится, тридцать семь человек разбиваются насмерть, но три сот-

ни храбрецов добираются до вершины и на шнурах поднимают к себе доспехи и снаряжение. И когда на рассвете варвары видят над собой маков при полном вооружении, им остается только поверить, что воины Александра и вправду крылаты, а сам он, скорей всего, бог. Даже не пытаюсь сопротивляться, они просят о мире.

Правда, выдавший всякое Оксиарт в сопровождении горстки приближенных почитает за лучшее бежать по одной из тайных троп — и бежит, но вывезти обоз ему не удастся. Наши легкие отряды настигают возки и захватывают все — лошадей, припасы, сокровища, а также жену вождя и трех его дочерей.

Про младшую, Роксану, идет слух, что она писаная красавица и что отец дорожит ею как зеницей ока.

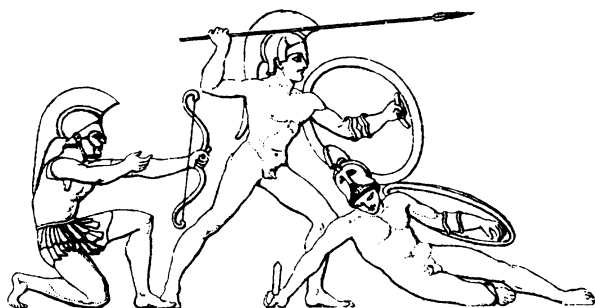
Что сделает с ней Александр?

Убьет? Возьмет в заложницы? Потребует выкуп? Использует как приманку, чтобы влиять на отца?

Но нет, наш царь гениален не только в воинском деле.

Он появляется перед армией бок о бок с плененной девушкой.

И объявляет, что намерен жениться на ней.

Блистательный ход.

Взяв в жены дочь воинственного Оксиарта, Александр без урона для собственного величия словно бы сделает его равным себе. А тот, хочешь не хочешь, станет ему тестем, и обе воюющие стороны автоматически породнятся. Столь крутой поворот порождает немалый переполох. Между нашим лагерем и афганскими биваками носятся нарочные, Филипп тоже бесконечно что-то там утрясает. Армия гудит, обсуждая перспективу скорого мира.

Если, например, Оксиарт решится нанести в Бактру дружественный визит, чтобы лично передать свою доченьку будущему супругу, Александр, несомненно, осыплет его такими сокровищами и наделит такой властью, что это, безусловно, поставит мало прежде кому известного предводителя дикарей на одну доску с самим Аминтой Николаем, наместником Бактрии и Согдианы. Племена, конечно, воспримут сие возвышение как честь, оказанную всем потомкам Афгана, ибо в годы правления Дария так возвеличивались одни только персы. Из всего этого сам собой следует вывод, что кровь патриотов проливалась не зря. Прошедшая через тяж-

кие испытания и вновь снискавшая милость Неба страна наконец обретет своего собственного правителя.

По крайней мере, так это можно будет подать.

Но чей же выигрыш будет бóльшим?

После свадьбы Александр уйдет из Афганистана и уведет свою армию. Оксиатр останется, чтобы, используя свое влияние, поддерживать в беспокойной провинции мир. Местным вождям и царькам обещаются льготы с сохранением за ними всех прежних владений и привилегий. Жаловаться вроде бы не на что никому.

— Нам следует уразуметь простую истину, — втолковывает как-то вечером Филипп мне, а заодно Флагу, Стефану и еще кое-кому из наших ребят, — что в ненормальных войнах нет и нормальных побед. Здешние жители, и мужчины, и женщины, будут сражаться до последнего вздоха, лишь бы не дать нам взять верх над собой. Уничтожать их всех поголовно и долго, и хлопотно, и не стоит затрат, а идти дальше, оставив за спинами тьму недобитых врагов, невозможно. Однако нельзя не признать, что туземцы тоже вымотаны до крайности. При таких обстоятельствах мир нужен всем, но такой, чтобы каждая сторона могла трактовать его в выгодном для себя смысле. Местные варвары, разумеется, ни за что не признают себя покоренными и будут похваляться, что союз заключен под давлением их несомненного превосходства.

Ну и пусть похваляются. Во всяком случае, подкупив здешних разбойников, с одной стороны, и отрезав их от более-менее суверенных сообщников — с другой, а также оставив в ключевых пунктах Афганистана сильные гарнизоны, мы стабилизируем ситуацию настолько, что сможем двинуться в Индию, не страшась за уязвимость своих тылов. Это лучшее, чего сейчас можно добиться. И этого нам достаточно.

Заканчивает свою речь Филипп так:

— Все сводится к вопросу: какой выход из положения хотя бы минимально приемлем? Вероятно, такой, с каким есть

шанс смириться, не уронив собственного достоинства хотя бы в своих же глазах. Как бы там ни было, то, к чему мы приходим, куда предпочтительнее поголовного истребления всех обитателей этой страны.

Итак, на носу долгожданный мир. Македонские войска с облегчением собирают манатки. Все бы хорошо, но у меня есть проблема.

Шинар отказывается выходить за меня замуж.

В честь своего бракосочетания с Роксаной, которое намечено провести в Бактре, во дворце Хорина, наш царь приготовил щедрые дары для тех воинов, что, последовав его примеру, возьмут себе азиатских жен. Эти счастливицы произнесут слова брачного обета одновременно с царственной парой.

Но нас с Шинар среди них не будет.

Это все та же старая песня. Имя ей — ашаара.

— И не проси. Если я что-то для тебя значу, даже не заикайся!

Можно ли вообще понять женщину? Ведь она носит во чреве мое дитя!

— А что ты тогда сделаешь? Уйдешь?

А ведь уйдет. Судя по отчаянию в темных глазах, с нее станется.

— Так ты не отступишься? Так и будешь терзать меня?

— Да! Ты должна объяснить мне все, чтобы я понял. Раз и навсегда.

Она садится, сгорбившись, словно под тяжелой ношей.

— Ты не дашь мне воды?

Я даю ей воды — холодной, с дольками абрикоса, как она любит.

— Ашаара, Матфей, это не просто обычай, это основа всей нашей жизни. Позволив тебе, чужаку и завоевателю, опекать меня, я навлекла позор и гнев наших богов не только на себя, но и на весь свой род. Я стала бенг, бесприютной изгнанницей, и уже никогда не вернусь в лоно семьи.

Меня это возмущает.

— Какая же ты бесприютная, если у тебя есть я? Твой Бог не властен надо мной, а когда брачная клятва соединит нас, Он не будет властен и над тобой.

Она мрачно улыбается.

— Бог... да, может быть. Но не другие.

Она имеет в виду свою родню. Своего брата.

Моя возлюбленная — истинная дочь Афганистана, дитя пустынь, где ей выпало возрастать. Попытаться понять ее — все равно что пытаться вобрать в себя весь этот край с его охристыми горами и небом в клочьях гонимых бурями облаков.

Единственный, кто хоть как-то может влиять на нее, — это мой брат. По заключении мирного соглашения отряд Филиппа первым направляется в Бактру для деликатной подготовки тамошних жителей к грандиозному свадебному обряду. Перед отъездом брат заходит к нам в гости с блюдом багии (бараньих колбасок, зажаренных с чечевицей) и кувшином сливового вина.

Живот у Шинар уже сделался тугим, что твой барабан, постучишь пальцем — звук как у арбуза. Филипп от всего этого просто в восторге. Как дядюшке будущего младенца ему многое дозволяется, например прикладывать к животу ухо. Когда малыш начинает толкаться, и брат, и Шинар заливаются счастливым смехом.

Потом Филипп напускает на себя строгий вид. Он хочет поговорить, в этом доме назрела проблема. И Шинар не отмахивается от него, как отмахнулась бы от меня, а чинно садится и делается серьезной.

Первым делом Филипп заявляет, что Шинар просто обязана выйти за меня замуж. Если уж не из желания как-то упрочить свое положение, то ради блага еще не рожденного малыша.

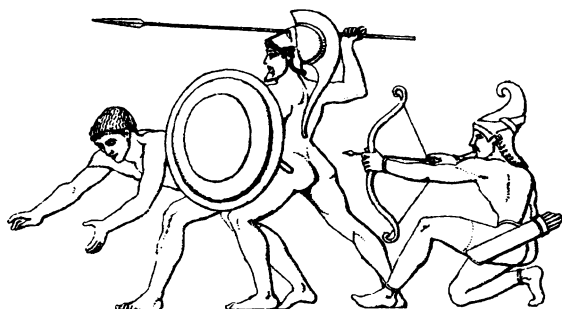
— Пойми, Шинар, теперь ты в ответе не только за себя, но и за того, кому даешь жизнь. Сама понимаешь, в одиночку тебе в этой стране ребенка не вырастить, а ни один афганец

кий мужчина никогда не возьмет в дом жену с македонским отродьем. Здесь у мальчика нет будущего, зато Македония предоставит ему все права. Там твоему сыну — или дочурке, если ты вдруг разродишься девчушкой, — ничего не придется стыдиться. Дети героев у нас, как правило, окружены всеобщим вниманием, да и растут они среди сверстников, чьи матери собраны со всех концов мира.

Он видит печаль на лице Шинар и продолжает:

— Девочка, милая, я знаю: ты считаешь, что Небеса от тебя отвернулись. Может, оно так и было, не знаю, но в наше время все быстро меняется. Да и мне что-то не верится в этукую суровость. Вышние силы все-таки не безжалостны, несчастья, обрушившиеся на вашу страну, должны тронуть их. Свидетельство тому вызревает в твоем чреве. Твои вины, если таковые имелись, уже искуплены твоими страданиями. Бог протягивает тебе руку, Шинар, так прими же ее с благодарностью и без сомнений. Ибо есть ли кощунство большее, чем неверие в милосердие Неба?

Свадьбу Александра с Роксаной, как уже говорилось, намечено провести в городе Бактра, в неприступной крепости на горе Бал Тегриб. Народное празднество по персидскому обыкновению пройдет под открытым небом. Все македонские полководцы и старшие командиры, а также добрая половина афганских царьков, князьков и вождей соберутся отметить это событие во дворце Кох-и-Ваз, резиденции военачальника Хорина.

Флаг собирается уйти в отставку, вернуться домой. С учетом денежных поощрений, всяких накруток, доли в добыче и наградных, полагающихся за трех Львов, двух Серебряных и одного Золотого, ему причитается сумма в двадцать два одинарных годовых жалованья. Он несметно богат.

Я тоже составляю заявку на увольнение. Мне отваяют шесть годовых выплат. Нищим не назовешь и меня.

Четырнадцать сотен маков, нежно поглядывая на своих туземных избранниц, произнесут слова брачной клятвы одновременно с монаршей четой. По слухам, больше половины из этих пар решили остаться в Афганистане. Парням обеща-

ны хорошие должности в гарнизонах афганских Александрий. Начиная, кстати говоря, с Дальней, которая на Яксарте. Кое-кому из счастливиц светят Артакоана, Кандагар, Газни и Кабул. Зато каждый солдат-поселенец может рассчитывать на неплохую усадьбу, а командиры — и на поместья.

— Придурки безмозглые, — бормочет Флаг. — Теперь Македонии им нипочем не видать.

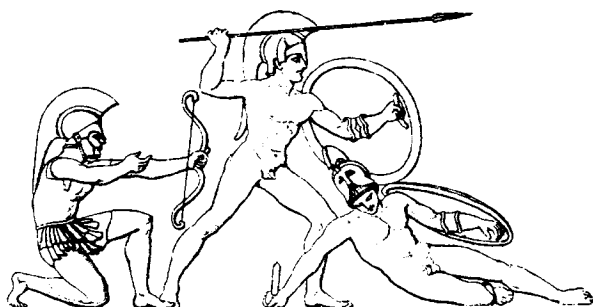
Нет уж, мы с ним не такие глупцы. Посмотреть мир, заработать денег — это одно, но будущее ждет нас дома. Назад мы и не оглянемся.

Правда, хозяйствовать на земле Флаг не хочет. Душа не лежит, а к охоте — лежит. Милое дело — прихватить с собой пару сынишек и гоняться с ними за дичью в холмах. Ну а еще лучше — разводить лошадей.

— Вы с Шинар будете наезжать ко мне каждым летом. И уж конечно, ты станешь уговаривать меня распахать пару тройку полянок, но, клянусь Зевсом, я на то не пойду. Поэтому, парень, даже не трать зря время.

Я вполне серьезно спрашиваю у него, не жалко ли ему расставаться со службой.

— Имел я в задницу эту службу, — отвечает Флаг. — Кому она, на хрен, нужна?

Девятнадцатого артемисия Шинар рождает крепкого, здорового мальчика. Мы, как и решено, называем его Илией. Весит он ровно столько же, сколько мой щит пелта (около семи мин), и как раз помещается в его кожаной чаше. Когда я его купаю, он брыкается и вопит, словно форменный новобранец. У него десять пальчиков на ручонках и ровно столько же на ножонках, а под животиком помещается маленькая розовая штуковина, из которой порой бьет чудесный фонтан. Кажется, мы с Шинар малость сдвинулись на своем первенце и уже, видимо, в прежнее состояние не вернемся. Кстати, волосы у него черные, как и у нас. И похож он тоже на обоих нас разом.

Появление этого маленького сверчка перевернуло всю нашу жизнь. Начать с того, что от моего прежнего отношения к смерти не осталось и духу. Выживать и всемерно беречь свою собственную персону — вот что вдруг сделалось для меня самым главным, ибо только живой я могу быть полезен для этого малыша.

Флаг со Стефаном заходят проведать нового боевого товарища, и он, приветствуя их, тут же делает под себя. Друзья признают, что получи-

лось это у него от души, судя по куче, да и запашок с ног сбивает. Что до меня, то произведи мой отпрыск не то, что он произвел, а, например, новую «Илиаду», я, кажется, не возгордился бы больше.

Мне вовсе не хочется, чтобы он стал солдатом. Пусть лучше займется музыкой или врачеванием. Неплохо также разводить лошадей, возделывать землю.

Да, я изменился. Но это все мелочи в сравнении с тем, как преобразилась Шинар. Она теперь — мать, что будит во мне самые благоговейные чувства. Я просто мечтаю увидеть ее в Аполлонии, судачащей с моей матушкой о своих женских делах или прогуливающейся с Илией по холмам возле нашей усадьбы.

Я знаю, что там, на родине, у моего маленького сынишки есть брат и сестра. Двоюродные. Это чада Елены и Агафона. До чего же славно будет смотреть, как эта троица возится вместе. После родов, когда Шинар и дитя задремали, я откопал среди пожитков сохранившееся каким-то чудом в сумятице трудных дней письмо от зятя.

Вот сижу я сейчас, пишу эти строки и поглядываю на своего сынишку, что резвится себе на солнышке во дворе. Знаешь, брат, собственное увечье так меня оглушило, что и дитя мое стало мне представляться уродом с обрубком вместо ручонки. Увидев здорового, крепкого малыша, я заплакал от счастья. Этот ребенок вернул мне мир.

Спустя шесть дней после рождения маленького Илии в городе проводят предсвадебное торжество Мазар Дар (Новая Жизнь). Оно устраивается в честь царевны Роксаны и мужчин не касается. Обряды этого праздника вершат одни женщины.

Там с Шинар что-то происходит. Что именно, не понять, от нее не добьешься, но она возвращается совсем другой. Возможно, все дело в охах и ахах подружек над новорожденным,

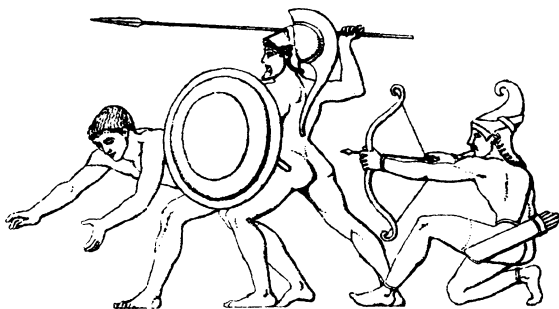
может, во встречах и разговорах со множеством афганских невест, которым в очень скором времени предстоит стать женами греков и македонцев. Чего не знаю, того не знаю. Но в тот вечер, устраиваясь рядом в постели, она вдруг спрашивает:

— Как думаешь, еще не поздно внести наши имена в свадебный список?

— Ты решила за меня выйти?

Моя любовь улыбается:

— Если, конечно, тебя это не пугает.

Мой приятель из тыловой команды по имени Теодор говорит, что эта свадьба обойдется казне дороже, чем любая военная операция последних трех лет. Оксиарт, чтобы почтить дочь, привел с собой всех вождей кланов и маликов со всех территорий от Бактры до Окса, а те притащили всех своих близких в возрасте от шести лет и старше. Другие царьки, чтобы не ударить в грязь лицом, тоже явились с пышными, многолюдными свитами. Свадебным торжествам должен предшествовать праздник Антар Греб (Десять дней всепрощения). В эти дни освобождают узников, прощают долги, улаживают старые распри. Племенные советы заседают денно и нощно, разбирая споры.

И где же вся эта толпа будет спать? Чем кормиться? Только для доставки шатров, способных вместить такую тьму народа, требуются тысячи верблюдов, а сколько мулов — не хочется и говорить. А где брать фураж для всех этих животных? Чем их поить? Еще проблема — в реке Бактр обитают сотни священных выдр.

— Клянусь Гераклом, лучше бы им унести отсюда свои мохнатые шкуры. Поживей да подалее.

Понятно, городу такую прорву гостей не принять, и прибывающие устраиваются сами, как могут. Палаточные лагеря, словно грибы после дождя, растут по берегам реки, избегают по склонам холмов, усеивают Долину Скорби, в кои-то веки не оправдывающую своего угрюмого названия. Портные и сапожники со всех земель к востоку от Артакоаны стекаются на празднество в расчете менее чем за месяц разжиться годовой выручкой. Зазывают, размахивая бритвами, брадобрее, углежоги, пригнавшие двухколесные тачки, продают прямо с них вразвес свой товар. Наперебой расхваливают свои изделия оружейники, медники, шорники, кузнецы и лудильщики. Увечные попрошайки соседствуют с мастерами замысловатой татуировки, тут же толкуются заклинатели змей и темные личности, торгующие всякого рода дурманом. Всюду снуют мальчишки, на чьих спинах побулькивают закупоренные бронзовые сосуды. Горячий чай разливается всем желающим через трубочки, прикрепленные к поясам огольцов. И уж в чем у афганцев нет недостатка, так это в рыбе. Бурую и крапчатую форель из горных ручьев, изловленную умелыми дхутти, держат в воде, в плетеных корзинах, и покупателям она достается живой.

Город забит. Очередные купеческие караваны распаковывают свои тюки прямо там, где встают. На этих рынках можно найти что угодно. Из Мидии везут туфли и безрукавки, из Дамаска — кинжалы, из Парфии — туники и отовсюду — стеганные удобные шапочки, их тут называют аги.

Гадатели, бросив кости, готовы предсказать тебе будущее, астрологам для выполнения той же услуги необходимо учесть расположение звезд. Мелкие украшения — кольца, перстни, браслеты для запястий-лодыжек, ожерелья и бусы соседствуют на лотках с амулетами, талисманами и колдовскими составами. Ну и конечно, полным-полно памятных изображений царственной пары. Они отчеканены на чашах, монетах, медалях, вытканы на коврах, вышиты на платках и шарфах, ими украшены декоративные лакированные подносы.

На каждом углу праздный люд веселят актеры, музыканты, акробаты, жонглеры, фокусники, канатоходцы. Шуты и клоуны непрерывно острят, поэты с надрывом выкрикивают стихи, рапсоды в голос распевают баллады. Там же с важным видом расхаживают и философы, охотно излагающие суть своих заумных учений, и жрецы, восхваляющие своих богов. Я в жизни не видел стольких любителей помолоть языком. Все камни заняты, на каждом — оратор. Слушают даже тех, кто несет откровенную чушь. Не хочешь слушать, ступай к факирам, аскетам и йогам. Те больше помалкивают, но у них есть на что посмотреть. Чего только эти люди не творят со своим телом! Мне запомнился один садху. Он проткнул себе щеки дюжиной шампуров для кебаба, но при этом продолжал улыбаться. Его корзинка мигом наполнилась медяками и черносливом. Маки и базы платят по-разному, но в эти дни одинаково щедро.

А вон, представьте себе, две девицы! Одна глотает мечи, другая, встав на руки, изгибается так, что стучает себя голыми пятками по макушке. Они тоже имеют успех.

Глазеть на них можно, вкушая местный пилав — распаренный рис, подаваемый по желанию с бараньими мозгами, свиными копытами или бычьими яйцами. Тут же торгуют глазами яблоками мертвецов, костями и черепами, а также полосками сыромятной кожи с нанизанными на них клыками различных зверей. Есть ожерелья из человеческих зубов, ушей, пальцев. Все это ходовой и очень ценящийся товар наряду со всевозможными противоядиями, оберегами, приворотными зельями, текстами заговоров, мастиками, благовоениями, притираниями, белилами, румянами и эликсирами от всех хворей. Силу снадобий демонстрируют в действии. Я лично видел, как один малый трижды за день отбрасывал костыли и пускался в пляс, безмерно радуясь очередному «чудесному исцелению».

Из Вавилона прибывают изготовители воздушных змеев, их причудливые творения уже парят на афганском ветру.

Да здравствуют Александр и Роксана! Их бракосочетание обещает стать наиславнейшим праздником со дня рождения Зороастра — и для македонцев, потому что они наконец-то отсюда отвалят, и для афганцев, которые давно этого ждут.

Старейшины местных бесчисленных кланов окружены особым почетом. Всюду звучат призывы к милосердию и примирению, все пронизано духом скорого и, без сомнения, благотворного обновления.

Как я уже говорил, свадьбу играть решено на персидский манер. Всякого рода предваряющие ее церемонии растянутся на четверо суток и достигнут своего апогея к пятому дню, когда состоится главный обряд грандиозного торжества. У персов пять — число любви, оно играет важную роль и в символике местных народов. Желательно, чтобы все было кратно пяти. Пять сотен узников получают прощение, пять тысяч рабов обретут свободу, то же количество свадебных змеев воспарит над дворцом в кульминационный момент, а белых голубей в воздух выпустят вдвое больше.

Слова брачной клятвы будут произнесены на закате, с которого, по персидским понятиям, начинаются новые сутки, а предшествующий тому военный парад планируется провести на равнине в присутствии царственной пары и всех высших военачальников, как наших, так и афганских. Потом жених с невестой, полководцы, вожди и другие сановные лица поднимутся в цитадель для участия в главном обрядовом действе. А уж по его завершении в небо взлетят и змеи, и голуби, что послужит сигналом ко всеобщему ликованию.

Празднование продлится всю ночь и весь день, даже после того как поутру молодые удалятся в покои. Оно не утихнет и с новым днем, какой, по обычаю, следует посвятить щедрости и милосердию. Что же касается нас, служивых, то последняя репетиция марша состоится где-то за пять часов до парада, после чего всех распустят начищать форму, оружие и доспехи. Предполагается, что мы успеем привести себя в лучший вид — умыться, подстричься, подровнять бороды, натереть зубы воском.

За несколько дней до всей этой кутерьмы происходит еще кое-что. Открывается обелиск в память о павших греках и македонцах. Церемония проходит на рассвете. На камне высечены шесть тысяч и девять сотен имен. Все перечислены — Илия, Лука, Толло. По этому поводу Стефан сложил прощальную песнь.

СРЕДИ ТОВАРИЩЕЙ-СОЛДАТ

Среди товарищей-солдат
Мне нет нужды кривить душой.
Среди товарищей-солдат
Могу я быть самим собой.

Среди товарищей-солдат
Мне притворяться ни к чему,
Не нужно цену набивать,
Ведь с ними я прошел войну.

Среди товарищей-солдат
Грехи мне будут прощены.
Какие могут быть грехи,
Когда пришел солдат с войны?

Здесь каждому известен я,
Повсюду верные друзья.
И дом мой там, где всяк мне брат —
Среди товарищей-солдат.

Потом устраиваются поминальные игры, поглазеть на которые собираются толпы людей. Да и от охотников показать себя нет отбою. Настроение торжественное, но не печальное, а приподнятое. Строители и землекопы сооружают ипподром с дорожкой в четыре стадии между поворотными пунктами. Первоначально предполагается, что состязаться там будут только греки и македонцы во избежание всплеска возможного недовольства со стороны афганских старейшин. Участие своих соплеменников в скачках они могут расценить как недопустимое по здешним понятиям почитание павших врагов. Однако игры проводятся в непосредственной близости от

становищ, где группируется не подыскавший себе приюта в городе люд из Бактрии и Согдианы. Среди этих туземцев немало превосходных наездников, которые так и рвутся продемонстрировать свое мастерство, — как же им отказать? В итоге к скачкам допускаются все. Я тоже решаю малость размяться на своей Снежинке, и, кстати, небезуспешно. Один заезд мы выигрываем, во втором приходим третьими, но в конце концов моя вымотанная походной жизнью кобылка сдает, и мы с ней, отказавшись от дальнейшей борьбы, присоединяемся к зрителям.

Стоя с Флагом в очереди к палатке, где принимают ставки, я замечаю знакомую белую бороденку (по-афгански — спингар). Это Аш, тот самый погонщик мулов из Кандагара, который нашел нам женщин-носильщиц для перехода через Гиндукуш.

Я толкаю старого хрыча в бок.

— Клянусь Зевсом, а я, дурень, думал, что всех воров и разбойников засадили в темницы.

Он ухмыляется, скаля редкие зубы.

— Видно, не всех, если ты на свободе.

Мы обнимаемся, как родные. Без шуток. Похоже, правда, что давних врагов объединяет особая близость, перерастающая с годами в дружбу.

— Аш, что тебя сюда привело?

— Мулы, что же еще?

Мы находим местечко потише, чтобы без помех поболтать.

— На сей раз ты, надеюсь, без женщин? — спрашиваю я.

Старик воздевает ладони к небесам.

Флаг рассказывает ему обо мне и Шинар.

— Неужели это все правда? Не верю!

Чтобы заставить Аша поверить, мне приходится призвать в свидетели Небо! Он трясет бороденкой, пытается вспомнить Шинар.

— Которая же это девонька, а?

— Да та, какую ты колотил пуще прочих. Которую я потом выкупил у тебя.

— Храни нас Всевышний!— восклицает он, снова воздевая ладони.— Похоже, эта страна вселила в тебя сумасшествие еще большее, чем я думал.

Флаг сообщает старику о Луке и Гилле, об их ребенке. Аш опечален.

— Славный был малый,— говорит он.— Да упокоится его душа с миром.

Аш остановился в палаточном городке, примерно в миле отсюда, вверх по реке. Там большой лагерь панджшеров.

— Отобедайте со мной, друзья,— предлагает он.

Однако нам приходится отказаться: скоро сеанс предпарадной шагистики. Скука, занудство, но пропускать эти вещи нельзя. Договорившись встретиться позже, мы уже собираемся удалиться, но старый разбойник удерживает меня за руку:

— Ее брат здесь, ты знаешь?

Он имеет в виду брата Шинар. Меня охватывает ужас. Учитывая, сколько тут толчется афганцев, Баз может оказаться сейчас где угодно. Даже в нашем собственном лагере.

— Где? — требовательно спрашивает Флаг.

— Он служит в отряде согдийских копейщиков, приданных войску Гефестиона. Он сам и оба его двоюродных брата.

Аш говорит, что они стоят на равнине, в нескольких милях от города.

— Имей в виду, этот парень и два его родича твердо настроены смыть позор, какой ты навлек на их род. Я сам слышал, как они о том толковали, хотя тогда мне и в голову не приходило, что речь идет именно о тебе.

Я киваю, потом интересуюсь у Аша, насколько серьезны подобные заявления. В какой мере их следует опасаться?

— Молодые парни, горячая кровь, рассудительности в них мало. Теперь поздно думать. Лучше бы ты опасался де-

виц, крепко зажатых в когтях ашаара. Разве орлы отпускают добычу?

Флаг помалкивает, но ход его тайных дум мне понятен. Надо подкупить старикана, отыскать с его помощью братца Шинар и прикончить. Всего и делов. Мысль, конечно, весьма здравая, и каким-то краем сознания я не могу не одобрить ее. Загвоздка лишь в том, что она в корне противоречит всем положениям македонской филоксении — кодекса, с каким мы сверяемся, строя новые отношения. Нельзя же ведь вот так взять и убить собственного, можно сказать, свойственника — фактически дядюшку только что народившегося малыша?

«Кроме того, — думаю я, — возможно, Небо посылает мне шанс».

— Нынче ведь у вас Дни всепрощения, Аш?

Аш подтверждает это и говорит, что Дни всепрощения объявляются по особым случаям, очень редко, между ними, как правило, многолетние перерывы. Я поворачиваюсь к Флагу.

— Мы уже виделись с этими малыши, помнишь? Тогда брат Шинар вроде не слишком-то рвался мне мстить. Кровопролитие ему не по сердцу. Думаю, он ухватится за возможность покончить с враждой.

На самом деле мою надежду завершить миром всю эту историю подпитывает еще кое-что. Мой сын родился девятнадцатого артемисия. У нас дома это День присоединения, годовщина вхождения Аполлонии в Великую Македонию. В моем городке по таким дням над каждым жилищем воздевается львиный штандарт, а улицы заполняются веселящимся людом. Все, как и здесь, прощают друг другу обиды, долги.

Мне это кажется добрым знаком.

Я спрашиваю Аша, что нужно делать.

Он отвечает, что вообще-то положено собрать племенной совет. Клан пойдет на то с радостью. Как упустить развлечение, о котором эти диссар (неотесанные мужланы) потом годами будут чесать языки.

— Вспоминая, как ты распинался, умоляя простить тебя за твои преступления.

— Преступления?! А не пошел бы он в задницу, весь ваш хренов совет? — рычит Флаг.

Но Аш знает, о чем говорит.

— Эти диссар, — поясняет он, повторяя презрительное словечко и подкрепляя его выразительным жестом, — конечно, получают огромное удовольствие, глядя на смиренного и униженного маки, но ведь главное тут не в том. Примирение стоит денег.

Он имеет в виду возмещение за нанесенные оскорбления. Вроде выкупа за кровь, что взимают с убийц.

— У тебя есть эти деньги?

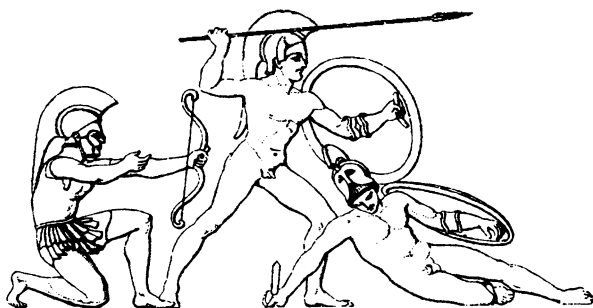
— Ага, — ворчит Флаг. — Старый мошенник интересуется, сумеет ли он погреть руки.

Но меня слова старика ободряют.

— Деньги найдутся, Аш. И для тебя, и для брата Шинар.

В конце концов, для чего вообще нужны деньги? Не для того ли, чтобы приобретать на них то, что тебе нужно, и избавляться от всего, что тебя угнетает, страшит.

— Как скоро мы можем это устроить? — нетерпеливо спрашиваю я.

Джирга собирается в ночь перед свадьбой. Похоже, согнать в одну кучу всех нужных для того дикарей раньше было решительно невозможно, поскольку они тоже готовились к грандиозному военному шествию, что должно предварить брачную церемонию. Нам с Флагом это лишь на руку. И у нас есть дела.

Стефан отпустил меня с сегодняшней отработки парадного шага, так что я смог подать главному распорядителю торжества прошение разрешить мне и Шинар участвовать в общем обряде. Теперь мы с ней, равно как и четырнадцать сотен других смешанных пар, будем соединены узами брака в тот же закатный час, что и Александр с Роксаной, только не в цитадели, а в новом амфитеатре, выстроенном на склоне горы Бал Тегриб, в том самом месте, откуда наш царь обратился к войскам после преодоления громад Гиндукуша.

Мы с Флагом подъезжаем к афганскому лагерю. До захода солнца около часа. Предполагалось, что с нами поедет и Аш, но старый хрыч куда-то запропастился.

Вместо него мы прихватываем одного из наших шикари, седого горца по имени Джерезах,

чтобы тот хотя бы представил кому следует наш дашар — просьбу о допуске на туземную сходку. Увы, Джерезах оказывается не только почтенным, внушающим уважение старцем, но еще и агейлом из долины Панджшер, а с этим кланом пактианы, к которым мы едем, чего-то не поделили. Поэтому в лагерь его не пускают. Тут появляется Аш с таким видом, будто мы где-то болтались, а он, бедолага, все ждал нас и ждал. Он удивляется нашей необязательности и, взывая к разлитой вокруг всепрощенческой благодати, с места в карьер принимается убеждать караул пропустить Джерезаха. Но теперь ерепенится Джерезах.

— Я на этих разбойников за свою жизнь нагляделся, — заявляет он, демонстративно разворачивая лошаденку. — Как они были грязными оборванцами, так и остались.

В результате мы топаем на сходку втроем — я, Флаг и Аш. Похоже, все горные головорезы на сотню миль окрест прослышали о небывалом событии и вознамерились принять в нем участие. Все они крайне дикого вида, все кудлатые, месяцами небритые, зато вооружены до зубов. Гордость каждого — замысловато изукрашенная, искусно свитая плетель. Садясь на корточки, горец опускает ее кончик на землю и начинает легонько покачивать рукоять. Составив кружок, эти люди могут вот так сидеть и молчать бесконечно долгое время. Тишина, только кончики плеток змеятся в пыли, неустанно стремясь к центру круга. Любопытная, доложу вам, картина. Даже, я бы сказал, завораживающая в своем роде.

Сейчас вся толпа подтягивается к жилищу вождя — огромному шатру из натянутых на множество шестов козьих шкур, перед которым устроено что-то типа большого навеса. Сооружение довольно шаткое, но под ним все утопает в коврах, брошенных прямо на землю. Нас проводят к нашим местам, мы садимся. Солнце скрывается за грядой гор, и воздух мгновенно наполняется вечерней прохладой. Аш, скрестив ноги, устраивается справа от меня. Вождь и старейшины сидят напротив, родной брат Шинар со своими кузенами стоит поза-

ди этой бражки. Нас не приветствуют и вообще словно не замечают. Но, по словам Аша, это как раз нормально. В таких непростых обстоятельствах сближение сторон осуществляется постепенно. Пока достаточно и того, что мы здесь. В прямом же общении нужды еще нет.

Вокруг ведутся оживленные разговоры: все, кроме нас с Флагом, толкуют о чем-то своем. Приносят большой медный чан с водой, но не для питья, а чтобы каждый омыл в ней кончики пальцев. Что интересно, споласкивать принято лишь правую руку. Затем звучат восхищенные возгласы — и тут же на двуручной тележке два малых выкатывают откуда-то целую гору риса с бараниной и горохом. Все принимаются с жадностью насыщаться, горстями отправляя угощение в рот. Мы с Флагом тоже пробуем это жирное блюдо, хотя перед выездом основательно подзаправились у себя. Пактианы, как мы уже поняли, народ обидчивый, и нам не хочется сейчас их сердить. Но брат Шинар и его родичи не садятся, не угощаются, а так и стоят, как стояли. Что это значит, понятия не имею. Вид у них надутый и вызывающий, руки скрещены на груди.

Когда гора риса словно по волшебству исчезает (вся трапеза длится минут десять, не больше), собравшиеся, отерев губы, заводят на своем языке разговор о тонкостях ашаара. О том, как в их свете можно взглянуть на проступок Шинар. Я вслушиваюсь, пытаюсь вникнуть в детали столь важного для меня обсуждения, однако, похоже, мои познания в пактианском для этого слишком скромны. Да и высказаться нам с Флагом, опять же, не предлагают, горцы по-прежнему полностью игнорируют нас. Вождю и старейшинам вообще все по барабану, такой, по крайней мере, у них теперь вид. Время идет, общий гомон становится возбужденным. Вспыхнувшая по какому-то поводу перепалка грозит закончиться дракой.

Тут, словно по сигналу, внятому всем, кроме нас с Флагом, спор обрывается, гвалт затихает. Брата Шинар и обоих кузенов вызывают вперед. Они проходят, садятся.

— Томах! — возглашает толмач. — Говори!

Я начинаю говорить, с тревогой вглядываясь в надменные лица.

— Нах! Нах!

Толмач машет рукой. Я смотрю не туда. Мне следует обращаться к вождю.

Я, исправив ошибку, излагаю по-гречески свое дело, Аш переводит. Когда я заканчиваю, обсуждение возобновляется. И снова вождь и старейшины демонстрируют полное равнодушие к происходящему. Остальные галдят, жестикулируют. Порой кто-то встает, удаляется, как я понимаю, чтобы облегчиться, и, вернувшись, снова встречается в неутраченный спор.

Но вот опять наступает внезапная тишина. Баз, брат Шинар, поднимается и берет слово.

По мне, так лучше бы он заходился от ярости, но нет, этот малый суров и невозмутим, как скала.

Речь База тоже обращена не к нам с Флагом, а к старейшинам и соплеменникам. Голос его очень ровен и несколько повышается, лишь когда он указывает на меня, что, впрочем, делается весьма нередко. Моего пактианского хватает, чтобы понять общий смысл монолога. Баз говорит, что он меня ненавидит не столько за нанесенные его роду обиды, сколько за то, что я мак и захватчик, проклятый чужак, к каким по-другому относиться нельзя.

— Не принимай это близко к сердцу, — шепчет мне на ухо Аш. — Таков порядок. Так принято говорить на джирге.

Покончив с формальностями, Баз поворачивается ко мне и с холодной злобой цедит что-то, судя по тону, обличающе-непреклонное. Мне, может быть от волнения, толком удается разобрать лишь три слова: «честь», «оскорбление» и «справедливость».

Баз умолкает.

— А сейчас, — подталкивает меня Аш, — предлагай деньги.

По его совету я начинаю с небольшой суммы, потом постепенно увеличиваю ее, но натываюсь на выжидательное молчание. Предложив фактически все, что накопилось на моем армейском счету, и не получив отклика, я добавляю:

— А еще я отдам свою лошадь.

И тут всех прорывает. Горцы кричат, хлещут по земле плетьюми, легонько стучают от восторга друг друга тыльными сторонами своих правых рук (хлопнуть кого-то просто ладонью или левой рукой считается здесь нешуточным оскорблением). А возле навеса уже пофыркивает моя кобылка, еще миг назад ожидавшая меня у въездной коновязи. Ее тут же обступает толпа рядов в пять. Любопытствующие лезут на спины тех, кому посчастливилось протолкнуться поближе. Эти разбойники знают толк в лошадях, и, судя по их возбужденному гомону, Снежинка пришлась им по вкусу. Я поглядываю на База: он окружен зубоскалящими ровесниками. Это обнадеживает.

— Похоже, эти конокрады в восторге. Небось каждый думает, что их приятелю невероятно свезло, — говорит Флаг.

И впрямь похоже. Молодые наездники от души поздравляют удачливого товарища. Никому из них явно и в голову не приходит, что от такого предложения можно отказаться.

Да, посулить лошадь — весьма ловкий ход. Все горцы алчны, но даже золото при их образе жизни меньше значит для них, чем что-либо, без чего ни один воин не воин. В первую очередь это доспехи, оружие, а главное — боевые лошадки, особенно такие, как моя прелесть, — породистые, обученные и в своей лучшей поре.

Заполучить такую красавицу — все равно что убить сильного, закаленного в битвах врага. Столь же сладостно и столь же трудно.

— Ну что, сделка заключена? — спрашиваю я Аша.

Аш, ведущий по моему поручению дальнейшие переговоры, говорит, что торг завершается, теперь уточняется стоимость сбруи. Пусть забирают, я отдам что угодно, но Аш уве-

ряет, что уступчивость без ритуального препирательства нам повредит, ибо не вызовет ничего, кроме презрения. В конце концов я остаюсь при своем оружии и доспехах. Тоже неплохо. Что у тебя не отнято, то и прибыль.

Между тем весь заседающий люд уже готовится ко второму обжорству.

— Аш,— говорит Флаг,— забрал бы ты нас отсюда к долбаной матери, а?

И то сказать — дело слажено. Братец Шинар отказывается от своих притязаний на мщение в рамках традиций тор и ашаара, согласившись принять в возмещение мою лошадь и прилюдно оговоренный выкуп.

Я хочу поскорей со всем этим покончить. Но сумма, которую я обязался выплатить, чересчур велика, чтобы доставить ее прямо сейчас, да и в наличии у меня нет и десятой части таких больших денег. Мне нужно вытрясти свои кровные из армейской казны, на что, даже если удастся договориться по-доброму с казначеем, уйдет, возможно, вся ночь и все новое утро.

Мы договариваемся встретиться завтра у ворот лагеря пактианов где-то за час до торжественного парада.

Баз не подает мне руки, однако соглашение, как я понимаю, уже одобрено старейшинами и советом.

— Честная сделка,— заявляет по-гречески вождь.

Я смотрю на База.

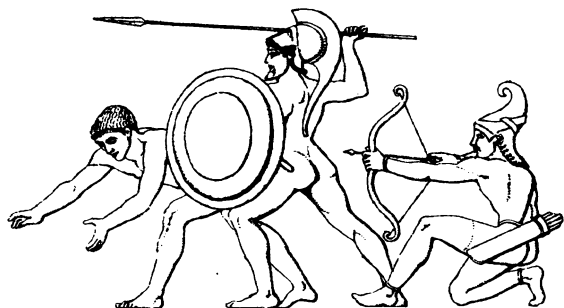
— Ты признаешь это?

— Привози деньги и приводи лошадь.

— Раз между нашими народами теперь мир, то и мы с тобой, может, помиримся?

Но Баз настроен иначе.

— Убирайся из моей страны,— цедит он.— И никогда сюда не возвращайся.

По дороге назад Аш дает мне последние наставления. Я должен обязательно удостовериться, что Баз лично принял и деньги, и лошадь.

— Как только он возьмет в руки уздечку, у него уже не будет права отказаться от своего слова. А до той поры все это лишь сотрясение воздуха.

Сразу по возвращении я отправляюсь к Шинар. Оказывается, ей известно, что брат ее здесь. Она узнала о том на женском празднике, поговорив с двумя девушками из родного села.

— Они, правда, ничего не сказали, но я все поняла по их взглядам.

Встревожена и Гилла. Обе женщины чувствуют себя неуютно и хотят куда-нибудь перебраться. В другое место. Немедленно, прямо сейчас. Они опасаются, что Баз, несмотря на договоренность, может попытаться их выкрасть.

Но куда тут переберешься? Город забит, там даже будки собачьей не снять.

Выручает Стефан. Через своих друзей он ухитряется найти нам приют в лагере конной стражи. Это отдельная огороженная территория, наверное, самая безопасная во всей округе. Там живут только маки, в том числе царские ко-

нюхи, и содержатся лучшие боевые кони, которых, естественно, охраняют и ночью, и днем. Да и потом, если переселение пройдет без шумихи, вряд ли задумавшему недоброе Базу удастся с легкостью отыскать свою жертву в раскинувшемся на мили людском муравейнике среди тысяч и тысяч палаток.

Так-то оно так, только все равно переезд — дело хлопотное и муторное. И завершить его мне удастся лишь за час до рассвета. Женщины с детьми обустроены, однако от усталости и чрезмерного напряжения спать я уже не могу. Да и некогда — ни свет ни заря мне нужно тащиться к войсковым казначеям.

Я как раз одеваю новехонькую тунику, когда появляется Стефан со своим другом, тем старшим командиром, что столь любезно позволил нам разместиться в подначальном ему городке. Он славный малый и обещает присмотреть за Шинар и Гиллой. К шатру даже будут приставлены трое охранников, с тем чтобы двое из них постоянно несли караульную службу.

Ах, я знаю, что этого мало. Мне следует самому здесь остаться. Мне следует пригласить Флага и Кулака, сесть с ними на пороге и не сходить с места до окончания всей этой праздничной кутерьмы.

Но я должен раздобыть деньги.

Должен выполнить взятое на себя обязательство.

Иначе сделка развалится, а меня ждет бесчестье и, может быть, скорый конец.

К полудню мне приходится пересечь город не менее полудюжины раз. Каждый паршивый писец выделяется, как хочет, каждый долдонит свое. Главное военное казначейство закрыто по случаю царской свадьбы и не откроется, пока не пройдут торжества. Нет, казначейство работает, просто не в основном помещении, а в дополнительном, на другом конце Бактры. Да, моя просьба законна, и мне рады помочь, но свиток с моим послужным списком куда-то девался, во всяком случае, на месте его не видать. А контора через двадцать минут закрывается.

С этой царской женитьбой все походили с ума.

Всюду как угорелые носятся портные, прачки, сапожники, чистильщики обуви, шорники, оружейники, брадобрее и прочие мастера наводить красоту — они нарасхват, всем нужны их услуги. Мальчишки-рассыльные бегом разносят чистую, отглаженную одежду и отполированные доспехи. В жизни не видел стольких вояк в столь ухоженном виде. Бронзовые шлемы сверкают, как золотые короны. К реке не пробиться — там купают, мылят, скребут и умащивают лошадей. Те просто обязаны смотреться великолепно. Вдали, в долине, теснятся большие и малые туземные станы. Их, наверное, тысячи, и в каждом из них сотни сидящих на корточках сосредоточенных дикарей чинят одежду, вожат седла, сбрую и начищают до нестерпимого блеска клинки. Ясное дело, при таком скопище люда город мог запросто превратиться в сплошное отхожее место, но отвечающий в нем за порядок Хорин нашел остроумный выход из положения, пообещав платить по медяку за каждую меру нечистот, собранных с улиц и доставленных в его конюшни. В результате все уличные сорванцы буквально дерутся из-за дерьма, обнаруженного ими где-либо, а Бактра сияет, как вылизанная.

Писец роется среди свитков, но моих денежных документов там нет. Зато есть другие. Знаю ли я, что после смерти моего брата Илии мне причитается половина оставшихся на его счету денег? Вторая, естественно, пойдет Филиппу.

Вот оно, спасение!

И я могу получить эти деньги?

Конечно. Дома, в Аполлонии. Через шесть месяцев.

Все кончено. Это крах.

Писцу пора запирать свою лавочку. Однако он оказывается порядочным малым и, когда я, разбитый горем, уже собираюсь уйти, окликает меня:

— Эй, парень, а о царском приданом ты помнишь?

А ведь и правда! Сегодня в честь праздника каждому воину Александра, сочетающемуся браком с туземкой, причита-

ется царский подарок. Золотая чаша. Ее стоимость легко покроеет денежную часть моего выкупа.

Проблема в том, что раздача даров состоится лишь после свадьбы.

— Найди египтянина, — советует писец. — Ростовщика. Кого-нибудь, кто ссудит наличные под залоговое обязательство.

Поиски занимают еще час-другой. Как назло, во избежание беспорядков все лавки и конторы ростовщиков и менял в нижнем городе позакрывались, а доступ в цитадель, где они продолжают работать, разрешен лишь по пропускам с царской печатью. Правда, находятся добрые люди, которые сообщают мне, что самые ушлые обиралы просто переместились на новое место и ведут свои операции на раскладных столиках позади улицы Оружейников.

Я мчусь туда, но в каком-то десятке шагов от желанного пустыря путь мне преграждает процессия почитателей Зороастра. Жрецы и праведники плетутся так медленно, что возле них и улитка сошла бы за торопыгу. Колонна длиннющая, а поскольку ее сопровождает стража с церемониальными булавами, попытка как-нибудь протолкнуться на ту сторону улицы равносильна самоубийству. Однако мне видно, что у столиков ростовщиков топчутся люди, человек двадцать, а то и все тридцать. Значит, надежда получить деньги у меня все же есть. Но к тому времени, когда мне удастся добраться до пустыря в обход клятой процессии, там уже нет никого — ни менял, ни клиентов. Столики убраны, денежки растеклись по чужим кошелькам и карманам. Срочный заем с уговором вернуть вдвое большую сумму, видимо, никого не смутил.

В гвардейский лагерь я возвращаюсь через час после полудня. Гилла и еще две афганских девушки готовят Шинар к ритуальному омовению. Меня не пускают в палатку, и мне это кажется дурным знаком. Впрочем, хорошего так и так мало. Все пропало, денег для База я не раздобыл и уже явно не раздобуду. Весь пропитанный потом и пылью, я понуро сажу

на лавке перед шатром, когда подъезжает Флаг. Кроме мерины, на каком он восседает, с ним еще моя Снежинка и запасная лошадка, чтобы я не пешком возвращался назад. Все животные отчищены и ухожены, бока их лоснятся.

— Деньги нашел?

Я качаю головой.

Флаг достает кожаный кошель и бросает на землю. Там что-то тяжело звякает.

— Бери. И заткнись, — добавляет он, обрывая мои сбивчивые благодарственные стенания. — Я поехал. Вернусь с Кулаком и с Рыжим.

Он имеет в виду, что нас будет четверо.

— Бери побольше оружия, прячь, куда только можно. Вдруг они велют нам разоружиться.

Я киваю.

— Где Аш?

— В лагере пактианов. Во всяком случае, говорил, что будет там.

До места, где мы должны встретиться с братом Шинар и его родичами, минут двадцать езды. Это в обычный день, а при нынешней толчее — вдвое дольше.

Я одеваюсь за пять минут, а потом в ожидании нервно кружу вокруг нашей палатки. Вроде бы, все в порядке. Обещанная стража несет караул, все наши женщины на месте, за исключением Дженин, которая понеслась к прачкам.

Мне вспоминаются наставления Аша. Необходимо, чтобы поводья моей славной кобылки принял сам Баз. Только тогда наш договор войдет в силу.

Только тогда.

Осталось чуть-чуть.

Один поворот, и путь чист, можно жить без опаски.

Флаг возвращается. Кулак и Рыжий Малыш едут следом. Мой товарищ уже готов к свадебным торжествам. Он переделся в парадную форму и даже закутался в длинный, отменно отглаженный плащ. Это несколько не по погоде, зато

под ним можно спрятать что хочешь. Кучу оружия. И оно так и есть.

На случай если Баз со своими кузенами решит что-нибудь учудить, Флаг подвесил под мышкой спартанский тесак, на бедре пристроил афганский кофари и засунул пару метальных македонских ножей за голенища сапог.

Кулак и Рыжий Малыш дожидаются в седлах. Я прощаюсь с Шинар. На дороге до лагеря пактианов у нас уходит около часа. Все пути и проезды забиты пешим и конным людом, строевыми и нестроевыми войсками, а также зеваками, собравшимися поглазеть на шикарную церемонию и хорошенько повеселиться. Нещадно палит послеполуденное афганское солнце. Наконец мы у цели, у тех самых ворот, от которых не далее чем вчера дали поворот нашему незадачливому шикарари.

У входа толкуются кучками пактианы, чуть в стороне расхаживает Аш.

База не видно.

Его братцев тоже.

Я подъезжаю к Ашу.

— Где ее брат?

Вид у старого хрена подавленный, он явно сбит с толку.

— Где еще двое?

— Я так и знал, что они что-то отмочат! — рычит Флаг.

— Аш. Я тебя спрашиваю.

— Не знаю.

— Да что тут вообще происходит?

— Не знаю.

Флаг присматривается к афганцам. Все-то эти разбойники знают. Потому-то и отираются у ворот. Развлекаются, наслаждаясь нашей растерянностью.

Двое головорезов тянутся к морде Снежинки. Я отстраняю их.

— Где Баз? — ору я на дари.

Один из дикарей пытается забрать у меня повод. Флаг выхватывает клинок. Копья Кулака и Рыжего Малыша, мигом пришедшие в положение к бою, заставляют нахалов присмиреть и попятиться.

— Аш! — кричу я. — Что, в конце концов, означает все это дерьмо?

— Матфей!

Флаг указывает на толпу у ворот.

Что там?

Дженин?

Да, там Дженин.

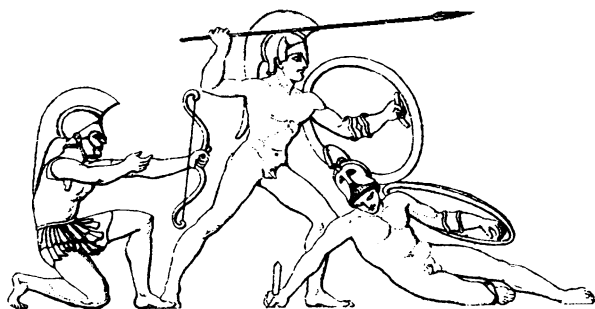
Хитрая, продувная девица. Так вот где она берет дурь.

Дженин видит, что она обнаружена, и пускается наутек, словно заяц. Я пришпориваю Снежинку. Миг — и та переходит в галоп. Флаг летит следом. Девчонка петляет между шатрами. Еще миг... и погоня заканчивается. Мы вязнем в толпе дикарей.

— Эти козлы нас провели! — ревет Флаг. — Выманили сюда, а Шинар с малышом там одни!

Я вижу, как Дженин удирает по лагерной улочке, и в моих ушах звучит вчерашнее предостережение Аша.

«Лучше бы ты опасался девиц, крепко зажатых в когтях ашаара».

Моя плоть клочьями обрывает шерсть с боков бедной Снежинки, ее ребра трещат под ударами бешено колотящих по ним каблуков. Нас провели, как сосунков. Баз перехитрил нас.

Мы с Флагом мчимся по вьющейся вдоль реки улочке назад, к Шинар, к лагерю царской стражи. Напротив горы Бал Тегриб через поток переброшены три моста, все они битком забиты местными жителями и притащившимися на свадьбу гостями. За рекой раскинулось широкое поле, используемое в последние дни как плац для муштры, над ним громоздится массив цитадели. Мы уже видим формирующие парадный строй подразделения. Как нам попасть туда? По мостам не проехать, а река слишком глубока, чтобы надеяться пересечь ее вброд. А если пустить лошадей вплавь, то, во-первых, животным недолго и надорваться, а во-вторых, на дальний берег не так просто выбраться. Все более-менее пологие спуски охраняются цепью постов и гвардейскими конными патрулями. Хорошо, если нас по-доброму перехватят, а не пристрелят прямо в воде, не дав даже назваться. Вот мы и вынуждены нестись полторы лишних мили к тем верхним мелям, через какие перегоняют на заречные пастбища скот.

Когда наши лошади наконец выбираются на другой берег, у них подгибаются ноги. Проселок, ведущий сторону Бактры, раздваивается, одно его ответвление сворачивает к пустоши, заросшей тамариском и окаймленной с дальнего от нас боку лачугами бедноты, а второе (южное) смыкается с трактом, соединяющим Бактру с Драпсакой. Этот тракт упирается в восточные городские ворота, которые представляют собой узкое бутылочное горлышко, всегда, в любой день заткнутое, как пробкой, людской шевелящейся массой. Страшно подумать, что там творится теперь, и потому мы забираем левее, мчась напрямиком к оббегающей нижней город стене. Хотя моя кобылка и вымотана, она наддает и опережает мерина Флага где-то на дюжину корпусов. Мне уже хорошо видны западные ворота, к каким отовсюду стекаются нескончаемые вереницы людей. Я натягиваю поводья, давая Флагу возможность поравняться со мной, и указываю на обвалившийся участок стены.

— Туда!

Перемахнув через низкий заборчик, мы оказываемся в лабиринте городских улочек. Но эти артерии тоже закупорены толпами разодетых веселящихся горожан. Они так счастливы, а я их всех ненавижу! Мы ищем бреши в людских скоплениях и прорываемся сквозь них дальше и дальше, будто штурмовики через вражеский стан, однако вскоре перестаем что-либо понимать. Мы сбиты с толку. Окраина засосала нас, как большое болото. Мы в ней потерялись. Куда нам скакать? Трудно сообразить, но не ждать же подсказки. Все равно не получишь. Кричи не кричи. Одно я знаю — надо держаться проулков, какие идут на подъем. Нужный нам лагерь находится на возвышении. Значит, искать его следует именно там.

Похоже, я оступел. Стал абсолютно бесчувственным, как это бывает в минуту опасности или в бою. Утирая с лица пот, я вдруг замечаю на своей руке кровь. Оказывается, у меня разбита губа, но я ничего такого не ощущаю.

Улицы становятся шире. Какие-то из них перекрыты пропускными пунктами или патрулями, но Флаг орет, чтобы

нам дали дорогу, и мы према дальше. Нельзя даже и представить, чтобы мы сейчас принялись растолковывать, почему и куда так торопимся, каждому недоделанному придурку.

В душе я не перестаю неустанно взывать к другу Стефана, к тому симпатичному офицеру охраны, который пообещал оберегать Шинар и Гиллу. Будь у меня хоть мизерный шанс до него докричаться, я своим ором поставил бы на уши весь этот поганый городок. Будь у меня хоть тень надежды внушить ему что-то усилием мысли, моя башка взорвалась бы от перенапряга.

Но мне остается лишь яростно охаживать плетью бока Снежинки, да и то потом выясняется, что я больше хлестал по собственной правой ноге. И исхлестал ее в кровь.

Каким-то чудом нам наконец удается выехать к лагерю царской стражи. Я уже вижу его, но он почти пуст, если не считать минимального караула.

Все прочие стражники, видимо, заняты на торжествах. Ноздри моей кобылы обметаны красным. Еще немного, и она просто падет подо мной. А Флаг уже спрыгнул со своего измученного скакуна и бежит рядом с ним сзади.

Мы врываемся в лагерь. Проклятье, по периметру ни одного часового! Похоже, здесь оставили одних женщин. Моя кобыла шатается, и я наконец соскакиваю с нее. Может, избавившись от лишней тяжести, она понемногу оправится? Я бегу дальше, таща ее за собой в поводу.

— Флаг!

— Я в порядке.

Он пыхтит рядом со мной, грудь его раздувается, как меха. За шатрами конюхов слышны крики — и я вдруг понимаю, что случилось непоправимое. Мы рвемся вперед с отчаянием обреченных. Вот знакомый конский загон, вот палатка — перед ней толпа причитающих женщин. Они расцарапывают себе щеки, их лица в крови. С ними и тот приятный доброжелательный офицер. Он что-то кричит мне, но что — я не слышу. Вид у него несчастный, потерянный. Рядом стоят двое

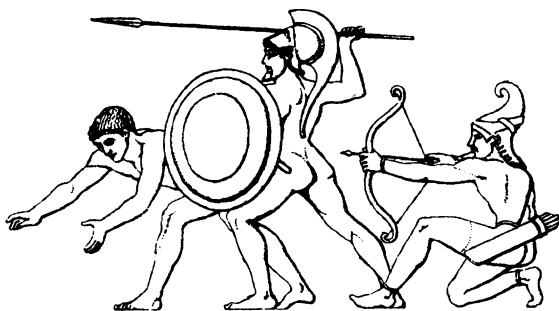
стражников, копье одного обагрено. Другой в испуге и изумлении таращится на меня.

Я огибаю угол и вижу три распростертых в пыли тела. Это Баз с парой своих заносчивых родичей.

Вокруг толпится обслуга. Завидев нас, зеваки прячут глаза.

Я цепляюсь за крохи надежды. Может быть, стражники успели перехватить убийц прежде, чем те добрались до Шинар и до маленького Илии. Потом я вижу Гиллу, вцепившуюся в собственное дитя. И врываюсь в палатку. Флаг отстаёт от меня лишь на шаг. Внутри полно конюхов и солдат.

Армейский сундук, служивший нам столом, перевернут. Напольный ковер смят и задран, словно на нем шла борьба. У сундука лежит женское тело. Земля под ним залита кровью.

Одного взгляда достаточно, чтобы понять — Шинар уже бездыханна. Я ничем не могу ей помочь. Это бой. Я озираюсь в поисках маленького Илии. Младший линейный, чье имя мне неизвестно, негромко меня окликает. Все расступаются, давая мне подойти к нему. Я забираю у служивого сына. Одеяльце насквозь мокрое, словно губка. Краешком пеленки линейный прикрыл личико малыша. Сверток совсем крохотный, как почтовый. Но я держу его на обеих руках.

Потом мне расскажут, что я вел себя будто умалишенный. Оглядываясь назад, я могу с этим согласиться, но тогда... Какое там сумасшествие, когда в голове полная ясность! Предельно понятно, что враги вот-вот явятся снова. Так уж заведено у афганцев. Они наносят удар и бегут, а когда ты уверишься, что с ними покончено, опять нападают.

С моих губ сами собой срываются приказания. Эй, пошевеливайтесь! Отсюда пора убираться! Конюхи изумленно таращатся на меня.

Возле палатки мальчишка-подсобник выгуливает мою кобылку, но я помню, что она загнана и просто повалится, вздумай я снова вскарабкаться на нее. Ноги сами несут меня прочь. Сынишка со мной, я его прикрываю щитом. Позади слышен голос старшего офицера:

— Эй, кто-нибудь, проследите за ним! Его нельзя оставлять одного.

Флаг.

Мой друг догоняет меня. За время нашей бешеной гонки он, как и я, насквозь пропотел, весь в пыли. Это в парадной-то форме. Ах да, конечно, сегодня же свадьба! Мы все расфуфырились, понадевали все лучшее, я, кстати, тоже. Дикость какая-то.

— Куда мы направляемся? — спрашивает Флаг.

Мой друг тоже думает, что я не в себе. Конечно, он будет при мне, проследит за мной и, если понадобится, защитит меня. Но он явно считает, что на меня накатила морок боя.

А я упрямо тащусь вверх по склону горы Бал Тегриб. Лагерь охраны разбит на ее нижнем уступе. Выше его прорыт длинный ров для отвода дождевых вод, к каковому сбегают все ливневые потоки. Русла их в сухую пору служат улочками для района трущоб, всегда очень людного, но сейчас совершенно пустого. Вся беднота отправилась на торжества в надежде попить за дарма или хоть поглазеть, как пирует знать, и прокричать здравницы Александру с Роксаной.

Я поднимаюсь выше и выше. Флаг теребит меня за плечо. Ему все-таки хочется знать, что мы тут позабыли.

— Вот увижу, тогда и скажу, — говорю я, давая понять, что со мной все нормально.

В боевом мороке люди ведут себя по-иному. Они тупеют. Любой пустяк кажется им крайне сложным. Любое действие, даже простейшее, вызывает недоумение. Неимоверно трудно что-либо предпринять. Все ощущения не с тобой. Руки и ноги существуют отдельно. Чтобы не потерять связь с ре-

альностью, приходится напрягаться. Чудовищно. Порой отключается слух. Товарищ, тужась, рвет глотку, пытаюсь до тебя докричаться, ты его видишь, но не слышишь ни звука. И не можешь ответить, ибо нем, словно пень. Бывает, энергия возвращается — и человек начинает действовать: порывисто, отчаянно, но бессмысленно и бесцельно. Скажем, лезет в самое пекло, чтобы спасти уже убитого друга. Объяснять таким одержимым что-нибудь бесполезно: обычно товарищи или командиры унимают их силой. Я знаю, Флаг начинает подумывать, не вырубить ли меня. Но пока не решается. И не решится.

Я сознаю, что Шинар мертва. Сознаю, что ребенок, лежащий на сгибе моей левой руки, тоже мертв. Все понимаю, только вот не могу подавить в себе безудержное желание как-нибудь оживить их. Где-то внутри меня горит безумная вера, что, если я сейчас вывернусь наизнанку, умилюсь, чем смогу, Небеса и отдам взамен свою жизнь, то боги смилуются и опять вдохнут душу в ревностно оберегаемый мной маленький окровавленный сверток.

Я увлекаю Флага за собой, к цитадели, петляя между мазанками и глинобитными сараюшками. Левое мое плечо прикрывает клинообразный кавалерийский пелта. Это, конечно, не громоздкий пехотный щит, но он сделан из дуба, обтянут бычьей кожей и обит бронзой, так что его тоже не прошибешь с кондачка. К тому же пелта очень удобен. Отбросив его на ремне назад, можно надежно прикрыть себе спину, а перекинув вперед, защитить грудь. В таком положении всадник способен отражать копейные или сабельные удары, одновременно управляя конем, ибо поводья намотаны на кулак его левой руки.

И вот теперь под этим щитом я прячу свое бездыханное чадо.

Как долго мы тащимся через трупы? Не знаю. Мы пересекаем улицы и ныряем в проулки. Иногда перебираемся

через заборы или рогатки, порой вынужденно отклоняемся от прямого пути, но в конечном счете продолжаем подъем. Что тянет меня наверх? Тоже не знаю. Может быть, просто инстинкт.

Неожиданно все вокруг накрывает гигантская тень. Солнце закатывается за крепость, и тут же вечернюю тишину разрывают ликующие громовые вопли. Мы слышим бой барабанов с цимбалами, рев труб и рогов. Это шум свадебного торжества. В небо взмывают пять сотен воздушных змеев — я вижу, как они мечутся, возносясь над лабиринтами городских улиц. Флаг, тяжело дыша, хватая меня за плечо. Не для того, чтобы что-то сказать. Предельно измотанный, он просто ищет опоры.

Мы приваливаемся к глинобитной стене и медленно оползаем на землю. Флаг пытается высвободиться, однако улочка слишком узка. Наши ноги сплетаются, но разобрать, где чья, мы не можем. У нас на это совершенно нет сил.

Но я в своем уме и не утратил способности мыслить.

Мне вдруг открывается то, чего я не понимал.

Я наконец сознаю фатальную неизбежность случившегося, о какой всегда знала Шинар. События с самого момента вторжения македонской армии в Афганистан разворачивались по предначертанному сценарию. И все участники этого действия — от База, Аша и Дженин до меня, Флага и Шинар — располагали при этом не большей свободой, чем планеты, вершащие по небу свои дневные и месячные круги.

Над Бактрой плавают свадебные змеи. Они купаются в лучах солнца, мы скрыты в тени. Я гляжу на Флага. Сползая наземь, он подмял кособокий плетень, отгораживающий боковой проулок. Щенок и голый карапуз — ему с годик, не больше — возятся там в дорожной пыли. Выглянувшая из дома молодая мать замечает нас с Флагом, испуганно подхватывает малыша и мгновенно скрывается из виду. И тут я слышу хлопанье множества крыльев.

Голуби.

Белые голуби.

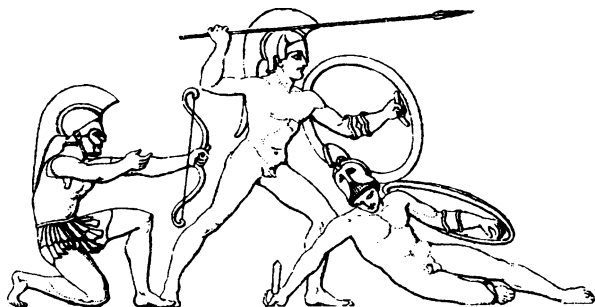
Освещенные закатным солнцем, они сверкающей россыпью драгоценных камней поднимаются в небо, знаменуя союз Александра с Роксаной.

Война окончена.

Эпилог

БОГ АФГАНЦЕВ

К числу самых грустных солдатских занятий относится сортировка невооруженного имущества павших друзей. Ну а когда речь идет о вещах, принадлежавших дорогой тебе женщине или ребенку, на душе делается еще горше.

В конце концов, от Шинар мне досталось немного. Ее туфли (драные пашин, в которых она перебиралась через Гиндукуш) да письмо, посланное мне из Бактрии. Оно написано рыночным грамотеем, чей греческий был куда хуже, чем ее собственный.

Вот это письмо.

Я иду в Мараканду. У Гиллы родился сын. Солдаты убили Дарию за твоего брата. Я принести твою плату. Если ты найти другую женщину, я делать свой путь.

Конечно, я найду другую женщину, если останусь жив. И сама память о Шинар во мне, вероятно, истает. В чем я, однако, отнюдь не уверен. Шинар не из тех, кого можно забыть. Она была лучше меня, отважнее и несравненно мудрее. А виноват во всем только я. Ведь именно моя глупость привела нас к финалу, который она

предвидела и которого так не хотела, в то время как я в своей слепоте с ослиным упрямством тянул ее навстречу року.

Что же до брата Шинар, то я не могу его ненавидеть. Я не могу проклясть даже тот суровый обычай, что повелел ему расправиться с ней. Нас было трое, а в этой державе еще тридцать миллионов таких же, как мы. И покажите мне хотя бы кого-то из этакой прорвы народу, по чьему сердцу безжалостной бороной не прошлась бы война.

Весной, на торжественном построении перед индийским походом, нашему отряду случилось промаршировать мимо варварской конницы, которая оставалась в Афганистане, чтобы под знаменами Александра хранить и оберегать этот край. Там был и эскадрон сородичей Шинар с Базом. Я узнал лица, я видел их на джирге. Так вот, значит, чего мы тут добились? Какого же памятника заслуживает столь выдающееся военное достижение? Те же самые люди под началом тех же самых вождей в тех же самых местах и с теми же целями несут ту же самую службу, только за это им Македония теперь платит деньги!

Снежинку, мою замечательную кобылку, я продал. Что-то у нас перестало с ней клеиться.

Да и насчет отставки я передумал. Решил тянуть дальше армейскую лямку. Завербовался еще на два срока. Опять в пехоту. Почему нет, раз берут с повышением? Нынче я в том же ранге, в каком был Флаг.

А вот мой старый друг и наставник свое прошение не отзывал. Говорит, стосковался по дому. И теперь учить уму-разуму недотеп из нового пополнения приходится мне. Они неуклюжие и глупые, как кутята, и я гоняю их почем зря, вышибая из них весь этот щенячий дух. Иначе нельзя, если хочешь, чтоб сопляки были живы.

Зато со Стефаном мы по-прежнему вместе. Можно сказать, зацепились за один гвоздь. Уж больно ему охота повидать Индию. Он теперь вышел в старшие командиры и богат, как старомакедонский князек, хотя все свои сокровища отсылает домой, а себе оставляет ровно столько, чтобы не беспокоить-

ся о хорошем оружии и доспехах. Его послушать, так ничего больше воину и не нужно.

Наступает последнее утро. Мы, Флаг и я, прощаемся в Долине Скорби.

Он лезет в мою котомку, роется там, выуживает старую шапку Толло, ту самую, с парой кабаньих клыков, и нахлобучивает ее мне на башку.

— Ну вот, совсем другое дело. Так-то оно лучше.

Рядом со мной стоит Гилла. Ее и маленького Луку я принял под свое покровительство. Чтобы парень не рос без мужчины. И вообще он теперь мне вместо сына.

— Солдатом будет, а? — спрашивает Флаг.

Мы ржем. Ясное дело, что бы я сейчас ни сказал, кем же ему еще быть?

В то же утро, но несколько раньше, у меня состоялась еще одна встреча.

Я встал с рассветом и пошел по сумеркам проверять, как формируется вьючный обоз. Гляжу, вдоль колонны галопом скачет Филипп. Он тоже отправляется в Индию, но со штабными частями. Весь такой деловой, озабоченный, однако снисходит до младшего брата. Останавливается, спешивается, осматривает мое снаряжение.

— Ты разбиваешь мне сердце, Матфей, — заводит он свою всегдашнюю песню. И как всегда, чуть ли не со слезами. — Вот вижу тебя здесь и думаю: сбылись мои худшие опасения.

Но тут, хвала богам, спереди доносится шум: голова колонны приходит в движение. Когда македонская армия выступает куда-нибудь в полном составе, походный порядок традиционно определяется заслугами и боевой значимостью корпусов. Место войск Койна, к каким причислен и мой отряд, прямо за гвардией Александра.

Филипп снова садится в седло и уже с высоты протягивает мне руку. Я пожимаю ее.

— Ну, не лезь, куда не надо, — говорит он мне.

— А ты, смотри, не носись сломя голову.

Брат натягивает поводья, пришпоривает коня и сломя голу несется дальше.

На равнине, которую занимал лагерь, виднеются остовы сворачиваемых шестнадцатиместных шатров. Жить в них удобно, но на марше не до удобств. Эти палатки, как и лагерные кухни, с основными силами не отправятся, а потащатся позади, в обозе с тяжелой кладью. В походе солдатам придется спать в бичи из козьих шкур, а пробавляться захваченным с собой провиантом, скоропальными хлебцами и всем, что попадется в дороге. Пойдем мы тем же самым путем, по которому три весны назад спускались с перевала Кавак.

Правда, на сей раз колонна двинется нижними, не столь трудными тропами. Мы надеемся к концу лета выбраться из Кабульской долины и по осени сойти в Пенджаб.

«Сын мой, неужто я потеряла тебя навеки? — пишет моя матушка. — Неужели мне никогда уже не обнять тебя?»

Чем могу я утешить дорогую моему сердцу тоскующую старушку? Как объяснить ей, почему мои ноги уносят меня все дальше от дома? Кем стал бы я по возвращении? Еще одним угрюмым молодым стариком, изломанным войной ветераном, не нужным ни своей семье, ни своей стране, ни себе самому.

Когда-то я мечтал стать солдатом. Теперь я солдат. Правда, несколько не такой, каким хотел быть, но что вышло, то вышло.

Ну вот, пора и нам пошевеливаться. Мы вливаемся в движущуюся колонну. Первый дневной переход никогда не делают длинным, чтобы иметь возможность устранить выявленные недочеты или послать за чем-то забытым.

Шагая мимо вспомогательных подразделений, я замечаю знакомую белую бородачку.

Аш гонит маленький караванчик из двух дюжин мулов. Сейчас их поклажа с обеих сторон вьючных седел приспущена наземь на длинных ремнях. Замечательная уловка. И животные отдыхают, и приторачивать груз заново нет нужды. Подтянул ремни, и в дорогу. Аш научил меня этой хитрости,

а заодно и тому, как добиться, чтобы вьюки не натирали животному спину и шерсть под ними не сбивалась потом в колтуны.

— Говорил же я тебе, маки, что эта дорога заведет тебя далеко.

И правда ведь говорил.

Я останавливаюсь, чтобы позвать старому разбойнику руку.

— Мне жаль, Матфей, что так вышло с твоей той девчонкой.

Я отвечаю его же присловьем:

Бог хоть и слеп, да видит.

Он хоть и глух, да слышит.

— Увидимся в Индии, — говорю я ему, прежде чем присоединиться к своим.

— Если я раньше с голодухи не околею.

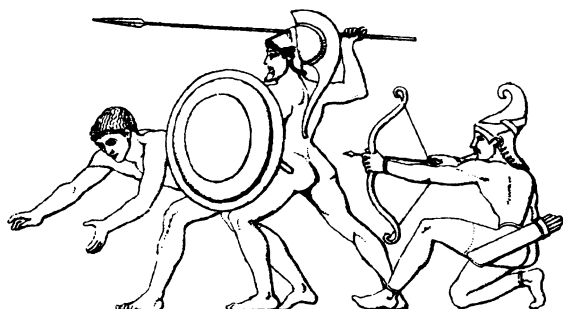
Вдали во всей красе распростерся Афганистан. Массив Гиндукуша, до которого добрая сотня миль, кажется таким близким — протяни руку, и вот он. Но прежде чем мы туда дотащимся, по бронзе и железу наших доспехов будут молотить градины размером с ядра «ручных катапульта», ярящиеся потоки унесут многих наших товарищей, коней и мулов, а палящее солнце обожжет и пропечет нас до крепости тех кирпичей, из каких сложены все лачуги тысяч и тысяч афганских селений. И радость, с которой мы покидаем эту страну, сопоставима лишь с той, что испытывает она, глядя, как мы уходим.

Грешным делом я как-то посмеялся над Богом Аша, а ведь Он нас обставил. Безмолвный, безжалостный, глухой к мольбам, этот Бог не поступился ничем. Однако предпочел поддержать тех, кто, считая себя Его чадами, буквально выжимает по каплям жизнь из бесплодной и каменистой земли.

Я научился страшиться Его, грозного Бога афганцев. И именно это сделало меня настоящим бойцом.

Таким, как они.

БЛАГОДАРНОСТЬ

Особую благодарность автор выражает Ричарду Сильверману и Джоди Хочкинс за вдумчивое изучение текста и ряд дельных советов, капитану Дэвиду Дж. Данело за бесценную перспективу, которую он открыл передо мной как писатель, боевой командир морской пехоты и ветеран Иракской кампании, а также докторам Чарльзу Саласу и Томасу Кроу из Исследовательского института Гетти в Лос-Анджелесе за оказанную мне честь быть причисленным к ученому сообществу института.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Историческое примечание</i>	11
<i>Пролог. АЗИАТСКАЯ СВАДЬБА</i>	15
<i>Книга первая. ОБЫКНОВЕННЫЙ СОЛДАТ</i>	21
<i>Книга вторая. ВОЙНА НОВОГО ТИПА</i>	87
<i>Книга третья. БАКТРИЙСКАЯ РАВНИНА</i>	159
<i>Книга четвертая. ВОЛК ПУСТЫНИ</i>	181
<i>Книга пятая. ЗИМНИЕ КВАРТИРЫ</i>	247
<i>Книга шестая. БОЛЬШОЕ НАСТУПЛЕНИЕ</i>	271
<i>Книга седьмая. ВОЛЧЬЯ СТРАНА</i>	301
<i>Книга восьмая. КОНЕЦ ВРАЖДЫ</i>	353
<i>Эпилог. БОГ АФГАНЦЕВ</i>	407
<i>Благодарность</i>	414

Литературно-художественное издание

ИСТОРИЧЕСКИЙ РОМАН

Стивен Прессфилд

СОЛДАТЫ АЛЕКСАНДРА

ДОРОГА СРАЖЕНИЙ

Ответственный редактор *В. Иванов*

Редактор *Д. Толстова*

Художественный редактор *А. Сауков*

Технический редактор *О. Шубик*

Корректоры *Е. Терскова, М. Ахметова*

OCR - Давид Титиевский, август 2017 г., Хайфа

В оформлении переплета использована репродукция картины художника Johann Georg Platzer (1704—1761): WNA/Global Look Press/Russian Look

ООО «Издательский дом «Домино».

191014, Санкт-Петербург, ул. Некрасова, д. 60.

Тел./факс: (812) 272-99-39. E-mail: dominospb@hotmail.ru

ООО «Издательство «Эксмо»

127299, Москва, ул. Клары Цеткин, д. 18/5. Тел. 411-68-86, 956-39-21.

Home page: www.eksmo.ru E-mail: info@eksmo.ru

Оптовая торговля книгами «Эксмо»:

ООО «ТД «Эксмо». 142702, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное, Белокаменное ш., д. 1, многоканальный тел. 411-50-74.

E-mail: reception@eksmo-sale.ru

По вопросам приобретения книг «Эксмо» зарубежными оптовыми покупателями обращаться в отдел зарубежных продаж ТД «Эксмо»

E-mail: international@eksmo-sale.ru

International Sales: International wholesale customers should contact Foreign Sales Department of Trading House «Eksmo» for their orders.
international@eksmo-sale.ru

По вопросам заказа книг корпоративным клиентам, в том числе в специальном оформлении, обращаться по тел. 411-68-59 доб. 2115, 2117, 2118.

E-mail: vipzakaz@eksmo.ru

Оптовая торговля бумажно-беловыми и канцелярскими товарами для школы и офиса «Канц-Эксмо»: Компания «Канц-Эксмо»: 142700, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное-2, Белокаменное ш., д. 1, а/я 5. Тел./факс +7 (495) 745-28-87 (многоканальный). e-mail: kanc@eksmo-sale.ru, сайт: www.kanc-eksmo.ru

Полный ассортимент книг издательства «Эксмо» для оптовых покупателей:

В Санкт-Петербурге: ООО СЗКО, пр-т Обуховской Обороны, д. 84Е.

Тел. (812) 365-46-03/04. **В Нижнем Новгороде:** ООО ТД «Эксмо НН», ул. Маршала Воронова, д. 3. Тел. (8312) 72-36-70. **В Казани:** Филиал ООО «РДЦ-Самара», ул. Фрезерная, д. 5. Тел. (843) 570-40-45/46. **В Самаре:** ООО «РДЦ-Самара», пр-т Кирова, д. 75/1, литер «Е». Тел. (846) 269-66-70.

В Ростове-на-Дону: ООО «РДЦ-Ростов», пр. Стачки, 243А. Тел. (863) 220-19-34.

В Екатеринбурге: ООО «РДЦ-Екатеринбург», ул. Прибалтийская, д. 24а. Тел. (343) 378-49-45. **В Киеве:** ООО «РДЦ Эксмо-Украина», Московский пр-т, д. 9. Тел./факс: (044) 495-79-80/81. **Во Львове:** ТП ООО «Эксмо-Запад», ул. Бузкова, д. 2. Тел./факс: (032) 245-00-19. **В Симферополе:** ООО «Эксмо-Крым», ул. Киевская, д. 153. Тел./факс (0652) 22-90-03, 54-32-99. **В Казахстане:** ТОО «РДЦ-Алматы», ул. Домбровского, д. 3а. Тел./факс (727) 251-59-90/91. rdc-almaty@mail.ru

Подписано в печать 30.07.2009.

Формат 60х90^{1/16}. Печать офсетная. Бумага офс. Усл. печ. л. 26.0.

Тираж 4000 экз. Заказ № 5636

Отпечатано с готовых файлов заказчика в ОАО «ИПК «Ульяновский Дом печати». 432980, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14

10-09

В -99-00

Солдаты Александра Великого не знали поражений. Великая империя персов пала, покорясь их могуществу и полководческому гению Александра. Но потом на пути в Индию они встретили племена, не признающие своего поражения и вступающие в схватку снова и снова. Народ, чья ненависть к захватчикам была сравнима только с их спокойствием и способностью терпеть лишения.

В «Солдатах Александра» не повествуется о столкновениях полководцев, это рассказ о противостоянии солдат и народа, не желающего покоряться.

ISBN 978-5-699-37610-0

9 785699 376100 >

ЭКСМО